

A 782

Эдгаръ По

262
782
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ,
ГРОТЕСКИ

МОСКВА 1911
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

93190-61

МОСКВА,—1911.

Товарищество типографии А. И. Мамонтова.
Леонтьевский пер., д. № 5.

2010513157

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Дьяволъ на колокольнѣ	1
Сфинксъ	13
Преждевременные похороны	20
Убийство въ улицѣ Моргъ	40
Тайна Мари Роже	88
Украденное письмо	153
Золотой жукъ	181
Нѣсколько словъ съ Муміей	229
Тысяча вторая сказка Шехеразады	252
Четыре звѣря въ одномъ	278
Король Чума	288
Послѣсловіе переводчика	305
Хронологическій списокъ произведеній Эдгара По . .	307

СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ,
ГРОТЕСКИ

ДЬЯВОЛЪ НА КОЛОКОЛЬНѢ.

Который часъ?

Старинная поговорка.

Каждый знаетъ, въ общихъ чертахъ, что самое красивое мѣсто въ мірѣ есть—или, увы, *было*—Голландское мѣстечко Вондервоттеимиттиссъ. Но такъ какъ оно лежитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ какой-либо изъ большихъ дорогъ, находясь, такъ сказать, внѣ путей, быть можетъ лишь немногіе изъ моихъ читателей когда-либо его посѣтили. Для блага тѣхъ, которые *не* сдѣлали этого, будетъ поэтому вполне подходящимъ, если я дамъ о немъ нѣкоторый отчетъ. И это даже чрезвычайно необходимо, ибо, намѣреваясь исторически изобразить злополучныя событія, за послѣднее время произошедшія въ его предѣлахъ, я надѣюсь привлечь къ его жителямъ общественную симпатію. Никто изъ знающихъ меня не будетъ сомнѣваться, что обязанность, мною самымъ такимъ образомъ на меня возложенная, будетъ выполнена съ наилучшимъ примѣненіемъ моихъ способностей, со всѣмъ тѣмъ строгимъ безпристрастіемъ, со всѣмъ тѣмъ тщательнымъ изслѣдованіемъ фактовъ, и внимательнымъ сопоставленіемъ авторитетныхъ источниковъ, которыя должны отличать каждаго, кто стремится къ титулу историка.

При соединенной помощи медалей, манускриптовъ, и подписей, я могу положительно утверждать, что мѣстечко Вондервоттеимиттиссъ существовало, съ самаго начала, совершенно въ томъ самомъ видѣ, каковой за нимъ сохра-

няются въ настоящее время. Относительно даты его происхожденія я могу, однако, къ прискорбію, говорить лишь съ того рода неопредѣленной опредѣленностью, которую математики по временамъ должны вводить въ нѣкоторыя алгебраическія формулы. Дата, могу я такимъ образомъ сказать касательно отдаленности ея древности, не можетъ быть меньшей, чѣмъ какая бы то ни была опредѣлимая величина.

Касательно происхожденія наименованія Вондервоттеимиттиссъ я въ равной, признаюсь съ прискорбіемъ, беспомощности. Среди множества мнѣній объ этомъ деликатномъ пунктѣ—изъ коихъ одни тонки, другія учены, иныя достаточно противоположны—я не могу выбрать ничего, что должно было бы считаться удовлетворительнымъ. Быть можетъ идеѣ Грогсвигга—почти совпадающей съ идеею Краутапленттея—должно отдать осторожное предпочтеніе: — Она гласитъ: — „*Vondervotteimittiss — Vonder, lege Donder—Votteimittiss, quasi und Bleitziz—Bleitziz, obsol. pro Blitzen*“:—*Vondervotteimittiss—Vonder, чимай Donder (громъ)—Votteimittiss quasi и Bleitziz—Bleitziz, устар.: вмѣсто Blitzen (молнія)*“. Это словопроизводство, правду говоря, подкрѣпляется и нѣкоторыми слѣдами электрическаго тока, явными на вершинѣ шпилья на зданіи Ратуши. Я не буду, однако, компрометтировать себя обсужденіемъ темы столь важной, и долженъ отослать читателя, желающаго разъясненій, къ „*Oratiunculae de Rebus Praeteritis*“ Дундергутца. См. также Блюндербудцардъ, *De Derivationibus*, стр. 27—5010, Готическое изданіе, Красный и Черный шрифтъ, Предрѣчія и Безъ Пумераціи;—причемъ обратите также вниманіе на замѣтки на поляхъ въ автографѣ Штуффундпуффа, съ Подъ-Комментаріями Грунтундгуццеля.

Несмотря на темноты, окутывающія такимъ образомъ дату основанія Вондервоттеимиттисса, и словопроизводство его имени, не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ я уже

сказаль, что селеніе существовало всегда такъ, какъ мы находимъ его въ эту эпоху. Старѣйшій человѣкъ въ мѣстечкѣ не можетъ припомнить ни малѣйшаго различія въ видѣ какой-либо части его; и дѣйствительно самый намекъ на таковую возможность почитается оскорбленіемъ. Мѣстоположеніе селенія—совершенно круглая долина, около четверти мили въ окружности, и вся окаймленная невысокими холмами, за вершину которыхъ никто еще не дерзаль переходить. Къ сему они приводятъ весьма хорошій доводъ, что они не вѣрятъ, чтобы что-нибудь вообще было на той сторонѣ.

По окраинамъ долины (которая совершенно ровная, и вся вымощена плоскими черепицами) простирается непрерывный рядъ шестидесяти домиковъ. Упираясь заднею своею частью въ холмы, они фасадомъ смотрятъ, конечно, въ средоточіе равнины, которое находится какъ разъ въ шестидесяти ярдахъ отъ передней двери каждаго зданія. Передъ каждымъ домомъ есть маленькій садъ, съ круговою дорожкой, солнечными часами, и двадцатью четырьмя канустными кочанами. Самыя зданія такъ точно похожи одно на другое, что никакимъ образомъ ихъ одно отъ другого нельзя отличить. Благодаря большой древности, стиль архитектуры нѣсколько причудливъ, но отъ этого онъ не менѣе поразительно живописенъ. Дома выстроены изъ сильно пережженныхъ маленькихъ кирпичей, красныхъ, съ черными краями, такъ что стѣны похожи на шахматную доску въ большомъ масштабѣ. Хребты крышъ обращены къ фасаду, и есть карнизы такіе же толстые, какъ остальная часть дома надъ краями крыши и надъ входными дверьми. Окна узки и глубоки, совсѣмъ маленькія стекла и большія оконницы. На кровлѣ большое количество черепицъ съ длинными ушками завиткомъ. Деревянная часть строенія вся темнаго цвѣта, и по ней много рѣзбы, лишь съ незначительнымъ разнообразіемъ узоровъ; ибо съ незапамятныхъ временъ рѣзчики Вондер-

воттеимиттисса никогда не были способны вырѣзать ничего, кромѣ двухъ предметовъ—часовъ и кочана капусты. Но это они дѣлають чрезвычайно хорошо, и разсѣвають ихъ, съ особою изобрѣтательностью, всюду, гдѣ только находятъ мѣсто для рѣзца.

Жилища такъ же похожи внутри, какъ снаружи, и обстановка составлена по одному плану. Полы вымощены квадратными черепицами, стулья и столы изъ дерева кажуцагося чернымъ, съ тонкими кривыми ножками и собачьими лапками. Каминны большіе и высокіе, и на лицевой ихъ части не только изваяны часы и кочаны капусты, но имѣются и настоящіе часы съ удивительнымъ тиканьемъ, на верхушкѣ въ срединѣ, и съ цвѣточнымъ горшкомъ, содержащимъ кочанъ, который стоитъ на каждомъ концѣ какъ всадникъ. Между каждымъ кочаномъ и часами, кромѣ того, находится маленькій Китаецъ съ большимъ животомъ, въ животѣ большое круглое отверстіе, черезъ которое виденъ часовой циферблатъ.

Очаги большіе и глубокіе, съ дикими искривленно-глядящими каминными таганями. Тамъ всегда жаркій огонь и огромный горшокъ надъ нимъ, полный кислой капусты и свинины, добрая хозяйка дома всегда дѣятельно слѣдитъ за нимъ. Это маленькая жирная старая дама, съ голубыми глазами и краснымъ лицомъ, на ней огромный чепецъ, подобный сахарной головѣ, разукрашенный пурпурными и желтыми лентами. Платье ея—изъ грубаго сукна оранжеваго цвѣта, весьма широкое сзади и весьма короткое въ талии, и по-истинѣ весьма короткое въ другихъ отношеніяхъ, ибо не достигаеть и до середины ея ногъ. Эти послѣднія нѣсколько толсты, и толсты также ея щиколки, но для прикрытія ихъ она имѣеть превосходную пару зеленыхъ чулокъ. Ея башмаки—изъ розовой кожи—закрѣплены каждый бантомъ изъ желтыхъ лентъ, собранныхъ складками, въ видѣ кочана капусты. Въ лѣвой рукѣ своей она держитъ маленькіе тяжелые Голландскіе часы;

въ правой ея рукѣ—большая суповая ложка; чтобы мѣшать кислую капусту и свинину. Около нея стоитъ жирный пестрый котъ, къ хвосту его, потѣхи ради, „мальчишки“ привязали позолоченные игрушечные часики съ повторнымъ боемъ.

Сами мальчишки, числомъ трое, блудутъ въ саду свинью. Ростомъ каждый—два фута. У нихъ треугольныя вздернутыя шляпы, ярко-красныя жилеты, почти достигающіе бедра, штаны изъ оленьей шкуры, красныя шерстяныя чулки, тяжелыя башмаки съ большими серебряными пряжками, и длинныя сюртучныя куртки съ широкими перламутровыми пуговицами. У каждаго, кромѣ того, трубка во рту, а въ правой рукѣ небольшіе пузатые часы. Курнетъ—поглядить, поглядить—курнетъ. Свинья—какая полнотѣла и лѣнива—занята тѣмъ, что она то подбираетъ листья, унавшіе съ кочановъ капусты, то даетъ задней ногою пинка въ золоченныя часики съ повторнымъ боемъ, которые проказники привязали также и къ ея хвосту, чтобъ она была столь же привожей на видъ, какъ котъ.

Прямо передъ входной дверью, въ креслѣ съ ручками, съ высокой спинкой и съ кожанымъ сидѣньемъ, съ ножками кривыми и собачьими лапками, какъ у столовъ, сидитъ старій хозяинъ дома собственною персоной. Онъ чрезвычайно одутловатый старій господичикъ, съ большими круглыми глазами и огромнымъ двойнымъ подбородкомъ. Одѣтъ онъ такъ же, какъ мальчишки, и болѣе мнѣ объ этомъ нечего распространяться. Вся разница въ томъ, что трубка его нѣсколько больше, чѣмъ ихъ, и онъ можетъ дымить больше. Какъ у нихъ, у него есть часы, но онъ носитъ свои часы въ карманѣ. Сказать правду, есть у него нѣчто болѣе важное, нежели смотрѣть на карманные часы, и что это, я немедленно изъясню. Онъ сидитъ, положивъ правую свою ногу на лѣвое колѣно, видъ сохраняетъ важный, и все время по крайней мѣрѣ одинъ изъ своихъ глазъ держитъ рѣшительно устремлен-

нымъ на нѣкоторый достопримѣчательный предметъ, находящійся въ средоточіи равнины.

Предметъ этотъ находится на колокольнѣ Городской Ратуши. Совѣтники Городской Ратуши—все люди очень маленькіе, круглые, маслянистые, понимающіе, съ глазами огромными какъ соусники, и съ жирными двойными подбородками, и шютуки у нихъ гораздо длиннѣе, и пряжки на башмакахъ гораздо больше, чѣмъ у обыкновенныхъ жителей Вондервоттеимиттисса. Со времени моего пребыванія въ мѣстечкѣ у нихъ было нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій, и они приняли три эти важныя резолюціи:—

„Что не подобаетъ мѣнять добрый старый порядокъ вещей“:

„Что ничего нѣтъ терпимаго за предѣлами Вондервоттеимиттисса“: и—

„Что мы будемъ держаться нашихъ часовъ и нашихъ кочановъ капусты“.

Надъ залой засѣданій Ратуши находится башня, а въ башнѣ колокольня, на которой существуетъ, и существовала съ незапамятныхъ временъ, гордость и чудо селенія—большіе часы мѣстечка Вондервоттеимиттисса. И къ этому предмету обращены глаза стараго господина, который сидитъ въ креслѣ съ ручками и кожанымъ сидѣньемъ.

У большихъ часовъ семь циферблатовъ—одинъ на каждой изъ семи сторонъ колокольни—такъ что его легко видѣть отовсюду. Циферблаты широкіе и бѣлые, а стрѣлки ихъ тяжелыя и черныя. Есть тамъ колокольный сторожъ, коего единственная обязанность смотрѣть за ними; но эта должность есть самая совершенная изъ синекуръ—ибо часы Вондервоттеимиттисса, сколь извѣстно, ни въ какое съ нимъ не приходили соприкосновеніе. До послѣдняго времени, одно предположеніе о подобной вещи разсматривалось какъ еретическое. Отъ отдаленнѣйшаго періода древности, о каковомъ говорятъ архивы, часы регулярно отбивались огромнымъ колоколомъ. И на

самомъ дѣлѣ, какъ разъ то же самое было и съ другими карманными и стѣнными часами въ мѣстечкѣ. Никогда не было другого такого мѣста, чтобы вѣрное время блюсти и правильный соблюдать тактъ. Когда большой колокольный языкъ считалъ подходящимъ сказать „Двѣнадцать часовъ“, всѣ послушные его послѣдователи одновременно открывали свои глотки и какъ истое эхо отвѣтствовали. Словомъ, добрые бюргеры весьма любили свою кислую капусту, но они гордились своими часами.

Всѣ тѣ, что занимають синекуры, пользуются большимъ или меньшимъ почтеніемъ, и такъ какъ человѣкъ съ колокольной Вондервоттеимиттисса занимаетъ наисовершеннѣйшую изъ синекуръ, онъ пользуется наиболѣе совершеннымъ почтеніемъ со стороны какого либо человѣка въ мірѣ. Онъ главный сановникъ мѣстечка, и самыя свиньи взирають на него съ чувствомъ уваженія. Фалды его сюртука *значительно* длиннѣе — его трубка, пряжки на башмакахъ, его глаза, и его животъ, *значительно* огромнѣе — нежели трубка, пряжки, глаза, и животъ какого-либо другого стараго господина въ селеніи; что же касается его подбородка, онъ не только двойной, но тройной.

Я изобразилъ такимъ образомъ счастливое состояніе Вондервоттеимиттисса: увы, что столь прекрасная картина когда-либо должна была извѣдать превратности!

Издавна было реченіе между мудрѣйшими жителями, что „ничто доброе не можетъ придти изъ-за холмовъ“; и, дѣйствительно, въ словахъ этихъ, какъ кажется, было нѣчто изъ духа пророческаго. Былъ безъ пяти минутъ полдень, въ день, что предшествовалъ дню вчерашнему, когда появился нѣкій предметъ очень страннаго вида на вершинѣ цѣпи холмовъ къ Востоку. Конечно, такое событіе привлекло всеобщее вниманіе, и каждый старій господинчикъ, что сидѣлъ въ креслѣ съ ручками и съ кожанымъ сидѣніемъ, обратилъ одинъ глазъ свой на феномень, являя въ напряженномъ взглядѣ смущеніе,

другой глазъ продолжая держать устремленнымъ на часы, что на башнѣ.

Въ то время какъ доставало лишь трехъ минутъ до полдня, указанный забавный предметъ былъ замѣченъ какъ малый-премалый молодой человекъ чужеземнаго вида. Онъ сходилъ съ холмовъ съ великою быстротой, такъ что вскорѣ каждый могъ на него наглядѣться вблизи. Поистинѣ, то былъ самый отмѣнно малый персонажъ, какой когда-либо былъ въ Вондервоттеимиттисѣ. Лицо его было темнаго табачнаго цвѣта, у него былъ длинный носъ крючкомъ, глаза какъ горошины, большой ротъ, и великолѣпный рядъ зубовъ, каковыя, повидимому, онъ непремѣнно хотѣлъ показать, осклабя свой ротъ отъ уха до уха. Усы, бакенбарды, а тамъ ничего больше въ лицѣ и не видно было. Голова его была неприкрыта, и волосы были тщательно убраны въ папильотки. Одѣтъ онъ былъ въ плотно сидящій черный фракъ, кончавшійся ласточкинымъ хвостомъ (изъ одного кармана свисалъ очень длинный бѣлый платокъ), въ черныя казимировыя брюки, черныя чулки и культеобразныя бальныя башмаки съ огромными бантами изъ черныхъ сатиновыхъ лентъ для завязокъ. Подмышкой одной изъ рукъ онъ несъ огромную складную шляпу, подмышкой другой руки—скрипку, которая по размѣрамъ была разъ въ пять больше, чѣмъ онъ самъ. Въ лѣвой рукѣ у него была золотая табакерка, изъ которой, въ то время какъ онъ въ прыжку сбѣгалъ съ холма, выдѣлывая всякаго рода фантастическія па, онъ непрерывно бралъ понюшки съ видомъ величайшаго самодовольствія, какое только возможно. Господи помилуй!—вотъ-то было зрѣлище для честныхъ согражданъ Вондервоттеимиттисса.

Говоря точно, у сего разлюбезнаго, несмотря на его зубоскальство, лицо было наглаго и зловѣщаго разряда; и въ то время какъ онъ направлялъ свои курбеты прямо въ селеніе, странный культеобразный видъ

его бальныхъ башмаковъ возбудилъ немалое подозрѣніе; и не одинъ бюргеръ, видѣвшій его въ этотъ день, далъ бы кое-что, только бы заглянуть подъ бѣлый батистовый платокъ, который такъ назойливо висѣлъ изъ задняго кармана его фрака съ ласточкинымъ хвостомъ. Но что, главнымъ образомъ, возбудило справедливое негодованіе, это, что негодяйственный вертопрахъ, въ то время какъ онъ то отплясывалъ фанданго, то вертѣлся и юлилъ, повидному, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что называется *наблюдать время и соблюдать тактъ*.

Добрые люди мѣстечка имѣли, однако, малый случай хорошенько раскрыть свои глаза, какъ вдругъ, именно когда оставалось лишь полминуты до полудня, мошенникъ, скажу я, скакнулъ прямо въ самую ихъ середину, и тамъ качнуль, и тутъ кувыркнуль, и, сдѣлавъ пируэтъ, зефиромъ взлетѣлъ, и какъ голубъ крылатый прямо вверхъ на колокольню, на башню Городской Ратуши, гдѣ колокольный человѣкъ, пораженный чудомъ, сидѣлъ и курилъ въ позѣ достоинства и смятенности. Но малорослый повѣса тотчасъ схватилъ его за носъ; дернулъ его и потащилъ; нахлобучилъ свою огромную складную шляпу на его голову; пришлепнулъ ее на глаза ему и на ротъ; и затѣмъ, приподнявши огромную скрипку, билъ его ею такъ долго и сильно, что, принявъ во вниманіе толщину колокольнаго человѣка и пустоту скрипки, вы поклялись бы, что тутъ цѣлый полкъ лихихъ барабанщиковъ билъ дьявольскую зорю на колокольнѣ Вондервоттеимитисса.

Неизвѣстно, къ какому отчаянному дѣянію мести побудило бы жителей мѣстечка это беззастѣнчивое нападеніе, если бы не тотъ важный фактъ, что оставалось лишь полсекунды до полдня. Колоколь былъ готовъ ударить, и это было обстоятельствомъ абсолютной и верховной необходимости, чтобы каждый хорошенько смотрѣлъ на свои часы. Было, очевидно, однако же, что именно въ этотъ моментъ молодчикъ дѣлалъ что-то на башенкѣ,

что его вовсе не касалось, относительно часовъ. Но такъ какъ теперь часы начали бить, ни у кого не было времени нисколько, слѣдить за его рукоприкладствами, ибо всѣ должны были считать удары колокола, межъ тѣмъ какъ звучалъ бой.

„Разъ!“ сказали часы.

„Хасъ!“ откликнулся эхомъ каждый старый господинчикъ въ каждомъ креслѣ съ ручками и съ кожанымъ сидѣньемъ, въ каждомъ креслѣ Вондервоттеимиттисса.

„Хасъ!“ также сказали карманье часы у каждаго; „хасъ!“ сказали карманные часы у каждой супруги, и „хасъ!“ сказали часы у мальчишекъ, и золоченные часики съ повторнымъ боемъ на хвостахъ у кота и свиньи.

„Два!“ продолжалъ большой колоколь; и

„Тфа!“ повторили всѣ повторители.

„Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять!“ сказалъ колоколь.

„Дре! Шедыре! Бять! Шесъ! Земъ! Воземъ! Тебять! Тезять!“ отвѣчали другіе.

„Одиннадцать!“ сказалъ огромный.

„Отинатсать!“ согласились малые.

„Двѣнадцать!“ сказалъ колоколь.

„Тфенатсать!“ отвѣчали они, совершенно удовлетверенные, и понижая голоса.

„Фоть и тфенатсать“, сказали всѣ старые господинчики, пряча свои часы. Но огромный колоколь еще съ ними не покончилъ.

„Тринадцать!“ сказалъ онъ.

„Чортъ!“ выдохнули всѣ старые господинчики, блѣднѣя, роняя свои трубки, и составляя, каждый, правую свою ногу съ лѣваго своего колѣна.

„Чортъ!“ простонали они, „Дринатсать! Дринатсать!..— Мэйнъ Готтъ, Дринатсать часовъ!“

Къ чему пытаться описать страшную сцену, которая послѣдовала за этимъ? Весь Вондервоттеимиттиссъ сразу пришелъ въ прискорбное состояніе возмущенія.

„Што съ моимъ пускомъ сталося?“ завопили все ребятишки, „колоденъ ужъ сѣлый часъ“.

„Што съ моею капустою сталося?“ закричали пронзительно все супруги. „Издохматилась она за этотъ часъ“.

„Што съ моею трубкою сталося?“ закричали все старые господинчики, клянясь. „Громъ и молнія, додымилась она за этотъ часъ!“—И они набили свои трубки опять, въ великомъ бѣшенствѣ, и, откпнувшись назадъ въ своихъ креслахъ съ ручками, пуфъ-пуфъ, курли такъ быстро и такъ сврѣпо, что вся долпна немедленно была наполнена непроницаемымъ дымомъ.

Тѣмъ временемъ все кочаны капусты весьма покраснѣли въ ликахъ своихъ, и казалось, какъ будто бы самъ Старый Чортъ завладѣлъ всемъ, что имѣло форму счетчика времени, часовъ. Часы, изваянные на предметахъ обстановки, принялись плясать какъ заколдованные, въ то время какъ тѣ, что были на каминахъ, едва могли сдерживаться отъ бѣшенства, и столь неустанно выбивали тринадцать, и такъ прыгали и дергали своимъ маятникомъ, что прямо страшно было смотрѣть. Но, что хуже всего, ни свиньи, ни коты не могли болѣе выносить поведенія малыхъ часовъ съ повторнымъ боемъ, привязанныхъ къ ихъ хвостамъ, и отомстили тѣмъ, что со всехъ ногъ бросались бѣжать, и сбѣжались все на площадь, и царапались, и тыкали мордами, и визжали, и крпчали, и мяукали, и бросались въ лицо, и забѣгали подъ юбки, и создавали все вмѣстѣ такой чудовищнѣйшій шумъ, гамъ, и суматоху, что никакому разумному человѣку этого даже и не вообразить. И чтобъ придать всему еще болѣе угнетающій характеръ, негодяйственный малый повѣса на башнѣ, видимо, старался во всю. Время отъ времени молоточника можно было видѣть сквозь дымъ. Тамъ сидѣлъ онъ на колокольнѣ на колокольномъ человѣкѣ, который лежалъ, распластавшись на спинѣ. Въ зубахъ этотъ мерзкій держалъ колокольную веревку, и мотая головой,

и швырками ее дергая, поднималъ такой трезвонъ, что въ ушахъ у меня опять звенить при одномъ воспоминаніи объ этомъ. На колѣняхъ у него лежала огромная скрипка, и безъ мѣры и безъ такта онъ обѣими руками пилилъ по ней, ни дать, ни взять, какъ нѣкій шутъ гороховый, играющій „Джэди О’Фляннагэнъ и Пэдди О’Рафферти“.

Положеніе дѣлъ будучи столь жалостно, я съ отвращеніемъ покинулъ селеніе, и нынѣ взываю о помощи ко всѣмъ любителямъ точнаго времени и доброй капусты. Сомкнутымъ строемъ устремимся къ мѣстечку, и возстановимъ старый порядокъ вещей въ Вондервоттеимиттиссѣ, сошвырнувъ этого негоднаго съ колокольни.

СФИНКСЪ.

Во время страшнаго царства холеры въ Нью-Йоркѣ, я былъ приглашенъ однимъ родственникомъ провести съ нимъ недѣли двѣ въ уединеніи въ его *разукрашенномъ коттеджѣ* на берегахъ Гудсона. Мы имѣли тамъ всѣ обычные средства лѣтнихъ развлеченій; и что касается блужданія въ лѣсахъ, рисованія, катанья на лодкѣ, рыбной ловли, купанья, музыки, и книгъ, мы могли бы проводить время съ достаточной пріятностью, если бы не страшныя вѣсти, приходившія къ намъ каждое утро изъ люднаго города. Не проходило и дня, который бы не принесъ намъ, какъ новость, свѣдѣніе о кончинѣ того или другаго изъ знакомыхъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ злополучіе возростало, мы научились каждодневно ожидать утраты какого-нибудь друга. Наконецъ, мы стали трепетать отъ одного приближенія всякаго вѣстника. Самый воздухъ съ Юга казался намъ насыщеннымъ смертью. Эта цѣпящая мысль, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ завладѣла моею душой. Я не могъ больше ни говорить, ни думать, ни грезить ни о чемъ другомъ. Хозяинъ мой былъ темперамента менѣе возбудимаго, и, хотя онъ былъ въ весьма подавленномъ состояніи духа, старался поддерживать во мнѣ бодрое настроеніе. Его богато-философическій разумъ ни въ какое время не бывалъ захваченъ нереальностями. Сущность ужаса онъ довольно живо чувствовалъ, но тѣней ужаса онъ не воспринималъ.

Его попытки пробудить меня изъ состоянія ненормальной мрачности, въ которое я впалъ, въ значительной

степени уничтожались нѣкоторыми томами, найденными мной въ его библіотекѣ. Они были такого свойства, что могли побудить къ провзростанію всѣ сѣмена наследственнаго суевѣрія, какія только скрывались въ моей груди. Я читалъ эти книги безъ его вѣдома, и такимъ образомъ онъ перѣдко никакъ не могъ объяснить себѣ тѣхъ насильственныхъ впечатлѣній, которыя владѣли моей фантазіей.

Любимой моей темой было народное вѣрованіе въ предвѣщанія—вѣрованія, которыя, въ этотъ единственный періодъ моей жизни, я былъ расположенъ почти серьезно защищать. Касательно даннаго предмета у насъ были долгія и оживленныя препирательства—онъ доказывалъ крайнюю безосновность вѣрованія въ подобныя вещи—я, оспаривая, говорилъ, что народное чувство, возникая съ абсолютною самопроизвольностью—то-есть безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ внушенія—имѣло въ самомъ себѣ безошибочные элементы истины, и имѣло право на уваженіе.

Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ моего прибытія въ коттеджъ со мной приключился нѣкій случай, столь неизъяснимый, и отличавшійся характеромъ столь зловѣщимъ, что я могъ быть вполне извиненъ за разсмотрѣніе его какъ предвѣщанія. Онъ ужаснулъ, и въ то же время такъ смутилъ и ошеломилъ меня, что прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ я рѣшился сообщить объ этомъ обстоятельстве моему другу.

На склонѣ чрезвычайно яркаго дня, съ книгою въ рукѣ, я сидѣлъ у открытаго окна, а передо мною, черезъ длинную панораму береговъ, открывался видъ далекаго холма, передняя часть котораго въ ближайшемъ отъ меня мѣстѣ, была лишена тѣмъ, что называется оползнемъ, значительной части своихъ деревьевъ. Мысли мои долго блуждали отъ книги передо мной къ мраку и отчаянію сосѣдняго города. Поднявъ мои глаза отъ стра-

ницы, я устремилъ ихъ на обнаженный лпкъ холма, и на нѣкоторый предметъ—на нѣкое живое чудовище отвратительнаго вида, которое весьма быстро пролагало себѣ путь отъ вершины къ основанію, и наконецъ, исчезло въ густомъ лѣсу внизу. Когда это существо впервые явилось моему зрѣнію, я усомнился въ здравости моего собственнаго разсудка—или, по крайней мѣрѣ, въ очевидномъ свидѣтельствѣ моихъ собственныхъ глазъ; и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ мнѣ удалось убѣдить самого себя, что я не сошелъ съ ума, и что это не сонъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ я буду описывать чудовище, (которое я явственно видѣлъ, и за которымъ спокойно наблюдалъ все время, пока оно двигалось впередъ), мои читатели, боюсь, съ болѣею трудностью смогутъ убѣдиться въ двухъ этихъ пунктахъ, чѣмъ это было возможно для меня.

Сравнивая ростъ этого существа съ діаметромъ большихъ деревьевъ, мимо которыхъ оно проходило—немногіе лѣсные гиганты, удѣлѣвшіе отъ ярости оползня—я заключилъ, что оно гораздо больше, чѣмъ какой-либо существующій линейный корабль. Я говорю линейный корабль, ибо форма чудовища внушала эту мысль—остовъ какого нибудь изъ нашихъ кораблей въ семьдесятъ чтыре орудія могъ бы дать приблизительное представленіе относительно общихъ его очертаній. Ротъ животнаго помѣщался на концѣ хобота, футовъ въ шестьдесятъ или семьдесятъ въ длину, приблизительно такой же толщины, какъ тѣло обыкновеннаго слона. У основанія этого хобота находилось безмѣрное количество черныхъ косматыхъ волосъ—большее количество, чѣмъ могло бы быть доставлено шкурами двадцати буйволовъ; и, устремляясь изъ этихъ волосъ книзу и въ стороны, выдѣлялись два сверкающіе клыка, не непохожіе на клыки дикаго борова, но безконечно болѣшихъ размѣровъ. Простирались впередъ, параллельно хоботу, и по каждую отъ него сторону, была ги-

гантская палица, въ тридцать или сорокъ футовъ въ длину, образованная, повидимому, изъ чистаго кристалла, и въ формѣ совершенной призмы:—они отражали самымъ пышнымъ образомъ лучи заходящаго солнца. Хоботь имѣлъ видъ клина, верхушкой своей обращеннаго къ землѣ. Отъ него простирались двѣ пары крыльевъ—каждое крыло приблизительно ярдовъ сто въ длину—одна пара помѣщалась надъ другою, и всѣ крылья были густо покрыты металлической чешуей, каждая чешуйка, повидимому, была въ диаметрѣ футовъ десять или двѣнадцать. Я наблюлъ, что верхній и нижній ряды крыльевъ были соединены крѣпкою цѣпью. Но главною особенностью этого ужасающаго существа было изображеніе *Мертвой Головы*, покрывавшее почти всю поверхность его груди, и такъ точно начертанное ослѣпительно-бѣлымъ цвѣтомъ, на темномъ фонѣ тѣла, какъ если бы оно тщательно было тамъ нарисовано какимъ-нибудь художникомъ. Въ то время какъ я смотрѣлъ на это устрашительное животное, и совсѣмъ особенно на явленіе, бывшее на его груди, съ чувствомъ ужаса и страха—съ ощущеніемъ надвигающейся бѣды, которой мнѣ было невозможно утишить какимъ-либо успіемъ разсудка—я увидѣлъ, что огромныя челюсти на крайнемъ концѣ хобота внезапно раскрылись, и изъ нихъ возникъ звукъ такой громкій и столь выразительно исполненный зашумности, что онъ ударилъ по моимъ нервамъ, какъ похоронный звонъ, и когда чудовище исчезло у подножія холма, я, сразу лишившись чувствъ, упалъ на полъ.

Когда я пришелъ въ себя, первымъ моимъ побужденіемъ, конечно, было сообщить моему другу о томъ, что я видѣлъ и слышалъ—и врядъ ли я сумѣлъ бы объяснить, что это было за чувство отвращенія, которое, въ концѣ концовъ повліявъ на меня, помѣшало мнѣ это сдѣлать.

Наконецъ, однажды вечеромъ, дня три - четыре спустя послѣ этого событія, мы сидѣли вмѣстѣ въ комнатѣ,

въ которой я видѣлъ привидѣніе—я сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, у того же самага окна, а мой другъ сидѣлъ, развалившись на софѣ, рядомъ. Сочетаніе мѣста и времени побудило меня рассказать ему о феноменѣ. Онъ выслушалъ меня до конца—сперва сердечно расхохотался—потомъ впалъ въ настроеніе чрезвычайно серьезное, какъ если бы мое умственное разстройство было вещью, не подлежащею сомнѣнію. Въ это самое мгновеніе я опять увидѣлъ совершенно явственно чудовище—на которое, со вскрикомъ безусловнаго ужаса, я обратилъ его вниманіе. Онъ посмотрѣлъ пристально—но увѣрялъ, что ничего не видитъ—хотя я подробно означалъ движеніе существа впередъ, межъ тѣмъ какъ оно сходило по обнаженному лику холма.

Я былъ теперь безмѣрно встревоженъ, ибо считалъ это видѣніе или предвѣщаніемъ моей смерти, или, что хуже, предвѣстникомъ припадка умоизступленія. Въ сильномъ порывѣ я откинулся назадъ на своемъ креслѣ, и на нѣсколько мгновеній закрылъ руками мое лицо. Когда я снова открылъ глаза, привидѣнія больше не было видно.

Къ хозяину моему, однако, до нѣкоторой степени вернулось спокойствіе его манеры, и онъ самымъ тщательнымъ образомъ спросилъ меня о внѣшнемъ видѣ привидѣннаго существа. Когда я вполне удовлетворилъ его любопытство по этому поводу, онъ глубоко вздохнулъ, словно освободившись отъ какой-то невыносимой тяжести, и началъ говорить, съ жестокимъ, какъ подумалъ я, спокойствіемъ, о различныхъ пунктахъ умозрительной философіи, до того бывшей предметомъ преній между нами. Я помню, что онъ особенно настаивалъ (наряду съ другими утвержденіями) на мысли, что главнымъ источникомъ ошибки во всѣхъ человѣческихъ изслѣдованіяхъ является способность нашего пониманія недооцѣнивать или переоцѣнивать важность предмета черезъ простое несоотвѣщеніе его близости. „Подлежащимъ образомъ оцѣ-

нить, напримѣръ“, сказалъ онъ, „вліяніе на человѣчество, имѣющее простечь, въ широкомъ объемѣ, изъ полного распространенія Демократіи, наступленіе эпохи, въ которую такое распространеніе могло бы совершиться не должны были бы преминуть создать предметъ для разслѣдованія. Но можете ли вы указать мнѣ хоть на одного писателя по данному предмету, изъ правительственныхъ сферъ, который бы считалъ это особое развѣтвленіе предмета достойнымъ разсужденія вообще?“

Тутъ онъ мгновеніе помедлилъ, шагнулъ къ полкѣ съ книгами, и вынулъ оттуда одно изъ обыкновенныхъ руководствъ по естественной исторіи. Попросивъ меня затѣмъ перемѣниться съ нимъ мѣстомъ, чтобы ему лучше была видна мелкая печать тома, онъ сѣлъ въ мое кресло у окна и, раскрывъ книгу, продолжалъ разговоръ совсѣмъ въ томъ же самомъ тонѣ, какъ и прежде.

„Если бы не ваша чрезвычайная точность“, сказалъ онъ, „въ описаніи чудовища, никогда бы я не былъ въ состояніи указать вамъ, что это было. Прежде всего, позвольте мнѣ прочесть вамъ школьное описаніе рода *Sphinx* изъ семьи *Crepuscularia*, разряда *Lepidoptera*, класса *Insecta*—или насѣкомыхъ. Описаніе гласитъ:

„Четыре перепончатыхъ крыла, покрытыхъ маленькими цвѣтными чешуйками металлическаго вида; ротъ, являющій закругленный хоботъ, образуемый удлинненіемъ челюстей, на сторонахъ у которыхъ находятся зачатки десенъ и пушистыхъ щупальцевъ; нижнія крылья связаны съ верхними твердымъ волосомъ, усики въ видѣ удлинненной булавы призматическіе; животъ остроконечный. Мертвоголовый Сфинксъ причинялъ, по временамъ, много страха среди народа, нѣкотораго рода печальнымъ воплемъ, который онъ испускаетъ, и гербомъ смерти, который онъ носитъ на своемъ щиткѣ“.

Тутъ онъ закрылъ книгу и откинулся къ спинкѣ

кресла, принявъ какъ разъ ту самую позу, въ которой я былъ, когда увидѣлъ „чудовище“.

„А, вотъ оно!“ сказалъ онъ въ ту же самую минуту; „оно снова восходитъ по лику холма, и весьма у этого существа достопримѣчательный видъ, согласенъ. Все же оно нѣконмъ образомъ не такъ огромно и не такъ отдаленно, какъ вы вообразили, ибо фактъ тотъ, что въ то время, какъ оно, искривляясь, движется по нити, которую какой-нибудь паукъ протянулъ вдоль оконницы, я нахожу, что самое большее въ немъ шестнадцатая доля дюйма въ длину, а также, что оно находится на разстояніи шестнадцатой доли дюйма отъ зрачка моего глаза“.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ПОХОРОНЫ.

Есть нѣкоторыя темы интереса всепоглощающаго, но слишкомъ цѣльно ужасныя, чтобы законнымъ образомъ служить для литературнаго замысла. Даже и романтикъ долженъ ихъ избѣгать, если онъ не хочетъ оскорбить или вызвать отвращеніе. Разработка ихъ умѣстна лишь тогда, когда строгость и величіе истины освѣщаютъ и поддерживаютъ ихъ. Мы трепещемъ, на примѣръ, отъ самаго напряженнаго ощущенія „прятетвенной пытки“, при разсказахъ о Переходѣ черезъ Березину, о землетресеніи въ Лиссабонѣ, о чумѣ къ Лондонѣ, объ избіеніяхъ въ Варооломеевскую ночь, или объ удушеніи ста двадцати трехъ узниковъ въ Черной Ямѣ въ Калькуттѣ. Но въ этихъ разсказахъ, что возбуждастъ, — это фактъ — дѣйствительность — исторія. Какъ вымыселъ, они возбудили бы въ насъ лишь простое отвращеніе.

Я упомянулъ лишь немногіе изъ самыхъ выдающихся и величественныхъ злосчастій, занесенныхъ въ лѣтописи; но въ нихъ не только свойство злосчастія, а и самый его объемъ столь сильно завладѣваетъ воображеніемъ. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать читателю, что, изъ длинной и зачарованной области человѣческихъ несчастій, я могъ бы выбрать нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ болѣе исполненныхъ существенностью страданья, чѣмъ какое-либо изъ этихъ обширныхъ общностей бѣды. На самомъ дѣлѣ, истинное злополучіе — предѣльное горе — есть частное, не распространенное. Что страшныя крайности агоніи испытываются человѣкомъ-единицей, а нигда не человѣ-

комъ - массой — за это возблагодаримъ милосерднаго Бога.

Быть похороненнымъ заживо, это безъ сомнѣнія самая устрашительная изъ такихъ крайностей, которыя когда-либо выпадали на долю смертнаго человѣчества. Что это случалось часто, очень часто, врядъ ли будутъ отрицать тѣ, которые думаютъ. Границы, отдѣляющія жизнь отъ смерти, въ лучшемъ случаѣ, смутны и тѣнеподобны. Кто скажетъ, гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая? Мы знаемъ, что есть болѣзни, при которыхъ случается полное прекращеніе всѣхъ видимыхъ отпавленій жизненности, и при которыхъ, однако же, эти прекращенія суть лишь задержки, надлежащимъ образомъ такъ названныя. Это лишь временныя паузы въ непостижимомъ механизмѣ. Проходить нѣкоторый періодъ и какое-то невидимое таинственное начало снова приводитъ въ движеніе магическія крылья и колдовскія колесики. Серебряная нить не навсегда была развязана, и не безвозвратно была сломана золотая чаша. Но гдѣ въ это время была душа?

Помимо, однакоже, неизбѣжнаго заключенія, априори, что такія-то причины должны привести къ такимъ-то результатамъ—что хорошо извѣстная наличность такихъ случаевъ задержаннаго жизненнаго процесса должна естественно обуславливать, время отъ времени, преждевременныя погребенія—помимо такого соображенія, мы имѣемъ прямое свидѣтельство врачебнаго и обычнаго опыта, доказывающее, что обширное число такихъ погребеній дѣйствительно имѣло мѣсто. Я могъ бы немедленно указать, если это необходимо, на сотню вполне удостовѣренныхъ примѣровъ. Одинъ такой случай весьма достопримѣчательнаго характера, и обстоятельства котораго могутъ быть еще свѣжи въ памяти нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей, произошелъ не такъ давно въ сосѣдномъ городѣ Балтиморѣ, гдѣ онъ причинилъ мучительное, напряженное, и широко распространенное возбужденіе. Жена одного

изъ самыхъ почтенныхъ гражданъ—выдающагося законовѣда и члена Конгресса—была захвачена внезапнымъ и необъяснимымъ недугомъ, предъ которымъ совершенно спасовали знанія ея врачей. Послѣ большихъ мученій она умерла, или было предположено, что она умерла. Никто не подозрѣвалъ на самомъ дѣлѣ, и не имѣлъ никакихъ основаній подозрѣвать, чтобы она не была въ дѣйствительности мертвой. Она являла все обычные признаки смерти. Лицо ея было, какъ то привычно, сѣпленнымъ и опавшимъ въ очертаніяхъ. Губы ея были обычной мраморной блѣдности, глаза ея были погасшими. Не было теплоты. Пульсъ прекратился. Въ теченіи трехъ дней, пока тѣло оставалось несхороненнымъ, оно приобрѣло каменную окоченѣлость. Словомъ, погребеніе было ускорено по причинѣ быстрого увеличенія того, что было, какъ предположили, разложеніемъ.

Она была положена въ фамильный склепъ, который въ теченіи трехъ слѣдующихъ лѣтъ былъ нетревожимъ. По истеченіи этого срока онъ былъ открытъ для принятія гробницы;—но увы! какой страшный ударъ ждалъ супруга, который самъ лично распахнулъ дверь. Когда врата раскрылись, какой-то предметъ въ бѣлой одеждѣ съ шелестящимъ потрескиваніемъ упалъ въ его объятія. Это былъ скелетъ его жены въ еще неистлѣвшемъ саванѣ.

Тщательное изслѣдованіе сдѣлало очевиднымъ, что она ожила черезъ два дня послѣ ея замурованія—что ея судорожныя движенія въ гробѣ причинили его паденіе съ закраины или выступа на полъ, гдѣ онъ разломился настолько, что она могла изъ него ускользнуть. Лампа, которая случайно, полная масла, была оставлена въ склепѣ, была найдена пустой; масло могло, однако, истопиться черезъ испареніе. На самой верхней изъ ступеней, что вели внизъ въ страшную горницу, былъ большой обломокъ гроба, которымъ она, повидимому, старалась возбудить вниманіе, ударяя о желѣзную дверь. Въ то время, какъ

она этимъ была занята, она, вѣроятно, впала въ обморочное состояніе, или, быть можетъ, умерла, отъ остраго ужаса; и, когда она надала, ея саванъ запутался о какой-то желѣзній выступъ. Такъ она оставалась, и такъ она стипла, стоя.

Въ 1810-мъ году, случай погребенія заживо произошелъ во Франціи, сопровождаемый обстоятельствами весьма далеко идущими въ удостовѣреніе того утверженія, что истина дѣйствительно страннѣе, чѣмъ вымыселъ. Героиней разсказа была Mademoiselle Викторинъ Лафуркадъ, молодая дѣвушка изъ знатной семьи, богатая, и очень красивая. Среди ея многочисленныхъ поклонниковъ былъ Жюльенъ Боссюэ, бѣдный Парижскій литераторъ или журналистъ. Его таланты и любезная учтивость привлекли къ нему вниманіе богатой наслѣдницы, которая, кажется, по настоящему любила его; но ея родовая гордость побудила ее въ концѣ концовъ отвергнуть его и выйти замужъ за Monsieur Ренея, банкира и довольно выдающагося дипломата. Послѣ женитьбы, однако, этотъ господинъ былъ съ нею небреженъ, а быть можетъ даже и просто-напросто дурно обращался съ ней. Проведя съ нимъ нѣсколько злосчастныхъ лѣтъ, она умерла—по крайней мѣрѣ ея состояніе такъ точно походило на смерть, что обмануло каждого, кто ее видалъ. Она была похоронена—не въ склепѣ—но въ обыкновенной могилѣ, въ селеніи, гдѣ она родилась. Исполненный отчаянія, и еще воспламененный памятью глубокой привязанности, любящій отправляется изъ столицы въ отдаленную провинцію, гдѣ находится селеніе, съ романтическимъ замысломъ вырыть тѣло и сдѣлаться обладателемъ ея роскошныхъ волосъ. Онъ достигаетъ могилы. Въ полночь онъ вырываетъ гробъ, открываетъ его, и въ то время какъ онъ распускаетъ ея волосы, онъ остановленъ раскрытіемъ возлюбленныхъ глазъ. На самомъ дѣлѣ, она была похоронена заживо. Жизненная сила еще не совершенно ушла; и она была

разбужена ласками ея возлюбленнаго отъ летаргіи, которую ошибочно приняли за смерть. Охваченный бурным порывомъ, онъ отнесъ ея въ свое помѣщеніе въ селеніи. Онъ примѣнилъ нѣкоторое сильно возстановляющее средство, продиктованное ему немалой медицинской образованностью. Наконецъ, она ожила. Она узнала спасаго ея. Она оставалась съ нимъ, пока, мало-по-малу, къ ней совершенно не вернулось ея прежнее здоровье. Ея женское сердце не обладало твердостью алмаза, и этотъ послѣдній урокъ былъ достаточенъ, чтобы умягчить его. Она предала его Боссюэ. Она не вернулась болѣе къ своему супругу, но, скрывъ отъ него свое воскресеніе, бѣжала съ своимъ возлюбленнымъ въ Америку. Двадцать лѣтъ спустя, оба вернулись во Францію, въ убѣжденіи, что время такъ сильно измѣнило наружность дамы, что ея друзья не могли бы ея узнать. Они однако же заблуждались; потому что при первой же встрѣчѣ Monsieur Реналь точнымъ образомъ ее узналъ и предъявилъ права на свою жену. Эти притязанія она отвергла. И судебный трибуналъ поддержалъ ее въ этомъ отказѣ, рѣшивъ, что особыя обстоятельства, вмѣстѣ съ длиннымъ рядомъ лѣтъ, уничтожили не только по справедливости, но и легально, власть супруга.

„Хирургическій журналъ“ въ Лейпцигѣ—временное изданіе высокой авторитетности и заслугъ, который какой-нибудь Американскій издатель хорошо бы сдѣлалъ, если бы перевелъ или перепечаталъ—разсказываетъ въ послѣднемъ номерѣ весьма тревожный случай, по характеру своему относящійся къ данному вопросу.

Одинъ артиллерійскій офицеръ, челоѣкъ гигантскаго роста и крѣпкаго здоровья, будучи сброшенъ на землю неукротимую лошадью, получилъ очень серьезную контузію головы, сразу лишившую его чувствъ; черепъ былъ слегка надломленъ, но никакой немедленной опасности не предвидѣлось. Была удачно совершена трепанція. Ему пустили

кровь, были примѣнены и различныя другія, обычныя въ такихъ случаяхъ, средства облегченія. Постепенно, однако, онъ впадалъ все въ болѣе и болѣе безнадежное состояніе оцѣпенѣнія и, наконецъ, подумали, что онъ умеръ.

Погода была теплая, и онъ былъ похороненъ съ неприличествующей торопливостью на одномъ изъ общественныхъ кладбищъ. Похороны его совершились въ среду. Въ слѣдующее воскресенье на кладбищѣ, какъ обыкновенно, было множество посѣтителей, и около полдня создавалось напряженное возбужденіе, благодаря сообщенію одного крестьянина, что, въ то время какъ онъ сидѣлъ на могилѣ офицера, онъ ясно почувствовалъ сотрясеніе земли, какъ бы причиненное какой-то борьбой внизу. Сначала на торжественное утвержденіе этого человѣка обратили весьма мало вниманія; но явный его ужасъ и мрачное упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на своемъ разказѣ, оказали, наконецъ, естественное свое дѣйствіе на толпу. Поспѣшно были принесены заступы, и могила, которая была постыдно мелкая, въ нѣсколько минутъ была настолько раскопана, что голова находившагося въ ней показалась наружу. Повидимости онъ былъ тогда мертвъ, но онъ сидѣлъ почти прямо въ своемъ гробу, крышку котораго, въ своей бѣшенѣйшей борьбѣ, онъ частію приподнялъ.

Онъ былъ немедленно доставленъ въ ближайшій госпиталь, и тамъ было засвидѣтельствовано, что онъ еще живъ, хотя находится въ состояніи удушенія. Черезъ нѣсколько часовъ онъ ожилъ, узналъ своихъ знакомыхъ, и въ отрывочныхъ словахъ разказалъ о своей агоніи въ могилѣ.

Изъ того, что онъ разказалъ, явствовало, что онъ сознавалъ себя живымъ, должно быть, болѣе часу, схороненный, прежде чѣмъ впасть въ безчувственность. Могила была небрежно и неплотно наполнена чрезвычайно скважистою землей, и такимъ образомъ, извѣстное количество

воздуха необходимо въ нее проникало. Онъ слышалъ шаги толпы наверху, и въ свою очередь постарался, чтобы услышали его. Повидимому, именно шумъ на кладбищѣ, какъ говорилъ онъ, пробудилъ его отъ глубокаго сна, но едва только онъ проснулся, какъ тотчасъ понялъ вполне — чудовищный ужасъ своего положенія.

Пострадавшій, какъ оповѣщали, поправлялся, и, казалось, былъ на отличной дорогѣ къ окончательному выздоровленію, но палъ жертвой шарлатанскихъ мудрствованийъ врачебнаго опыта. Была примѣнена гальваническая батарея, и онъ внезапно скончался въ одномъ изъ тѣхъ экстатическихъ припадковъ, которые ей случается вызывать.

Упомянутое о гальванической батарее, однако же, вызываетъ въ моей памяти хорошо извѣстный и весьма необычный случай, гдѣ ея дѣйствіе, какъ оказалось, послужило средствомъ для оживленія одного молодого стряпчачго въ Лондонѣ, который былъ погребенъ уже два дня. Это случилось въ 1831 году и, въ свое время, вызывало глубокое волненіе всякій разъ, какъ этотъ случай становился предметомъ разговора.

Больной, Мистеръ Эдуардъ Стэплтонъ, умеръ, повидимому, отъ тифозной горячки, сопровождавшейся нѣкоторыми аномальными симптомами, которые возбудили любопытство, наблюдавшаго за нимъ, врачебнаго персонала. Послѣ его кажущейся кончины друзья его были призваны, дабы санкціонировать посмертное изслѣдованіе, но они отказались дать на это позволеніе. Какъ часто случается, когда возникаютъ такіе отказы, заинтересованные рѣшили вырыть тѣло и вскрыть его безъ помѣхи частнымъ образомъ. Весьма легко договорились съ представителями одного изъ многочисленныхъ обществъ похитителей мертвыхъ тѣлъ, которыми Лондонъ изобилуетъ; и на третью ночь послѣ похоронъ, предполагаемый трупъ былъ вырытъ изъ могилы въ восемь футовъ глубины и положенъ въ операціонной одного изъ частныхъ госпиталей.

Сдѣланъ былъ въ области живота надрѣзь значительныхъ размѣровъ, когда свѣжій и негниющій видъ вскрываемаго внушилъ примѣненіе гальванической батареи. За однимъ опытомъ послѣдовалъ другой, съ обычными эффектами, причемъ ни въ какомъ отношеніи въ нихъ не было ничего особливо значительнаго, кромѣ того, что раза два въ конвульсивныхъ движеніяхъ оказалась болѣе чѣмъ обычная степень жизнеспособія.

Становилось поздно. Близился разсвѣтъ, и было сочтено надлежащимъ приступить, наконецъ, тотчасъ къ диссекціи. Одинъ изъ изслѣдователей, однако, непремѣнно желалъ испробовать нѣкую свою теорію, и настаивалъ на примѣненіи батареи къ одному изъ грудныхъ мускуловъ.

Сдѣланъ былъ грубый разрѣзь, и электрическая проволока была успѣшно приведена въ соприкосновеніе съ нимъ, какъ вдругъ испытуемый, быстрымъ, но отнюдь не судорожнымъ движеніемъ, всталъ со стола, шагнулъ на середину комнаты, въ теченіи нѣсколькихъ секундъ смотрѣлъ вокругъ, и потомъ заговорилъ. Что онъ сказалъ — было непонятно: но слова были сказаны, членораздѣльность была явственна. Сказавъ свое, онъ тяжело упалъ на полъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній всѣ были парализованы испугомъ, — но безотложный характеръ случая вскорѣ вернулъ имъ присутствіе духа. Было явно, что Мистеръ Стэпльтонъ былъ живъ, хотя онъ и былъ въ обморочномъ состояніи. Послѣ примѣненія эопера онъ ожилъ, и здоровье его было быстро восстановлено, онъ былъ возвращенъ своимъ друзьямъ, отъ которыхъ однако всякое свѣдѣніе объ его воскресеніи было сокрыто, пока не стало возможнымъ болѣе не опасаться повторенія недуга. Ихъ удивленіе — ихъ восторженное изумленіе легко вообразить.

Самою острою особенностью даннаго случая является то обстоятельство, которое заключается въ утвержденіи

самого Мистера Стэпльтона. Онъ говоритъ, что ни въ какой періодъ времени онъ не былъ совершенно безчувствененъ — что, тупо и смутно, онъ сознавалъ все происходившее съ нимъ, отъ момента, когда онъ былъ объявленъ своими врачами *мертвымъ*, до мгновенія, когда, лишаясь чувствъ, онъ упалъ на полъ въ госпиталѣ. „Я живъ“, были непонятныя слова, которыя, признавъ, что онъ находится въ операціонной комнатѣ, онъ попытался въ своей крайности произнести.

Было бы очень легко умножить такіе рассказы, какъ эти, но я воздерживаюсь, ибо, на самомъ дѣлѣ, мы въ нихъ не нуждаемся, чтобы установить фактъ, что преждевременныя погребенія случаются. Когда мы подумаемъ, какъ рѣдко-рѣдко, по самой природѣ случая, бываетъ въ нашей власти открыть ихъ, мы должны допустить, что они могутъ *часто* случаться безъ нашего знанія. Врядъ ли, поистинѣ, есть хоть одно кладбище, по какому-либо случаю вскрытое въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, безъ того, чтобы скелеты были найдены въ позакъ, внушающихъ самыя страшныя подозрѣнія.

Страшно, поистинѣ, подозрѣніе, но во сколько страшнѣе приговоръ! Можно утверждать, безъ колебанія, что нѣтъ событія столь страшно способнаго внушить верховность тѣлеснаго и умственнаго мученія, какъ похороны до смерти. Невыносимое сжатіе легкихъ — удушающія испаренія земли — плотное примыканіе смертныхъ одеждъ — окоченѣлое объятіе узкаго домовища — чернота непроницаемой ночи — молчаніе, заливающее, какъ море — незрямое, но явственное присутствіе червя-побѣдителя — это все, съ мыслями о воздухѣ и травѣ тамъ, наверху, съ памятью о дорогихъ друзьяхъ, которые прибѣжали бы спасти насъ, если бы были освѣдомлены о нашей судьбѣ, и съ сознаниемъ, что объ этой судьбѣ *никогда* они не будутъ освѣдомлены — что наша безнадежная участь есть участь дѣйствительнаго мертвеца — эти соображенія,

говоря я, увлекаютъ въ сердце еще трепещущее, такую степень устрашающаго и невыносимаго ужаса, отъ которой должно отпрянуть самое дерзновенное воображеніе. Мы не знаемъ ничего столь крайне пыточнаго на землѣ—мы не можемъ вообразить себѣ ничего наполовину столь отвратительнаго въ областяхъ самаго глубиннаго ада; и такимъ образомъ всѣ повѣствованія на эту тему имѣютъ столь глубокой интересъ; интересъ, однако, который, благодаря священному ужасу самой темы, очень точно, и очень своеобразно, зависитъ отъ нашего убѣжденія въ *истинности* рассказываемаго. То, что я хочу сейчасъ рассказать, взято изъ моего личнаго знанія—изъ моего собственнаго, точнаго и личнаго, опыта.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ подверженъ приступамъ того своеобразнаго недуга, который врачи согласились называть катаlepsіей, за недостаткомъ какого-нибудь болѣе опредѣленнаго термина. Хотя, какъ ближайшія, такъ и предполагающія причины этого недуга, и даже настоящій его діагнозъ, еще таинственны, его очевидный и явный характеръ достаточно хорошо понимается. Видоизмѣненія его, повидимому, заключаются, главнымъ образомъ, въ степени. Иногда больной лежитъ одинъ только день, или даже болѣе краткое время, въ извѣстнаго рода преувеличенной летаргіи. Онъ безчувствененъ и внѣшне недвиженъ, но біеніе его сердца еще слабо различимо; нѣкоторые слѣды теплоты остаются; слабый румянецъ медлитъ въ средоточіи щекъ, и, приложивъ зеркало къ губамъ, мы можемъ открыть оцѣпенѣлое, неровное и колеблющееся дѣйствіе легкихъ. Затѣмъ, опять длительность транса на недѣли, даже на мѣсяцы; между тѣмъ какъ самое внимательное изслѣдованіе и самый строгій медицинскій осмотръ, бессильны установить какое-либо вещественное различіе между состояніемъ больного, и тѣмъ, что мы постигаемъ какъ безусловную смерть. Обычно, больной спасенъ отъ преждевременнаго погребен-

нія лишь освѣдомленностью его друзей о томъ, что онъ раньше былъ подверженъ катаlepsii, послѣдовательно возбужденнымъ подозрѣніемъ, и, главнымъ образомъ, появленіемъ разложенія. Поступательный ходъ болѣзни, къ счастью, отличается постепенностью. Первые проявленія хотя четки, все же не двусмысленны. Приступы дѣлаются послѣдовательно все болѣе и болѣе отчетливыми, и каждый длится болѣе долгое время, чѣмъ предыдущій. Въ этомъ заключается главная безопасность, предохраняющая отъ погребенія. Злополучный, коего *первый* приступъ отличался бы крайнимъ характеромъ, случайно извѣстнымъ, почти неизбежно былъ бы обреченъ быть положеннымъ заживо въ могилу.

Мой собственный случай не отличался никакою важною особенностью отъ случаевъ упоминаемыхъ въ медицинскихъ книгахъ. Иногда, безъ какой-либо видимой причины, я погружался, мамо-по-малу, въ состояніе полубо-мороза, или полубезчувствія, и въ этомъ состояніи, безъ боли, безъ способности двигаться или, строго говоря, думать, но съ тупымъ летаргическимъ сознаніемъ жизни, и присутствія тѣхъ, которые окружаютъ мою постель, я оставался до тѣхъ поръ, пока кризисъ недуга, внезапно, не возстановлялъ меня до полноты ощущенія. Въ другихъ случаяхъ я бывалъ пораженъ быстро и стремительно. Миѣ дѣлалось дурно, я нѣмѣлъ, холодѣлъ, меня схватывало головокруженіе, и, поверженный, я такимъ образомъ сразу падалъ. Затѣмъ, въ теченіи цѣлыхъ недѣль, все было пусто, и черно, и безмолвно, и Ничто дѣлалось вселенной. Полное уничтоженіе не могло быть больше. Отъ этихъ послѣднихъ приступовъ я пробуждался, однако, съ постепенностью медленной въ сравненіи съ внезапностью припадка. Совершенно такъ же, какъ день брезжить для лишеннаго друзей и бездомнаго нищаго, который блуждаетъ по улицамъ всю долгую безутѣшную зимнюю ночь— совершенно такъ же запоздало, совершенно такъ же устало,

совершенно такъ же радостно возвращался назадъ свѣтъ души ко мнѣ.

Однако же, помимо этой склонности къ трансу, общее состояніе моего здоровья было повидимому хорошимъ, и я не могъ замѣтить, чтобы оно вообще было затронуто какой-нибудь одной господствующей болѣзью, развѣ только, на самомъ дѣлѣ, одна особенность въ моемъ обычномъ снѣ могла быть упомянута, какъ указатель. По пробужденіи отъ дремоты я никогда не могъ сразу овладѣть моими чувствами, и всегда оставался нѣсколько минутъ въ большой ошеломленности и смущеніи; умственные способности вообще, но память въ особенности, находилась въ состояніи безусловной задержки.

Во всемъ, что я болѣзненно испытывалъ, не было никакого физическаго страданія, но была безконечность душевнаго мученія. Моя фантазія дѣлалась склепомъ. Я говорилъ „о червяхъ, гробницахъ и эпитафіяхъ“. Я терялся въ мечтаніяхъ о смерти, и мысль о преждевременныхъ похоронахъ постоянно владѣла моимъ мозгомъ. Страшная, подобная привидѣнію, опасность, которой я былъ подверженъ, неотступно преслѣдовала меня днемъ и ночью. Днемъ пытка размышленія была крайней, ночью—верховой. Когда угрюмая тѣма распространялась по землѣ, тогда, объятый ужасомъ самой мысли, я дрожалъ какъ трепещущія перья султана на похоронныхъ дрогахъ. Когда природа не могла болѣе выносить бодрствованія, я соглашался уснуть лишь съ борьбою—ибо я трепеталъ, размышляя, что, проснувшись, я могу увидѣть себя жильцомъ могилы. И когда, наконецъ, я погружался въ дремоту, это было лишь для того, чтобы сразу низринуться въ міръ призраковъ, надъ которыми, вѣя обширными, соболино-черными, затѣняющими крылами, рѣяла, господствуя, одна похоронная мысль.

Изъ безчисленныхъ мрачныхъ образовъ, которые угнетали меня такимъ образомъ во снѣ, я выпраю для па-

мати лишь одно одинокое видѣніе. Мнѣ мнилось, я былъ погруженъ въ каталептическій трансъ, болѣе чѣмъ обычной длительности и глубины. Внезапно ко лбу моему прикоснулась ледяная рука, и нетерпѣливый, бормочущій голосъ прошепталъ мнѣ на ухо слово: „Встань“!

Я сѣлъ, выпрямившись. Тьма была полная. Я не могъ видѣть лицо того, кто разбудилъ меня. Я не могъ припомнить ни времени, когда я впалъ въ трансъ, ни мѣста, гдѣ я тогда лежалъ. Въ то время какъ я оставался недвижимымъ и пытался собраться съ мыслями, холодная рука съ дикимъ порывомъ схватила меня за кисть моей руки и быстро ее потрясла, межъ тѣмъ какъ бормочащій голосъ опять сказалъ:

„Встань! Развѣ я не велѣлъ тебѣ встать?“

— „А кто ты?“—спросилъ я.

— „У меня нѣтъ имени въ тѣхъ областяхъ, гдѣ я пребываю“,—отвѣчалъ голосъ мрачно;—„я былъ смертнымъ, а нынѣ демонъ. Я былъ безжалостнымъ, а нынѣ полонъ состраданія. Ты чувствуешь, какъ я дрожу? Зубы мои стучать, пока я говорю, но это, однако же, не отъ холода ночи—ночи безъ конца. Но эта чудовищность невыносима. Какъ можешь ты спокойно спать? Я не могу успокоиться изъ-за воплей этихъ великихъ пытокъ агоніи. Это зрѣлище больше того, что я могу вынести. Вставай, иди со мною во внѣшнюю ночь, и дай мнѣ разоблачить передъ тобой могилы. Или это не зрѣлище злополучія?—Гляди!“

Я взглянулъ; и невидимая фигура, все еще сжимавшая меня за кисть руки, сдѣлала такъ, что всѣ человѣческія могилы предстали разъятыми, и изъ каждой исходило слабое фосфорическое сіяніе разложенія, такъ что я могъ заглянуть въ самые сокровенные уголки, и видѣть окутанныя въ саванъ тѣла, въ печальной и торжественной ихъ дремотѣ съ червемъ. Но увы! дѣйствительно спящіе на много милліоновъ были меньше числомъ, чѣмъ тѣ, которые не спали вовсе, и было тамъ слабое бorenіе; и было

тамъ общее скорбное безпокойство; и изъ глубинъ безчисленныхъ яминъ исходилъ мрачный шелестъ одѣяній схороненныхъ; и среди тѣхъ, что казались спокойно отдыхающими, я увидѣлъ, обширное число перемѣнило, въ большей или меньшей степени, окоченѣлую и принужденную позу, въ каковой первоначально они были похоронены. И межъ тѣмъ какъ я глядѣлъ, голосъ опять сказалъ мнѣ:

— „Неужели же это— о *неужели* же это не скорбное зрѣлище?“ По прежде, чѣмъ я могъ найти слово для отвѣта, фигура перестала сжимать кисть моей руки, фосфорическіе свѣты погасли, и могилы внезапно и насильственно закрылись, межъ тѣмъ какъ изъ нихъ изошло смятеніе отчаивающихся воплей, снова говоря: „Неужели же это— о Боже! *неужели* же это не скорбное, не прискорбное зрѣлище?“

Подобныя фантазіи, возникая ночью, простирала свое устрашающее вліяніе далеко на часы бодрствованія. Нервы мои были въ совершенно расслабленномъ состояніи, и я сдѣлался жертвой непрерывнаго ужаса. Я не рѣшался ѣздить верхомъ, или гулять, или предаваться какому-либо развлеченію, которое могло бы отвлечь меня отъ дома. Я болѣе не дерзалъ на самомъ дѣлѣ отступать отъ непосредственнаго присутствія тѣхъ, которые знали о моей склонности къ каталенсіи, изъ опасенія, что, впадши въ одинъ изъ моихъ обычныхъ припадковъ, я, пожалуй, буду схороненъ прежде, чѣмъ мое дѣйствительное состояніе будетъ обнаружено. Я сомнѣвался въ заботѣ, въ вѣрности самыхъ дорогихъ моихъ друзей. Я боялся, что во время какого-нибудь транса, большей, чѣмъ обыкновенно, длительности, ими можетъ овладѣть мысль считать меня безвозвратно потеряннымъ. Я дошелъ даже до того, что боялся, что, разъ я причиняю такъ много хлопотъ, они будутъ рады счесть какой-либо очень продолжительный припадокъ достаточнымъ извиненіемъ, чтобы избавиться

отъ меня совершенно. Напрасно пытались они снова меня увѣрить, давая самыя торжественныя обѣщанія. Я вымогалъ священнѣйшія клятвы, что ни при какихъ обстоятельствахъ они не похоронятъ меня до тѣхъ поръ, пока разложеніе не дойдетъ вещественно до такихъ ступеней, что дальнѣйшее сохраненіе станетъ невозможнымъ; и даже тогда мои смертельные страхи не хотѣли слушаться разсудка, не хотѣли принять утѣшенія. Я предпринялъ цѣлый рядъ выработанныхъ предосторожностей. Между прочимъ, я передѣлалъ фамилный склепъ такимъ образомъ, что его легко можно было открыть изнутри. Малѣйшаго нажатія на длинный рычагъ, простиравшійся далеко въ гробницу, было достаточно, чтобы желѣзныя врата раскрылись. Были сдѣланы также приспособленія для свободного доступа воздуха и свѣта, и соответствующіе запасы пищи и воды должны были быть поставлены въ непосредственной близости отъ гроба, предназначеннаго для принятія моего тѣла. Въ этомъ гробѣ изнутри была теплая и мягкая обивка, и у него была крышка, сдѣланная по тому же методу, что и входныя двери свода, съ добавленіемъ пружинъ, такъ прилаженныхъ, что слабѣйшаго движенія тѣла было бы достаточно, чтобы освободиться. Кромѣ всего этого, съ потолка склепа свѣшивался большой колоколь, веревка котораго, такъ было замыслено, должна была проходить черезъ отверстіе въ гробу, будучи прикрѣплена къ одной изъ рукъ трупа. Но, увы! что значить блительность — передъ судьбой человѣка? Даже такъхъ благоустроенныхъ достовѣрностей было недостаточно, чтобы спасти отъ крайнихъ пытокъ погребенія живо — злополучнаго, осужденнаго на такія пытки!

Пришло время — какъ приходило оно нерѣдко и до того — когда я почувствовалъ себя возникающимъ изъ полной безсознательности, къ первому, слабому, и неопредѣленному ощущенію существованія. Медленно — съ черепашьей постепенностью — приближалась слабая сѣрая заря

духовнаго дня. Тупая неловкость. Анастическое ощущение глухой боли. Ни заботы—ни чаянія—ни усилія. Потомъ, послѣ долгаго промежутка, звонъ въ ушахъ; потомъ, послѣ промежутка еще болѣе долгаго, ощущение зуда или покалыванія въ конечностяхъ; потомъ, кажущаяся вѣчной полоса сладостнаго спокойствія, во время которой ощущенія пробужденія борются, пытаюсь принять форму мысли; потомъ, вторичное короткое впаденіе въ небытіе; потомъ, внезапное пробужденіе, наконецъ, еле замѣтное дрожаніе вѣки, и немедленно за этимъ электрической толчокъ ужаса, смертельнаго и неопредѣленнаго, посылающаго кровь потоками отъ висковъ къ сердцу. И теперь, первая настоящая попытка думать. И теперь, первая попытка вспомнить. И теперь, частичный и ускользящій успѣхъ усилія. И теперь, память настолько вернула свое господство, что въ нѣкоторой мѣрѣ я сознаю свое состояніе. Я чувствую, что я просыпаюсь не отъ обыкновеннаго сна. Я припоминаю, что я былъ подверженъ катаlepsis. И теперь, наконецъ, какъ бы отъ порыва нахлынувшаго океана, мой дрожащій духъ захваченъ одною жестокой опасностью—одною, подобной привидѣнію, и всегосподствующей мыслью.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, послѣ того какъ эта фантазія овладѣла мной, я оставался неподвижнымъ. Почему? Я не могъ бы заставить себя двинуться. Я не смѣлъ сдѣлать усиліе, которое бы удостовѣрило меня въ моей судьбѣ; и однако же было что-то въ моемъ сердцѣ, что шептало мнѣ, что *она достоверна*. Отчаяніе—такое, къ какому не приводятъ никакія другія разновидности злополучія—одно отчаяніе понудило меня послѣ долгой нерѣшительности приподнять тяжелыя вѣки моихъ глазъ. Я приподнялъ ихъ. Все было темно—темно. Я зналъ, что припадокъ прошелъ. Я зналъ, что кризисъ въ моемъ недугѣ давно миновалъ. Я зналъ, что ко мнѣ цѣлкомъ теперь вернулись мои зрительныя способности и, однако же, все

было темно—темно—напряженная и предѣльная безпросвѣтлость ночи, что длится навсегда.

Я попытался вскрикнуть, губы мои и изсохшій языкъ мой судорожно двигались въ попыткѣ—но никакого голоса не исходило изъ впалыхъ легкихъ, которыя, будучи надавлены какъ бы тяжестью какой-то нависшей горы, задыхались и трепетали, вмѣстѣ съ сердцемъ, при каждомъ трудномъ и исполненномъ бореніи дыханіи.

Движеніе челюстей при этой попыткѣ громко вскрикнуть показало мнѣ, что они были подвязаны, какъ это обыкновенно бываетъ съ мертвецами. Я чувствовалъ, кромѣ того, что я лежу на чемъ-то твердомъ, и чѣмъ-то подобнымъ же бока мои были тѣсно сжаты. До этой минуты, я не дерзалъ шевельнуть ни рукой, ни ногой — но тутъ я съ бѣшенымъ порывомъ вскинулъ мои руки, лежавшія вдоль тѣла, съ ладонями крестъ на крестъ. Они ударились о что-то твердое, деревянное, что простиралось надо мною на возвышеніи не болѣе шести дюймовъ отъ лица. Я не могъ болѣе сомнѣваться, что я покоился, наконецъ, въ гробу.

И теперь среди моихъ безконечныхъ злосчастій нѣжно возникъ херувимъ надежды—я подумалъ о моихъ предосторожностяхъ. Искривившись, я дернулся, и сдѣлалъ судорожное усиліе пріоткрыть крышку; она не двигалась. Я пощупалъ кисти рукъ, ища веревки, ведущей къ колоколу; ея не было. И тутъ утѣшитель улетѣлъ навсегда, и еще болѣе мрачное отчаяніе воцарилось торжествуя: потому что я не могъ не замѣтить отсутствіе обивки, которую я такъ тщательно приготовилъ; и тутъ, кромѣ того, въ ноздри мои внезапно вошелъ сильный особенный духъ влажной земли. Заключение возникло неудержимо, я не былъ въ фамильномъ склепѣ. Я впалъ въ трансъ, когда былъ далеко отъ дома—былъ среди чужихъ—какъ это и когда, я не могъ припомнить; и это они похоронили меня, какъ собаку—забили меня въ какой-то грошовый гробъ—

и бросили глубоко, глубоко, и навсегда, въ самую обыкновенную безъимянную могилу.

Когда это страшное убѣжденіе насильственно ворвалось въ потаенныя горницы моей души, я еще разъ напрягся, пытаюсь громко вскрикнуть; и эта вторичная попытка удалась. Долгій, дикій, и длительный крикъ, или вопль агоніи, прозвучалъ въ областяхъ подземной ночи.

„Гей! Гей! тамъ!“—сказалъ грубый голосъ въ отвѣтъ.

„Что тамъ еще за дьявольщина?“—сказалъ другой голосъ.

„Тащи-ка его оттуда“,—сказалъ третій.

„Что вы тамъ воете и ревете, словно котъ какой шайлай“,—сказалъ четвертый; и засимъ я былъ схваченъ, и нѣсколько минутъ безъ всякой церемоніи меня трясла какая-то шайка особой весьма грубаго вида. Они не пробудили меня отъ моей дремоты, ибо я совершенно бодрствовалъ, когда кричалъ, но они возстановили меня въ полномъ обладаніи моей памятью.

• Это приключеніе случилось около Ричмонда, въ Виргиніи. Въ сопровожденіи одного друга я отправился въ охотничью экскурсію на нѣсколько миль внизъ по берегамъ рѣки Святого Іакова. Приближалась ночь, и мы были захвачены грозой. Каюта небольшой шлюпки, стоявшей на якорѣ въ рѣкѣ и нагруженной садовымъ дерномъ, доставила намъ единственное возможное прибѣжище. На худой конецъ мы воспользовались ею, какъ могли, и провели тамъ ночь. Я спалъ на одной изъ двухъ имѣвшихся на шлюпкѣ коскъ—и койки шлюпки въ шестьдесятъ или семьдесятъ тоннъ врядъ ли надо описывать. То помѣщеніе, которое занялъ я, не имѣло никакихъ постельныхъ принадлежностей, самая большая его ширина простиралась на восемнадцать дюймовъ. Разстояніе отъ пола до палубы надъ головой было въ точности то же самое. Для меня было дѣломъ весьма затруднительнымъ проползти туда. Тѣмъ не менѣе я спалъ крѣпко; и вся цѣльность

моего видѣнія—потому что это былъ не сонъ, и не кошмаръ—возникла естественно изъ обстоятельствъ моего положенія—изъ обычныхъ наклонностей моей мысли—и изъ указанной мною трудности привести въ порядокъ чувства, и въ особенности овладѣть памятью, значительное время спустя послѣ пробужденія отъ сна. Тѣ, которые меня встряхнули, принадлежали къ экипажу шлюпки, и среди нихъ были рабочіе, нанятые разгрузить ее. Духъ земли исходилъ отъ самаго груза. Повязкой вокругъ челюстей былъ шелковый носовой платокъ, которымъ я обвязалъ себѣ голову за отсутствіемъ обычнаго моего ночного колпака.

Перенесенныя пытки, однако, были безъ сомнѣнія совершенно равными въ то время пыткамъ дѣйствительнаго погребенія. Они были страшны—они были непостижимо отвратительны; но изъ худа возникло благо, ибо самый избытокъ ихъ вызвалъ въ моемъ духѣ неизбежный поворотъ. Душа моя приобрѣла извѣстный тонъ, извѣстный устой. Я предпринялъ путешествіе. Я настоящимъ образомъ встряхнулся. Я сталъ дышать вольнымъ воздухомъ неба. Я сталъ думать не только о смерти, но и о другихъ предметахъ. Я бросилъ мои медицинскія книги. „Buchan'a“ я сжегъ. Я не читаю ни „Ночныхъ Помысловъ“—ни нарывнаго вздора о кладбищахъ—ни пугающихъ разсказовъ—*вотъ, какъ тотъ*. Словомъ, я сдѣлался новымъ человѣкомъ, и зажилъ настоящей жизнью. Послѣ этой памятной ночи, я изгналъ изъ ума своего все погребальные страхи, и вмѣстѣ съ ними исчезъ каталептический недугъ, который, быть можетъ, не столько былъ причиной ихъ, сколько слѣдствіемъ.

Бываютъ мгновенія, когда міръ нашего скорбнаго человѣка, даже для трезваго ока разсудка, можетъ принимать всю видимость ада; но воображеніе человѣка не Каратись, чтобы изслѣдовать безнаказанно каждую пещеру. Увы! угрюмый легионъ гробовыхъ ужасовъ не мо-

жесть быть разсматриваемъ какъ совершенная выдумка; но какъ демоны, въ сообществѣ которыхъ Аффросіабъ свершилъ свое странствіе внизъ по Океу, они должны спать или они пожрутъ насъ—нужно дать имъ быть въ дремотѣ или мы погибли.

УБИЙСТВО ВЪ УЛИЦЪ МОРГЪ.

Какую пѣсню пѣли Сирены, или какое имя принялъ Ахиллесъ, когда онъ скрывался среди женщинъ, эти вопросы, хотя и ошеломительны, все же не внѣ *всякой* догадки.

Сэръ Томасъ Броуни.

Умственные черты, обсуждаемыя какъ аналитическія, сами по себѣ лишь мало способны къ анализу. Мы опѣиваемъ ихъ только по ихъ слѣдствіямъ. Мы знаемъ о нихъ, наряду съ другими обстоятельствами, что они всегда являются для ихъ обладателя, когда онъ обладаетъ ими въ неумѣренномъ количествѣ, источникомъ самаго живого наслажденія. Какъ сильный человѣкъ наслаждается физической ловкостью, предаваясь такимъ упражненіямъ, которыя приводятъ его мускулы въ движеніе, такъ человѣкъ анализирующій извлекаетъ для себя славу и восторгъ въ той умственной дѣятельности, которая *распутываетъ*. Онъ извлекаетъ наслажденіе даже изъ самыхъ тривиальныхъ занятій, приводящихъ его талантъ въ дѣйствіе. Онъ увлеченъ загадками, игрою словъ, гіероглифами; ибо въ разрѣшеніи каждой загадки онъ являетъ извѣстную степень *тонкой проницательности*, кажущейся воспріятію заурядному сверхъестественной. Получаемые имъ результаты, обусловливаемые самою душою и сущностью метода, имѣютъ, на самомъ дѣлѣ, видъ совершенной интуиціи.

Способность разрѣшенія, возможно, очень усиливается изученіемъ математики, и въ особенности той высшей ея отрасли, каковая, несправедливо, и, главнымъ образомъ, на основаніи ея всякъ идущихъ операций, была названа какъ бы *par excellence*, анализомъ. Шахматный игрокъ, напримѣръ, дѣлаетъ одно безъ усилія въ другомъ. Отсюда слѣдуетъ, что игра въ шахматы въ своихъ дѣйствіяхъ на умственную природу весьма невѣрно истолковывается. Я не пишу нынѣ какой-либо трактатъ, но просто—въ видѣ предисловія къ нѣскольکو своеобразному повѣствованію—весьма наудачу привожу различныя соображенія; я воспользуюсь по этому случаю возможностью утверждать, что непоказная игра въ шашки требуетъ болѣе рѣшительно и болѣе планомѣрно высшихъ способностей размышляющаго пониманія, нежели всѣ утонченныя суетности шахматной игры. Въ этой послѣдней, гдѣ фигуры имѣютъ различныя и *причудливыя* движенія съ различными и мѣняющимися цѣнностями, то, что лишь сложно, ошибкою (ошибка отнюдь не необычная) принимается за то, что глубоко. *Вниманіе* весьма сильно призывается здѣсь къ дѣйствию. Если оно ослабѣваетъ на мгновеніе, совершается недосмотръ, и отсюда ущербъ или пораженіе. Такъ какъ возможныя движенія не только многообразны, но и развертываются по кривой линіи, вѣроятія такихъ недосмотровъ многочисленны; и въ девяти случаяхъ изъ десяти выигрываетъ не болѣе тонкій игрокъ, а скорѣе болѣе сосредоточенный. Въ шашкахъ, напротивъ, гдѣ движенія *единообразны* и лишь мало видоизмѣняются, вѣроятія недосмотра уменьшены, и такъ какъ простое вниманіе сравнительно не призывается къ пользованію, выгоды, получаемыя той и другой партіей, получаютъ превосходной степенью *тонкаго пониманія*. Чтобы быть менѣ отвлеченнымъ—предположимъ игру въ шашки, гдѣ фигуры сведены до четырехъ дамокъ и гдѣ, конечно, нельзя ожидать никакого недосмотра. Явно, что здѣсь побѣда мо-

жетъ быть рѣшена (при полномъ равенствѣ игроковъ) лишь какимъ-нибудь *изысканнымъ* движеніемъ, какъ результатомъ какого-нибудь сильнаго напряженія ума. Лишенный обычныхъ ресурсовъ, человѣкъ анализирующій опрокидывается въ духъ своего противника, отождествляетъ себя съ нимъ и нерѣдко видитъ, такимъ образомъ, единымъ взглядомъ единственную возможность (иногда поистинѣ нелѣпо простую), съ помощью которой онъ можетъ вовлечь въ ошибку или подтолкнуть въ невѣрный расчетъ.

Долгое время обращалъ на себя вниманіе вистъ, благодаря своему вліянію на то, что зовется способностью рассчитывать; и люди съ умственными способностями высокаго разряда, какъ извѣстно, находили въ этой игрѣ, по видимости, необъяснимое наслажденіе, избѣгая въ то же время игры въ шахматы, какъ вещи пустой. Безъ сомнѣнія, нѣтъ никакой игры, по природѣ родственной, которая бы въ такой степени захватывала способность анализа. Лучшій на свѣтѣ игрокъ въ шахматы *можетъ* быть мало чѣмъ болѣе, чѣмъ лучшій игрокъ въ шахматы; успѣшность же игры въ вистъ связана съ способностью къ успѣху во всѣхъ тѣхъ болѣе важныхъ предпріятіяхъ, гдѣ умъ борется съ умомъ. Когда я говорю успѣшность, я разумѣю то совершенство въ игрѣ, которое включаетъ въ себя достиженіе *всѣхъ* источниковъ, изъ коихъ законнымъ образомъ можно извлекать выгоду. Они не только многоразличны, но и многообразны, и часто скрываются въ уголкахъ ума, совершенно недоступныхъ для зауряднаго пониманія. Наблюдать внимательно, значить явственно припоминать; и въ этомъ смыслѣ сосредоточенный игрокъ въ шахматы окажется очень хорошимъ игрокомъ въ вистъ; ибо правила Гойля (сами основанныя на простомъ механизмѣ игры) достаточно и легко постижимы. Такимъ образомъ, имѣть запоминающую память и поступать по указаніямъ „книги“, это суть пункты во-

обще разсматриваемые какъ полная сумма хорошаго умѣ-
нія играть. Но способность анализа выясняется именно
въ вещахъ, лежащихъ за предѣлами простого правила.
Человѣкъ, способный къ анализу, дѣлаетъ, молча, цѣлое
множество наблюдений и выводовъ. Такъ, быть можетъ,
поступаютъ и его соучастники въ игрѣ; и различіе въ
объемѣ получаемыхъ выводовъ заключается не столько
въ доброкачественности способности выводить, сколько въ
качествѣ наблюденья. Необходимое знаніе есть знаніе
того, что нужно наблюдать. Пашъ игрокъ отнюдь не ста-
витъ себѣ ограниченій; и такъ какъ цѣлью является игра,
онъ отнюдь не отбрасываетъ выводовъ изъ вещей, игрѣ
совершенно чуждыхъ. Онъ изслѣдуетъ лицо своего парт-
нера, сравнивая его тщательно съ лицомъ каждаго изъ
противниковъ. Онъ разсматриваетъ способъ подбранія
картъ въ каждой рукѣ, часто считая козырь за козыремъ
и фигуру за фигурой, по взглядамъ, бросаемымъ на ка-
ждую карту ихъ обладателями. Онъ подмѣчаетъ каждое
измѣненіе лица по мѣрѣ того, какъ игра идетъ, накопляя
цѣлый капиталъ мысли изъ различій въ выраженіи увѣ-
ренности, удивленія, торжества, и огорченія. Изъ манеры
брать взятку онъ дѣлаетъ заключеніе, способно ли дан-
ное лицо взять новую взятку при слѣдующемъ ходѣ. Онъ
узнаетъ то, что сыграно ложнымъ маневромъ, по виду,
съ которымъ карты брошены на столъ. Случайное или
неосторожное слово, случайно упавшая или повернутая
карта, въ сопровожденіи тревожнаго или небрежнаго же-
ланія ее скрыть; считаніе взятокъ, съ порядкомъ ихъ
распредѣленія; затрудненіе, колебаніе, живость, или тре-
петный порывъ — все оставляетъ для него, на видъ инту-
итивнаго, воспріятія указанія истиннаго положенія вещей.
Когда сыграны два-три тура, онъ вполне владѣетъ при-
емами каждой руки, и засимъ играетъ своими картами
съ такой совершенною точностью замысла, какъ, если бы
остальные игроки показали свои собственныя карты лицомъ.

Аналитическая способность не должна быть смѣшиваема съ простой находчивостью; ибо, въ то время какъ чело-вѣкъ анализирующій необходимымъ образомъ находчивъ, чело-вѣкъ находчивый часто достопримѣчательнымъ обра-зомъ неспособенъ къ анализу. Способность построения или сочетанія, черезъ которую обыкновенно проявляется находчивость, и которая, по мнѣнію френологовъ (пола-гаю, ошибочному), имѣетъ свой собственный отдѣльный органъ, при допущеніи, что это способность первичная, часто наблюдалась у тѣхъ, чей разумъ въ другихъ отно-шеніяхъ граничилъ съ идиотизмомъ, возбуждая всеобщее вниманіе среди писателей моралистовъ. На самомъ дѣлѣ, между находчивостью и аналитической способностью су-ществуетъ разница гораздо большая, чѣмъ между фан-тазіей и воображеніемъ, но по характеру строго анало-гичная. Дѣйствительно, разсматривающій это найдетъ, что чело-вѣкъ находчивый всегда фантастиченъ, а что чело-вѣкъ съ *истиннымъ* воображеніемъ никогда не есть что-нибудь иное, нежели чело-вѣкъ анализа.

Слѣдующее повѣствованіе будетъ служить читателю какъ бы нѣкоторымъ поясненіемъ къ утвержденіямъ только что высказаннымъ.

Живя въ Парижѣ во время весны и части лѣта 18—года, я познакомился съ monsieur III. Огюстомъ Дюпенемъ. Этотъ молодой чело-вѣкъ былъ изъ хорошей—нѣтъ, даже изъ знатной—фамиліи, но разнообразіемъ неблагопріят-ныхъ обстоятельствъ онъ былъ приведенъ къ такой бѣд-ности, что энергія его характера уступила, и онъ пере-сталъ дѣлать какія-нибудь усилія, чтобы достигъ успѣха, или заботиться о возстановленіи своего состоянія. Благо-даря любезности его кредиторовъ, въ его распоряженіи еще оставалась небольшая доля его наслѣдственнаго имѣ-нія, и, пользуясь чрезвычайно экономно доходомъ съ нея, онъ могъ доставлять себѣ все необходимое для жизни, не заботясь объ излишествахъ. Единственной его роскошью

были, на самомъ дѣлѣ, книги, а въ Парижѣ ихъ получать легко.

Первое наше знакомство произошло въ одной малоизвѣстной библіотекѣ на улицѣ Монмартръ, гдѣ мы были приведены къ болѣе тѣсному соприкосновенію той случайностью, что мы оба отыскивали одну и ту же весьма рѣдкую и весьма замѣчательную книгу. Мы увидѣлись другъ съ другомъ еще и еще. Я былъ чрезвычайно заинтересованъ его малой семейной исторіей, которую онъ мнѣ рассказалъ подробно, съ тѣмъ чистосердечіемъ, что составляетъ особенность Француза, когда темой разговора служитъ его собственное я. Я былъ удивленъ, кромѣ того, обширными размѣрами его начитанности; и, превыше всего, я чувствовалъ, что душа моя загорается отъ причудливаго пламени и живой свѣжести его воображенія. Ища въ Парижѣ нѣкоторыхъ предметовъ, составлявшихъ тогда предметъ моихъ алканій, я чувствовалъ, что общество такого человѣка было бы для меня неоцѣненнымъ сокровищемъ, и въ этомъ чувствѣ я чистосердечно ему признался. Въ концѣ-концовъ было условлено, что мы будемъ жить вмѣстѣ во время моего пребыванія въ этомъ городѣ; и такъ какъ мои дѣловыя обстоятельства были нѣсколько менѣе запутаны, чѣмъ его, мнѣ было возможно взять на себя расходы по содержанію и обстановкѣ при наймѣ,—въ стилѣ, соотвѣтствовавшемъ нѣсколько мрачной фантастичности нашего общаго темперамента,—изъѣденнаго временемъ и гротескнаго дома, давно заброшеннаго, благодаря суевѣріямъ, о коихъ мы не спрашивали, и находившагося въ полуразрушенномъ состояніи, въ уединенной и пустынной части Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья.

Если бы рутина нашей жизни въ этомъ мѣстѣ была извѣстна міру, насъ бы сочли за сумасшедшихъ—хотя, быть можетъ, сумасшедшихъ безобиднаго свойства. Наша отъединенность была полная. Мы не допускали никакихъ

посѣтителей. Мѣстность нашего убѣжища тщательно соблюдалась въ тайнѣ отъ прежнихъ моихъ знакомыхъ; и уже нѣсколько лѣтъ, какъ Дюпенъ пересталъ знать кого-либо, или быть кому-либо извѣстнымъ въ Парижѣ. Мы существовали лишь сами въ себѣ и другъ въ другѣ.

У друга моего была прихоть фантазіи (ибо какъ иначе мнѣ это назвать?) быть влюбленнымъ въ Ночь во имя ея самой; и въ эту *причудливость*, какъ во всѣ другія его причуды, я спокойно вовлекся, отдаваясь его безумнымъ выдумкамъ съ полнымъ *увлеченіемъ*. Черное божество не могло бы само по себѣ пребывать съ нами всегда; но мы могли поддѣлать его присутствіе. При первыхъ проблескахъ утренней зари, мы закрывали всѣ тяжеловѣсныя ставни нашего стараго жилища, и зажигали двѣ свѣчи, которыя будучи сильно надушены, бросали лишь очень слабыя и очень призрачныя лучи. При помощи ихъ, мы послѣ этого погружали наши души въ сновидѣнія—читали, писали, или разговаривали, пока часы не возвѣщали намъ пришествіе настоящей Тьмы. Тогда мы устремлялись на улицу, рука объ руку, продолжая бесѣду дня, или блуждая и уходя далеко, до поздняго часа, ища среди дикихъ свѣтовъ и тѣней люднаго города той безконечности умственнаго возбужденія, которой не можетъ доставить спокойное наблюденіе.

Въ такіе часы я не могъ не замѣчать съ восхищеніемъ (хотя богатая идеальность моего друга должна была меня подготовить къ этому) особой аналитической способности въ Дюпенѣ. Повидѣмому, онъ даже извлекалъ чрезвычайное наслажденіе изъ примѣненія ея—или, пожалуй, точнѣе говоря, изъ ея явнаго выказыванія—и безъ колебаній признавался въ извлекаемомъ, такимъ образомъ, наслажденіи. Онъ похвалялся мнѣ, съ тихимъ, хохочущимъ смѣхомъ, что у множества людей, по отношенію къ нему, есть окна въ груди, и такія утвержденія онъ обыкновенно тотчасъ подтверждалъ, прямыми и весьма поразитель-

тельными, доказательствами его близкаго знанія моего собственнаго сердца. Его манера въ такія мгновенія была скована и отвлечена; въ его глазахъ отсутствовало выраженіе; въ то время какъ его голосъ, обыкновенно богатый теноръ, доходилъ до дисканта, который звучалъ-бы шаловливо, если бы не обдуманность и не полная отчетливость въ способъ выраженій. Наблюдая его въ такихъ настроеніяхъ, я часто размышлялъ о старинной философіи—Двураздѣльной Души, Души-Двойника, и забавлялся фантазіей о двойномъ Дюпенѣ—творческомъ и разрѣшающемъ.

Да не будетъ предположено изъ того, что я только что сказалъ, что я развиваю какую-нибудь тайну или начертываю романъ. То, что я описалъ въ данномъ Французѣ, было просто слѣдствіемъ возбужденнаго, и, быть можетъ, больнаго разума. Но относительно характера его замѣчаній, въ описываемый періодъ, наилучшее представленіе можетъ дать примѣръ.

Мы бродили однажды ночью вдоль по длинной, грязной улицѣ, что находится по сосѣдству съ Палэ-Ройяль. Мы были оба, повидному, погружены каждый въ свои мысли, и ни одинъ изъ насъ не произнесъ ни слова, по крайней мѣрѣ, въ теченія пятнадцати минутъ. Вдругъ Дюпенъ, совершенно неожиданно, разразился словами:

„Весьма онъ малаго роста, это правда, и болѣе былъ бы онъ на своемъ мѣстѣ въ *Théâtre des Variétés*“.

„Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“, отвѣтилъ я не думая, и не замѣчая сперва (настолько я былъ погруженъ въ размышленіе) необыкновенной манеры, которою говорящій согласовалъ свои слова съ моими размышленіями. Мгновеніе спустя я опомнился, и, удивленіе мое было очень сильно.

„Дюпенъ“, сказалъ я очень серьезно, „это влѣ моего пониманія. Скажу безъ колебаній, я ошеломленъ, и едва могу вѣрить своимъ чувствамъ. Какъ это было возможно,

чтобы вы знали, что я думалъ о—?“ Здѣсь я помедлилъ, чтобы удостовѣриться несомнѣнно, дѣйствительно ли онъ знаетъ, о комъ я думалъ.

— „О Шантильи“, сказалъ онъ. Зачѣмъ вы остановились!“ Вы сдѣлали про себя замѣчаніе, что его уменьшительный ростъ дѣлаетъ его неподходящимъ для трагедіи“.

Это было какъ разъ то, что составляло предметъ моихъ размышленій. Шантильи былъ *никогда* сапожникомъ-кропателемъ на улицѣ Сэнъ-Дэни п, помѣшавшись на сценѣ, испыталъ себя въ роли Ксеркса, въ такъ называемой трагедіи Кребиллона, и былъ достопримѣчательно и язвительно осмѣянь за свои пыточные старанія.

„Скажите мнѣ, ради Бога“, воскликнулъ я, „съ помощью какого метода—если тутъ есть методъ—вы были способны измѣрить мою душу въ данномъ случаѣ?“ На самомъ дѣлѣ, я былъ даже болѣе пораженъ, чѣмъ хотѣлъ это выразить.

„Это торговецъ фруктами“, отвѣтилъ мой другъ, „привелъ васъ къ заключенію, что починятель подошвъ—недостаточнаго роста для Ксеркса, и для чего-либо въ такомъ родѣ“.

„Торговецъ фруктами!—вы удивляете меня, я не знаю никакого торговца фруктами“.

„А тотъ человѣкъ, что набѣжалъ на васъ, когда мы входили въ улицу—должно быть, минутъ пятнадцать тому назадъ“. Я вспомнилъ, дѣйствительно, что торговецъ фруктами, неся на своей головѣ огромную корзинку съ яблоками, почти уронилъ меня случайно, когда мы проходили съ улицы К.—на ту главную улицу, гдѣ мы находились; но что общаго могло это имѣть съ Шантильи, я не считалъ возможнымъ уразумѣть.

Въ Дюпенѣ не было ни малѣйшей примѣси *шарлатанства*. „Я объясню“,—сказалъ онъ,—„и чтобы вы могли понять все совершенно ясно, мы сначала прослѣдимъ

ходъ вашихъ размышленій отъ того мига, о которомъ я говорилъ, до мгновенія *встрѣчи* съ упомянутымъ торговцемъ фруктамп. Главныя звенья цѣпи слѣдуютъ такимъ образомъ—Шантильи, Оріонъ, докторъ Никольсъ, Эпикуръ, Стереотомія (пресѣченіе твердыхъ тѣлъ), камни мостовой, торговецъ фруктами“.

Мало есть людей, которые бы въ тотъ или иной періодъ ихъ жизни не забавлялись тѣмъ, что пробѣгали обратнымъ ходомъ шага, коими были достигнуты особыя заключенія ихъ ума. Занятіе это часто полно интереса; и кто прибѣгнетъ къ нему впервые, тотъ будетъ удивленъ, повидимому, безграничнымъ различіемъ и безсвязностью между исходной точкой и конечной. Каково же должно было быть тогда мое изумленіе, когда я услыхалъ, что Французъ сказалъ то, что онъ только что сказалъ, и когда я не могъ не признать, что онъ сказалъ правду. Онъ продолжалъ:

„Мы говорили о лошадяхъ, если я припоминаю правильно, какъ разъ передъ тѣмъ, когда мы ушли съ улицы К.— Это было послѣдней темой нашего разговора. Когда мы переходили на эту улицу, торговецъ фруктами, съ огромной корзинкой на головѣ, быстро пройдя мимо насъ, толкнулъ васъ на кучу камней, нагроможденныхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ передѣлываютъ мостовую. Вы наступили на одинъ изъ валяющихся обломковъ камня, поскользнулись, слегка вывихнули себѣ щиколку, казались чувствующимъ боль или раздосадованнымъ, пробормотали нѣсколько словъ, обернувшись посмотрѣли на кучу камней, и послѣ этого продолжали дорогу въ молчаніи. Я не былъ особенно внимателенъ къ тому, что вы дѣлали: но наблюденіе стало для меня, за послѣднее время, извѣстнаго рода необходимостью.

„Вы продолжали держать свои глаза устремленными на землю—смотря съ живымъ выраженіемъ на ямки и выбоины въ мостовой (такимъ образомъ, я увидѣлъ, что вы-

все еще думаете о камняхъ), пока мы не достигли маленькой улочки Ламартина, которая была вымощена въ видѣ опыта, заходящими одинъ на другой, и закрѣпленными, большими камнями. Тутъ ваше лицо прояснилось, и замѣтивъ, что ваши губы движутся, я не могъ сомнѣваться, что вы прошептали слово „стереотомія“, терминъ весьма аффективно примѣняемый къ такому разряду мостовой. Я зналъ, что вы не могли бы сказать себѣ „стереотомія“ безъ того, чтобы не подумать объ атомахъ, и затѣмъ, о теоріяхъ Эпикура; и такъ какъ недавно, когда мы говорили о данномъ предметѣ, я обратилъ ваше вниманіе на то, какъ своеобразно (хоть это мало отмѣчено) смутныя догадки этого благороднаго Грека встрѣтились съ послѣдней теоріей космогоніи изъ туманныхъ пятенъ, я почувствовалъ, что вы не могли не поднять глазъ къ великому туманному пятну Оріона, и съ увѣренностью я ждалъ, что вы такъ сдѣлаете. Вы взглянули вверхъ; и я удостовѣрился, что я правильно слѣдилъ за ходомъ вашей мысли. Но въ той язвительной *тирадѣ* относительно Шантильи, которая появилась во вчерашнемъ номерѣ „*Musée*“, сатирикъ, дѣлая непочтительные намеки на перемежную кропатедемъ имени при надѣваніи котурновъ, цитировалъ латинскій стихъ, о которомъ мы часто говорили. И разумѣю строку —

Perdidit antiquum litera prima sonum.

Первая буква звукъ потеряла первичный.

Я говорилъ вамъ, что стихъ этотъ имѣлъ отношеніе къ Оріону, раньше писавшемуся Уріонъ, и благодаря извѣстнымъ язвительностямъ, связаннымъ съ этимъ объясненіемъ, я былъ увѣренъ, что вы не могли его забыть. Было ясно поэтому, что вы не могли преминуть сочетать два представленія Оріона и Шантильи. Что вы ихъ сочетали, я это увидѣлъ по характеру улыбки, скользнувшей по вашимъ губамъ. Вы подумали объ умерщвленіи бѣд-

наго сапожника. До этихъ поръ вы шли сгорбившись, но тутъ я увидѣлъ, что вы выпрямились во весь вашъ ростъ. Я убѣдился тогда, что вы размышляли объ уменьшительной фигурѣ Шантильи. Въ эту минуту, я прервалъ ваше размышленіе замѣчаніемъ, что дѣйствительно *весьма* онъ малъ ростомъ, этотъ Шантильи, и что болѣе бы онъ былъ на мѣстѣ въ *Théâtre des Variétés*“.

Недолго спустя послѣ этого, мы читали вечернее изданіе „Gazette de Tribunaux“, и слѣдующіе столбцы остановили наше вниманіе.

„**Необыкновенное убійство**“ . — Сегодня утромъ, около трехъ часовъ, жители квартала Сэнь-Рокъ были разбужены цѣлымъ рядомъ ужасающихъ криковъ, исходившихъ, повидимому, изъ четвертаго этажа въ домѣ, находящемся на улицѣ Моргъ, который, какъ извѣстно, занимали madame Л’Эспанэ и ея дочь, mademoiselle Камилль Л’Эспанэ. Послѣ нѣкотораго промедленія, причиненнаго напрасной попыткой проникнуть въ квартиру обычнымъ образомъ, главная дверь была сломана ломомъ, и восемь или десять сосѣдей вошли въ сопровожденіи двухъ *жандармовъ*. Тѣмъ временемъ крики прекратились, и когда входившіе бросились на первую лѣстницу, были различимы два, или болѣе, грубые голоса въ сердитомъ спорѣ, шедшіе, казалось, изъ верхней части дома. Когда достигли второй площадки, эти звуки сразу прекратились и все стало совершенно тихо. Вошедшіе поспѣшно разсѣялись, переходя изъ комнаты въ комнату. Достигнувъ обширной задней комнаты въ четвертомъ этажѣ (дверь въ которую, будучи замкнута ключемъ изнутри, была взломана), вошедшіе увидѣли зрѣлище, поразившее каждого, не только ужасомъ, но и изумленіемъ.

Въ комнатѣ былъ самый дикій беспорядокъ, мебель была сломана и разбросана по всѣмъ направленіямъ. Тамъ была лишь одна кровать, и постель съ нея была сорвана и брошена на середину пола. На креслѣ лежала бритва,

запачканная кровью. На очагѣ были двѣ или три длинныя и густыя пряди сѣдыхъ человѣческихъ волосъ, также обрызганныя кровью, и, повидимому, вырванныя съ корнемъ. На полу лежали четыре золотыя монеты въ двадцать франковъ, серьга съ топазомъ, три большія серебряныя ложки, три меньшихъ размѣровъ ложки изъ *métal d'Alger*, и два мѣшочка, содержавшіе около четырехъ тысячъ франковъ золотомъ. Ящики одного комода въ углу были выдвинуты и, повидимому, разграблены, хотя многіе предметы были въ нихъ нетронуты. Подъ *постелью* (не подъ кроватью) былъ найденъ небольшой желѣзный сунуточекъ нетронутымъ. Онъ былъ отпертъ, ключъ находился еще въ замкѣ. Въ немъ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ писемъ и другихъ незначительныхъ бумагъ.

Въ комнатахъ не было никакихъ слѣдовъ *Madame Л'Эспанэ*, но въ очагѣ замѣтили необыкновенное количество сажи, была осмотрѣна дымовая труба, и (страшно сказать!) тѣло дочери, головою внизъ, было вытащено оттуда,—оно было втиснуто въ узкое отверстіе на значительное разстояніе. Тѣло было совершенно теплымъ. При изслѣдованіи его было замѣчено много ссадинъ, безъ сомнѣнія, причиненныхъ тѣмъ насиліемъ, съ которымъ тѣло было втиснуто въ каминъ и высвобождено оттуда. На лицѣ были разныя; глубокія царапины, а на горлѣ темныя кровоподтеки и глубокія вдавлины отъ ногтей, какъ если бы умершая была на смерть задушена.

„Послѣ основательнаго изслѣдованія каждой части дома, безъ какого-либо дальнѣйшаго открытія, вошедшіе направились на небольшой вымощенный дворъ, находившійся сзади зданія, гдѣ лежало тѣло старой дамы, съ горломъ настолько перерѣзаннымъ, что при попыткѣ поднять ее, голова отпала. И тѣло, и голова были страшно изуродованы, тѣло настолько, что едва сохраняло какое-либо подобіе человѣческаго.

„Къ этой чудовищной тайнѣ пока еще нѣтъ, какъ мы думаемъ, никакого ключа“.

Газета слѣдующаго дня давала такія дополненія.

„Трагедія въ улицѣ Моргъ.—Цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ былъ допрошенъ въ связи съ этимъ необычайнѣйшимъ и страшнымъ дѣломъ“, (слово affaire не было еще во Франціи такимъ легковѣснымъ по смыслу, какъ оно кажется теперь намъ), „но ничего еще не обнаружилось такого, что бросало бы на него свѣтъ. Мы даемъ ниже всѣ полученные существенныя свидѣтельства.“

„Полинъ Дюбуръ, прачка, показываетъ, что она знала обѣихъ покойницъ въ теченіи трехъ лѣтъ, въ продолженіи какового періода она стирала на нихъ. Старая дама и ея дочь, казалось, находились въ добрыхъ отношеніяхъ, и были весьма заботливы одна къ другой. Платили онѣ отлично. Ничего не могла сказать касательно способа ихъ жизни, или ихъ средствъ къ существованію. Думала, что Madame Л'Эспанэ была гадалкой и этимъ жила. Говорили, что у нея были кое какія денежки. Никогда не встрѣчала въ домѣ никого, когда приносила бѣлье, или приходила взять его. Увѣрена, что у нихъ не было никакой прислуги. Какъ кажется, жилой обстановки не было ни въ какой части дома, кромѣ четвертаго этажа.“

„Пьеръ Моро, торговецъ табакомъ, показываетъ, что онъ обыкновенно поставлялъ Madame Л'Эспанэ, вотъ уже почти четыре года, небольшія количества курительнаго и нюхательнаго табаку. Родился по сосѣдству, въ данномъ кварталѣ, и жилъ здѣсь всегда. Покойница и ея дочь занимали домъ, въ которомъ найдены ихъ тѣла, уже болѣе шести лѣтъ. Раньше въ немъ жилъ ювелиръ, который верхнія комнаты отдавалъ въ наймы разнымъ лицамъ. Домъ былъ собственностью Madame Л'Эспанэ. Она была недовольна жильцомъ, который злоупотреблялъ помѣ-

щеніемъ, и переселилась въ это зданіе сама, отказываясь отдать въ наймы какую-либо его часть. Старая дама была въ состояніи младенчества. Свидѣтель видѣлъ дочь ея лишь пять или шесть разъ за эти шесть лѣтъ. Обѣ онѣ жили чрезвычайно уединенно. Говорили, что у нихъ были деньги. Слыхалъ, какъ говорили среди сосѣдей, что Madame Л'Эспанэ предсказывала судьбу, но не вѣрилъ въ это. Никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь входилъ въ двери, кромѣ старой дамы и ея дочери; разъ только, или два, приходилъ комиссіонеръ, да восемь или десять разъ докторъ.

„Многія другія лица изъ сосѣдей дали показанія въ томъ же смыслѣ. Не упоминалось ни о комъ, кто постѣпалъ бы домъ. Было неизвѣстно, были-ли въ живыхъ какіе-нибудь родственники Madame Л'Эспанэ и ея дочери. Ставни оконъ на передней части дома рѣдко открывались. Ставни задней части дома всегда были закрыты, кромѣ большой задней комнаты, на четвертомъ этажѣ. Домъ—хорошій, не очень старій.

„*Исидоръ Мюзэ*, жандармъ, показываетъ, что онъ былъ позванъ въ домъ около трехъ часовъ утра, и увидѣлъ, что человекъ двадцать или тридцать на улицѣ стараются проникнуть въ домъ. Онъ наконецъ взломалъ дверь—не ломомъ, а штыкомъ. Сдѣлать это ему не представлялось затруднительнымъ, благодаря тому, что двери были двустворчатыя, и ни сверху, ни снизу не былъ задвинутъ засовъ. Крики продолжались, пока дверь не была взломана, и тогда внезапно прекратились. Казалось, что то были пронзительные крики кого-то (или нѣсколькихъ), кто находился въ великой пылкѣ, они были громкіе и протяжные, а не короткіе и быстрые. Свидѣтель первый взшелъ на лѣстницу. Достигнувъ первой площадки, онъ услышалъ два голоса, въ громкомъ и гнѣвномъ спорѣ—одинъ голосъ грубый, другой—гораздо пронзительнѣе—очень странный голосъ. Онъ могъ различить нѣсколько словъ, сказанныхъ

первымъ голосомъ, который былъ голосомъ какого-то Француза. Вполнѣ убѣжденъ, что это былъ не женскій голосъ. Могъ различить слова „*sacré*“ и „*diable*“, „*чортъ*“ и „*дьяволъ*“. Пронзительный голосъ принадлежалъ какому-то иностранцу. Не могъ бы сказать съ увѣренностью, былъ ли то голосъ мужчины или женщины. Не могъ разобратъ, что говорилось, но думаетъ, что языкъ былъ Испанскій. Въ какомъ состояніи находилась комната и въ какомъ состояніи были тѣла, это было описано даннымъ свидѣтелемъ такъ, какъ мы рассказали вчера.

„*Ари Дюваль*, сосѣдъ, и по ремеслу серебряникъ, показываетъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые первыми вошли въ домъ. Подтверждаетъ свидѣтельство Мюзэ въ главномъ. Какъ только дверь была взломана, они снова притворили ее, чтобы удерживать толпу, которая собиралась очень быстро, несмотря на поздній часъ ночи. Пронзительный голосъ, какъ думаетъ этотъ свидѣтель, принадлежалъ какому-нибудь Итальянцу. Увѣренъ, что это былъ не Французъ. Не могъ бы съ увѣренностью сказать, что это былъ мужской голосъ. Онъ могъ быть и женскимъ. Не знаетъ Итальянскаго языка. Не могъ различить словъ, но судя по интонаціи, убѣжденъ, что говорившій былъ Итальянецъ. Зналъ *Madame Л'Эспань* и ея дочь. Часто разговаривалъ съ обѣими. Увѣренъ, что пронзительный голосъ не принадлежалъ ни той, ни другой покойницѣ.

„— *Оденгеймеръ*, рестораторъ. Этотъ свидѣтель по собственной волѣ даетъ показанія. Не говоритъ по-Французски, и потому былъ допрошенъ черезъ переводчика. Родомъ изъ Амстердама. Проходилъ мимо дома въ то время, когда тамъ были крики. Они длились нѣсколько минутъ — вѣроятно минутъ десять. Крики были долгіе и громкіе — очень страшные и мучительные. Былъ однимъ изъ тѣхъ, кто вошелъ въ зданіе. Подтвердилъ предъидущія показанія во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного. Увѣренъ, что пронзительный голосъ — мужской — и принадлежитъ Французу.

Не могъ различить произносимыхъ словъ. Они были громкія и быстрыя—неровныя—говорились, повидимому, какъ въ страхѣ, такъ и въ гнѣвѣ. Голосъ былъ рѣзкій. Не могъ-бы сказать, что голосъ былъ пронзительный. Грубый голосъ сказалъ нѣсколько разъ „*sacré*“, „*diable*“, и однажды „*mon Dieu*“, „*ортъ*“, „*дьяволъ*“, и однажды „*Боже мой*“.

„*Жюль Миньо*, банкиръ, фирмы Миньо и Сынъ, rue Deloigne.—Миньо Старшій. У Madame Л'Эспанэ была нѣкоторая собственность. Онъ ей открылъ счетъ въ своемъ банкѣ, весною такого-то года--(восемь лѣтъ тому назадъ). Дѣлала частые вклады малыми суммами. Не предъявляла никакихъ чековъ до двухъ дней съ половиной передъ смертью, когда самолично взяла сумму въ 4000 франковъ. Эта сумма была уплачена золотомъ, и съ деньгами былъ посланъ на домъ клеркъ.

„*Адольфъ Лебонъ*, клеркъ въ домѣ Миньо и Сынъ, показываетъ, что въ упомянутый день, около полудня, онъ провожалъ Madame Л'Эспанэ въ ея жилище, съ четырьмя тысячами франковъ, положенными въ два мѣшочка. Когда дверь была открыта, появилась Mademoiselle Л'Эспанэ и взяла изъ рукъ у него одинъ мѣшочекъ, между тѣмъ какъ старая дама освободила его отъ другого. Онъ поклонился имъ тогда и отбылъ. Не видалъ кого-бы то ни было на улицѣ въ это время. Это глухой закоулокъ—очень уединенный“.

„*Уильямъ Вёрдъ*, портной, показываетъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вошли въ домъ. Онъ Англичанинъ. Жилъ въ Парижѣ два года. Былъ однимъ изъ первыхъ, кто вошелъ на лѣстницу. Слышалъ спорящіе голоса. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Могъ разобрать нѣсколько словъ, но не можетъ сейчасъ всѣ ихъ припомнить. Слышалъ ясно „*sacré*“ и „*mon Dieu*“. Въ этотъ мигъ былъ такой звукъ, какъ будто боролось нѣсколько человѣкъ. Звукъ схватки и скребущаго шарканья ногами.

Пронзительный голосъ былъ очень громокъ; громче, чѣмъ грубый. Увѣренъ, что это не былъ голосъ Англичанина. По видимости, это былъ голосъ Нѣмца. Это могъ быть женскій голосъ. Не понимаетъ по-Нѣмецки“.

„Четверо изъ вышеназванныхъ свидѣтелей, вторично допрошенные, показали, что дверь комнаты, въ которой было найдено тѣло Mademoiselle Л'Эспанэ, была заперта изнутри, когда вошедшіе достигли ея. Тишина была полная—ни стоновъ, ни какихъ-либо шумовъ. Когда дверь была взломана, они не увидѣли никого. Окна, какъ задней, такъ и передней комнаты, были закрыты и плотно заперты изнутри. Дверь, соединяющая обѣ комнаты, была закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая изъ передней комнаты въ коридоръ, была заперта ключомъ изнутри. Небольшая комната, въ передней части дома, на четвертомъ этажѣ, при входѣ въ коридоръ, была открыта и дверь была приотворена. Эта комната была загромождена старыми постелями, ящиками, и т. п. Предметы эти были тщательно отодвинуты и осмотрѣны. Не было ни одного дюйма въ какой-либо части дома, который не былъ-бы тщательно обысканъ. Каминныя трубы были прочищены сверху до низу. Домъ былъ четырехъэтажный, съ чердаками (*мансардами*), опуская дверь на крышѣ была забита гвоздями очень основательно—я, повидимому, не открывалась въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Время между звукомъ спорящихъ голосовъ и взломомъ двери было установлено свидѣтелями различно. По словамъ нѣкоторыхъ оно длилось лишь три минуты, по словамъ другихъ—пять. Дверь была открыта съ трудомъ“.

„*Альфонсо Гарсіо*, предприниматель похоронныхъ процессій, показываетъ, что онъ живетъ въ улицѣ Моргъ. Родомъ изъ Испаніи. Былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вошли въ домъ. Не поднимался на лѣстницу. Первенъ и боялся послѣдствій волненія. Слышалъ голоса въ спорѣ. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Не могъ разли-

чить, что говорилось. Пронзительный голос принадлежалъ Англичанину — увѣренъ въ томъ. Не знаетъ Англійскаго языка, но судить по интонаціи.

„*Альберто Монтани*, кондитеръ, показываетъ, что онъ былъ среди первыхъ, вошедшихъ на лѣстницу. Слышалъ упомянутые голоса. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Различилъ нѣсколько словъ. Говорившій, повидимому, укорялъ. Не могъ разобрать отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ пронзительнымъ голосомъ. Этотъ голосъ говорилъ быстро и неровно. Думаетъ, что это былъ голосъ Русскаго. Подтверждаетъ общія свидѣтельства. Самъ—Итальянецъ. Никогда не разговаривалъ ни съ какимъ уроженцемъ Россіи.

„Нѣкоторые свидѣтели, вторично допрошенные, засвидѣтельствовали, что каминныя трубы во всѣхъ комнатахъ четвертаго этажа слишкомъ узки, чтобы дать проходъ какому-нибудь человѣческому существу. Говоря о чисткѣ трубъ, они разумѣли не трубочистовъ, а цилиндрическія метущія щетки, которыя употребляются трубочистами при чисткѣ каминовъ. Эти щетки были пропущены вверхъ и внизъ по всѣмъ дымовымъ трубамъ въ домъ. Въ зданіи нѣтъ никакой задней лѣстницы, по которой бы кто-нибудь могъ спуститься, въ то время какъ входившіе поднимались по лѣстницѣ. Тѣло *Mademoiselle Л'Эспане* было такъ плотно втиснуто въ каминную трубу, что его не могли вытащить назадъ, пока четверо или пятеро изъ пришедшихъ не примѣнили всю свою силу.

„*Поль Дюма*, врачъ, показываетъ, что онъ былъ призванъ осмотрѣть тѣла на разсвѣтѣ дня. Оба тѣла лежали на парусинѣ, натянутой на станкѣ кровати, въ комнатѣ, гдѣ была найдена *Mademoiselle Л'Эспане*. Тѣло молодой дамы было сплошь покрыто кровоподтеками и ссадинами. Тотъ фактъ, что оно было втиснуто въ каминную трубу, могъ бы служить достаточнымъ объясненіемъ такому виду тѣла. Горло было сильно воспалено. На немъ было

нѣсколько глубокихъ царапинъ какъ разъ подъ подбородкомъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ синихъ пятенъ, которыя были, очевидно, слѣдами вдавливанія пальцевъ. Лицо было страшно измѣнено въ цвѣтѣ, и глазные яблоки выступили наружу. Языкъ былъ частью прокушенъ. Большой кровоподтекъ былъ открытъ въ углубленіи желудка, полученный, повидимому, отъ надавленія колѣномъ. По мнѣнію Monsieur Дюма, Mademoiselle Л'Эспане была задушена насмерть, кѣмъ-то неизвѣстнымъ, или нѣсколькими неизвѣстными. Тѣло матери было чудовищно изуродовано. Всѣ кости правой ноги и руки были, болѣе или менѣе, сломаны. Берцовая кость лѣвой ноги была весьма расщеплена, такъ же какъ всѣ ребра на лѣвой сторонѣ. Все тѣло было въ страшныхъ кровоподтекахъ и пятнахъ. Невозможно сказать, какимъ образомъ могли быть причинены такія поврежденія. Тяжелая дубина, или широкая полоса желѣза—кресло—какое-либо большое, тяжелое, и тупое оружіе могло произвести подобные результаты, если бы оно находилось въ рукахъ очень сильнаго человѣка. Никакая женщина не могла бы причинить такихъ ударовъ какимъ-либо орудіемъ. Голова умершей, когда ее увидѣлъ свидѣтель, была совершенно отдѣлена отъ тѣла, и также, въ значительной степени, была раздроблена. Горло было, очевидно, перерѣзано какимъ-нибудь очень острымъ инструментомъ, вѣроятно, бритвой.

„Александръ Этьенъ, хирургъ, былъ призванъ осмотрѣть тѣла вмѣстѣ съ Monsieur Дюма. Подтвердилъ свидѣтельство и мнѣнія Monsieur Дюма.

„Ничего важнаго болѣе не было выяснено, хотя было допрошено еще нѣсколько другихъ лицъ. Убіиства, такого таинственнаго, и такого смутительнаго во всѣхъ своихъ частностяхъ, никогда раньше не совершалось въ Парижѣ — если, вообще, какое-либо убійство было, въ дѣйствительности, здѣсь совершено. Полиція была въ полнѣйшемъ недоумѣніи — обычное обстоятельство въ дѣ-

дахъ такого рода. Нѣтъ, надо сказать, ни намека на какую-либо разгадку“.

Вечерняя газета подтвердила, что величайшее волненіе продолжаетъ царить въ кварталѣ Сэнтъ-Рокъ, — что помѣщенія упомянутого дома снова были тщательно обысканы, и были сдѣланы новые допросы свидѣтелей, но всё безъ какого-либо результата. Постъ-скриптумъ возвѣщалъ, однако, что Адольфъ Лебонъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму — хотя противъ него не было, повидимому, никакихъ обвиняющихъ указаній, кромѣ фактовъ уже описанныхъ.

Дюпень, казалось, былъ особенно заинтересованъ ходомъ этого дѣла — по крайней мѣрѣ, такъ я рѣшилъ по его манерѣ, ибо онъ не дѣлалъ никакихъ поясненій. Лишь послѣ того какъ было возвѣщено, что Лебонъ заключенъ въ тюрьму, онъ спросилъ меня, что я думаю касательно убійства.

Я могъ лишь согласоваться со всѣмъ Парижемъ, полагая, что тайна неразрѣшима. Я не видѣлъ никакихъ средствъ, съ помощью которыхъ было бы возможно прослѣдить убійцу.

„Мы не должны судить о средствахъ,“ сказалъ Дюпень, по этой шелухѣ изслѣдованія. Парижская полиція, столь прославленная за *тонкое пониманіе*, хитра, но не болѣе. Въ приемахъ ея нѣтъ метода, кромѣ метода мгновенія. Она дѣлаетъ обширный парадъ мѣрѣ; но, нерѣдко, они такъ дурно приспособлены къ назначенной цѣли, что напоминаютъ Monsieur Журдена, спрашивающаго *sa robe de chambre pour mieux entendre la musique*, свой халатъ, чтобы лучше слышать музыку. Получаемые результаты нерѣдко удивительны, но, по большей части, они являются слѣдствіемъ простаго прилежанія и расторопности. Когда этихъ качествъ недостаточно, ея планы рушатся. Видокъ, напримѣръ, былъ превосходный угадчикъ, и человѣкъ упорный. Но, безъ воспитанной мысли,

онъ постоянно былъ вводимъ въ заблужденіе, именно напряженностью своихъ разслѣдованій. Онъ наносилъ ущербъ своему зрѣнію тѣмъ, что держалъ предметъ слишкомъ близко. Онъ могъ видѣть, быть можетъ, одинъ пунктъ, или два пункта, съ необыкновенной ясностью, но, дѣлая такъ, онъ, по необходимости, терялъ общій видъ разсматриваемаго. Тутъ нѣчто есть, что можетъ быть названо — быть слишкомъ глубокимъ. Истина не всегда находится въ колодецѣ. На самомъ дѣлѣ, что касается знанія наиболѣе важнаго, я полагаю, что истина находится неизмѣнно на поверхности. Не въ долахъ она, гдѣ мы ее ищемъ, а находится на горныхъ вершинахъ. Способы и источники такого рода ошибки превосходно типизируются въ созерцаніи небесныхъ тѣлъ. Смотрѣть на звѣзду бѣглымъ взглядомъ — созерцать ее косвеннымъ образомъ, поворачивая къ ней внѣшнія части *сетчатки* (болѣе чувствительныя къ слабымъ воспріятіямъ свѣта, нежели части внутреннія), это значить, видѣть звѣзду явственно — это значить имѣть наилучшую одѣнку ея блеска — блеска, который затуманивается какъ разъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы *цѣликомъ* устремляемъ на нее наше зрѣніе. На глазъ, въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, падаетъ большее число лучей, но въ первомъ случаѣ существуетъ болѣе утонченная способность воспріятія. Пенадлежащей глубиной мы дѣлаемъ мысль смутной и ослабленной; и даже Венеру можно заставить исчезнуть съ небосвода разсмотрѣніемъ слишкомъ длительнымъ, слишкомъ сосредоточеннымъ, или слишкомъ прямымъ.

„Что до этого убійства, сдѣлаемъ нѣкоторое разсмотрѣніе сами, прежде чѣмъ составлять о немъ какое-либо мнѣніе. Слѣдствіе насъ позабавитъ“ (я нашель, въ данномъ случаѣ, этотъ терминъ довольно страннымъ, но не сказалъ ничего), „и, кромѣ того, Лебонъ однажды оказалъ мнѣ услугу, за которую я ему не буду неблагодаренъ. Мы пойдемъ и посмотримъ помѣщенія дома нашими

собственными глазами. Съ Префектомъ Полиціи Ж., я знакомъ, и получу необходимое разрѣшеніе безъ затрудненій.“

Разрѣшеніе было получено, и мы тотчасъ отправились на улицу Моргъ. Это одна изъ тѣхъ жалостныхъ улочекъ, которыя соединяютъ улицу Ришелье и улицу Сэнъ-Рокъ. Было поздно пополудни, когда мы достигли ея, ибо этотъ кварталъ находится на большомъ разстояніи отъ того квартала, въ которомъ мы жили. Домъ былъ быстро найденъ, такъ какъ около него еще стояли разные люди и смотрѣли на закрытыя ставни съ безпредметнымъ любопытствомъ, съ противоположной стороны улицы. Это былъ обыкновенный Парижскій домъ, съ воротами, на одной сторонѣ которыхъ была будка съ выдвигаемымъ оконцемъ, указывающая на *ложу консьержа*. Прежде чѣмъ войти, мы пошли дальше по улицѣ, повернули въ боковой переулокъ, и потомъ, снова повернувъ, прошли мимо задней части дома — Дюпенъ, тѣмъ временемъ, осматривалъ все по сосѣдству, такъ же какъ домъ, съ той подробной тщательностью вниманія, для которой я не усматривалъ никакого надлежащаго предмета. Вернувшись назадъ, мы снова пришли къ передней части зданія, позвонили и, показавъ наше разрѣшеніе, были впущены полицейскими. Мы вошли на лѣстницу — въ комнату, гдѣ было найдено тѣло Mademoiselle Л'Эспанз, и гдѣ еще находилась обѣ покойницы. Въ комнатѣ, какъ обычно въ этихъ случаяхъ, было предоставлено царить первичному беспорядку. Я не увидѣлъ ничего, кромѣ того, что было описано въ „Gazette de Tribunaux“. Дюпенъ подробно осматривалъ рѣшительно все — не исключая тѣлъ жертвъ. Затѣмъ мы пошли въ другія комнаты и на дворъ; одинъ жандармъ сопровождалъ насъ всюду. Мы были заняты осмотромъ, до того какъ стемнѣло, и послѣ этого отправились назадъ. По дорогѣ домой мой товарищъ остановился на минутку около конторы одной изъ ежедневныхъ газетъ.

Я сказалъ, что причуды моего друга были многообразны, и я ихъ *менажировалъ*—для этого слова нѣтъ равноцѣннаго на Англійскомъ языкѣ. Ему теперь пришло въ голову отклонить всякій разговоръ объ убійствѣ до полдня слѣдующаго дня. Затѣмъ онъ спросилъ меня внезапно, не замѣтилъ ли я чего-нибудь *особеннаго* на мѣстѣ преступленія. Было что-то въ его манерѣ, съ какою онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „особенный“, что заставило меня вздрогнуть, не знаю почему.

„Нѣтъ, ничего *особеннаго*“, сказалъ я, „ничего болѣе, по крайней мѣрѣ, кромѣ того, что мы оба уже видѣли описаннымъ въ газетѣ“.

„Газета“, продолжалъ онъ, „боюсь не проникла въ необычный ужасъ дѣла. Но отбросимъ праздня мнѣнія этой печатной бумаги. Мнѣ представляется, что эта тайна считается неразрѣшимой на томъ самомъ основаніи, которое должно было бы заставить считать ее легкой для разрѣшенія—я разумію *чрезвычайный* характеръ отличительныхъ ея чертъ. Полиція смущена кажущимся отсутствіемъ побудительной причины — не самаго убійства, но жестокости убійства. Она озадачена, кромѣ того, кажущейся невозможностью примарить спорящіе голоса съ тѣмъ фактомъ, что наверху никого не было найдено, кромѣ убитой Mademoiselle Л'Эспанэ, и что не было никакой возможности выйти, безъ того, чтобы не быть увидѣннымъ тѣми, кто поднимался по лѣстницѣ. Дикій безпорядокъ въ комнатѣ; тѣло втиснутое головою внизъ въ каминную трубу; страшное пзуродованіе тѣла старой дамы; эти соображенія, вмѣстѣ съ только что упомянутыми, и другими, о которыхъ нѣтъ надобности упоминать, оказались недостаточными, чтобы парализовать дѣйствія властей, и совершенно поставить втупикъ хваленую *тонкость пониманія* правительственныхъ агентовъ. Они впали въ грубую, но обычную ошибку, смѣшавъ необыкновенное съ отвлеченнымъ. Но именно,

слѣдую за такими отклоненіями отъ плана обычнаго, разумъ ощупываетъ свою дорогу, если онъ находитъ ее вообще, въ своихъ поискахъ истины. Въ изысканіяхъ такихъ, какія предприняты нами нынѣ, не столь важно спрашивать „что случилось“, какъ „что случилось изъ того, что никогда не случалось раньше“. На самомъ дѣлѣ, легкость, съ которой я достигну, или уже достигъ, разрѣшенія этой тайны, находится въ прямомъ соотношеніи, съ кажущейся глазамъ полиціи, видимой ея неразрѣшимостью“.

Я пристально посмотрѣлъ на говорившаго съ нѣмымъ изумленіемъ.

„Я жду теперь“, продолжалъ онъ, смотря на дверь нашей комнаты, „я жду теперь нѣкоего человѣка, который, хотя, быть можетъ, и не будучи свершителемъ этихъ звѣрствъ, долженъ быть, въ нѣкоторой мѣрѣ, запутанъ въ ихъ свершеніи. Въ худшей части совершенныхъ преступленій, вѣроятно, онъ неповиненъ. Надѣюсь, что я правъ въ этомъ предположеніи, ибо на этомъ я строю все мое чаяніе расшифровать загадку цѣликомъ. Я жду нѣ котораго человѣка, здѣсь, въ этой комнатѣ, каждую минуту. Это вѣрно, что онъ можетъ не придти; но вѣроятіе гласитъ за то, что онъ придетъ. Если онъ придетъ, необходимо его удержать. Вотъ пистолеты; мы оба знаемъ, какъ ими пользоваться, ежели случай требуетъ ихъ примененія“.

Я взялъ пистолеты, мало разумѣя, почему я это сдѣлалъ, и едва вѣря своимъ ушамъ, между тѣмъ какъ Дюпенъ продолжалъ, точно бы бесѣдуя съ самимъ собой. Я уже говорилъ объ его отвлеченной разсѣянной манерѣ въ такія минуты. Его рѣчь была обращена ко мнѣ; но его голосъ, хотя отнюдь не громкій, отличался той интонаціей, которую обыкновенно употребляютъ, когда говорить съ кѣмъ-нибудь, находящемся на далекомъ разстояніи. Его глаза, лишенные выраженія, глядѣли лишь на стѣну.

„Что голоса въ спорѣ, сказалъ онъ, услышанные тѣми, кто входилъ по лѣстницѣ, не были голосами самихъ женщинъ, вполне доказано свидѣтелями. Это освобождаетъ насъ отъ всякаго сомнѣнія касательно вопроса, не могла ли старая дама сперва убить свою дочь и потомъ совершить самоубійство. Я говорю объ этомъ пунктѣ, главнымъ образомъ, во имя метода, ибо сила М-ше Л'Эспанэ была бы крайне недостаточной, чтобы втиснуть тѣло дочери въ каминную трубу, какъ оно было найдено, и самое свойство ранъ, найденныхъ на ея тѣлѣ, цѣликомъ исключаетъ мысль о ея самоуничтоженіи. Убійство, такимъ образомъ, было совершено кѣмъ-то третьимъ; и голоса этихъ третьихъ были слышны спорящими. Позвольте мнѣ теперь обратить ваше вниманіе, не на все свидѣтельство касательно этихъ голосовъ, но на то, что было *особеннаго* въ этомъ свидѣтельствѣ. Не замѣтили ли вы здѣсь чего-нибудь особеннаго?“

Я указалъ, что, въ то время какъ всѣ свидѣтели согласовались въ предположеніи, что грубый голосъ принадлежалъ Французу, было много разногласія касательно пронзительнаго, или, какъ опредѣлилъ одинъ свидѣтель, рѣзкаго голоса.

„Въ этомъ заключается самое свидѣтельство“, сказала Дюпенъ, „но это не составляетъ особенности свидѣтельства. Вы не замѣтили ничего отличительнаго. Однако же тутъ *было* нѣчто для наблюденія. Свидѣтели, какъ вы видите, согласуются касательно грубаго голоса; они были въ этомъ единогласны. Но касательно пронзительнаго голоса, особенность состоитъ—не въ томъ, что свидѣтели разнствуютъ—а въ томъ, что, когда какой-нибудь Итальянецъ, Англичанинъ, Испанецъ, Голландецъ и Французъ пытаются описать его, каждый говоритъ о немъ какъ о голосѣ *чужеземца*. Каждый увѣренъ, что это не былъ голосъ кого-либо изъ его земляковъ. Каждый сравниваетъ его—не съ голосомъ представителя какой-нибудь народности, языкъ которой

ему вѣдомъ—но наоборотъ. Французъ предполагаетъ, что это голосъ Испанца, и „могъ бы различить нѣкоторые слова, если бы онъ понималъ Испанскій языкъ“. Голландецъ утверждаетъ, что это былъ голосъ Француза; но мы видимъ сообщеніе, что „не понимая по Французски, свидѣтель былъ допрошенъ черезъ переводчика“. Англичанинъ думаетъ, что это голосъ Нѣмца, но „онъ не знаетъ Нѣмецкаго языка“. Испанецъ, „увѣренъ“, что это былъ голосъ Англичанина, но „судить лишь по интонаціи, такъ какъ Англійскаго языка не знаетъ“. Итальянецъ полагаетъ, что это голосъ Русскаго, но „онъ никогда не разговаривалъ съ какимъ-либо уроженцемъ Россіи“. Другой Французъ разиствуется, кромѣ того, съ первымъ, и увѣренъ, что это былъ голосъ Итальянца; но, не зная этого языка, онъ, какъ и Испанецъ, „судить по интонаціи“. Итакъ, сколь же необычно страненъ долженъ былъ быть въ дѣйствительности этотъ голосъ, если относительно него могли быть собраны такіа свидѣтельства! Голосъ, въ тонахъ котораго, обитатели пяти великихъ дѣлений Европы не могли признать ничего имъ знакомаго! Вы скажете, что это могъ быть голосъ Азіата—или Африканца. Ни Азіаты, ни Африканцы не изобилуютъ въ Парижѣ; но, не отрицая указанія, я хочу только обратить ваше вниманіе на три пункта. Голосъ, какъ опредѣлилъ одинъ свидѣтель, „былъ скорѣе рѣзкій, чѣмъ пронзительный“. Онъ былъ, какъ его изображаютъ два другіе свидѣтеля, быстрый и неровный. Никакихъ словъ—никакихъ звуковъ, похожихъ на слова, ни одинъ свидѣтель не различилъ.

„Я не знаю“, продолжалъ Дюпень, „какое впечатлѣніе, до сихъ поръ, я могъ оказать на ваше пониманіе, но я не колеблясь скажу, что законные выводы даже изъ этой части свидѣтельства—части, касающейся грубаго голоса и пронзительнаго голоса—сами по себѣ достаточны, чтобы породить подозрѣніе, которое должно было бы дать направленіе всему дальнѣйшему ходу въ разслѣдо-

ваніи тайны. Я сказалъ „законные выводы“, но этимъ не вполне выразилъ свое мнѣніе. Я хотѣлъ указать, что такіе выводы суть *единственно* надлежащіе, и что изъ нихъ, какъ особый результатъ, *неизбѣжно* возникаетъ нѣкоторое подозрѣніе. Что это за подозрѣніе, я однакоже пока еще не скажу. Я только хочу закрѣпить въ вашемъ умѣ, что для меня оно является таковымъ, что, достаточнымъ образомъ, вынуждаетъ меня придать законченную форму — опредѣленное направленіе — вниманію — при моемъ изслѣдованіи комнаты.

Перенесемтесь теперь въ воображеніи въ эту комнату. Чего прежде всего мы будемъ тамъ искать? Тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ убійцы ускользнули. Не слишкомъ много сказать, что никто изъ насъ обоихъ не вѣритъ въ сверхъ естественное событіе. Madame и Mademoiselle Л'Эспанэ не духами были убиты. Сверхители дѣянія были существами вещественными и ускользнули вещественнымъ образомъ. Какимъ же именно образомъ? Къ счастью, относительно даннаго пункта есть лишь одинъ способъ размышленія, и этотъ способъ *долженъ* привести насъ къ опредѣленному рѣшенію. Разслѣдуемъ, по отдѣльности, возможные средства ускользнуть. Ясно, что убійцы были въ комнатѣ, гдѣ была найдена Mademoiselle Л'Эспанэ, или, по крайней мѣрѣ, въ комнатѣ къ ней прилегающей, когда вошедшіе поднимались по лѣстницѣ. Такимъ образомъ, лишь въ этихъ двухъ комнатахъ мы должны искать выходовъ. Полиція вскрыла полы, потолки, и стѣны, во всѣхъ направленіяхъ. Никакіе *тайные* выходы не могли бы ускользнуть отъ ея бдительности. Но не довѣряясь ея глазамъ, я осмотрѣлъ все мои собственными. Тайныхъ выходовъ, на самомъ дѣлѣ, *нѣтъ*. Обѣ двери, ведущія изъ комнатъ въ коридоръ, были достоверно заперты, и ключи были вставлены изнутри. Обратимся къ каменнымъ трубамъ. Эти послѣднія, хотя обыкновенно въ восемь или въ десять футовъ ширины надъ очагами, не

пропустить въ дальнѣйшемъ восхожденіи даже тѣла сколько-нибудь крупной кошки. Невозможностью ускользнуть указаннымъ путемъ, такимъ образомъ, безусловно установленной, мы приведены къ окнамъ. Черезъ окна передней комнаты никто не могъ бы бѣжать, не обративъ на себя вниманіе толпы, находившейся на улицѣ. Убійцы *должны* были, такимъ образомъ, бѣжать черезъ окна задней комнаты. Теперь, приведенные къ такому заключенію столь недвусмысленнымъ образомъ, мы не можемъ, какъ размышляющіе, отбросить этотъ способъ, по причинѣ кажущейся его невозможности. Намъ остается лишь доказать, что эта кажущаяся „невозможность“ въ дѣйствительности не такова.

„Въ комнатѣ два окна. Одно изъ нихъ не загромождено мебелью, и видно цѣлкомъ. Нижняя часть другого окна скрыта изголовьемъ тяжелой кровати, приставленной къ ней вплотъ. Первое окно, какъ было найдено, было плотно заперто изнутри. Оно оказывало сопротивленіе крайнему напряженію силы тѣхъ, которые пытались его поднять. Въ оконницѣ второго было усмотрѣно большое пробуравленное отверстіе, и въ него былъ вдвинутъ очень толстый гвоздь, почти до головки. При изслѣдованіи другого окна въ него былъ найденъ вогнаннымъ подобный же гвоздь; и весьма сильная попытка поднять эту раму также не удалась. Полиція послѣ этого вполне удовольствовалась заключеніемъ, что бѣгство не совершилось въ данномъ направленіи. И, *поэтому*, было сочтено излишнимъ вытащить гвозди и открыть окна.

„Мое собственное разслѣдованіе было нѣсколько болѣе подробно, и это по причинѣ, на которую я уже указалъ— пбо здѣсь, я зналъ, всякая видимая невозможность *должна* была быть доказана, какъ таковая, не существующею.

„Я продолжалъ думать такъ—*a posteriori*. Убійцы *свершили* свое исчезновеніе черезъ одно изъ этихъ оконъ.

Разъ это такъ, они не могли бы снова закрѣпить оконницы изнутри, какъ они были найдены закрѣпленными—соображеніе, очевидностью своей положившее конецъ разслѣдованіямъ полиціи въ данной области. Однако, оконницы *были* закрѣплены. Они тогда *должны* были имѣть способность закрѣпляться сами. Отъ такого заключенія никакъ не уйти. Я шагнулъ къ незагроможденному окну, высвободилъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ гвоздь, и попытался поднять раму. Она воспротивилась всѣмъ моимъ усиліямъ, какъ я и предполагалъ. Я зналъ теперь, что тутъ должна была существовать скрытая пружина; и это подтвержденіе моей мысли убѣдило меня, что мои послышки были, по крайней мѣрѣ, правильны, какъ бы ни таинственны казались обстоятельства относительно гвоздей. Тщательное разслѣдованіе вскорѣ указало мнѣ тайную пружину. Я нажалъ на нее и, удовлетворенный открытіемъ, воздержался и не поднималъ раму.

„Я вставилъ гвоздь на прежнее мѣсто и посмотрѣлъ на него внимательно. Тотъ, кто прошелъ бы черезъ это окно, могъ бы снова закрыть его, и пружина была бы закрѣплена; но гвоздь не могъ бы быть помѣщенъ на прежнее мѣсто. Заключение было ясно, и снова суживало поле моихъ изслѣдованій. Убийцы *должны* были бѣжать черезъ другое окно. Предполагая затѣмъ, что пружины на каждой оконницѣ тѣ же самыя, какъ это было вѣроятно, *должно* было найти разницу между гвоздями или, по крайней мѣрѣ, между способами ихъ закрѣпленія. Взобравшись на кровать, я заглянулъ черезъ изголовье и тщательно осмотрѣлъ вторую оконницу. Проведя рукой внизъ по дереву, я быстро нашелъ и нажалъ пружину, которая, какъ я предполагалъ, была по характеру тождественна съ другой. Я посмотрѣлъ теперь на гвоздь. Онъ былъ толстѣе, какъ и другой и, повидимости, закрѣпленъ такимъ же образомъ, будучи вогнанъ почти до головки“.

„Вы скажете, что я былъ озадаченъ; но, если вы такъ ду-

масте, вы, значить, не поняли самой правды моихъ наведеній. Пользуясь спортивнымъ выраженіемъ, я ни разу не сдѣлалъ „промаха“. Чутье по горячему слѣду не было потеряно ни на мгновеніе. Во всей цѣпи, среди звеньевъ, не было ни одного пробѣла. Я прослѣдывалъ тайну до конечнаго ея предѣла; этимъ предѣломъ былъ *гвоздь*. Онъ, какъ говорю я, во всѣхъ отношеніяхъ имѣлъ ту же видимость, что и его сотоварищъ въ другомъ окнѣ; но этотъ фактъ былъ совершенно нулевымъ (какъ бы онъ, повидимому, ни былъ убѣдительнъ), если поставить его въ связь съ соображеніемъ, что въ данномъ пунктѣ и кончалось указующее начало. Съ этимъ гвоздемъ, сказала я, *должно* быть что-вибудь неладное. Я прикоснулся къ нему, и головка его, вмѣстѣ съ четверью дюйма его стержня, осталась у меня, въ рукѣ. Остальная часть стержня была въ пробуровленномъ отверстіи, гдѣ она обломилась. Этотъ переломъ былъ старый (пбо края его были подернуты ржавчиной), и, повидимому, здѣсь былъ произведенъ ударъ молотка, который частью вогналъ въ глубину оконницы головку гвоздя. Я тщательно помѣстилъ верхнюю часть гвоздя въ то отверстіе, изъ котораго я его вынулъ, и сходство съ цѣльнымъ гвоздемъ было безупречнымъ—трещина была невидима. Нажавъ пружину, я тихонько приподнял оконную раму на нѣсколько дюймовъ; головка гвоздя поднялась вмѣстѣ съ нею, оставаясь на свосмъ мѣстѣ. Я закрылъ окно, и общій видъ гвоздя снова оказался цѣльнымъ и законченнымъ.

„Загадка, до этихъ поръ, была теперь разгадана. Убийца бѣжалъ черезъ окно, что находится около кровати. Опустившись, въ силу собственнаго устройства, послѣ его выхода (или, быть можетъ, умышленно закрытое), оно было закрѣждено пружинной; и какъ разъ принявъ по ошибкѣ сопротивленіе пружины за сопротивленіе гвоздя, полиція сочла дальнѣйшее разслѣдованіе бесполезнымъ.

„Ближайшимъ вопросомъ былъ вопросъ, какъ спустился

бѣжавшій. Относительно этого пункта я вполне освѣдомился во время моей прогулки съ вами вокругъ зданія. Около пяти съ половиною футовъ отъ упомянутой оконницы проходить громоотводъ. Отъ этого провода было бы невозможнымъ, для кого бы то ни было, достигнуть до самаго окна, не говоря уже о томъ, чтобы войти въ него. Я наблюдаю, однако, что ставни четвертаго этажа были того особеннаго разряда, которія Французскіе плотники называютъ *ferrades*, желѣзомъ окованныя—ставни весьма рѣдко употребляющіяся въ настоящее время, но часто встрѣчающіяся въ очень старыхъ домахъ въ Лионѣ и въ Бордо. Они имѣютъ форму обыкновенной двери (цѣльной, не двустворчатой), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что нижняя часть—рѣшетчатая, или кончается орнаментомъ въ видѣ открытаго трельяжа, давая, такимъ образомъ, превосходную возможность рукамъ уцѣпиться. Въ данномъ случаѣ, эти ставни были очень широки, въ три съ половиною фута ширины. Когда мы глядѣли на нихъ, при осмотрѣ задней части зданія, они были полуоткрыты—т.-е. стояли подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ. Вѣроятно полиція такъ же, какъ я, изслѣдовала заднюю часть зданія; но, если такъ, смотря на эти *ferrades* въ смыслѣ ихъ ширины (какъ она должна была это сдѣлать), она не замѣтила самой ихъ ширины весьма большой, или, во всякомъ случаѣ, опустила этотъ пунктъ, не принявъ его въ должное соображеніе. На самомъ дѣлѣ, убѣдившись однажды, что побѣгъ не могъ быть совершенъ въ данномъ мѣстѣ, она естественно, удовлетворилась здѣсь лишь бѣглымъ осмотромъ. Для меня было ясно, однако, что ставни окна, находящагося у изголовья кровати, будучи распахнуты совершенно до стѣны, достигаютъ разстоянія двухъ футовъ отъ громоотвода. Было также явно, что помощью весьма необычной степени усилія и храбрости, проникновеніе въ окно съ провода, могло быть такимъ образомъ осуществлено. Достигнувъ на разстояніе двухъ съ половиной футовъ (при на-

шемъ теперешнемъ предположеніи, что ставни открыты цѣлкомъ), разбойникъ могъ цѣпко ухватиться за рѣшетчатый выступъ. Выпустивъ потомъ изъ рукъ своихъ проводъ, прижавъ свои ноги плотно къ стѣнѣ, и смѣло прыгнувъ внутрь, онъ могъ увлечь за собой ставню, такъ что она захлопнулась, и если мы допустимъ, что окно было въ данный мигъ открыто, могъ самъ съ размаху ворваться въ комнату“.

„Я хочу, чтобы вы особливимъ образомъ помнили, что я говорилъ о *весьма* необычайной степени усилія, потребной для успѣха въ продѣлкѣ такой рискованной и такой трудной. Мое намѣреніе—показать вамъ, во первыхъ, что таковая вещь могла совершиться, что это возможно; но, во-вторыхъ, и *главнымъ* образомъ, я хочу напечатлѣть въ вашемъ пониманіи *весьма чрезвычайный*, почти сверхъестественный, характеръ той ловкости, которая могла это совершить.

„Вы скажете, безъ сомнѣнія, употребляя судебный языкъ, что, „для того, чтобы выиграть дѣло“, я долженъ былъ бы скорѣе уменьшать значеніе усилія, необходимаго въ данномъ случаѣ, нежели настаивать на полной его оцѣнкѣ. Можетъ быть, это практика закона, но не таково требованіе разсудка. Моя конечная цѣль—лишь истина. Моя непосредственная задача заставить васъ сблизить это *весьма необычное* усиліе, о которомъ я только что говорилъ, съ тѣмъ *совершенно особеннымъ* пронзительнымъ (или рѣзкимъ) и *неровнымъ* голосомъ, относительно принадлежности котораго къ какой-либо народности не было двухъ согласующихся свидѣтелей, и въ которомъ не могли уловить слоговой членораздѣльности“.

При этихъ словахъ смутное и полусложившееся представленіе о томъ, что разумѣтъ Дюпенъ, проскользнуло въ мой умъ. Мнѣ казалось, что я былъ на грани пониманія, не имѣя силы понять, какъ иногда люди находятя на краю воспоминанія, не будучи способны, въ

концѣ-концовъ, припомнить. Мой другъ продолжалъ свою рѣчь.

„Вы видите“, сказалъ онъ, „что вопросъ о способѣ психоденія я перемѣнилъ на вопросъ о вхожденіи. Моимъ намѣреніемъ было внушить мысль, что и то и другое совершалось тѣмъ же самымъ способомъ и на томъ же самомъ мѣстѣ. Вернемся теперь внутрь комнаты. Посмотримъ, какой все имѣло тамъ видъ. Выдвижные ящики комода, какъ было сказано, были разграблены, хотя многія вещи изъ одежды оставались еще тамъ. Заключение здѣсь негѣбно. Это простая догадка—очень глупая—и не больше. Какъ можемъ мы знать, что предметы, найденные въ ящикахъ, не представляютъ изъ себя всего того, что первоначально въ этихъ ящикахъ находилось? Madame Л'Эспанэ и ея дочь жили чрезвычайно уединенной жизнью—ни съ кѣмъ не видались—выходили рѣдко, имѣли мало случаевъ для многочисленной перемѣны одежды. То, что было найдено, было по крайней мѣрѣ, такого же хорошаго качества, какъ что-либо иное, что могло принадлежать этимъ дамамъ. Если воръ взялъ что-нибудь, почему не взялъ онъ лучшее—почему не взялъ онъ все? Однимъ словомъ, почему оставилъ онъ 4.000 франковъ золотомъ, и нагромодилъ на себя связку бѣлья? Золото *было* оставлено. Почти вся сумма, упомянутая Monsieur Мильо, банкротъ, была найдена въ мѣшкахъ на полу. Я хочу поэтому устранить изъ вашихъ мыслей безсвязную догадку о *побудительной причинѣ*, порожденную въ умахъ полиціи той частью свѣдѣтельства, которая говоритъ о деньгахъ, переданныхъ изъ рукъ въ руки у самыхъ дверей дома. Совпаденія въ десять разъ болѣе замѣчательныя, чѣмъ это (передача денегъ и убійство, совершенное три дня спустя) случаются съ нами въ нашей жизни ежедневно, не привлекая къ себѣ даже минутнаго вниманія. Совпаденія, вообще, суть великій камень преткновения на дорогѣ этого разряда размышляльщиковъ, которые такъ

воспитаны, что ничего не знают о теоріи вѣроятностей — той теоріи, которой наиболѣе славныя области человѣческаго изысканія были обязаны наиболѣе славными своими достижениями. Въ данномъ случаѣ, если бы золото исчезло, фактъ передачи его три дня тому назадъ составилъ бы нѣчто большее, чѣмъ совпаденіе. Онъ подкрѣплялъ бы мысль о побудительной причинѣ. Но при дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла, если мы предположимъ, что золото было побудительной причиной этого злодѣянія, мы должны также вообразить себѣ свершителя дѣянія столь нерѣшительнымъ идиотомъ, что онъ оставилъ вмѣстѣ и золото и свою побудительную причину“.

„Теперь, твердо держа въ памяти пункты, на которые я обратилъ ваше вниманіе—этотъ особенный голосъ, эта необычайная ловкость, и это поразительное отсутствіе побудительной причины для убійства, столь особенно жестокаго, какъ это—посмотримъ на самое злодѣяніе. Женщина задушена на смерть сильными руками и втиснута въ каминную трубу головой внизъ. Обыкновенные убійцы не прибѣгаютъ къ такимъ способамъ убіенія, какъ этотъ. Менѣе всего они такимъ образомъ распоряжаются убитыми. Въ этой манерѣ втиснуть трупъ въ каминъ, вы должны допустить, было что-то *до чрезвычайности превеличественное*—что-то совершенно несовмѣстимое съ нашими общими представленіями о человѣческомъ дѣйствіи, даже, когда мы допустимъ, что дѣйствующія лица являются самыми извращенными людьми. Подумайте, кромѣ того, насколько велика должна была быть сила, которая смогла такъ втиснуть тѣло *вверхъ* въ отверстіе, столь насильственно, что соединенныя усилія нѣсколькихъ лицъ оказались едва достаточными, чтобы стащить его *внизъ*“.

„Обратимся теперь къ другимъ указаніямъ, свидѣтельствующимъ о силѣ самой удивительной. Въ очагѣ были найдены густыя пряди—сѣдыхъ человѣческихъ волосъ. Они были вырваны съ корнемъ. Вы знаете, какая нужна

большая сила, чтобы вырвать такимъ образомъ изъ головы хотя-бы двадцать или тридцать волосъ вмѣстѣ. Вы видѣли упомянутыя пряди такъ же, какъ я. Корни ихъ (отвратительное зрѣлище) были слиплены запекшейся кровью—кусочками черепного покрова—вѣрный знакъ удивительной силы, которая была примѣнена, чтобы вырвать, быть можетъ, полмилліона волосъ сразу. Горло старой дамы не было просто перерѣзано, но голова ея совершенно была отдѣлена отъ тѣла—орудіемъ была простая бритва. Я хочу, чтобы вы также обратили вниманіе на *звѣрскую* свирѣпость такихъ дѣяній. О кровоподтекахъ на тѣлѣ madame Л'Эспанэ я не говорю. Monsieur Дюма и достойный его помощникъ, Monsieur Этьенъ, высказались, что они были причинены каквмъ-либо тупымъ орудіемъ; и въ этомъ данные господа говорятъ вполне правильно. Тупымъ орудіемъ была, очевидно, каменная выстилка двора, на который жертва упала изъ окна, находящагося на нѣкоторомъ разстояніи отъ постели. Эта мысль, какъ она ни проста, ускользнула отъ полиціи по той же самой причинѣ, по которой отъ нихъ ускользнула мысль о ширинѣ ставни—такъ какъ, благодаря обстоятельству съ гвоздями, ихъ воспріятіе было герметически закупорено для допущенія возможности, что окно когда-либо открывалось.

„Если теперь, въ придачу ко всему этому, вы надлежащимъ образомъ помыслили о странномъ безпорядкѣ въ комнатахъ, мы ушли впередъ настолько, чтобы сочетать представленія объ удивительной ловкости, о сверхчеловѣческой силѣ, о звѣрской свирѣпости, о злодѣяніи безъ побудительной причины, о *гротескности* въ ужасѣ, совершенно чуждомъ человѣческой природѣ, и о голосѣ, чуждомъ по тону слуху представителей разныхъ народностей и чуждомъ какой-либо различимой слоговой членораздѣльности. Какой-же получается отсюда результатъ? Какое впечатлѣніе произвелъ я на ваше воображеніе?“

Я почувствовалъ, что по кожѣ у меня поползли мурашки, когда Дюпенъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ. „Сумасшедшій“, сказалъ я, „сдѣлалъ это дѣяніе какой-нибудь маниакъ, объятый буйнымъ помѣшательствомъ—бѣжавшій изъ какой-нибудь лѣчебницы по сосѣдству“.

„Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“, отвѣтилъ онъ, „ваша мысль не неприемлема: но голоса сумасшедшихъ, даже въ припадкахъ самаго сильнаго изступленія, никогда не согласуются съ тѣмъ, что было особеннаго въ этомъ голосѣ, слышавшемся наверху. Сумасшедшіе принадлежатъ къ какой-нибудь народности, и ихъ языкъ, какъ бы онъ ни былъ безсвязенъ въ словахъ, всегда имѣетъ слоговую связность. Кромѣ того, волосы какого-либо сумасшедшаго не таковы, какъ тѣ, что я держу въ моей рукѣ. Я высвободилъ этотъ маленькій клочекъ изъ окоченѣло сжатыхъ пальцевъ Madame Л'Эспанэ. Скажите мнѣ, что вы думаете о нихъ?“

„Дюпенъ“, сказалъ я, совершенно потрясенный, „эти волосы необычны до чрезвычайности—это не *человѣческіе* волосы“.

„Я не утверждалъ, что они *человѣческіе*“, сказалъ онъ; „но, прежде чѣмъ мы разрѣшимъ данный пунктъ, я хочу, чтобы вы взглянули на небольшой рисунокъ, который я сдѣлалъ вотъ здѣсь, на бумагѣ. Это *факсимиле*, точный рисунокъ того, что было описано въ нѣкоторой части показаній, „какъ темные кровоподтеки, и глубокія вдавленныя отъ ногтей“ на горлѣ Mademoiselle Л'Эспанэ, и, въ другомъ показаніи (данномъ Monsieur Дюма и Этьеномъ), описанномъ какъ рядъ синихъ пятенъ, очевидно, отъ нажатія пальцевъ.“

„Вы можете замѣтить“, продолжалъ мой другъ, развертывая бумагу на столѣ передъ нами, „что этотъ рисунокъ даетъ представленіе о твердой и крѣпкой хваткѣ. Тутъ, на видъ, нѣтъ ничего *скользящаго*. Каждый палецъ сохранялъ—возможно, до самой смерти жертвы—страшную

хватку, первоначально вдавившую его. Попробуйте теперь поместить все ваши пальцы, в одно и то же время, в соответственные отпечатки пальцев, как вы их видите“.

Моя попытка была безуспешной.

„Возможно, что мы делаем опыт не надлежащим образом“, сказал онъ. „Бумага распространена на ровной поверхности, а человеческое горло — цилиндрическое. Вот деревянный чурбанъ, окружность котораго, приблизительно, та же, что окружность горла. Обверните рисунокъ вокругъ, и сделайте опыт сначала.“

Я сделалъ такъ, но трудность стала еще большей, чѣмъ прежде. „Это“, сказалъ я, „отпечатокъ не человеческой руки“.

„Прочтите теперь“, отвѣтилъ Дюпенъ, „этотъ отрывокъ изъ Кювье“.

Это было подробное анатомическое и общее описаніе большого, темно-бураго Орангутанга Восточныхъ Индійскихъ Острововъ. Гигантскій ростъ, изумительная мощь, и размахъ усилія, дикая свирѣлость, и подражательныя склонности этихъ млекопитающихъ, достаточно хорошо пзвѣстны всѣмъ. Я понялъ весь ужасъ убійства, въ его полнотѣ, сразу.

„Описаніе пальцевъ“, сказалъ я, прочтя отрывокъ, „вполнѣ согласуется съ этимъ рисункомъ. Я вижу, что никакое животное, кромѣ Орангутанга, изъ разряда здѣсь описаннаго, не могло сдѣлать отпечатки вдавленія, какъ вы ихъ здѣсь отмѣтили. Этотъ клочъ бурыхъ волосъ, кромѣ того, вполнѣ тождествененъ по характеру съ волосами звѣря, описаннаго у Кювье. Но я не могу понять, какъ могли осуществиться подробности этой страшной тайны. Кромѣ того, тамъ были слышны два голоса въ спорѣ, и одинъ изъ нихъ былъ, безспорно, принадлежащій Французу.“

„Правда; и вы вспомните восклицаніе, которое припи-

сывали почти единогласно свидѣтели этому голосу, восклицаніе „*Боже мой!*“ Эти слова, при данныхъ обстоятельствахъ, были справедливо опредѣлены однимъ изъ свидѣтелей (Монтани, кондитеръ), какъ выраженіе упрека, или укора. На этихъ двухъ словахъ я, потому, построилъ, главнымъ образомъ, всё мои чаянія на полное разрѣшеніе загадки. Какой-то Французъ знаетъ объ убійствѣ. Возможно—и въ дѣйствительности болѣе чѣмъ вѣроятно—что онъ не виновенъ въ какомъ-либо соучастіи въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Орангутангъ могъ убѣжать отъ него. Онъ могъ гнаться за нимъ до самой комнаты; но при волнующихъ обстоятельствахъ, которыя за сямъ послѣдовали, онъ никакъ не могъ овладѣть имъ. Орангутангъ еще на свободѣ Я не хочу продолжать эти догадки—я не имѣю права назвать ихъ болѣе чѣмъ догадками—разъ тѣни размышленія, на которомъ они основаны, отличаются глубиной едва достаточной, чтобы быть оцѣненными собственнымъ моимъ разумомъ, и разъ я не могъ бы притязать сдѣлать ихъ понятными для пониманія другого. Итакъ, мы назовемъ ихъ догадками, и будемъ говорить о нихъ, какъ о таковыхъ. Если упомянутый Французъ дѣйствительно, какъ я предполагаю, неповиненъ въ этомъ жестокомъ преступленіи, это вотъ объявленіе, которое вчера вечеромъ, при нашемъ возвращеніи домой я оставилъ въ конторѣ газеты „*Le Monde*“ (газета, посвященная корабельнымъ интересамъ, и очень любимая моряками), привезеть его къ намъ на квартиру“.

Онъ протянулъ мнѣ газету и я прочелъ: „*Пойманъ.— Въ Булонскомъ лѣсу, рано утромъ, такого-то числа (утро убійства), очень большой бурей Орангутангъ изъ разряда водящихся на Борнео. Собственникъ (какъ известно, морякъ, принадлежащій къ экипажу Мальтійскаго Судна) можетъ получить животное, удостовѣривъ достаточно притязанія, и заплативъ небольшіе расходы, возникшіе изъ-за его поимки и содержанія. Прийти въ*

*домъ № такой-то—улица такая-то—Сэнъ-Жерменское
предмѣстье—на третьемъ этажѣ“.*

„Какимъ образомъ“, спросилъ я, „это было возможно, чтобы вы узнали, что данный человекъ морякъ и принадлежитъ къ экипажу Мальтійскаго Судна?“

„Я не знаю этого“, сказалъ Дюпень. „Я не *увѣренъ* въ этомъ. Вотъ, однако же, маленькій обрывокъ ленты, который, судя по его формѣ и по его засаленному виду, очевидно, служилъ для завязыванія волосъ одного изъ тѣхъ длинныхъ *хвостовъ*, которые столь возлюблены моряками. Кромѣ того, завязать такой узелъ умѣютъ лишь немногіе, кромѣ моряковъ, и онъ составляетъ особую принадлежность Мальтійцевъ. Я подобралъ ленту внизу промootвода. Она не могла принадлежать ни той, ни другой изъ покойницъ. Если теперь, послѣ всего, я ошибся въ моей догадкѣ относительно этой ленты, и Французъ не морякъ, принадлежащій къ экипажу какого-нибудь Мальтійскаго Судна, я все же ничего не сдѣлалъ злого, сказавъ это въ своемъ объявленіи. И если я ошибся, онъ просто предположить, что я введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь обстоятельствомъ, которое онъ не потрудится разслѣдовать. Но, если я не ошибся, большой важности пунктъ здѣсь выпгранъ. Зная объ убійствѣ, хотя и не будучи въ немъ повиненъ, Французъ, естественно, будетъ колебаться отвѣтить на объявленіе—и требовать своего Орангутанга. Онъ будетъ разсуждать такъ:—„Я не виновенъ; я бѣденъ; мой Орангутангъ весьма цѣненъ—для человека, находящагося въ моемъ положеніи, это цѣлое состояніе—къ чему бы я сталъ его терять изъ-за пустой боязни опасности. Вотъ онъ здѣсь, въ моихъ рукахъ. Онъ былъ найденъ въ Булонскомъ лѣсу на большомъ разстояніи отъ мѣста преступленія. Какимъ образомъ могло бы возникнуть подозрѣніе, что глупое животное могло совершить такое дѣло? Полиція дала промахъ—она не смогла найти ни малѣйшаго пути къ разгадкѣ.“

Если бы даже она и прослѣдила животное, невозможно было-бы доказать, что я знаю объ убійствѣ, или впутать меня въ преступленіе по причинѣ такого знанія. Прежде всего, я извѣстенъ. Объявляющій опредѣляетъ меня, какъ собственника звѣря, я не увѣренъ, до какихъ предѣловъ можетъ простираться его знаніе. Если я стану избѣгать притязаній на собственность такой большой цѣны, относительно которой извѣстно, что она принадлежитъ мнѣ, я сдѣлаю животное, по крайней мѣрѣ, подозрительнымъ. Благоразуміе мое не велитъ мнѣ привлекать вниманіе къ себѣ, или къ звѣрю. Я отвѣчу на объявленіе, получу обратно Орангутанга, и буду держать его взаперти, пока это дѣло не будетъ забыто“. Въ это мгновеніе мы услышали на лѣстницѣ шаги.

„Будьте наготовѣ“, сказалъ Дюпень, „держите ваши пистолеты, но не пользуйтесь ими и не показывайте ихъ до того, какъ я не дамъ вамъ сигнала“.

Входная дверь дома была оставлена открытой, и посетитель вошелъ безъ звонка, и поднялся на нѣсколько ступенекъ по лѣстницѣ. Послѣ этого, однако, онъ заколебался. Вотъ мы услышали, что онъ началъ сходить. Дюпень быстро направился къ двери, какъ вдругъ мы услышали, что онъ всходитъ. Онъ не повернулъ назадъ вторично, но рѣшительно подошелъ къ двери нашей комнаты, и постучалъ въ нее.

„Войдите“, сказалъ Дюпень веселымъ и привѣтливымъ голосомъ.

Человѣкъ вошелъ. Это былъ, очевидно, морякъ—высокій, статный и, какъ кажется, мускулистый, съ нѣкоторымъ дьявольски-дерзкимъ выраженіемъ въ лицѣ, нельзя сказать, чтобы отталкивающимъ. Лицо его, сильно загорѣлое, было болѣе чѣмъ наполовину скрыто бакенбардами и усами, въ рукахъ у него была огромная дубина, но кромѣ этого онъ былъ, повидимому, не вооруженъ. Онъ неловко поклонился и пожелалъ намъ „добраго вечера“.

съ Французскимъ акцентомъ, который хотя былъ нѣсколько Певшательскій, все же достаточно указывалъ на Парижское происхожденіе.

„Садитесь, любезнѣйшій“, сказалъ Дюпень. „Вы пришли, какъ я полагаю, за Орангутангомъ. Честное слово, я почти завидую вамъ, что онъ вамъ принадлежитъ; очень красивое и, безъ сомнѣнія, весьма цѣнное животное. Сколько ему лѣтъ, какъ вы думаете?“ Морякъ перевелъ дыханіе съ видомъ человѣка, освобожденнаго отъ какой-то невыносимой тяжести, и послѣ этого отвѣтилъ увѣреннымъ тономъ:

„Не сумѣю вамъ сказать, но ему не можетъ быть больше, чѣмъ четыре, или пять лѣтъ отъ роду. Онъ у васъ здѣсь?“

„О, нѣтъ; у насъ нѣтъ подходящаго помѣщенія, чтобы держать его здѣсь. Онъ на извозничьемъ дворѣ, на улицѣ Дюбуръ, по сосѣдству. Вы можете получить его утромъ. Вы, конечно, имѣете съ собой бумаги, чтобы подтвердить притязаніе?“

„Конечно, Monsieur“.

„Жаль мнѣ съ нимъ разставаться“, сказалъ Дюпень.

„Я не хочу, конечно, сказать, что вы взяли на себя все эти хлопоты зря“, сказалъ человѣкъ. „Не могъ бы на это рассчитывать. Готовъ охотно заплатить за поймку животного—т.е. что-нибудь подходящее“.

„Хорошо“, отвѣтилъ мой другъ, „все это весьма превосходно, по-истинѣ. Дайте мнѣ подумать!—Что бы я хотѣлъ получить? О, я скажу вамъ. Моя награда будетъ вотъ какая. Вы дадите мнѣ все указанія, какія въ вашей власти дать, относительно этого убійства въ улицѣ Моръ“.

Дюпень сказалъ послѣднія слова очень пониженнымъ тономъ и очень спокойно. Такъ же спокойно онъ пошелъ къ двери, замкнулъ ее, и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Онъ вынулъ послѣ этого пистолетъ изъ боко-

вого кармана и безъ малѣйшей тревоги положилъ его передъ собою на столъ.

Лицо моряка покрылось яркой краской, какъ будто онъ боролся съ удушеніемъ. Онъ вскочилъ и схватилъ свою дубину; но въ слѣдующій же мигъ онъ упалъ назадъ на свое сидѣнье, охваченный страшной дрожью, и имѣя ликъ самой смерти. Онъ не говорилъ ни слова. Я пожалѣлъ его отъ всего сердца.

„Послушайте, добрѣйшій“, сказалъ Дюпенъ ласковымъ голосомъ, „вы тревожитесь безъ всякой нужды—повѣрьте. Мы не замышляемъ противъ васъ никакого зла. Клянусь вамъ честью джентльмена и Француза, что мы вовсе не намѣрены вамъ ничѣмъ повредить. Я отлично знаю, что вы не виновны въ жестокихъ преступленіяхъ улицы Моргъ. Безполезно было бы, однако, отрицать, что вы, до извѣстной степени, въ нихъ запутаны. Изъ того, что я уже сказалъ, вы должны знать, что я имѣлъ нѣкоторыя возможности получить свѣдѣнія о данномъ дѣлѣ — возможности, о которыхъ вамъ никогда не могло и присниться. Теперь дѣло обстоитъ такъ. Вы не сдѣлали ничего, чего бы вы могли избѣгнуть — ничего, во всякомъ случаѣ, что сдѣлало бы васъ виновнымъ. Вы даже были неповинны въ воровствѣ, когда вы могли украсть безнаказанно. Скрывать вамъ нечего. У васъ нѣтъ никакихъ причинъ для скрывательства. Съ другой стороны, вы связаны всѣми доводами чести, побуждающими васъ признаться во всемъ, что вы знаете. Невинный человѣкъ заключенъ въ тюрьму, его обвиняютъ въ преступленіи, совершителя котораго вы можете указать“.

Въ то время, какъ Дюпенъ говорилъ эти слова, къ моряку, въ значительной степени, вернулось его присутствіе духа; но первоначальная смѣлость его манеры совершенно исчезла.

„Да поможетъ мнѣ Богъ“, сказалъ онъ послѣ короткой паузы, „я *расскажу* вамъ все, что я знаю объ этомъ“

дѣлѣ;—но я не жду, чтобы вы повѣрили мнѣ и наполовину—по-вѣстияѣ, я былъ бы глупцомъ, если бы этого ждалъ. И все же, я не виновенъ, я сброшу съ своего сердца тяжесть, хоть бы мнѣ пришлось умереть за это“.

То, что онъ разскажалъ, было вкратцѣ слѣдующее. Онъ совершилъ недавно путешествіе въ Индійскій архипелагъ. Компанія, къ которой онъ принадлежалъ, высадилась въ Борнео, и предприняла увеселительную экскурсію въ глубь страны. Онъ и его товарищъ поймали Орангутанга. Этотъ товарищъ его умеръ, и животное стало, такимъ образомъ, его безраздѣльною собственностью. Послѣ большихъ хлопотъ, причиненныхъ несговорчивой свирѣпостью его плѣнника, во время возвратнаго путешествія домой, ему, наконецъ, удалось помѣстить его благополучно у себя на квартирѣ въ Парижѣ, гдѣ во избѣжаніе докучливаго любопытства сосѣдей, онъ держалъ его въ полномъ уединеніи, до того времени какъ онъ поправится отъ раны на ногѣ, полученной имъ отъ осколка кости на палубѣ корабля. Окончательной его мыслью было продать Орангутанга.

Возвращаясь домой съ какой-то матросской пирушки, въ ночь, или, вѣрнѣе, въ утро убійства, онъ нашелъ животное расположившимся въ его собственной спальнѣ, въ которую оно ворвалось изъ сосѣдняго помѣщенія, гдѣ, какъ онъ думалъ, оно было надежнымъ образомъ припрятано. Съ бритвой въ рукѣ, и все намыленное, оно возсѣдало передъ зеркаломъ, пытался совершить операцію бритья, въ каковой, безъ сомнѣнія, оно раньше подсмотрѣло своего хозяина черезъ замочную скважину. Устрашенный видомъ такого опаснаго орудія, находящагося въ распоряженіи у животнаго столь свирѣпаго и столь способнаго имъ воспользоваться, въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній онъ совершенно не зналъ, что дѣлать. Онъ, однако, привыкъ укрощать звѣря, даже въ самые свирѣпыя его припадки, употребленіемъ хлыста, и къ нему онъ

теперь побѣгъ. При видѣ него, Орангутангъ сразу выпрыгнулъ черезъ дверь комнаты, внизъ по лѣстницѣ, и оттуда черезъ окно, къ несчастью бывшее открытымъ, на улицу.

Французъ послѣдовалъ за нимъ въ отчаяніи; обезьяна, все еще держа бритву въ рукѣ, время отъ времени оставалась, чтобы обернуться назадъ и продѣлать разныя гримасы своему преслѣдователю, когда послѣдній уже почти наступалъ ее. Потомъ она опять обращалась въ бѣгство. Охота продолжалась, такимъ образомъ, довольно значительное время. Улицы были совершенно тихими, такъ какъ было около трехъ часовъ утра. При проходѣ черезъ улочку, что находится за улицей Моргъ, вниманіе бѣглеца было приковано свѣтомъ, исходящимъ изъ открытаго окна въ комнатѣ Madame Л'Эспанэ, на четвертомъ этажѣ ея дома. Бросившись къ этому зданію, животное замѣтило громоотводъ, вскарабкалось по нему съ непостижимой ловкостью, ухватило за ставню, которая была раскрыта до самой стѣны и, съ помощью ея, вспрыгнуло прямо на изголовье кровати. Вся продѣлка не продолжалась и минуты, ставня отхлопнулась на прежнее мѣсто, въ то время какъ Орангутангъ толкнулъ ее, входя въ комнату.

Морякъ, тѣмъ временемъ, былъ сразу и обрадованъ и смущенъ. У него была теперь твердая надежда снова поймать животное, такъ какъ наврядъ ли оно могло ускользнуть изъ западни, въ которую оно само дерзнуло устремиться, развѣ что оно опять воспользовалось бы громоотводомъ, гдѣ оно могло быть перехвачено. Съ другой стороны, было много основаній тревожиться о томъ, что оно могло сдѣлать въ домѣ. Это послѣднее соображеніе побудило моряка послѣдовать за бѣглецомъ. Онъ взобрался по громоотводу безъ затрудненій, онъ же вѣдь морякъ; но, когда онъ достигъ до окна, находившагося высоко надъ нимъ слѣва, его путь былъ остановленъ; самое

большее, что онъ могъ сдѣлать, это дотянуться настолько, чтобы быть въ состояніи заглянуть внутрь комнаты. Заглянувъ туда, онъ почти упалъ и чуть не выпустилъ изъ рукъ проводъ, благодаря чрезмѣрному своему ужасу. Это тогда раздались тѣ ужасные крики въ ночи, которые пробудили отъ дремоты жителей улицы Моргъ. Madame Л'Эспанэ и ея дочь, одѣтыя въ ночные свои костюмы, повидимому, были заняты приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ бумагъ въ уже упомянутомъ желѣзномъ сундукѣ, который былъ выдвинутъ на середину комнаты. Онъ былъ открытъ, и то, что въ немъ находилось, лежало рядомъ, на полу. Жертвы, должно быть, сидѣли спиною къ окну, и, судя по времени, прошедшему между вошествіемъ звѣря и криками, надо думать, что онъ былъ замѣченъ не немедленно. Хлопанье ставни, естественно, могло быть приписано вѣтру.

Когда морякъ заглянулъ въ окно, гигантское животное схватило Madame Л'Эспанэ за волосы (она ихъ причесывала и они были распущены), и размахивало бритвой вокругъ ея лица, въ подражаніе движеніямъ цирюльника. Дочь лежала на полу распростертая и недвижная; она была въ обморокѣ. Крики и судорожныя движенія старой дамы (причемъ съ головы ея были сорваны волосы) оказали то дѣйствіе, что, по всему вѣроятію, мирныя намѣренія Орангутанга превратились въ гнѣвъ. Быстро взмахнувъ своей мускулистой рукой, онъ однимъ движеніемъ почти отдѣлил ея голову отъ туловища. Видъ крови возбуждалъ его гнѣвъ до ярости. Скрежеща зубами и меча пламень изъ глазъ, онъ бросился на тѣло дѣвушки и погрузилъ свои страшные когти въ ея горло, сжимая его, пока она не умерла. Его блуждающіе дикіе взгляды упали въ это мгновеніе на изголовье кровати, надъ которымъ какъ разъ было различимо лицо его хозяина, застывшее отъ ужаса. Бѣшенство животнаго, еще помнившаго, безъ сомнѣнія, страшный хлысть, мгновенно обратилось въ страхъ.

Сознавая, что онъ заслужилъ наказаніе, Орангутангъ, по-видимому, хотѣлъ скрыть свои кровавыя дѣянія, и метался по комнатѣ въ агоніи нервнаго возбужденія, опрокидывая и ломая попадавшуюся по пути мебель, и ставивъ постель съ кровати. Въ заключеніе, онъ схватилъ сперва тѣло дѣвушки и втиснулъ въ каминную трубу, гдѣ оно было найдено; потомъ, тѣло старой дамы, которое немедленно было вышвырнуто внизъ головой черезъ окно.

Когда обезьяна приблизилась къ оконницѣ, съ изуродованной своей ношей, морякъ въ ужасѣ отпрянулъ къ громоотводу, и, скорѣе скользя, чѣмъ карабкаясь по проводу внизъ, тотчасъ бѣжалъ домой, страшась послѣдствій злодѣянія, и, въ страхѣ своемъ, съ радостью покидая всякія заботы о судьбѣ Орангутанга. Голоса, которые были услышаны входившими по лѣстницѣ, были восклицаніями ужаса и испуга, вырвавшимися у Француза и перемѣшанными съ дьявольскими бормотаніями звѣря.

Мнѣ почти нечего прибавить. Орангутангъ долженъ былъ ускользнуть изъ комнаты, спустившись по проводу, какъ разъ передъ тѣмъ, когда дверь была взломана. Онъ долженъ былъ закрыть окно, пройдя черезъ него. Позднѣе, онъ былъ пойманъ самимъ собственникомъ, получившимъ за него очень крупную сумму въ Jardin des Plantes. Лебонъ былъ немедленно выпущенъ, послѣ того какъ мы рассказали о всѣхъ обстоятельствахъ (съ нѣкоторыми поясненіями, данными Дюпенемъ) въ бюро Префекта Полиціи. Этотъ чиновникъ, хотя весьма расположенный къ моему другу, не могъ хорошенько скрыть своего огорченія по поводу такого оборота дѣла, и не удержался отъ того, чтобы не сказать два-три сарказма о свойствахъ разныхъ лицъ, вмѣшивающихся въ его дѣла.

„Пусть себѣ говорить“, сказалъ Дюпень, который не счелъ нужнымъ отвѣчать. „Пусть его разглагольствуетъ.“

Это успокоить его совѣсть. Я удовольствуюсь тѣмъ, что побилъ его въ собственныхъ его владѣнiяхъ. Тѣмъ не менѣе, то, что онъ не смогъ разрѣшить эту тайну, отнюдь не является столь удивительнымъ, какъ онъ предполагаетъ; ибо, по-истинѣ, нашъ другъ Префектъ нѣсколько слишкомъ хитеръ, чтобы быть глубокимъ. Въ его мудрости нѣтъ *устоя*. Онъ весь изъ головы безъ тѣла, какъ изображенiя Богини Лаверны, или, въ лучшемъ случаѣ, онъ весь голова и плечи, какъ треска. Но онъ доброе существо, въ концѣ-концовъ. Я въ особенности люблю его за его мастерской приѣмъ лицемѣрiя, съ помощью котораго онъ достигъ своей репутацiи находчивости. Я разумѣю его манеру „*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*“, *отрицать то, что есть, и изъяснять то, чего нѣтъ* *).

---

*] Rousseau—*Nouvelle Héloïse*.

ТАЙНА МАРИ РОЖЭ*).

Продолженіе къ „Убийству въ улицѣ Моргъ“.

Es giebt eine Reihe idealischer Begebenheiten, die der Wirklichkeit parallel lauft. Selten fallen sie zusammen. Menschen und Zufälle modificiren gewöhnlich die idealische Begebenheit, so dass sie unvollkommen erscheint, und ihre Folgen gleichfalls unvollkommen sind. So bei der Reformation; statt des Protestantismus kam das Lutherthum hervor.

Существуетъ рядъ идеальныхъ событій, которыя совершаются параллельно дѣйствительности. Рѣдко совпадаютъ они. Люди и обстоятельства обыкновенно видоизмѣняютъ идеальное событіе такъ, что оно является несовершеннымъ, и слѣдствія его равнымъ образомъ несовершенны. Такъ съ Реформаціей; вмѣсто Протестантизма получилось Лютеранство. — *Novalis — Moral Ansichten.*

Мало есть людей, даже среди самыхъ спокойныхъ мыслителей, которые, вздрогнувъ, не прониклись бы смутной, но трепетной полу-вѣрою въ сверхъестественное,

*) Послѣ первичнаго опубликованія „Marie Rogét“, примѣчанія, нынѣ приложенныя, были сочтены ненужными; но рядъ

благодаря *совпаденіямъ*, характера, повидимому, столь чудеснаго, что какъ *простыя* совпаденія разумъ былъ не способенъ ихъ принять. Такія чувства—ибо полувѣрованія, о которыхъ я говорю, никогда не имѣютъ полной силы *мысли*—такія чувства рѣдко могутъ быть цѣликомъ подавлены, развѣ что прибѣгнешь къ доктринѣ случая, или, какъ она технически именуется, къ Исчисленію Вѣроятій. Но это Исчисленіе въ сущности своей есть чисто математическое; и такимъ образомъ, передъ нами возникаетъ аномалія—то, что есть наиболѣе строго-точного въ знаніи, примѣняется въ умозрѣніи къ тѣни и духовности наиболѣе неосязаемой.

лѣтъ протекшихъ со времени трагедіи, на которой основанъ рассказъ, побуждаетъ дать ихъ здѣсь, а также заставляетъ сказать нѣсколько словъ въ изъясненіе общаго замысла. Молодая дѣвушка *Мэри Сесилія Роджерсъ* была убита въ окрестностяхъ Нью-Йорка; и хотя ея смерть вызвала напряженное длительное волненіе, тайна, сопровождавшая ее, оставалась неразрѣшенной въ то время, когда данный очеркъ былъ написанъ и напечатанъ (Ноябрь, 1842 года). Здѣсь, подѣ предлогомъ разсказа о судьбѣ *Парижской гизетки*, авторъ прослѣдилъ, въ существенномъ, дѣйствительное убійство Мэри Роджерсъ до мелкихъ его подробностей, между тѣмъ какъ факты несущественные отмѣчены лишь простою параллелью. Такимъ образомъ весь аргументъ, основанный на вымыслѣ, приложимъ къ правдѣ; и разслѣдованіе правды было задачей.

Разсказъ „*Mystery of Marie Rogêt*“ былъ написанъ въ отдаленности отъ мѣста преступленія, и безъ другихъ средствъ разслѣдованія, кромѣ тѣхъ, которыя были доставляемы газетами. Такимъ образомъ, многое ускользнуло отъ автора изъ того, чѣмъ онъ могъ бы воспользоваться, если бы онъ былъ на мѣстѣ и имѣлъ возможность лично осмотрѣть обстановку, въ которой совершилось преступленіе. Быть можетъ, не неумѣстно однако же, напомнить, что признанія *двухъ* лицъ (одна изъ нихъ—*Madame Делюкъ* повѣствованія), сдѣланныя въ различное время, много спустя послѣ опубликованія разсказа, подтвердили цѣликомъ, не только общее заключеніе, но безусловно *всѣ* главныя гипотетическія подробности, съ помощью которыхъ это заключеніе было получено.

Чрезвычайныя подробности, которыя я нынѣ приглашень опубликовать, какъ найдуть читатели, образуютъ, поскольку они касаются послѣдовательности во времени, первичную вѣтвь цѣлаго ряда едва постижимыхъ *совпадений*, вторичную, или заключительную вѣтвь которыхъ все читатели узнають въ недавнемъ убійствѣ Мэри Сесплин Роджэрсъ въ Нью-Йоркѣ.

Когда въ очеркѣ, озаглавленномъ „Убійство въ улицѣ Моргъ“, я попытался, около года тому назадъ, обрисовать весьма примѣчательныя черты въ умственномъ ликѣ моего друга, Кавалера Ш. Огюста Дюпена, мнѣ не приходило въ голову, что я когда-нибудь снова вернусь къ данному сюжету. Моимъ замысломъ было нарисовать этотъ характеръ; и таковой замыселъ былъ вполнѣ выполненъ указаніемъ на причудливую цѣпь обстоятельствъ, вырисовавшихъ особливую черту Дюпена. Я могъ бы прибавить другіе примѣры, но большаго бы я ничего не доказалъ. Недавнія событія, однако, въ удивительномъ ихъ развитіи, рѣзко вовлекли меня въ нѣкоторыя дальнѣйшія детали, которыя будутъ имѣть видъ вынужденной исповѣди. Послѣ того какъ я услышалъ то, что я за послѣднее время слышалъ, было бы, на самомъ дѣлѣ, страннымъ, если бы я продолжалъ оставаться безмолвнымъ относительно того, что я видѣлъ и слышалъ уже такъ давно.

Послѣ того какъ трагедія, связанная со смертями Madame Л'Эспанэ и ея дочери, разрѣшилась, Дюпенъ сразу отбросилъ это дѣло отъ своего вниманія, и впалъ въ прежнія свои привычки своенравной мечтательности. Будучи во всякое время наклоненъ къ отвлеченному, я охотно подчинился его настроенію; и продолжая занимать наше помѣщеніе въ Сэнъ-Жерменскомъ предмѣстьи, мы представили Будущее всеѣмъ вѣтрамъ, и спокойно задремали въ Настоящемъ, превращая скучный міръ вокругъ насъ въ пряжу сновъ.

Но эти сны не были вполнѣ непрерывными. Легко понять, что та роль, которую сыгралъ мой другъ въ драмѣ улицы Моргъ, не преминула оказать свое впечатлѣніе на воображеніе Парижской полиціи. Среди ея эмиссаровъ имя Дюпена сдѣлалось повседневымъ словомъ. Простой характеръ тѣхъ наведеній, съ помощью которыхъ онъ распуталъ тайну, никогда не былъ объясненъ даже Префекту, и вообще никому другому, кромѣ меня, и такимъ образомъ, ничего, конечно, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что дѣло это разсматривалось какъ нѣчто почти что чудесное, и что аналитическія способности Дюпена снискали ему славу дивнаго дара интуиціи. Его чистосердечность, конечно, побудила бы его разочаровать каждого, кто сталъ бы его вопрошать о данной ошибкѣ; но его безпечный характеръ возбранялъ ему всякое дальнѣйшее возбужденіе интереса въ той области, которая для него самого давно уже перестала быть интересной. Такимъ образомъ случилось, что онъ сталъ магнитомъ для полицейскихъ глазъ; и не разъ возникали случаи, когда дѣлалась попытка воспользоваться его услугами въ Префектурѣ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ было убійство молодой дѣвушки по имени Мари Рожэ.

Событіе это случилось года два спустя послѣ жестокаго преступленія въ улицѣ Моргъ. Мари, имя которой и фамилія сразу привлекутъ вниманіе своимъ сходствомъ съ именемъ и фамиліей „несчастной дѣвушки съ сигарами“, была единственной дочерью вдовы Эстель Рожэ. Отецъ ея умеръ, когда она была еще ребенкомъ, и со времени его смерти до періода въ восемнадцать мѣсяцевъ, предшествовавшаго убійству, которое составляетъ предметъ нашего повѣствованія, мать и дочь жили вмѣстѣ на rue Pavée Sainte Andrée *); мать держала пансіонъ, Мари помогала ей. Такъ все шло своимъ порядкомъ, пока

---

*) Nassau Street.

дѣвушкѣ не минулъ двадцать одинъ годъ; въ это время красота ея обратила на себя вниманіе парфюмера, который занималъ одну изъ лавокъ, что находятся въ первомъ этажѣ Палэ Ройяля, и покупатели котораго состояли, главнымъ образомъ, изъ отчаянныхъ искателей приключеній, заражающихъ собою окрестныя улицы. Monsieur Ле-Бланъ *) не зналъ, какія выгоды могутъ быть извлечены его парфюмернымъ магазиномъ изъ услугъ красивой Мари; и его щедрыя предложенія были охотно приняты дѣвушкой, хотя въ Madame Рожэ они вызвали болѣе колебаній.

Чаянія парфюмера осуществились, его магазинъ вскорѣ сталъ знаменитымъ, благодаря очарованіямъ блистательной *гризетки*. Она служила у него около года, какъ вдругъ ея поклонники были смущены внезапнымъ ея исчезновеніемъ изъ лавки. Monsieur Ле-Бланъ не могъ объяснить ея отсутствія, а Madame Рожэ была совершенно какъ безумная отъ тревоги и страха. Газеты немедленно заговорили объ этомъ, и полиція намѣревалась сдѣлать серьезное разслѣдованіе, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, по истеченіи недѣли, Мари, въ добромъ здравіи, но съ нѣсколько опечаленнымъ видомъ, вновь появилась на своемъ обычномъ мѣстѣ, за конторкою парфюмернаго магазина. Всякое разслѣдованіе, кромѣ распросовъ личнаго характера, было немедленно прекращено Monsieur Ле-Бланъ, какъ и прежде, говорилъ о полномъ своемъ невѣдѣніи. Мари, за одно съ Madame Рожэ, отвѣчала на всѣ вопросы, что послѣднюю недѣлю она провела въ домѣ у родственниковъ, за городомъ. Такимъ образомъ, дѣло это залгло, и всѣми было забыто, ибо дѣвушка, очевидно, чтобы освободиться отъ назойливаго любопытства, вскорѣ окончательно распростилась съ парфюмеромъ, и укрылась въ помѣщеніи матери на улицѣ Сэнтъ-Андрэ.

---

*) Anderson.

Было около пяти мѣсяцевъ послѣ ея возвращенія до- мой, какъ друзья ея вторично были встревожены внезап- нымъ ея исчезновеніемъ. Прошло три дня, ничего не было о ней слышно. На четвертый день тѣло ея было найдено плавающимъ въ Сенѣ *), недалеко отъ берега, какъ разъ противъ квартала улицы Сэнтъ-Андрэ, и въ мѣстѣ, не очень далеко отстоящемъ отъ уединенныхъ окрестностей *Barrière du Roule* **).

Жестокость этого убійства (потому что сразу было вид- но, что здѣсь совершено было убійство), юность и красота жертвы, и прежде всего, ея предварительная извѣстность, все какъ бы сговорилось для того, чтобы создать напря- женное возбужденіе въ умахъ впечатлительныхъ Пари- жанъ. Я не могу припомнить, чтобы какой-нибудь подоб- ный случай произвелъ такое всеобщее и такое глубокое впечатлѣніе. Въ теченія нѣсколькихъ недѣль разговоръ объ этомъ былъ одной захватывающей темой, и даже по- литическія бесѣды даннаго дня были забыты. Префектъ явилъ необыкновенныя усилія; и вся Парижская полиція была, конечно, поставлена на ноги.

Какъ только трупъ былъ открытъ, всѣ рѣшили, что убійца, развѣ на самое короткое время, можетъ избѣг- нуть, немедленно предпринятыхъ, розысковъ. Лишь по истеченіи недѣли было сочтено необходимымъ предложить вознагражденіе; и даже тогда это вознагражденіе ограни- чилось тысячею франковъ. Тѣмъ временемъ, слѣдствіе продолжалось съ энергіей, если не съ надлежащимъ смыс- ломъ, и многочисленные свидѣтели были допрошены безъ какихъ-либо результатовъ; между тѣмъ, благодаря про- должающемуся отсутствію какой-либо разгадки этой тай- ны, возбужденіе публики сильно возросло. Въ концѣ де- сятаго дня, было сочтено подходящимъ удвоить сумму, первоначально предложенную; и наконецъ, когда вторая

*) The Hudson.

**) Weehawken.

недѣля прошла безъ того, чтобы что-либо было открыто, и когда предрасположеніе противъ Полиціи, всегда существующее въ Парижѣ, проявилось въ рядѣ серьезныхъ *безпорядковъ*, Префектъ, отъ своего имени, предложилъ сумму въ двадцать тысячъ франковъ „за указаніе убійцы“, или, если въ преступленіи запутано нѣсколько чловѣкъ, „за указаніе хотя бы одного изъ убійць“. Въ объявленіи, возвѣщавшемъ это вознагражденіе, полное прощеніе было обѣщано всякому соучастнику, который выступилъ бы со свидѣтельствомъ противъ своего сотоварища; и ко всему этому, гдѣ бы ни появлялось объявленіе, присоединялось частное сообщеніе отъ комитета гражданъ, предлагающее десять тысячъ франковъ въ придачу къ суммѣ, предложенной Префектурой. Общая цифра вознагражденія была, такимъ образомъ, не менѣе, чѣмъ тридцать тысячъ франковъ, что должно быть сочтено суммою чрезвычайной, если мы примемъ во вниманіе скромное общественное положеніе дѣвушки, и заурядную повторность, въ большихъ городахъ, такихъ преступленій, какъ описанное.

Никто не сомнѣвался, что тайна этого убійства немедленно будетъ разоблачена. Но, хотя были сдѣланы два три ареста, обѣщавшіе разъясненіе, ничего не было разъяснено такого, что могло бы подтвердить подозрѣнія, и арестованные были выпущены. Какъ это ни странно могло бы показаться, прошло уже три недѣли со времени открытія тѣла, и прошли они, не бросивъ ни малѣйшаго свѣта на дѣло, прежде чѣмъ, хотя бы слухъ объ этихъ событіяхъ, волновавшихъ умы общества, достигъ до Дюпена или меня. Будучи всецѣло поглощены нашими изученіями, вотъ уже почти мѣсяць какъ мы оба не выходили, насъ никто за это время не навѣстилъ, и мы еле заглянули въ какія-нибудь руководящія политическія статьи ежедневныхъ газетъ. Первое свѣдѣніе объ убійствѣ принесть намъ, самолично, Ж—. Онъ зашелъ къ намъ

рано пополудни 13 Юля 18 — года, и оставался съ нами до поздней ночи. Онъ былъ пикированъ неудачею всѣхъ своихъ попытокъ откопать убійцъ. Его репутація — такъ сказалъ онъ съ особеннымъ Парижскимъ видомъ — была поставлена на карту. Самая честь его была затронута. Глаза публики были обращены на него; и, по-истинѣ, не было жертвы, которой онъ не захотѣлъ бы сдѣлать для выясненія тайны. Онъ закончилъ свою, нѣсколько потѣшную, рѣчь комплиментомъ тому, что ему было благоугодно наименовать *тактомъ* Дюпена, и сдѣлалъ ему прямое, и несомнѣнно щедрое, предложеніе, точный характеръ котораго я не чувствую себя свободнымъ разоблачить, но которое не имѣетъ прямой связи съ собственнымъ предметомъ моего повѣствованія.

Мой другъ отклонилъ комплиментъ какъ только могъ, предложеніе же принялъ сразу, хотя выгоды отъ него были всецѣло условными. Какъ только этотъ пунктъ былъ установленъ, Префектъ немедленно пустился изъяснять свои собственные взгляды, перемѣшивая изъясненія съ длинными истолкованіями свидѣтельскихъ показаній, намъ еще невѣдомыхъ. Онъ разсуждалъ долго и, безъ сомнѣнія, весьма учено, между тѣмъ какъ я дерзалъ вставить какое-нибудь случайное замѣчаніе, пока вечеръ вяло проходилъ. Дюпентъ, плотно сидя на своемъ обычномъ креслѣ, былъ воплощеніемъ почтительнаго вниманія. За все время разговора на немъ были очки; и случайный взглядъ, брошенный мною подъ ихъ зеленныя стекла, неукоснительно убѣдилъ меня, что, хотъ и безмолвно, спалъ онъ отъ того не менѣе крѣпко, всѣ эти семь или восемь тягучихъ свинцовыхъ часовъ, предшествовавшихъ отбытію Префекта.

Утромъ я добылъ въ Префектурѣ полный отчетъ о всѣхъ полученныхъ показаніяхъ, и, въ конторахъ разныхъ газетъ, получилъ экземпляры каждаго изданія, гдѣ съ перваго дня до послѣдняго было опубликовано какое-нибудь

серьезное свѣдѣніе касательно этого прискорбнаго дѣла. Освобожденная отъ всего, ложность чего была положительно доказана, вся эта масса свѣдѣній сводилась къ слѣдующему:—

Мари Рожэ оставила жилище своей матери на улицѣ Сэнтъ-Андрэ, около девяти часовъ утра, въ Воскресенье, 22 Іюня 18— года. Выходя, она сообщила Monsieur Жаку Сэнтъ-Эсташу *), и только ему одному, о своемъ намѣреніи провести день у тетки, жившей на rue des Dromes. Улица Дромъ короткая и узкая, но людная и проѣзжая, недалеко отъ береговъ рѣки, и на разстояніи приблизительно двухъ миль, самымъ прямымъ путемъ, какимъ только можно идти отъ пансіона Madame Рожэ. Сэнтъ-Эсташъ былъ принятымъ искателемъ сердца Мари, онъ жилъ въ пансіонѣ и тамъ же завтракалъ и обѣдалъ. Онъ долженъ былъ пойти за своей невѣстой въ сумерки и проводить ее домой. Къ вечеру, однако, пошелъ сильный дождь; и, предполагая, что, она останется ночевать у своей тетки (какъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, она дѣлала раньше), онъ не счелъ необходимымъ сдержать свое обѣщаніе. По мѣрѣ того какъ ночь надвигалась, Madame Рожэ (старая, больная дама, семидесяти лѣтъ), выразила,— это слышали,—страхъ, „что она никогда болѣе не увидитъ Мари“; но на это замѣчаніе мало обратили тогда вниманія.

Въ Понедѣльникъ узнали, что дѣвушка не была на улицѣ Дромъ; и когда прошелъ день безъ вѣстей о ней, были предприняты въ разныхъ пунктахъ города, и въ его окрестностяхъ, запоздалые поиски. Однако же, лишь на четвертый день со времени ея исчезновенія, были получены касательно нея какія-нибудь удовлетворительныя свѣдѣнія. Въ этотъ день (Среда, 25 Іюня), нѣкій Monsieur Бовэ **),

---

*) Payne.

***) Crommelin.

который со своимъ другомъ разыскивалъ Мари около Заставы Руль, на берегу Сены, противоположномъ отъ улицы Сэнтъ-Андрэ, получилъ свѣдѣнія, что какъ разъ какіе-то рыбаки причалили къ берегу, таща за собою трупъ, который былъ найденъ плавающимъ въ рѣкѣ. Осмотрѣвъ тѣло, Бовэ, послѣ нѣкотораго колебанія призналъ въ немъ трупъ дѣвушка-парфюмерщицы. Его другъ призналъ тѣло болѣе скоро.

Все лицо было залито изнутри темной кровью, которая частью выступила изо рта. Шѣны не было, какъ это бываетъ у просто утонувшихъ, не было также измѣненія цвѣта въ клѣточной ткани. Вокругъ горла были кровоподтеки и отпечатки пальцевъ. Руки были сложены на груди и были окоченѣлыми. Кисть правой руки была судорожно сжата; кисть лѣвой была частью открыта. Ниже лѣвой кисти были двѣ круговыя ссадины, очевидно, отъ дѣйствія веревки, или отъ того, что одна веревка была болѣе закручена, чѣмъ одинъ разъ. Часть правой кисти также была очень воспалена, а равно спина, на всемъ своемъ протяженіи, особенно же, плечевыя лопатки. Чтобы доставить тѣло къ берегу, рыбаки привязали къ нему веревку, но не это причинило какую-либо изъ ссадинъ. Мякоть шеи была очень распухшей, видныхъ порѣзовъ не было, ни кровоподтековъ, которые бы указывали на побой. Кусокъ бичевки былъ затянутъ вокругъ шеи такъ плотно, что его совершенно не было видно; онъ совершенно тонулъ въ мякоти, и былъ закрѣпленъ узломъ, находившимся какъ разъ подъ лѣвымъ ухомъ. Этого одного было бы достаточно, чтобы вызвать смерть. Врачебное свидѣтельство говорило съ увѣренностью о добродѣтельномъ характерѣ умершей. Она подверглась, сказали врачи, грубому насилію. Тѣло, когда было найдено, было въ такомъ состояніи, что не могло возникнуть затрудненій, чтобы оно было признано друзьями.

Одежда была сильно разорвана и вообще въ безпорядкѣ.

Въ платьѣ была оторвана вверхъ отъ нижней оборки до талии—не просто оборвана,—полоса около фута ширины. Она была три раза обернута вокругъ талии и закрѣплена на спинѣ нѣкотораго рода зацѣпкой. Одежда непосредственно подъ платьемъ была изъ тонкаго батиста; и отъ нея — очень ровно, и съ большимъ тщаніемъ — была оторвана узкая полоса въ восемнадцать дюймовъ. Эта полоса была обвита вокругъ ея шеи, приспособлена свободно и закрѣплена тугимъ узломъ. Сверху батистовскія полосы и полосы шнурка, были привязаны завязки шляпы; шляпа висѣла тутъ же. Узелъ, которымъ были закрѣплены завязки шляпы, былъ не такой, какой дѣлають обыкновенно жевщины, это была глухая петля, или, такъ называемый, матросскій узелъ. Послѣ того какъ тѣло было опознано, оно не было, какъ обычно, взято въ Моргъ (такая формальность была теперь излишней), а поспѣшно похоронено не далеко отъ того мѣста, на которомъ оно было доставлено къ берегу. Благодаря стараніямъ Бовэ, дѣло было тщательно потушено, насколько это было возможно; и нѣсколько дней прошло, прежде чѣмъ въ публикѣ обозначилось какое-либо волненіе. Все же одна еженедѣльная газета *) взялась за эту тему; тѣло было вырыто и подвержено новому разслѣдованію; но ничего не было обнаружено, кромѣ того, что уже было отмѣчено. Одежда, однако, была предъявлена теперь матери и друзьямъ покойницы, и они цѣлкомъ подтвердили, что это то самое платье, въ которомъ дѣвушка ушла изъ дому.

Между тѣмъ, волненіе ежечасно возростало. Нѣсколько человекъ было арестовано и отпущено. Сэнтъ-Эсташъ, въ особенности, возбудилъ подозрѣніе; и сначала онъ не сумѣлъ дать сколько-нибудь понятный отчетъ о своемъ времяпрепровожденіи въ то Воскресенье, когда Мари оста-

---

*) „The New-York Mercury“.

вила домъ. Позднѣе, однако, онъ представилъ Monsieur Ж.—показанія, изъяснявшія удовлетворительнымъ образомъ его поведеніе каждаго часа того дня. Такъ какъ время проходило, а ничего новаго болѣе не раскрывалось, стали циркулировать тысячи противорѣчивыхъ слуховъ, и журналисты изощрялись въ *догадкахъ*. Между нихъ одна, обратившая на себя наибольшее вниманіе была мысль, что Мари Рожэ еще жива — что трупъ, найденный въ Сенъ, былъ тѣломъ какой-то другой несчастной. Будетъ подходящамъ, если я предложу вниманію читателя, нѣкоторые отрывки, касающіеся этой догадки. Эти отрывки суть *буквальныя* переводы изъ „L'Etoile *), газеты, которая издается, вообще, съ большимъ умѣньемъ.

„Mademoiselle Рожэ вышла изъ дома своей матери въ Воскресенье утромъ, 22 Іюня 18— года, съ явнымъ намѣреніемъ навѣститъ свою тетку, или кого-то другого изъ своихъ родственниковъ на улицѣ Дромъ. Съ этого часа никто ее не видалъ. Нѣтъ никакихъ ея слѣдовъ, и нѣтъ никакихъ о ней вѣстей. . . Не было рѣшительно никого, кто пришелъ бы и сказалъ, что онъ видѣлъ ее въ какой-либо часъ этого дня, послѣ того какъ она вышла за дверь, изъ дома своей матери. . . Далѣе, хотя мы не имѣемъ никакого свидѣтельства, что Мари Рожэ была среди живыхъ послѣ девяти часовъ утра въ Воскресенье, 23 Іюня, мы имѣемъ доказательство, что до этого часа она была въ живыхъ. Въ Среду, въ полдень, женское тѣло было открыто, плавающимъ у берега, около Заставы Руль. Если мы, даже, допустимъ, что Мари Рожэ была брошена въ рѣку черезъ три часа послѣ того, какъ она оставила домъ матери, получается лишь три дня съ того времени, какъ она ушла изъ дому—три дня изъ часа въ часъ. Но было бы безуміемъ предполагать, что убійство, если убійство здѣсь было совершено, могло осуществиться до-

*) The „New-York Brother Jonathan“ edited by Mr. Hastings Weld.

статочно скоро, чтобы дать возможность убійцѣ бросить тѣло въ рѣку до полуночи. Тѣ, что повинны въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ, предпочитаютъ тьму свѣту... Такимъ образомъ мы видимъ, что если тѣло, найденное въ рѣкѣ, было тѣломъ Мари Рожэ, оно могло быть въ водѣ лишь два съ половиною дня, или самое большее, три дня. Всѣ данныя опыта показываютъ, что потопшія тѣла, или тѣла, брошенныя въ воду тотчасъ по совершенію насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже когда надъ потопшимаъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплыветъ ранѣе— по крайней мѣрѣ пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія—оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать. Мы спрашиваемъ теперь, что же въ данномъ случаѣ причинило отклоненіе отъ обычнаго порядка вещей?.. Если тѣло, въ своемъ изуродованномъ состояніи, находилось на берегу до ночи Вторника, на берегу были бы найдены какіе-нибудь слѣды убійцѣ. Весьма сомнительно также, могло ли бы тѣло всплыть такъ скоро даже, если бы оно было брошено въ воду, послѣ того какъ прошло два дня по смерти. И кромѣ того, въ высшей степени невѣроятно, чтобы злодѣи, совершившіе такое убійство, какъ это предположено здѣсь, бросили тѣло въ воду, не привязавъ къ нему никакой тяжести, когда такая предосторожность могла осуществиться столь легко“.

Газета далѣе старается доказать, что тѣло было въ водѣ „не только три-дня, но, по крайней мѣрѣ, пятикратное тридневіе“, ибо оно настолько уже разложилось, что Бовэ лишь съ большимъ трудомъ призналъ его. Этотъ послѣдній пунктъ, однако, какъ было доказано, былъ совершенно ложень. Я продолжаю переводъ:

„Каковы же факты, на основаніи которыхъ Бовэ говорить, что тѣло, безъ сомнѣнія, есть тѣло Мари Рожэ?

Онъ надорвалъ рукавъ платья, и говоритъ, что онъ нашелъ примѣты, совершенно убѣдившія его въ тождественности. Публика предположила, что эти примѣты состояли въ какомъ-либо описаніи шрамовъ. Онъ потерялъ руку и нашелъ на рукѣ *волосы* — нѣчто столь неопредѣленное, на нашъ взглядъ, какъ только это можно вообразить, — столь же мало убѣдительно, какъ тотъ фактъ, что рука находится въ рукавѣ. Monsieur Бовэ не возвращался домой въ этотъ вечеръ, но послалъ записку Madame Рожэ въ 7 часовъ вечера, въ Среду, извѣщая ее, что слѣдствіе касательно ея дочери еще продолжается. Если мы допустимъ, что Madame Рожэ, въ силу ея возраста и скорби, не могла пойти (а это значило бы допустить очень много), конечно долженъ былъ найтись кто-нибудь, кто счелъ бы подходящимъ пойти туда и принять участіе въ разслѣдованіи, если вѣрили, что это было тѣло Мари. Никто не пришелъ. Ничего не было сказано, ничего не было слышно объ этомъ на улицѣ Свѣтъ-Андрэ, ничто не достигло слуха хотя бы жителей того самаго дома. Monsieur Свѣтъ-Эсташъ, возлюбленный и женихъ Мари, столовавшійся въ домѣ ея матери, показываетъ, что онъ ничего не слыхалъ объ открытіи тѣла своей невѣсты до слѣдующаго утра, когда Monsieur Бовэ пришелъ въ его комнату и сказалъ ему объ этомъ. Чтобы такая новость, какъ эта, была принята такъ холодно, весьма удивляетъ насъ“.

Такимъ образомъ газета пыталась создать впечатлѣніе нѣкотораго безучастія со стороны близкихъ Мари, несомнѣстимое съ предположеніемъ, чтобы эти близкіе вѣрили, что это было ея тѣло. Намеки, которые старалась внушить газета, сводятся къ слѣдующему: — Мари, при поsobничествѣ своихъ друзей, отлучилась изъ города, по причинамъ, бросающимъ тѣнь на ея цѣломудріе, и эти друзья, при открытіи тѣла въ Сенъ, нѣсколько похожаго на тѣло дѣвушки, воспользовались случаемъ внушить публикѣ мысль объ ея смерти. Но „L'Etoile“ была слишкомъ опро-

метчива. Было четко доказано, что никакого подобнаго безучастія не существовало: что старая дама была чрезвычайно слаба и такъ взволнована, что не могла наложить на себя исполненія какой бы то ни было обязанности; что Сэнтъ-Эстапъ, весьма далекий отъ принятія новости холодно, такъ былъ потрясенъ горемъ и вель себя такъ безумно, что Бовэ убѣдилъ одного друга и родственника позаботиться о немъ и помѣшать ему присутствовать при осмотрѣ тѣла по вынутіи его изъ могилы. Кромѣ того, хотя „L'Etoile“ утверждала, что тѣло было вторично погребено на общественный счетъ, — что нѣкое выгодное предложеніе частнаго погребенія было безусловно отклонено семьей—и что ни одинъ изъ членовъ семьи не сопровождалъ эту церемонію:—хотя, говорю я, все это утверждалось газетою „L'Etoile“, чтобы подкрѣпить впечатлѣніе, которое она хотѣла произвести—однако же, все это было удовлетворительнымъ образомъ опровергнуто. Въ слѣдующемъ номерѣ газеты была сдѣлана попытка навлечь подозрѣніе на самого Бовэ. Издатель говоритъ:

„Въ дѣлѣ наступила перемѣна. Намъ рассказываютъ, что разъ, когда Madame Б. была въ домѣ Madame Рожэ, Monsieur Бовэ, который выходилъ куда-то, сказалъ, что ожидаетъ прихода *жандарма*, и чтобъ она, Madame Б., ничего не говорила жандарму, пока онъ не вернется, но предоставила все ему... При данномъ положеніи дѣла, Monsieur Бовэ, повидимому, замкнулъ всю суть въ свою голову. Безъ Monsieur Бовэ и шагу ступить нельзя, потому-что по какой бы дорогѣ вы ни пошли, вы непременно на него наткнетесь. На какомъ-то основаніи онъ рѣшилъ, что никто не долженъ вмѣшиваться какъ бы то ни было въ слѣдствіе, кромѣ него. И тѣхъ мужчинъ, что находятся среди близкихъ, согласно съ ихъ собственными выраженіями, онъ столкнулъ съ дороги весьма страннымъ образомъ. Какъ кажется, ему очень не хотѣлось позволить родственникамъ увидѣть тѣло“.

Слѣдующій фактъ нѣсколько подрѣвляетъ подозрѣніе, такимъ образомъ наброшенное на Бова. За нѣсколько дней до исчезновенія дѣвушки, и въ отсутствіе Monsieur Бова, одинъ посѣтитель увидѣлъ въ его конторѣ *розу* въ замочной скважинѣ двери, и на грифельной доскѣ, висѣвшей около, было написано имя „*Мари*“.

Общее впечатлѣніе, насколько мы были способны уловить его изъ газетъ, было, повидимому, таково, что Мари сдѣлалась жертвой *шайки* отчаянныхъ негодяевъ—что они перенесли ее черезъ рѣку, подвергли насилію, и умертвили. „*Le Commercial*“ *), однако же, газета весьма вліятельная, съ большой настойчивостью опровергала эту распространенную мысль. Я цитирую отрывка два изъ ея столбцовъ:

„Мы убѣждены, что слѣдствіе до сихъ поръ шло по ложному слѣду, поскольку оно направлялось къ Заставѣ Руль. Невозможно допустить, чтобы особа, столь хорошо извѣстная тысячамъ, какъ эта молодая женщина, могла пройти три шага, безъ того, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ее; а всякій, кто ее увидѣлъ бы, помнилъ бы объ этомъ, ибо она интересовала всѣхъ, кто ее зналъ. Улицы были какъ разъ полны народа, когда она вышла изъ дому. Невозможно, чтобы она дошла до Заставы Руль, или до улицы Дромъ безъ того, чтобы ее не призналъ цѣлый десятокъ разныхъ лицъ, однако же, никто не выступилъ съ сообщеніемъ, что онъ видѣлъ ее за дверьми ея дома, и кромѣ свидѣтельства касательно *выраженнаго ею намѣренія*, нѣтъ никакого доказательства, что она на самомъ дѣлѣ выходила. Ея платье было разорвано, завязано вокругъ нея, и стянуто, и, такимъ образомъ, ея тѣло было унесено какъ связка. Если убійство было совершено у Заставы Руль, не было бы никакой надобности для всего этого. Тотъ фактъ, что тѣло было найдено плавающимъ

---

*) New-York „Journal of Commerce“.

у Заставы, не есть доказательство, что тѣло было брошено тамъ-то, или тамъ-то... Обрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки, въ два фута длины и въ одинъ футъ ширины, былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ, и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, чтобы помѣшать крикамъ. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“.

Два дня передъ тѣмъ, какъ Префектъ заходилъ къ намъ, полиція, однако, получила важное свѣдѣніе, которое, по видимому, разрушало, по крайней мѣрѣ въ главномъ, доводы „Le Commercial“. Два маленькіе мальчика, дѣти Madame Делюкъ, блуждая въ лѣсу около Заставы Руль, случайно проникли въ густую чащу, въ которой были три или четыре большіе камня, образующіе родъ кресель, со спинкой и съ сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ лежала бѣлая юбка, на другомъ, шелковый шарфъ. Тамъ были найдены также зонтикъ, перчатки, и носовой платокъ. На ялаткѣ было имя Мари Рожэ. На кустахъ терновника кругомъ были найдены обрывки платья. Земля была утоптана, кусты поломаны, и все свидѣтельствовало, что здѣсь была борьба. Между чащею и рѣкой изгороди были найдены пригнутыми внизъ, и почва хранила явные слѣды того, что здѣсь тащили какую-то значительную тяжесть.

Еженедѣльная газета „Le Soleil“ *) сдѣлала слѣдующія разъясненія по поводу этой находки—разъясненія, которыя были простымъ эхомъ чувствъ, охватившихъ всю Парижскую прессу:

„Данныя вещи, по всей очевидности, находились здѣсь, по крайней мѣрѣ, три или четыре недѣли; они всѣ были покрыты густою ржавчиной отъ дѣйствія дождя, и слились вмѣстѣ отъ ржавчины. Кругомъ выросла трава, покрывавшая нѣкоторые изъ предметовъ. Шелкъ на зонтикѣ былъ плотный, но нити внутри стянулись. Верхняя

---

*) Philadelphia „Saturday Evening Post“.

часть тамъ, гдѣ она была на подкладкѣ и сложена, вся была покрыта ржавчиной и сгнила; когда зонтикъ раскрывали, онъ разорвался... Ключья ея платья, оборвавшіеся на кустахъ, были приблизительно три дюйма въ ширину и шесть дюймовъ въ длину. Одинъ обрывокъ былъ оборкой платья, и онъ былъ заштопанъ; другой кусокъ былъ частью юбки—не оборки. Они имѣли видъ оторванныхъ полосъ, и находились на кустѣ терновника, приблизительно на футъ отъ земли... Не можетъ быть, поэтому никакого сомнѣнія, что мѣсто этого ужасающаго злодѣянія открыто“.

Тотчасъ послѣ этого открытія возникло новое свидѣтельство. Madame Делюкъ показала, что она держитъ придорожный кабачокъ, недалеко отъ берега рѣки, напротивъ Заставы Руль. Окрестности очень уединенны—очень пустыни. По воскресеньямъ это обыкновенное прибѣжище городскихъ негодяевъ, которые пересѣкаютъ рѣку въ лодкахъ. Около трехъ часовъ пополудни въ упомянутое Воскресенье, въ кабачокъ зашла молодая дѣвушка въ сопровожденіи молодого человѣка съ темнымъ смуглымъ лицомъ. Оба оставались тамъ нѣкоторое время. Послѣ ихъ ухода, они направились въ густой лѣсъ по сосѣдству. Madame Делюкъ обратила вниманіе на то, какъ была одѣта дѣвушка, по причинѣ сходства съ тѣмъ, какъ одѣвалась одна ея умершая родственница. Въ особенности ей бросился въ глаза шарфъ. Вскорѣ послѣ того, какъ чета отбыла, появилась шайка негодяевъ, они вели себя очень шумно, ѣли и пили, начега не заплативъ, пошли по той же дорогѣ, что и молодой человѣкъ съ дѣвушкой, возвратились въ кабачокъ около сумерекъ, потомъ переправились на другой берегъ рѣки, какъ бы въ большой поспѣшности.

Это было вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло, въ тотъ же самый вечеръ, что Madame Делюкъ, такъ же какъ ея старшій сынъ, слышала женскіе крики по сосѣдству съ

кабачкомъ. Крики были очень пронзительны и громки, но продолжались не долго. Madame Делюкъ признала не только шарфъ, который былъ найденъ въ лѣсной чащѣ, но и платье, которое было найдено на трупѣ. Омнибусный кондукторъ, Валянсъ *), также теперь засвидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ, какъ Мари Рожэ переѣхала на паромѣ Сену въ упомянутое Воскресеніе, въ обществѣ молодого человѣка съ смуглымъ лицомъ. Онъ, Валянсъ, зналъ Мари въ лицо, и не могъ бы ошибиться и не признать ее. Предметы, найденные въ чащѣ, также были цѣлкомъ признаны близкими Мари. Всѣ эти факты и свѣдѣнія, собранныя мною изъ газетъ, по указанію Дюпена, включали еще только одинъ пунктъ—но это былъ пунктъ, повидимому, очень большой важности. Какъ кажется, непосредственно вслѣдъ за открытіемъ вышеописанныхъ предметовъ, безжизненное, или почти безжизненное, тѣло Сянтъ-Эсташа, жениха Мари, было найдено около того мѣста, которое теперь считаютъ мѣстомъ преступленія. Рядомъ съ нимъ былъ найденъ пустой пузырекъ, съ этикеткой „Laudanum“ (настояй изъ опиума). Дыханіе его явлю указывало на присутствіе яда. Онъ умеръ, не произнося ни слова. Въ карманахъ у него нашли письмо, гдѣ онъ коротко говорить о своей любви къ Мари, и о своемъ намѣреніи покончить съ собой.

„Врядъ-ли мнѣ нужно говорить вамъ“, сказалъ Дюпень, когда онъ кончилъ перечитывать мои замѣтки, „что это гораздо болѣе запутанный случай, нежели случай, бывшій на улицѣ Моргъ, отъ котораго онъ отличается въ одномъ важномъ отношеніи. Это *заурядный*, хотя и жестокий, примѣръ преступленія. Въ немъ нѣтъ ничего особенно *преувеличеннаго*. Вы можете видѣть, что, на этомъ основаніи, тайна была сочтена легкой для разрѣшенія, между тѣмъ какъ на этомъ основаніи она должна

---

*) Adam.

бы быть сочтена трудной. Такимъ образомъ, сначала было найдено бесполезнымъ предлагать вознагражденіе. Приспѣшники Ж.—были способны сразу понять, какъ и почему такое преступленіе *могло быть* совершено. Ихъ воображеніе могло нарисовать имъ извѣстный способъ—много способовъ—извѣстную побудительную причину—много побудительныхъ причинъ; и такъ какъ это было не невозможно, чтобы тотъ или другой изъ этихъ многочисленныхъ способовъ и побудительныхъ причинъ *могли быть* на самомъ дѣлѣ дѣйствующей причиной, они приняли, какъ вопросъ рѣшенный, что одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ таковымъ и *долженъ* былъ быть. Но легкость, съ которою возникли эти различныя выдумки, и самая кажущаяся ихъ пріемлемость, должны были бы быть поняты скорѣе какъ указаніе на трудность, чѣмъ какъ указаніе на легкость разъясненія. Я уже ранѣе указывалъ вамъ, что именно черезъ уклоненія, возвышающіяся надъ уровнемъ зауряднаго, разумъ оцѣпываетъ свою дорогу, если онъ ее, вообще, находитъ, въ своихъ полскахъ истины, и что надлежащій вопросъ въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ, не столько „что случилось?“, какъ вопросъ „что случилось изъ того, что никогда не случилось раньше?“ При обыскиваніи дома Madame Л'Эспанэ *), агенты Ж.—были смущены и обезкуражены именно тою самою *необычностью*, которая для разума, надлежащимъ образомъ мыслящаго, послужила бы вѣрнѣйшимъ предвѣщаніемъ успѣха; между тѣмъ какъ тотъ же самый разумъ могъ бы повергнуться въ полное отчаяніе, при видѣ зауряднаго характера всего, что является глазу въ этомъ дѣлѣ дѣвушки-парфюмерщицы, и что еще не дало указаній ровно ни на что, кромѣ легковѣснаго торжества чиновниковъ Префектуры.

„Въ дѣлѣ Madame Л'Эспанэ и ея дочери, съ самаго на-

---

*) Смотри „Убіенство въ улицѣ Моргъ“.

чала слѣдствія, не было сомнѣнія, что здѣсь было совершено убійство. Мысль о самоубійствѣ исключалась сразу. Здѣсь, также, мы съ самаго начала освобождены отъ какого-либо предположенія о самоубійствѣ. Тѣло, найденное у Заставы Руль, было найдено при такихъ обстоятельствахъ, что не оставалось никакихъ затрудненій касательно этого важнаго пункта. Но была высказана догадка, что найденное тѣло вовсе не тѣло Мари Рожэ, за указаніе убійцы или убійцъ которой было назначено вознагражденіе, относительно чего единственно и былъ нашъ договоръ съ Префектомъ. Мы оба знаемъ этого джентльмена достаточно. Не слѣдуетъ довѣрять ему слишкомъ. Будемъ ли мы начинать наше разслѣдованіе отъ найденнаго тѣла, и затѣмъ выслѣживать убійцу, мы еще можемъ открыть, что это тѣло не Мари, а кого-то другого; или же, если мы начнемъ съ предположенія, что Мари жива и найдемъ ее, но найдемъ не убитой—въ обихъ случаяхъ наши усилія тутъ потеряны, ибо мы имѣемъ дѣло съ Monsieur Ж.—Для нашей собственной задачи поэтому, если не для цѣлей правосудія, необходимо, чтобы первый нашъ шагъ былъ опредѣленіемъ тождественности тѣла съ тѣломъ исчезнувшей Мари Рожэ.

„Въ публикѣ имѣютъ вѣсь аргументы газеты „L'Etoile“; и что сама газета убѣждена въ ихъ важности, явствуетъ изъ того, какъ начинается одна изъ ея статей по данному предмету.—„Нѣкоторыя изъ сегодняшнихъ утреннихъ газетъ“, говоритъ она, „указываютъ на *завершительный* характеръ статьи въ понедѣльничномъ номерѣ „L'Etoile“.“ Для меня эта статья завершительна и убѣдительно мало въ чемъ иномъ, кромѣ указаній на рвеніе ея составителя. Мы должны помнить, что, вообще, задача нашей ежедневной прессы не столько содѣйствовать разъясненію истины, сколько создать извѣстное впечатлѣніе—сдѣлать ловкій вывертъ. Первая задача преслѣдуется лишь тогда, когда она, повидимому, согласуется со второй. Изданіе,

которое просто совпадаетъ съ обычнымъ мнѣніемъ (какъ бы хорошо ни было обосновано это мнѣніе) не снискиваетъ никакого довѣрія у толпы. Большая публика считаетъ глубокимъ лишь того, кто дѣлаетъ предположенія, находящіяся въ *остромъ противорѣчии* съ общепринятымъ мнѣніемъ. Въ логическихъ умозаключеніяхъ, такъ же какъ въ литературѣ, что оцѣнивается наиболѣе быстро и всеобще, это *эпиграмма*. И тутъ, и тамъ, это — достиженіе низшаго порядка.

„Я хочу сказать, что именно смѣшеніе эпиграммы и мелодрамы въ мысли, что Мари Рожэ еще жива, болѣе чѣмъ какая-либо пріемлемость таковой мысли, внушило эту догадку газетѣ, и обезпечило ей успѣхъ въ публикѣ. Разсмотримъ же главныя основанія въ аргументаціи „L'Etoile“, и постараемся избѣгнуть при этомъ той безсвязности, съ которой она устанавливаетъ свои доводы.

„Первая задача автора — показать, на основанія краткаго промежутка времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ плавающего трупа, что этотъ трупъ не можетъ быть тѣломъ Мари. Сведеніе этого промежутка до малѣйшихъ возможныхъ размѣровъ дѣлается, такимъ образомъ, сразу задачею разсуждающаго. Въ рьяномъ преслѣдованіи такой задачи, онъ съ самаго начала обрушивается въ простую догадку. „Было бы безуміемъ предполагать“, говоритъ онъ, „что убійство, если убійство здѣсь было совершено, могло осуществиться достаточно скоро, чтобы дать убійцѣ возможность бросить тѣло въ рѣку до полночи“. Мы спрашиваемъ тотчасъ же, и весьма естественно, *почему?* Почему безумно было бы предполагать, что убійство было совершено *черезъ пять минутъ*, послѣ того какъ дѣвушка оставила домъ своей матери? Почему безумно было бы предполагать, что убійство было совершено въ любое время дня? Умерщвленія свершались во всѣ часы. Но, если убійство имѣло мѣсто въ какую-либо минуту между девятью часами утра въ Воскресенье и

двѣнадцатую ночь безъ четверти, достаточно было бы времени „бросить тѣло въ рѣку до полночи“. Это предположеніе, такимъ образомъ, сводится въ точности къ тому, что убійство вовсе не было совершено въ Воскресенье; и если мы позволимъ „L'Etoile“ допустить это, мы можемъ позволить ей что угодно. Столбецъ, начинающійся словами: „Было бы безуміемъ предполагать, что убійство и пр.“, хотя онъ въ такомъ видѣ является напечатаннымъ въ „L'Etoile“, можно было бы вообразить существующимъ дѣйствительно *такимъ образомъ* въ умѣ сочинителя— „Было бы безуміемъ предположить, что убійство, если убійство совершилось, могло совершиться достаточно скоро, чтобы дать возможность убійцамъ бросить тѣло въ рѣку до полночи. Было бы безуміемъ, говоримъ мы, допускать все это, и допускать въ то же самое время (какъ мы рѣшили допустить), что тѣло *не* было брошено въ рѣку раньше какъ *послѣ* полночи“. Заключение, достаточно непослѣдовательное само по себѣ, но не такое, до послѣдней степени, нелѣпное, какъ напечатанное.

„Если бъ моимъ намѣреніемъ“, продолжалъ Дюпенъ, „было просто *выставить доводъ* противъ аргументаціи этого мѣста въ „L'Etoile“, я могъ бы спокойно остановиться здѣсь. Мы имѣемъ, однако же, дѣло не съ „L'Etoile“, а съ истиной. Упомянутая фраза, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, имѣетъ лишь одинъ смыслъ, и этотъ смыслъ я надлежащимъ образомъ установилъ; но существенно важно, чтобы мы зашли за простыя слова и подошли къ мысли, которую эти слова явнымъ образомъ намѣревались— и неуспѣшно—внушить. Намѣреніемъ журналиста было сказать, что въ какое-бы время дня, или ночи въ Воскресенье, ни совершалось это убійство, неправдоподобно, чтобы убійцы дерзнули отнести тѣло въ рѣку раньше полночи. Здѣсь-то и находится утверженіе, на которое я встаю. Предположено, что убійство было совершено въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятель-

ствахъ, что сдѣлалось необходимымъ *отнести тѣло* въ рѣку. Но вѣдь убійство могло произойти на берегу рѣки, или на самой рѣкѣ; и такимъ образомъ бросить тѣло въ воду было бы подходящимъ въ какое-либо время дня или ночи — это было бы самымъ прямымъ и самымъ непосредственнымъ способомъ распорядиться съ нимъ. Вы понимаете, что я не дѣлаю здѣсь намека ни на что, какъ на вѣроятное, или какъ на совпадающее съ моимъ собственнымъ мнѣніемъ. До сихъ поръ моя мысль не имѣетъ никакого отношенія къ самымъ *фактамъ* дѣла. Я хочу только предостеречь васъ противъ всего тона въ намекахъ „L'Etoile“, съ самаго начала привлекая ваше вниманіе къ *предвзятому* характеру, усвоенному газетой.

„Начертивъ, такимъ образомъ, границу, дабы слѣдовать собственнымъ предвзятымъ представленіямъ — допустивъ, что если тутъ было тѣло Мари, то оно оставалось въ водѣ лишь короткое время, газета продолжаетъ:

„Всѣ данныя опыта показываютъ, что потопшія тѣла, или тѣла, брошенные въ воду тотчасъ по свершеніи насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ, и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже когда надъ потопшимъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплыветъ ранѣе, по крайней мѣрѣ, пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія, оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать“.

„Эти утвержденія были молчаливо приняты всѣми Парижскими газетами, за исключеніемъ „Le Moniteur'a“ *). Эта послѣдняя газета пытается опровергнуть данный доводъ, имѣющій отношеніе лишь къ „утопшимъ тѣламъ“, и приводитъ пять-шесть примѣровъ, въ которыхъ тѣла, завѣдомо утопшія, были найдены плавающими по истече-

---

*) The New-York „Commercial Advertiser“.

ни меньшаго времени, чѣмъ указываетъ „L'Etoile“. Но есть что-то чрезвычайно нефилософское въ этой попыткѣ „Le Moniteur'a“ опровергнуть общія утверждения „L'Etoile“, приведеніемъ особыхъ примѣровъ, противорѣчащихъ этому утверженію. Если бъ было возможно привести не пять, а пятьдесятъ примѣровъ того, что тѣла были найдены плавающими черезъ два или черезъ три дня, эти пятьдесятъ примѣровъ могли бы еще, вполне уместно, быть разсматриваемы, лишь какъ исключенія изъ правила „L'Etoile“ до тѣхъ поръ, пока не было бы опровергнуто самое правило. При допущеніи правила (а „Le Moniteur“ его не отрицаетъ, а настаиваетъ лишь на исключеніи изъ него), аргументація „L'Etoile“ остается въ полной силѣ; ибо эта аргументація не притязаетъ на большее, кромѣ вопроса о вѣроятіи того, чтобы тѣло поднялось на поверхность воды скорѣе, чѣмъ черезъ три дня и это вѣроятіе будетъ въ пользу утверженія „L'Etoile“, до тѣхъ поръ, какъ примѣры, столь ребячески приводимые, не будутъ достаточны въ числѣ, чтобы установить противоположное правило.

„Вы видите сразу, что вся аргументація въ этомъ пунктѣ должна быть направлена, если аргументація нужна, противъ самаго правила; и для этой цѣли мы должны вслѣдовать *основаніе* самаго правила. Итакъ, человѣческое тѣло вообще ни легче, ни тяжеле, чѣмъ вода въ Сенѣ; то-есть, специфическая тяжесть человѣческаго тѣла въ естественномъ его состояніи приблизительно равняется объему свѣжей воды, которую оно содвигаетъ. Тѣла жирныхъ и мясистыхъ особъ, съ небольшими костями, и тѣла женщинъ, говоря вообще, легче нежели тѣла особъ худыхъ и ширококостныхъ, и тѣла мужчинъ вообще; специфическая тяжесть рѣчной воды подчиняется также нѣкоторому вліянію морского прилива, разъ онъ присутствуетъ. Но, оставляя этотъ вопросъ о приливѣ въ сторонѣ, можно сказать, что *очень* немногія человѣческія тѣла погрузятся, даже въ

свѣжей водѣ, по собственному своему соизволенію. Почти каждый, падая въ рѣку, будетъ способенъ плыть, если онъ дозволить, чтобы специфическая тяжесть воды пришла въ надлежащее соотношеніе съ специфическою тяжестью его собственнаго тѣла—то есть, если онъ дозволить, чтобы все его тѣло погрузилось, за исключеніемъ возможно малой его части. Надлежащее положеніе для того, кто не умѣетъ плавать, есть стоячес положеніе человѣка, идущаго по сушѣ, съ головою совершенно откинутой назадъ и погруженной въ воду; надъ поверхностью воды остается лишь ротъ и ноздри. При такихъ условіяхъ мы можемъ плавать безъ затрудненій и безъ усилій. Очевидно, однако, что тяжести тѣла и объема смѣщенной воды должны быть уравновѣшены очень тщательно, и что каждый пустякъ дастъ преимущество одной или другой. Рука, напримѣръ, поднятая изъ воды, и, такимъ образомъ, лишенная своей поддержки, есть добавочная тяжесть, достаточная, чтобы погрузить голову цѣликомъ, между тѣмъ какъ случайная помощь самаго небольшого куска дерева дастъ намъ возможность поднять голову и посмотреть кругомъ. Но при судорожныхъ движеніяхъ того, кто не привыкъ плавать, руки неизмѣнно устремляются вверхъ, въ то время какъ дѣлается попытка держать голову въ ея обычномъ перпендикулярномъ положеніи. Результатъ—погруженіе въ воду рта и ноздрей и принятіе воды въ легкія, во время усилій дышать подъ водою. Много воды также принимается въ желудокъ, и все тѣло дѣлается тяжеле на ту разницу въ тяжести, которая существуетъ между воздухомъ, первоначально расшпирившимъ эти полости, и жидкостью, теперь ихъ заполняющей. Какъ правило, этой разницы достаточно, чтобы заставить тѣло опуститься; но этой разницы недостаточно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ особами, у которыхъ малыя кости и ненормальное количество мякоти или жирнаго вещества. Такіе плаваютъ даже послѣ потопленія.

„Тѣло, предположенное нами находящимся на днѣ рѣки будетъ тамъ оставаться до тѣхъ поръ, пока, какими-нибудь средствами, специфическая его тяжесть не сдѣлается опять меньшей, нежели тяжесть объема воды имъ содвинутой. Это получается черезъ разложеніе или инымъ путемъ. Слѣдствіемъ разложенія появляется возникновеніе газа, растягивающаго клѣточные ткани и всѣ впалости, и дающаго утопленникамъ такой чудовищный *раздутый* видъ. Когда такое расширеніе увеличилось настолько, что объемъ тѣла вещественно возросъ, безъ соответственнаго возрастанія *массы*, или вѣса, специфическая его тяжесть дѣлается меньше, чѣмъ тяжесть перемѣщенной воды, и это немедленно вызываетъ его подытіе къ поверхности. Но разложеніе видоизмѣняется многочисленными обстоятельствами—оно ускоряется или замедляется многочисленными дѣйствующими; напримѣръ, холодомъ или жаромъ времени гоа, минеральными частицами, или чистотою воды, глубиною воды, или ея мелкостью, тѣмъ, что она проточная, или стоячая, тѣлосложеніемъ, зараженностью тѣла, или свободою его отъ недуга передъ смертію. Такимъ образомъ, очевидно, что мы не можемъ указать съ какою либо точностью никакого періода времени, въ который тѣло должно всплыть благодаря разложенію. При извѣстныхъ условіяхъ, этотъ результатъ могъ бы получиться черезъ часъ; при другихъ, онъ могъ бы не имѣть мѣста вовсе. Есть введенія химическихъ веществъ, благодаря которымъ тѣлесная основа *навсегда* можетъ быть предохранена отъ порчи; таковъ, напримѣръ, двухлористый ртуть. Но, оставляя разложеніе въ сторонѣ, можетъ возникнуть, и весьма обыкновенно возникаетъ, газъ въ желудкѣ, благодаря броженію растительнаго вещества черезъ окисленіе (или въ другихъ впалостяхъ отъ другихъ причинъ), достаточный, чтобы вызвать растяженіе, которое приведетъ тѣло къ поверхности. Эффектъ, создаваемый пушечнымъ выстрѣломъ, есть дѣй-

ствіе простой вибраціи. Онъ можетъ или освободить тѣло отъ мягкой грязи или отъ ила, въ которомъ оно погребено, позволяя, такимъ образомъ, подняться, когда другія дѣйствующія уже подготовили его къ этому, или онъ можетъ побѣдить упорство какихъ-либо гніющихъ частей клѣточной ткани, позволяя впалостямъ расширяться подъ влияніемъ газа.

„Имѣя, такимъ образомъ, передъ нами всю философію даннаго предмета, мы можемъ легко провѣрить утвержденія „L'Etoile“.

„Всѣ данные опыты показываютъ, что потопшія тѣла или тѣла, брошенныя въ воду тотчасъ по свершеніи насильственной смерти, нуждаются во времени отъ шести до десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточныхъ размѣровъ, и дало имъ возможность подняться на поверхность воды. Даже, когда надъ потопшимъ тѣломъ разразится пушечный выстрѣлъ, и оно всплыветъ ранѣе, по крайней мѣрѣ, пяти- или шести-дневнаго срока отъ потопленія, оно погружается въ воду опять, если ему не помѣшать“.

„Весь этотъ отрывокъ долженъ казаться намъ теперь сдѣланнымъ непоследовательности и безсвязности. Опытъ вовсе не показываетъ намъ, что „потопшія тѣла“ *требуютъ* отъ пяти до десяти дней для достаточнаго разложенія, чтобы подняться къ поверхности. И знаніе, и опытъ показываютъ намъ, что время поднятія трупа неопредѣленно, и по необходимости должно быть таковымъ. Если, кромѣ того, тѣло поднялось къ поверхности, благодаря пушечному выстрѣлу, оно не погрузится опять, будучи предоставлено самому себѣ“, если разложеніе дошло до такой степени, чтобы дозволить высвобожденіе возникшаго газа. Но я хочу обратить ваше вниманіе на различіе, дѣлаемое между „потопшими тѣлами“ и „тѣлами, брошенными въ воду тотчасъ вслѣдъ за насильственной смертью“. Хотя авторъ замѣтки допускаетъ различіе, онъ все же

включаетъ эти тѣла въ одну и ту же категорію. Я показаль, какимъ образомъ тѣло утопленника дѣлается тяжелѣе объема воды, я указаль, что данныйъ человѣкъ не утонулъ бы вовсе, если бы не судорожныя движенія, благодаря которымъ онъ поднимаетъ свои руки надъ поверхностью воды, и если бы не судорожныя его попытки дышать подъ водою—попытки, заполняющія легкія водою вмѣсто бывшаго тамъ раньше воздуха. Но этихъ судорожныхъ попытокъ двигать руками и дышать не было бы въ „тѣлѣ, брошенномъ въ воду непосредственно вслѣдъ за насильственной смертью“. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, *какъ общее правило, тѣло вовсе не погружается въ воду*—фактъ, о которомъ „L'Etoile“, очевидно, не знаетъ. Когда разложеніе достигло очень значительныхъ размѣровъ—когда мягкія части тѣла, въ значительной степени, отдѣлились отъ костей—лишь тогда, на самомъ дѣлѣ, и не раньше мы видимъ, что тѣло исчезаетъ.

„Теперь, что же намъ дѣлать съ аргументомъ, гласящимъ, что это не могло быть тѣломъ Мари Рожэ, потому что это тѣло было найдено плавающимъ, когда прошло всего лишь три дня? Будучи женщиной, если она и утонула, она могла вовсе не погрузиться въ воду; или, погрузившись, могла вновь показаться на поверхности черезъ двадцать четыре часа, или раньше. Но никто не предполагаетъ, что она утонула; и разъ она умерла, передъ тѣмъ какъ ее бросили въ рѣку, она могла быть найдена плавающей въ любое время послѣ этого.

„Но“, говоритъ „L'Etoile“, „если тѣло въ изуродованномъ своемъ состояніи продолжало оставаться на берегу до ночи Вторника, на берегу были бы найдены какіе-нибудь слѣды убійцъ“. Здѣсь сначала трудно понять намѣреніе разсуждающаго. Онъ старается предвосхитить то, что ему представляется какъ возраженіе противъ его теоріи—то есть, что тѣло находилось на берегу два дня и подверг-

лось быстрому разложенію — *болѣе* быстрому, чѣмъ, если бы оно было погружено въ воду. Онъ предполагаетъ, что, если бы случай былъ таковъ, тѣло *могло бы* появиться на поверхности въ Среду, и думаетъ, что *только* при такихъ обстоятельствахъ оно могло бы, такимъ образомъ, появиться. Согласно съ этимъ, онъ торопится сказать, что оно *не* находилось на берегу; потому что, если бы это было такъ, „какіе-нибудь слѣды убійцъ были бы найдены на берегу“. Я думаю, что вы улыбаетесь на это умозаключение. Вы не можете постичь, какимъ образомъ простая *длительность* нахождения тѣла на берегу могла бы содѣйствовать *умноженію слѣдовъ* убійцъ. Не могу и я.

„И, кромѣ того, въ высшей степени невѣроятно“, продолжаетъ наша газета, „чтобы злодѣи, совершившіе такое убійство, какъ это предположено здѣсь, бросили тѣло въ воду не привязавъ къ нему никакой тяжести, когда такая предосторожность могла осуществиться такъ легко“. замѣьте здѣсь потѣшное смѣшеніе мысли. Никто—ни даже „L'Etoile“—не оспариваетъ, что *найденное тѣло* есть тѣло убитой. Знаки насилія слишкомъ явны. Намѣреніе нашего разсуждающаго просто показать, что этотъ трупъ не есть тѣло Мари. Онъ не доказываетъ, что трупъ не есть тѣло убитой—онъ хочетъ доказать, что *Мари* не убила. Между тѣмъ, его замѣчанія доказываютъ лишь первый пунктъ. Вотъ трупъ, но къ нему не привязано никакой тяжести. Убійцы, бросая его въ воду, не преминули бы привязать къ нему тяжесть, поэтому онъ не былъ брошенъ въ воду убійцами. Это все, что доказано, если что-нибудь доказано. Къ вопросу о тождествѣ даже не сдѣлано приближенія, и „L'Etoile“ лишь старательно хлопочетъ о томъ, чтобъ опровергнуть теперь то, что она сама допускала за минуту. „Мы вполне убѣждены“, говоритъ она, „что найденное тѣло принадлежитъ убитой женщиѣ“.

„Это не единственный примѣръ, даже при такомъ раздѣ-

леніи предмета, когда нашъ разсуждающій безсознательно разсуждаетъ противъ самаго себя. Его очевидное намѣреніе, какъ я сказалъ, уменьшить сколько возможно промежутокъ времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ тѣла. Однако же, мы видимъ, какъ онъ подчеркиваетъ тотъ пунктъ, что никто не видалъ дѣвушку съ той минуты, когда она вышла изъ дома своей матери“.

„У насъ нѣтъ никакого свидѣтельства“, говоритъ онъ, „что Мари Рожэ была еще въ живыхъ послѣ девяти часовъ утра въ Воскресенье 22 іюня“. Такъ какъ этотъ его аргументъ явно предвзятый, онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы, по крайней мѣрѣ, вовсе не касался этого вопроса; ибо, если бы кто-нибудь видѣлъ Мари, скажемъ, въ Понедѣльникъ или во Вторникъ, упомянутый промежутокъ времени весьма уменьшился-бы, и согласно съ его собственнымъ методомъ умозаключенія, весьма уменьшилась бы вѣроятность того, что это тѣло *гризетки*. Забавно, однако, видѣть, что „L'Etoile“ настаиваетъ на этомъ пунктѣ съ полной убѣжденностью, что онъ подтверждаетъ общую аргументацію.

„Перечтите теперь ту часть этой аргументаціи, которая касается того, что Бовэ призналъ тѣло. Относительно *волосъ* на рукѣ, „L'Etoile“, очевидно, была злостной. Monsieur Бовэ, не будучи идиотомъ, никогда не могъ бы настаивать на опознаніи трупа лишь потому, что на *рукѣ есть волосы*. Нѣтъ руки *безъ* волосъ. *Вся манера* говорить является въ „L'Etoile“ простымъ извращеніемъ словъ свидѣтеля. Онъ долженъ былъ разумѣть какую-нибудь *особенность* въ этихъ волосахъ, тутъ должна была быть какая-нибудь особенность въ цвѣтѣ, количествѣ, длинѣ, или въ расположеніи.

„У нея была маленькая нога“, — говоритъ газета, — „есть тысячи такихъ ногъ. Ея подвязка не есть какое-либо доказательство, ни ея башмакъ, ибо башмаки и подвязки продаются тюками. То же самое можетъ быть сказано о

цвѣтахъ на ея шляпѣ. Monsieur Бовэ особенно сильно настаиваетъ на одномъ обстоятельстве, именно, что застежка подвязки была передвинута назадъ, чтобы держаться. Это не доказываетъ ничего; ибо большая часть женщинъ находятъ болѣе подходящимъ взять пару подвязокъ домой и приладить ихъ тамъ къ величинѣ своихъ ногъ, а не примѣрять ихъ въ магазинѣ, гдѣ онѣ ихъ покупаютъ“. Здѣсь трудно допустить, чтобъ разсуждающій говорилъ серьезно. Если бы Monsieur Бовэ, въ розыскахъ тѣла Мари, нашелъ трупъ, соответствующій, въ общемъ видѣ и размѣрахъ, тѣлу пропавшей дѣвушки, онъ могъ бы считать себя удостовѣреннымъ (безъ какого-либо вопроса объ одеждѣ), что поиски его были удачны. Если въ придачу къ сходству общаго вида и очертаній, онъ нашелъ на рукѣ особую волосяную примѣту, которую онъ замѣтилъ на живой Мари, мнѣніе его справедливо могло быть усилено, и возрастаніе положительности могло бы быть въ прямомъ отношеніи къ особенностямъ или необычности волосяной примѣты. Если нога у Мари была маленькая, а ноги мертваго тѣла также были маленькія, увеличеніе вѣроятія, что это тѣло Мари, было бы не только увеличеніемъ въ профессіи чисто ариеметической, но и высоко геометрической, или собирательной. Прибавьте ко всему этому башмаки такіе, какіе на ней, какъ извѣстно, были въ день исчезновенія, и хотя бы такіе башмаки могли „продаваться тюками“, вы настолько увеличите вѣроятіе, что коснетесь достовѣрнаго. То, что само по себѣ не было бы свидѣтельствомъ тождества, дѣлается, благодаря подкрѣпленію, доказательствомъ самымъ вѣрнымъ. Дайте намъ, затѣмъ, цвѣты на шляпѣ, соответствующіе тѣмъ, какіе были на шляпѣ у пропавшей дѣвушки, намъ нечего больше искать. Если мы имѣемъ хоть *одинъ* цвѣтокъ — намъ нечего больше искать. Что же если у насъ ихъ два, или три, или болѣе? Каждая послѣдующая единица есть умноженное свидѣтель

ство — доказательство *не прибавленное* къ доказательству, но умноженное сотнями и тысячами. Мы находимъ далѣе на умершей подвязки такія же, какія были на живой, и продолжать далѣе становится почти безуміемъ. Но эти подвязки были найдены суженными, благодаря тому, что застежка была передвинута назадъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ были сужены подвязки на Мари незадолго передъ тѣмъ, какъ она вышла изъ дому. Сомнѣваться теперь — безуміе, или лицемѣріе. То, что „L'Etoile“ говоритъ о такомъ суживаніи подвязокъ, какъ о фактѣ обычномъ, не показываетъ ничего, кромѣ собственнаго ея упорства въ ошибкѣ. Эластическій характеръ застежки подвязокъ есть самъ по себѣ доказательство *необычности* суженія. То, что само по себѣ должно быть приложено, по необходимости, должно требовать постоянного вниманія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Лишь благодаря какому-нибудь случаю, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, подтяжки Мари нуждались въ упомянутомъ суженіи. Они одни могли бы въ достаточной мѣрѣ подтверждать тождество. Но не то важно, что на тѣлѣ были найдены подвязки пропавшей дѣвушки, или ея башмаки, или ея шляпа, или цвѣты на ея шляпѣ, или что были усмотрѣны ея ноги, или особая примѣта на ея рукѣ, или общій видъ и ростъ ея, а то, что найдено было все это, и *все вмѣстѣ*. Если бы было доказано, что издатель „L'Etoile“ *дѣйствительно* еще имѣетъ сомнѣнія при данныхъ обстоятельствахъ, въ его случаѣ не было бы надобности назначать комиссію для освидѣтельствованія здравости разсудка. Онъ счелъ мудрымъ явить себя эхомъ малой болтовни представителей закона, которые по большей части удовольствуются тѣмъ, что являютъ изъ себя эхо прямоугольныхъ судебныхъ правилъ. Я указалъ бы, что очень много изъ того, что отбрасывается судомъ какъ свидѣтельство, есть для разума лучшее изъ свидѣтельствъ. Ибо судъ, руководясь общими принципами очевидности—прин-

цами, признанными и занесенными въ книги — неохотно отъ нихъ уклоняется въ особыхъ случаяхъ. И эта упорная приверженность къ принципу, съ суровымъ пренебреженіемъ противорѣчащихъ исключеній, есть вѣрный способъ достиженія *максимума* достижимой истины въ теченіи какой-либо долгой длительности времени. Практика, *въ массѣ*, поэтому философична, но, тѣмъ не менѣе, достоверно, что она порождаетъ большія ошибки въ отдѣльныхъ случаяхъ *).

„Касательно инсинуацій, направленныхъ противъ Бовэ, вамъ просто нужно дунуть на нихъ — и они исчезнутъ. Вы уже оцѣнили настоящій характеръ этого добраго джентльмена. Это *хлопотунъ*, съ большою примѣсью романтики, и не остраго ума. Всякій человѣкъ съ такими данными, въ случаѣ *настоящаго* возбужденія, будетъ вести себя такъ, что возбудитъ подозрѣніе въ наблюдателяхъ слишкомъ утонченныхъ, или дурно расположенныхъ. У Monsieur Бовэ (какъ явствуетъ изъ вашихъ замѣтокъ) были нѣкоторые личные разговоры съ издателемъ „L'Etoile“, и онъ оскорбилъ его, дерзнувъ выставить миѣніе что тѣло, несмотря на теорію, развѣваемую издателемъ, есть тѣло Мари, и это точный фактъ. „Онъ упорствуетъ“, говоритъ газета, „въ утвержденіи, что это тѣло Мари, но не можетъ представить никакого обстоятельства въ придачу къ уже указаннымъ, чтобы заставить повѣрить

---

*) „Теорія, основанная на качествахъ предмета, не можетъ имѣть полное развитіе въ примѣненіи къ предметамъ, которыхъ она касается; и тотъ, кто располагаетъ факты въ отношеніи къ ихъ причинамъ, перестаетъ оцѣнивать ихъ, въ ихъ отношеніи къ ихъ результатамъ. Такимъ образомъ, правовѣдѣіе каждаго народа показываетъ, что, когда законъ дѣлается званіемъ и системой, онъ перестаетъ быть правосудіемъ. Ошибки, въ которыя слѣпая приверженность къ *основамъ* классификаціи приводила Право, можно видѣть, наблюдая, какъ часто законодательство бывало вынуждено выступать для восстановленія справедливости, исчезнувшей изъ его схемы“. — *Landor*.

другихъ“. Не обращаясь къ тому факту, что болѣе строгая очевидность, „чтобы заставить вѣрить другихъ“, *никогда* не можетъ быть приведена, можно замѣтить, что въ случаѣ подобнаго рода тотъ или иной человекъ вполне понятнымъ образомъ можетъ вѣрить, не будучи способнымъ выставить хоть какой-либо доводъ, чтобы заставить повѣрить другого. Ничто такъ не смутно, какъ впечатлѣніе личнаго тождества. Каждый узнаеть своего сосѣда, но мало примѣровъ, чтобы кто-нибудь былъ готовъ *указать основаніе*, почему онъ его узналъ. Издатель „L'Etoile“ не имѣлъ никакого права оскорбляться на неоснованную увѣренность Monsieur Бовэ.

„Подозрительныя обстоятельства, которыя его окружають, гораздо лучше будутъ согласоваться съ моею гипотезой *романтической хлопотливости*, нежели съ намеккомъ разсуждающаго — на виновность. Разъ будетъ усвоено болѣе мягкое истолкованіе, мы безъ затрудненія поймемъ розу въ замочной скважинѣ; слово „Мари“ на грифельной доскѣ; „рѣзкое устраненіе мужчинъ близкихъ“; нежеланіе его дозволить имъ увидать тѣло; предостереженіе, данное Madame Б., что она не должна разговаривать съ жандармомъ до его (Бовэ) возвращенія; и, наконецъ, его кажущуюся рѣшимость, „чтобы никто не вмѣшивался, какъ бы то ни было, въ слѣдствіе, кромѣ него“. Мнѣ кажется безспорнымъ, что Бовэ былъ ухаживателемъ Мари; что она съ нимъ кокетничала; и что ему льстило, чтобы думали, что онъ пользуется полнѣйшей ея интимностью и довѣріемъ. Объ этомъ я ничего болѣе говорить не буду; и такъ какъ показанія вполне опровергають утвержденіе „L'Etoile“ *касательно апатіи* со стороны матери и другихъ близкихъ, апатіи несомнѣстимой съ предположеніемъ о ихъ увѣренности въ томъ, что это тѣло дѣвушки-парфюмерщицы — мы будемъ теперь продолжать разсужденіе такъ, какъ если бъ вопросъ о тождествѣ былъ установленъ до полнаго нашего удовлетворенія“.

„А что вы думаете“, спросилъ я, „о мнѣніяхъ „Commercial“я?“

„Что по духу своему, они гораздо болѣе достойны вниманія, чѣмъ какія-либо мнѣнія, опубликованныя по данному предмету. Выводы изъ посылокъ философичны и остры; но послылки, въ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, основаны на несовершенномъ наблюденіи. „Le Commercial“ хочетъ внушить, что Мари была схвачена какою-то шайкой низкихъ негодяевъ недалесо отъ дома ея матерп. „Невозможно“, подчеркиваетъ газета, „чтобы особа, столь хорошо извѣстная тысячамъ, какъ эта молодая женщина, могла пройти три шага безъ того, чтобы кто-нибудь не увидалъ ее“. Это—представленіе человѣка, долго жившаго въ Парижѣ—человѣка публичности—чьи прогулки туда и сюда по городу большюю частью ограничивались мѣстами по сосѣдству отъ общественныхъ зданій. Онъ знаетъ, что онъ рѣдко пройдетъ больше чѣмъ шаговъ десять отъ своего собственнаго бюро безъ того, чтобы кто-нибудь не узналъ его, и не подошелъ къ нему. И зная размѣры своего личнаго знакомства съ другими и другихъ съ нимъ, онъ сравниваетъ свою извѣстность съ извѣстностью дѣвушки-парфюмерщицы, не усматриваетъ тутъ большой разницы, и сразу приходитъ къ заключенію, что ее въ ея прогулкахъ такъ же легко можно было бы признать, какъ его въ его собственныхъ. Такъ могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы ея прогулки отличались тѣмъ же самымъ неизмѣннымъ методическимъ характеромъ, и происходили въ томъ же самомъ *опредѣленномъ* ограниченномъ пространствѣ, какъ его прогулки. Онъ идетъ туда и сюда черезъ опредѣленные промежутки времени въ опредѣленной мѣстности, изобилующей личностями, которыя естественно наблюдаютъ за нимъ, благодаря тому, что родъ его занятій схожъ съ родомъ ихъ занятій. Но прогулки Мари, какъ можно предположить вообще, отличались характеромъ блужданій. Въ этомъ осо-

бенномъ случаѣ совершенно правдоподобно принять, что она пошла по дорогѣ, болѣе чѣмъ обыкновенно, отличной отъ ея обычныхъ путей. Параллель, которая, какъ мы можемъ вообразить, существовала въ умѣ „Le Commercial’a“, могла бы быть приемлема лишь въ томъ случаѣ, если бѣ два человѣка проходили весь городъ. Въ данномъ случаѣ, допуская, что личные знакомства у нихъ равны, могли бы также быть равны и возможности, что равное число знакомыхъ можетъ встрѣтиться по дорогѣ. Что касается меня, я считалъ бы не только возможнымъ, но и болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Мари могла пройти въ любое время по одной изъ многихъ дорогъ, находящихся между ея квартирой и квартирою ея тетки, не встрѣтивъ ни одного человѣка, котораго бы она знала или который бы ее зналъ. Разсматривая этотъ вопросъ въ его полномъ и надлежащемъ свѣтѣ, мы должны твердо помнить великое несоотвѣтствіе между личными знакомыми какого-либо, даже самаго виднаго, человѣка въ Парижѣ, и цѣлымъ населеніемъ самого Парижа.

„Но какую бы силу мы еще ни признавали за внушеніемъ „Le Commercial’a“, она весьма уменьшится, если мы примемъ во вниманіе часъ, въ который вышла дѣвушка. „Она вышла“, говоритъ „Le Commercial“, „когда улицы полны народа“. Но это не такъ. Она вышла въ девять часовъ утра. Въ девять часовъ утра въ любой день недѣли, за исключеніемъ *Воскресенья*, улицы города дѣйствительно полны народа. Въ девять часовъ утра въ Воскресенье всѣ находятся, главнымъ образомъ, по домамъ, *приготовляясь* идти въ церковь. Никакой наблюдательный человѣкъ не могъ не замѣтить особливо пустыннаго вида города приблизительно отъ восьми до десяти часовъ утра каждое Воскресенье. Между десятью и одиннадцатью часами улицы очень людны, но не въ такое раннее время, какое указано.

„Есть и еще другой пунктъ, въ которомъ „Le Commer-

cial“, повидимому, выказывает малую *наблюдательность*. „Обрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки“, говоритъ газета, „въ два фута длины и въ одинъ футъ ширины былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, съ цѣлью предупредить крики. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“. Основана или не основана такая догадка, мы это постараемся разсмотрѣть потомъ; подъ „молодцами, у которыхъ нѣтъ носового платка“, газета разумѣетъ низшій классъ мошенниковъ. Они, однакоже, представляютъ изъ себя какъ разъ такой разрядъ людей, у какового всегда найдутся носовые платки, даже тогда, когда у нихъ нѣтъ рубашки. Вы должны были имѣть случай замѣтить, какъ для законченнаго негодяя безусловно сдѣлалось необходимымъ за послѣдніе годы имѣть носовой платокъ.

„А что вы думаете“, спросилъ я, „о статьѣ въ „Le Soleil“?

„Что въ высокой степени жаль, что авторъ ея не родился попугаемъ—въ каковомъ случаѣ онъ былъ бы знаменитѣйшимъ изъ попугаевъ. Онъ просто повторилъ отдѣльные отрывки, уже опубликованныхъ мнѣній, собравши ихъ съ похвальнымъ прилежаніемъ изъ одной газеты и изъ другой. „Данныя вещи“, говоритъ онъ, „по всей очевидности, находились здѣсь, по крайней мѣрѣ, три или четыре недѣли, и не можетъ быть *никакого* сомнѣнія, что мѣсто этого ужасающаго злодѣянія открыто“. Факты, снова подтверждаемые здѣсь газетой „Le Soleil“, далеко не устраняютъ моихъ собственныхъ сомнѣній касательно даннаго пункта, и мы разсмотримъ ихъ болѣе тщательно позднѣе въ сравненіи съ другою частью темы.

„Теперь мы должны заняться другими вопросами. Вы не могли не замѣтить крайней небрежности въ осмотрѣ тѣла. Конечно, вопросъ о тождествѣ могъ быть разрѣшенъ легко, или долженъ былъ быть разрѣшенъ легко,

но тутъ были другіе пункты для удостовѣренія. Было ли тѣло какимъ-нибудь образомъ *ограблено*? Были ли на покойной какія-либо драгоценности, когда она выходила изъ дому? Если это такъ, было ли на ней что-нибудь, когда ее нашли? Это важные вопросы, совершенно не тронутые показаніями; а есть еще и другіе равной важности, на которые не обратили вниманія. Дѣло Сэнтъ-Эташа должно быть пересмотрѣно. Я не имѣю относительно него подозрѣній, но будемъ разсматривать методически. Мы, безъ сомнѣнія, разсмотримъ цѣнность его *показаній* касательно времяпрепровожденія въ Воскресенье. Показанія такого характера легко дѣлаются предметомъ мистификаціи. Если, однако, въ нихъ все находится въ порядкѣ, мы вычеркнемъ Сэнтъ Эташа изъ нашихъ разслѣдованій. Его самоубійство, хотя и подтверждало бы подозрѣніе, если бы въ его показаніяхъ былъ найденъ обманъ, ни въ какомъ отношеніи не является—безъ такого обмана—обстоятельствомъ необъяснимымъ, и отнюдь не побуждастъ насъ уклониться отъ линіи обычнаго анализа.

„Въ томъ, что я вамъ предлагаю теперь, мы отбросимъ внутренніе пункты этой трагедіи и сосредоточимъ наше вниманіе на внѣшнихъ ея очертаніяхъ. Не наименьшею изъ обычныхъ ошибокъ, при разслѣдованіяхъ такого рода, является ограниченіе слѣдствія непосредственно ближайшимъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ сопутствующимъ или побочнымъ обстоятельствамъ. Это злокачественная практика судовъ ограничивать разслѣдованіе и обсужденіе дѣла предѣлами кажущихся отношеній. Опытъ же показалъ, и истинная философія всегда покажетъ, что огромная, быть можетъ, самая обширная часть истины проистекаетъ изъ того, что, какъ кажется, не имѣетъ къ данному предмету никакого отношенія. Это на основаніи духа такого принципа, если не въ точности на основаніи его буквы, современное знаніе рѣшило *разсчитывать на непредвидѣнное*. Но, быть можетъ, вы не понимаете меня.

Исторія человѣческаго знанія такъ непрерывно показала, что побочнымъ, или неважнымъ, или случайнымъ обстоятельствамъ мы обязаны самыми многочисленными и самыми цѣнными открытіями, что давно стало необходимымъ, въ каждомъ сколько-нибудь дальновидномъ планѣ улучшеній, предполагать не только широкія, но и широчайшія, возможности открытій, которыя произойдутъ благодаря случаю, и совершенно за предѣлами обычнаго ожиданія. Болѣе уже не философично основывать вѣдѣніе того, что будетъ на томъ, что было. *Случай* допущенъ какъ часть въ основаніе. Мы дѣлаемъ случайность предметомъ безусловнаго расчета. Мы вводимъ непредвидѣнное и невообразимое въ школьныя математическія *формулы*.

„Я повторяю, это не больше — не меньше какъ фактъ, что наиболѣе широкая часть всякой истины простирается за пределы побочнаго; и лишь согласуясь съ духомъ принципа, введеннаго въ данный фактъ, я хотѣлъ бы отвлечь слѣдствіе въ настоящемъ дѣлѣ отъ затоптанной и доселѣ безплодной почвы самаго событія, къ одновременнымъ обстоятельствамъ, его окружающимъ. Въ то время какъ вы будете провѣрять правдивость показаній Сэнтъ-Эсташа, я рассмотрю газеты въ болѣе общемъ оглядѣ, чѣмъ вы это доселѣ сдѣлали. До сихъ поръ мы лишь подвергали развѣдкѣ поле изслѣдованія; но было бы, по истинѣ, страннымъ, если бы цѣльное разсмотрѣніе указаній прессы, какъ я его предполагаю сдѣлать, не дало намъ нѣсколькихъ частичныхъ пунктовъ, которые установятъ *направленіе слѣдствія*“.

Согласно съ мыслью Дюпена, я тщательно разсмотрѣлъ все дѣло о показаніяхъ Сэнтъ-Эсташа, и въ результатъ составилъ твердое убѣжденіе въ полной ихъ добросовѣстности и въ слѣдующей отсюда его невинности. Въ то же самое время мой другъ занялся внимательнымъ разсмотрѣніемъ многочисленныхъ газетныхъ столбцовъ, со тщательностью, которая казалась мнѣ совершенно без-

предметной. Въ концѣ недѣли онъ положилъ предо мною слѣдующія выдержки:

„Года три съ половиною тому назадъ волненіе, подобное настоящему было причинено исчезновеніемъ той же самой Мари Рожэ изъ парфюмернаго магазина Monsieur Ле Блана въ Палэ Ройялѣ. Въ концѣ недѣли, однако, она вновь появилась за своей обычной конторкой въ полномъ благополучіи, если исключить легкую блѣдность, не вполне обычную. Monsieur Ле Бланъ и ея мать говорили, что она просто была въ гостяхъ у какихъ-то друзей за городомъ, и дѣло это было быстро забыто. Мы предполагаемъ, что настоящее ея отсутствіе есть нѣкоторый капризъ того же самаго рода, и что по истеченіи недѣли, или быть можетъ мѣсяца, она снова будетъ среди насъ.“— „Journal du Soir“—Понедѣльникъ, 23 Іюня *).

„Одна вечерняя газета во вчерашнемъ своемъ номерѣ говоритъ о прежнемъ таинственномъ исчезновеніи Mademoiselle Рожэ. Вполнѣ извѣстно, что въ теченіи недѣли своего отсутствія она была въ обществѣ молодого морского офицера, весьма извѣстнаго кутежными своими наклонностями. Сора, какъ предполагаютъ, провиденціально привела ее къ возвращенію домой. Намъ извѣстно имя сего Лотаріо, который въ настоящее время находится въ Парижѣ, но, по причинамъ очевиднымъ, мы воздерживаемся отъ его опубликованія.—„Le Mercure“—Вторникъ, утро, 24 Іюня **).

„Преступленіе, самаго отвратительнаго характера, было совершено въ окрестностяхъ этого города третьяго дня. Одинъ господинъ со своею женою и дочерью прибѣгъ въ сумерки къ услугамъ шести молодыхъ людей, которые праздно катались на лодкѣ около береговъ Сены, чтобы они перевезли его черезъ рѣку. Причаливъ къ противо-

---

*) New-York „Express“.

***) New-York „Herald“.

положному берегу, три эти пассажира вышли и ушли уже такъ далеко, что потеряли изъ виду лодку, какъ вдругъ дѣвушка замѣтила, что она оставила тамъ свой зонтикъ. Она вернулась за нимъ, была схвачена этой шайкой, ее увлекли въ лодкѣ, завязали ей ротъ, обошлись съ ней звѣрски и, наконецъ, оставили на берегу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ она первоначально вошла въ лодку со своими родителями. Негодяи скрылись и пока скрываются, но полиція напала на ихъ слѣдъ и нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ будутъ арестованы“. — „Journal du Matin“, 25 Юня *).

„Мы получили два-три сообщенія, клонящіяся къ тому, чтобы приписать недавнее отвратительное преступленіе Меннэ **); но такъ какъ упомянутое лицо было совершенно освобождено отъ обвиненія слѣдственной властью, и такъ какъ доводы различныхъ нашихъ корреспондентовъ, по видимости, отличаются бѣльшимъ рвеніемъ, чѣмъ глубиной, мы не считаемъ подходящимъ опубликовывать ихъ“. — „Journal du Matin“, 28 Юня ***).

„Мы получили нѣсколько сообщеній, весьма энергично написанныхъ и проистекающихъ, повидимому, изъ различныхъ источниковъ, изъ коихъ явствуетъ съ достовѣрностью, что несчастная Мари Рожэ сдѣлалась жертвой одной изъ многочисленныхъ шаякъ негодяевъ, которая заражаетъ своимъ присутвіемъ окрестности города по воскресеньямъ. Наше собственное мнѣніе рѣшительно склоняется въ пользу этого предположенія. Мы постараемся изложить впредь нѣкоторые изъ нашихъ аргументовъ. — „Journal du Soir“, Вторникъ, 31 Юня ****).

„Въ понедѣльникъ одинъ изъ лодочниковъ, находящихся

---

*) New York „Courier and Inquirer“.

***) Меннэ былъ однимъ изъ первоначально заподозрѣнныхъ и арестованныхъ, но былъ отпущенъ за полнымъ отсутствіемъ уликъ.

****) New York „Courier and Inquirer“.

*****) New York „Evening Post“.

на службѣ у государственной казны, увидѣлъ пустую лодку, плывущую внизъ по Сенѣ. Паруса лежали на дни лодки. Лодочникъ привелъ лодку къ навигаціонной конторѣ. На слѣдующее утро лодка была взята оттуда безъ вѣдома кого-либо изъ служащихъ. Руль находится въ конторѣ. — „La Diligence“, Четвергъ, 26 Іюня *).

По прочтеніи этихъ различныхъ отрывковъ, они не только показались мнѣ не относящимися къ дѣлу, но я не могъ понять, какимъ образомъ какой-нибудь изъ нихъ могъ быть приведенъ въ соотношеніе съ даннымъ дѣломъ. Я ждалъ нѣкоторыхъ разъясненій отъ Дюпена.

„Я не намѣренъ“, сказалъ онъ, „останавливаться въ данную минуту на первомъ и второмъ отрывкѣ. Я написалъ ихъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать вамъ крайнюю небрежность полиціи, которая, насколько я могъ понять Префекта, нисколько не побеспокоилась допросить морского офицера, на коего было указано. Между тѣмъ, это прямо безумно говорить, что между первымъ и вторымъ исчезновеніемъ Мари нельзя *предполагать* связи. Допустимъ, что первый побѣгъ былъ слѣдствіемъ ссоры между возлюбленными, и что благодаря этому обманутая дѣвушка вернулась домой. Мы подготовлены разсматривать второй *побѣгъ* (если мы знаемъ, что побѣгъ снова имѣлъ мѣсто), какъ указаніе на возобновеніе попытокъ приблизиться со стороны измѣнника, скорѣе чѣмъ какъ на результатъ новыхъ предложеній какого-нибудь другого лица—мы подготовлены смотрѣть на него, какъ на „починку“ старой *любви* скорѣе, чѣмъ какъ на начало новой. Десять противъ одного говорятъ, что тотъ, кто однажды бѣжалъ съ Мари, снова предложить ей побѣгъ, скорѣе, чѣмъ предположить, что Мари, которой были сдѣланы предложенія побѣга, получила эти предложенія отъ кого-нибудь другого. И здѣсь, позвольте мнѣ

---

*) New York „Standard“.

обратить ваше вниманіе на тотъ фактъ, что время, прошедшее между первымъ удостовѣреннымъ побѣгомъ и вторымъ предполагаемымъ, лишь на нѣсколько мѣсяцевъ больше, чѣмъ обычный срокъ времени крейсирования нашихъ военныхъ кораблей. Не былъ ли влюбленный прерванъ въ первой своей низкой попыткѣ необходимостью отплытія въ море, и не воспользовался ли онъ первой минутой своего возвращенія для того, чтобы возобновить низкіе замыслы не выполнѣ еще осуществленные, или не выполнѣ еще осуществленные *имъ*? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего.

„Вы скажете, однако, что во второмъ случаѣ вовсе не было воображаемаго побѣга. Конечно, нѣтъ—но развѣ мы можемъ сказать, что здѣсь не было неудавшагося замысла? Кромѣ Сэнтъ-Эташа и, быть можетъ, Бовэ, мы не знаемъ никакого признаннаго, открытаго, уважаемаго ухаживателя Мари. Ни о какомъ другомъ не было ничего говорено. Кто же этотъ тайный возлюбленный, о которомъ близкіе (*по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ*) не знаютъ ничего, но съ которымъ Мари встрѣчается въ Воскресенье утромъ, и который пользуется такимъ глубокимъ ея довѣріемъ, что она не колеблется оставаться съ нимъ до сумерекъ среди пустынныхъ рощицъ Заставы Руль? Кто этотъ тайный возлюбленный, спрашиваю я, о которомъ, по крайней мѣрѣ, *большая часть* близкіхъ не знаютъ ничего? И что означаетъ это странное пророчество Madame Рожэ въ утро ухода Мари? — „Я боюсь, что я никогда больше не увижу Мари“.

„Но, если мы не можемъ представить, чтобы Madame Рожэ была освѣдомлена о намѣреніи сдѣлать побѣгъ, развѣ мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, предполагать, что у дѣвушки такое намѣреніе было? Уходя изъ дому, она дала понять, что она идетъ къ своей теткѣ на улицу Дромъ, и Сэнтъ-Эташу было поручено придти за ней съ наступленіемъ вечера. На первый взглядъ этотъ фактъ

сильно противорѣчитъ моему предположенію, но размыслимъ немного. Что она встрѣтила какого-то человѣка, съ которымъ была и переѣхала съ нимъ черезъ рѣку, достигнувъ Заставы Руль въ такой поздній часъ, какъ три часа по полудни, это извѣстно. Но, согласившись сопровождать его (*для какой бы то ни было цѣли — известной или неизвестной ея матери*), она должна была думать о намѣреніи, выраженномъ ею при уходѣ изъ дома, должна была думать объ удивленіи и подозрѣніи, которыя возникнутъ въ сердцѣ ея жениха, Сэнтъ-Эсташа, когда, зайдя за нею въ назначенный часъ на улицу Дромъ, онъ узналъ бы, что она тамъ не была, и когда, кромѣ того, возвратившись съ этою тревожною новостью въ пансіонъ, онъ узналъ бы, что ея все еще нѣтъ и дома. Она должна была думать обо всемъ этомъ, говорю я. Она должна была предвидѣть огорченіе Сэнтъ-Эсташа, подозрѣніе, возникающее у всѣхъ. Она не могла подумать о возвращеніи домой, чтобы встать лицомъ къ лицу съ такими подозрѣніями; но подозрѣнія сдѣлались бы для нея обстоятельствомъ маловажнымъ, если мы предположимъ, что она не намѣревалась возвращаться.

„Мы можемъ вообразить ее размышляющею такъ — „я встрѣчу извѣстное лицо съ цѣлью побѣга, или для какихъ-либо иныхъ намѣреній, извѣстныхъ только мнѣ. Необходимо, чтобы намъ никакъ не помѣшали — мы должны имѣть достаточно времени, чтобы избѣгнуть погони — я скажу, что я хочу навѣстить мою тетку на улицѣ Дромъ и проведу съ нею этотъ день — я скажу Сэнтъ-Эсташу, чтобы онъ не приходилъ за мною до сумерекъ — такимъ образомъ, мое отсутствіе изъ дому на самый долгій по возможности срокъ, безъ возбужденія подозрѣнія или безпокойства, можетъ быть осуществлено, и я выиграю больше времени, чѣмъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Если я попрошу Сэнтъ-Эсташа не приходить за мною до сумерекъ, онъ, конечно, раньше не придетъ;

но если я вовсе не попрошу его заходить за мной, мое время, нужное мнѣ для побѣга, будетъ уменьшено, такъ какъ будутъ ждать, что я вернусь раньше, и мое отсутствіе скорѣй возбудитъ безпокойство. Если бъ я имѣла намѣреніе возвратиться—если-бы я замышляла только прогулку съ упомянутымъ лицомъ—съ моей стороны было бы неблагоразумно просить Сэнтъ-Эсташа зайти; потому что, зайдя, онъ *конечно* бы узналъ, что я его обманула—фактъ, относительно котораго я могла бы всегда держать его въ невѣдѣніи, если бъ вышла изъ дому, не предупредивъ его о моемъ намѣреніи, вернулась домой до сумерекъ, и потомъ говорила бы, что я была у моей тетки на улицѣ Дромъ. Но, такъ какъ я имѣю намѣреніе *никогда* не возвращаться, или не возвращаться нѣсколько недѣль, или до того какъ нѣчто будетъ скрыто—выиграть время, это единственное, о чемъ мнѣ нужно заботиться“.

„Вы указали въ вашихъ замѣткахъ, что распространеннымъ мнѣніемъ касательно этого прискорбнаго дѣла является, и съ самаго начала было, то мнѣніе, что дѣвушка стала жертвою *шайки* негодяевъ. Народнымъ же мнѣніемъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нельзя пренебрегать. Когда оно возникаетъ само собою—когда оно проявляется совершенно самопроизвольно, мы должны смотрѣть на него, какъ на нѣчто подобное той *интуиции*, которая является отличительной чертой гениальнаго чловѣка. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста я буду настаивать на такомъ рѣшеніи. Но весьма важно, чтобы мы не находили осязательныхъ слѣдовъ *внушенія*. Мнѣніе должно быть въ точности собственнымъ мнѣніемъ *публички*; и такое различіе часто чрезвычайно трудно отмѣтить и точно провести. Въ данномъ случаѣ мнѣ кажется, что „общественное мнѣніе“ касательно *шайки* было обусловлено побочнымъ событіемъ, изложеннымъ въ третьемъ изъ отрывковъ, которые я даю. Весь Парижъ

взволнованъ открытіемъ тѣла Мари, дѣвушки молодой, красивой и извѣстной. Тѣло это найдено носящимъ слѣды насилія и пльвущимъ по рѣкѣ. Но теперь извѣстно, что въ то же самое время, или около того самаго времени, въ которое, какъ предполагають, была убита дѣвушка, преступленіе подобное по характеру тому, что претерпѣла покойная, хотя меньшее по размѣрамъ, было совершено шайкой молодыхъ негодяевъ надъ личностью другой молодой дѣвушки. Удивительно ли, что одно, сдѣлавшееся извѣстнымъ, жестокое преступленіе повліяло на народное сужденіе примѣнительно къ другому неизвѣстному? Сужденіе ждало направленія, и, сдѣлавшееся извѣстнымъ преступленіе, по видимому, съ такимъ удобствомъ давало его! Мари тоже была найдена на рѣкѣ; и на этой самой рѣкѣ было совершено это извѣстное преступленіе. Связь между двумя событіями имѣетъ вокругъ себя такъ много осязательнаго, что было бы совершеннымъ чудомъ, если бы толпа *преминула* оцѣнить эту связь и ухватиться за нее. На дѣлѣ же, какое-либо преступленіе, относительно котораго извѣстно, что оно было совершено такъ то, есть свидѣтельство (если оно есть какое-нибудь свидѣтельство), что другое преступленіе, совершенное приблизительно въ то же самое время, было совершено *не* такъ. Было бы, на самомъ дѣлѣ, настоящимъ чудомъ, если бы, въ то время какъ шайка негодяевъ совершала въ данной мѣстности самое неслыханное злодѣяніе, въ подобной же мѣстности была другая подобная же шайка, въ томъ же самомъ городѣ, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, съ тѣми же самыми средствами и приѣмами, совершающая злодѣяніе какъ разъ такого же самаго свойства, въ точности въ то же самое время! А во что же, если не въ этотъ удивительный рядъ совпадений, приглашаетъ насъ вѣрить, подвергнувшееся случайному *внушенію* мнѣніе толпы?

„Прежде чѣмъ продолжать дальше, разсмотримъ предполагаемое мѣсто свершенія убійства въ лѣсной чащѣ

около Заставы Руль. Чаша, хотя густая, находится совсемъ близко отъ проѣзжей дороги. Тамъ есть три-четыре большіе камня, образующіе родъ кресла со спинкой и сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ была усмотрѣна бѣлая юбка; на второмъ шелковый шарфъ. Тамъ были найдены также: зонтикъ, перчатки, носовой платокъ. Носовой платокъ былъ помѣченъ именемъ Мари Рожэ. Ключки одежды были найдены на вѣткахъ кругомъ. Земля была утоптана, кусты были поломаны, и во всемъ были явные слѣды сильной борьбы.

„Несмотря на ликованіе, съ которымъ было встрѣчено прессой открытіе этой чащи, и единодушіе, съ которымъ было предположено, что было открыто настоящее мѣсто преступленія, необходимо допустить, что тутъ есть нѣкоторыя весьма основательныя причины для сомнѣнія. Что тутъ *было* преступленіе, въ это я могу вѣрить, или не вѣрить—но причинъ сомнѣваться достаточно. Если бы *настоящее* мѣсто преступленія было, какъ полагаетъ „Le Commercial“, по сосѣдству съ улицей Сэнтъ-Андрэ, преступники, при предположеніи, что они еще находятся въ Парижѣ, естественно были бы очень испуганы тѣмъ, что общественное вниманіе было, такимъ образомъ, направлено прямо на вѣрную дорогу; и въ умахъ извѣстнаго разряда потчасъ возникло бы чувство необходимости постараться какимъ-нибудь образомъ отвлечь это вниманіе. Итакъ, разъ чаша Заставы Руль была уже заподозрѣна, мысль положить туда, найденные тамъ, предметы, могла возникнуть совершенно естественно. Несмотря на предположеніе газеты „Le Soleil“, нѣтъ никакой дѣйствительной очевидности, что найденные предметы находились въ чашѣ болѣе чѣмъ сколько-то дней; въ то время какъ есть много обстоятельныхъ доказательствъ, что они не могли бы тамъ находиться, не обративъ на себя чьего либо вниманія, въ продолженіи двадцати дней, прошедшихъ между роковымъ Воскресеньемъ и тѣмъ послѣ полудни,

когда они были найдены дѣтьми. „Всѣ они были покрыты густою *ржавчиной*“, говоритъ „Le Soleil“, повторяя мнѣнія своихъ предшественниковъ, „отъ дѣйствія дождя, и слиплись вмѣстѣ отъ *ржавчины*. Кругомъ выросла трава, покрывавшая нѣкоторые изъ предметовъ. Шелкъ на зонтикѣ былъ плотный, но нити внутри стянулись. Верхняя часть тамъ, гдѣ она была на подкладкѣ и сложена, вся была покрыта *ржавчиной* и сгнила; когда зонтикъ раскрывали, онъ разорвался“. Что касается травы, „выросшей кругомъ и покрывавшей нѣкоторые изъ предметовъ“, явно, что этотъ фактъ могъ быть удостовѣренъ только изъ словъ двухъ маленькихъ мальчиковъ и, такимъ образомъ, по воспоминанію; ибо они взяли эти предметы и отнесли ихъ домой, прежде чѣмъ ихъ увидѣлъ кто-либо третій. Но трава растетъ, особенно въ теплую и сырую погоду (какъ это было во время убійства), на два и на три дюйма въ одинъ день. Зонтикъ, лежащій на почвѣ, покрытой свѣжимъ газономъ, въ теченіе одной недѣли могъ бы быть совершенно сокрытъ растущей травой. Что касается ржавчины, на которой газета „Le Soleil“ настаиваетъ такъ упорно, что употребляетъ это слово не менѣе трехъ разъ въ короткомъ отрывкѣ, только что приведенномъ, она, очевидно, не освѣдомлена о природѣ этой *ржавчины*? Нужно ли говорить ей, что это одинъ изъ многочисленныхъ разрядовъ *грибка*, коего наиболѣе обычное свойство — возникновеніе и порча въ предѣлахъ двадцати четырехъ часовъ?

„Такимъ образомъ мы сразу видимъ, что именно то самое, что было съ такимъ торжествомъ приводимо въ подкрѣпленіе мысли, будто бы данные предметы находились въ чашѣ „по крайней мѣрѣ три или четыре недѣли“, есть самый абсурдный пустякъ и вовсе не служить доказательствомъ этого факта. Съ другой стороны, чрезвычайно трудно повѣрить, чтобы данные предметы могли оставаться въ указанной чашѣ болѣе чѣмъ одну недѣлю—

болѣе чѣмъ отъ одного воскресенья до другого воскресенья. Тѣ, которые знаютъ что-нибудь объ окрестностяхъ Парижа, знаютъ, какъ необыкновенно трудно найти какой-нибудь уединенный уголокъ, развѣ что будешь отыскивать его на большомъ разстояніи отъ Парижскихъ предмѣстій. Чтобы тамъ былъ какой-либо не изслѣдованный или хотя бы не часто посѣщаемый уголокъ, въ лѣсу или въ рощахъ, этого даже и на мгновенье нельзя себѣ вообразить. Пусть кто-нибудь, кто, сердечно любя Природу, но прикованъ своими обязанностями къ пыли и духотѣ этой большой столицы—пусть онъ попытается, хотя бы даже въ будни, удовлетворить свою жажду уединенія среди картинъ природной красоты, насъ непосредственно окружающихъ—на каждомъ шагѣ онъ увидитъ, что растущее очарованіе разрушено голосомъ и личнымъ вторженіемъ какого-нибудь мошенника, или цѣлой компаніи пирующихъ негодяевъ. Напрасно онъ будетъ искать уединенности среди самой густой листвы. Тутъ-то и находятя тѣ самые уголки, гдѣ наиболѣе изобилуютъ неумытые—тутъ-то и находятя храмы наиболѣе оскверненные. Съ болью въ сердцѣ блуждающій странникъ устремится назадъ въ загрязненный Парижъ, какъ къ менѣе ненавистой, ибо менѣе нелѣпой, помойной ямѣ. Но если окрестности города такъ заполонены въ будничные дни недѣли, что же дѣлается въ праздникъ! Именно тогда освобожденный отъ необходимостей работы, или лишенный обычныхъ возможностей свершенія преступленія, городской мошенникъ устремляется за предѣлы города, не по любви ко всему деревенскому, что онъ въ сердцѣ своемъ презираетъ, но дабы ускользнуть отъ общественныхъ препонъ и условностей. Не столько онъ хочетъ свѣжаго воздуха и зеленыхъ деревьевъ, сколько возникающей здѣсь *распущенности*. Здѣсь, въ придорожномъ кабачкѣ, или подъ вѣтвями деревьевъ, онъ услаждается, неудерживаемый ничьимъ глазомъ, кромѣ очей своихъ

добрыхъ сотоварищей, всѣми полоумными излишествами поддѣльнаго веселья, являющагося слитнымъ отпрыскомъ вольности и рома. Я не говорю ничего, кромѣ того, что должно быть очевидно для каждаго безпристрастнаго наблюдателя, когда повторяю, что, если упомянутые предметы оставались неоткрытыми болѣе, чѣмъ отъ одного воскресенья до другого, въ *какой-либо* лѣсной чащѣ по близости отъ Парижа, на это нужно смотрѣть какъ на нѣкоторое чудо.

„Но не отсутствуютъ и другія основанія для подозрѣнія, что предметы эти были положены сюда съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ дѣйствительнаго мѣста преступленія. И, прежде всего, позвольте мнѣ указать вамъ на *дату* открытія предметовъ. Сравните ее съ датой пятаго отрывка, выписаннаго мною изъ газетъ. Вы увидите, что открытіе произошло почти тотчасъ послѣ за спѣшными сообщеніями, посланными въ вечернія газеты. Эти сообщенія, хотя они разнообразны и, повидимому, изъ разныхъ источниковъ, стремились всѣ къ одному и тому же—то-есть обратитъ вниманіе на *шайку*, какъ на виновниковъ преступленія, и на окрестности Заставы Руль, какъ на мѣсто преступленія. Конечно, у насъ нѣтъ подозрѣнія, что вслѣдствіе этихъ сообщеній, или вслѣдствіе общественнаго вниманія, ими направленнаго, данные предметы были найдены дѣтьми, но подозрѣніе могло бы и должно бы было возникнуть относительно того, что, разъ предметы эти не были найдены дѣтьми *раньше*, ихъ раньше не было въ чащѣ; что они были положены туда гораздо позднѣе, одновременно съ датой сообщенія, или незадолго передъ этимъ, преступными авторами этихъ самыхъ сообщеній.

„Это чаша особенная—совершенно особенная. Она необыкновенно густая. Въ предѣлахъ ея естественныхъ загородокъ, тамъ находятся три необыкновенные камня, образующіе родъ кресла со спинкой и сидѣньемъ. И эта

чаща, столь отмѣченная природнымъ искусствомъ, находится въ непосредственной близости, *всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ*, отъ жилища Madame Делюкъ, мальчики которой имѣли обыкновеніе внимательно осматривать кусты, находящіеся тамъ, отыскивая коры сассафрасса. Было ли бы опрометчивымъ биться объ закладъ—на тысячу противъ одного—что и *дня* никогда не проходило безъ того, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ изъ этихъ мальчиковъ укрылся въ этотъ тѣнистый чертогъ и возсѣлъ на природный его престолъ. Тѣ, которые стали бы колебаться держать такое пари, или сами не были дѣтьми, или позабыли о свойствахъ дѣтской природы. Я повторяю—чрезвычайно трудно понять, какимъ образомъ эти предметы могли оставаться въ данной чашѣ не открытыми въ теченіи болѣе долгаго времени, чѣмъ день или два; и такимъ образомъ, здѣсь есть доброе основаніе подозрѣвать, несмотря на догматическое невѣжество газеты „Le Soleil“, что предметы эти были положены тамъ, гдѣ они были найдены, въ сравнительно болѣе позднѣе время.

„Но есть еще другіе доводы за то, что они были такъ положены—болѣе сильныя чѣмъ тѣ, на которые я указалъ. И теперь позвольте обратить мнѣ ваше вниманіе на размѣщеніе предметовъ, въ высшей степени искусственное. На *верхнемъ* камнѣ лежала бѣлая юбка; на *второмъ*—шелковый шарфъ; разбросанные кругомъ тамъ находились еще зонтикъ, перчатки, и носовой платокъ, помѣченный именемъ Мари Рожэ. Это какъ разъ такое расположеніе предметовъ, которое *естественно* сдѣлалъ бы какой-нибудь не слишкомъ острый человекъ, желающій расположить предметы *естественно*. Но это никоимъ образомъ не *дѣйствительно* естественное расположеніе предметовъ. Я бы скорѣе согласился увидѣть вещи лежащими *въ вѣстѣ* и затоптанными. Въ узкихъ предѣлахъ этой природной бесѣдки врядъ ли было бы возможно, чтобы юбка и шарфъ сохранили свое мѣсто на камняхъ,

разъ ихъ могли смести оттуда сильныя движенія въ разныя стороны — нѣсколькихъ борющихся людей. „Совершенно явно“, было сказано, „что здѣсь была борьба; земля была утоптана и кусты поломаны“. — А юбка и шарфъ найдены положенными, какъ на полкѣ. „Ключья ея платья, оборвавшіеся на кустахъ, были приблизительно три дюйма въ ширину и шесть дюймовъ въ длину. Одинъ обрывокъ былъ оборкой платья, и онъ былъ заштопанъ. Они имѣли видъ оторванныхъ полосъ“. Здѣсь „Le Soleil“, того не замѣчая, употребляетъ въ высшей степени подозрительныя выраженія. Куски, какъ они описаны, дѣйствительно имѣютъ видъ „оторванныхъ полосъ“, но оторванныхъ нарочно и рукой. Это очень рѣдкостный случай, чтобы кусокъ, вырванный изъ какого-либо платья, такой, какъ здѣсь описываемый, былъ оторванъ дѣйствіемъ *шипа*. Въ силу самаго свойства такой матеріи, шипъ или гвоздь, запутавшись въ нее, разрываетъ его прямоуглою — раздѣляетъ ее на двѣ продольныя полосы, подъ прямымъ угломъ одна къ другой, и встрѣчающіяся наверху, тамъ, гдѣ вошелъ шипъ, — но врядъ ли возможно представить себѣ такой „оторванный“ кусокъ. Я никогда такого не видалъ, ни вы. Чтобы оторвать кусокъ *отъ* такой матеріи, нужны почти въ каждомъ требуемомъ случаѣ двѣ различныя силы въ разныхъ направленіяхъ. Если у матеріи два края — если, на примѣръ, это носовой платокъ, отъ котораго желаютъ огорвать полосу, тогда, и только тогда, одна сила послужитъ цѣли. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о платьѣ, представляющемъ лишь одинъ край. Чтобы вырвать кусокъ изъ внутренней части платья, гдѣ края нѣтъ, необходимо нѣкоторое чудо въ примѣненіи шиповъ, а *одинъ* шипъ не могъ бы этого сдѣлать. Но даже тамъ, гдѣ есть край, необходимы два шипа, дѣйствующіе въ двухъ различныхъ направленіяхъ. И это въ предположеніи, что край — безъ оборки. Если онъ съ оборкой, фактъ дѣлается почти невозможностью. Мы ви-

димъ, такимъ образомъ, какія многочисленныя и большія препятствія мѣшаютъ тому, чтобы, благодаря простому дѣйствию „шиповъ“, были „оторваны“ клочки платья; а насъ заставляютъ вѣрить, что не только одинъ кусокъ былъ оторванъ, но нѣсколько. И одинъ, кромѣ того, „былъ оборкой платья“! Другой былъ „частью юбки, не оборкой“, то-есть, былъ вырванъ совершенно, дѣйствиемъ шиповъ, изъ внутренней части платья! Вотъ, говорю я, вещи, въ которыя позволительно не повѣрить; но, если ихъ взять всѣ вмѣстѣ, они представляютъ, быть можетъ, менѣе разумныхъ основаній для подозрѣнія, чѣмъ то одно поразительное обстоятельство, что предметы эти были оставлены въ данной чащѣ какими бы то ни было *убійцами*, которые имѣли достаточно предусмотрительности, чтобы унести тѣло. Вы, однако, неправильно поняли мою мысль, если бѣ предположили, во мнѣ желаніе *отрицать*, что эта чаща была мѣстомъ преступленія. Несчастье могло произойти *здѣсь*, или, болѣе вѣроятно, случай — произошло у Madame Делюкъ. Но, въ концѣ концовъ, это представляетъ лишь второстепенную важность. Мы задались цѣлью не открыть мѣсто преступленія, а найти виновниковъ убійства. Несмотря на все вниманіе къ подробностямъ, съ какою я дѣлала свои наведенія, я дѣлала ихъ, во-первыхъ, съ цѣлью показать нелѣпость увѣренныхъ и опрометчивыхъ утверженій газеты „Le Soleil“, во-вторыхъ же, и главнымъ образомъ, чтобы привести васъ самымъ естественнымъ путемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію сомнѣнія, было ли это убійство дѣломъ *шайки* или нѣтъ.

„Мы прикоснемся къ этому вопросу простымъ намекомъ на возмутительныя подробности, указываемыя хирургомъ, производившимъ осмотръ тѣла. Необходимо только сказать, что опубликованныя имъ догадки касательно числа негодяевъ, были справедливо высмѣяны, какъ несправедливыя и совершенно безосновныя, всѣми видными анатомами

Парижа. Не то, чтобы данный фактъ *не могъ* случиться такъ, какъ онъ указываетъ догадкой, но то, что здѣсь нѣтъ для догадки основанія—развѣ это не основаніе для догадки другой?

„Размыслимъ теперь о „слѣдахъ борьбы“, и позвольте мнѣ спросить, что такіе слѣды могли бы доказывать? Присутствіе шайки. Но не доказываютъ ли они скорѣе отсутствіе шайки? Какая *борьба* могла имѣть мѣсто—борьба, настолько сильная и настолько продолжительная, что она оставила свои „слѣды“ по всѣмъ направленіямъ — между слабою и беззащитною дѣвушкой и воображаемой „шайкой“ негодяевъ? Безмолвная хватка нѣсколькихъ грубыхъ рукъ, и все было бы кончено. Жертва должна была бы безусловно подчиниться ихъ волѣ. Вы будете помнить, что аргументы, приводимые противъ этой чаши, какъ мѣста преступленія, примѣнимы, главнымъ образомъ, лишь при томъ предположеніи, что преступленіе совершено *болѣе чѣмъ однимъ человекомъ*. Если мы представимъ, что насильникъ былъ только *одинъ*, мы можемъ вообразить, и только такъ вообразить, борьбу настолько сильную и настолько упорную, чтобы могли остаться явные „слѣды“.

„И опять. Я уже говорилъ о томъ, насколько подозрительно, что данные предметы вообще могли оставаться въ той чашѣ, гдѣ они были найдены. Кажется почти невозможнымъ, чтобы эти свидѣтельства совершеннаго преступленія могли быть оставлены случайно тамъ, гдѣ они были найдены. Было достаточно присутствія духа (какъ предположено) унести тѣло; и однако же, еще болѣе положительное свидѣтельство, чѣмъ самое тѣло (черты котораго могли быть быстро измѣнены разложеніемъ) спокойно лежитъ себѣ самымъ явнымъ образомъ на мѣстѣ преступленія — я намекаю на платокъ съ именемъ покойницы. Если это была случайность, это не была случайность, указывающая на шайку. Мы можемъ вообразить здѣсь только одного человѣка. Разсмотримъ. Какой-то че-

ловѣкъ совершилъ убійство; онъ одинъ съ призракомъ отшедшаго Онъ ужаснута тѣмъ, что лежитъ недвижно передъ нимъ. Бѣшенство страсти прошло. И въ сердца его достаточно есть мѣста для естественнаго ужаса передъ совершеннымъ дѣломъ. У него вовсе нѣтъ той увѣренности, которую неизбѣжно внушаетъ присутствіе нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ *одинъ* съ мертвой. Онъ дрожитъ и онъ въ зачарованіи. Но трупъ необходимо устранить. Онъ относитъ его къ рѣкѣ, но оставляетъ за собою другія свидѣтельства преступленія; ибо унести всю тяжесть сразу трудно, если не невозможно; вернуться же за тѣмъ, что осталось, легко. Но, въ то время какъ съ трудомъ онъ доходитъ до воды, страхи его удвоены. Звуки жизни окружаютъ его путь. Десять разъ онъ слышитъ, или воображаетъ, что слышитъ, шагъ слѣдящаго. Самые свѣты, что въ городѣ, ошеломляютъ его. Но наконецъ, послѣ долгихъ и частыхъ паузъ глубокой агоніи, онъ достигаетъ берега рѣки и распоряжается по своему со страшной ношей—быть можетъ пользуясь при этомъ лодкой. Но *теперь*, какія сокровища въ мірѣ—какія угрозы отмщенія—будутъ настолько сильны, чтобы заставить этого одинокаго убійцу предпринять возвращеніе по этому трудному и опасному пути къ чащѣ съ ея напоминаніями, отъ которыхъ кровь стынеть въ жилахъ? Будь, что будетъ, онъ *не* возвращается. Онъ *не* могъ бы вернуться, если бы хотѣлъ. Его единственная мысль—немедленное бѣгство. Онъ поворачивается спиной *навсегда* къ этимъ страшнымъ кустарникамъ, и бѣжитъ, какъ отъ грядущаго гнѣва.

„А какъ шайка? Численность шайки каждому въ ней внушила бы увѣренность; если, притомъ, увѣренности не хватаетъ въ груди отъявленнаго негодяя; а вѣдь только изъ отъявленныхъ негодяевъ предполагаемая *шайки* и образуются. Ихъ численность, говорю я, уберегла бы ихъ отъ зачарованнаго слѣпота страха, который, какъ я представилъ, парализовалъ отдѣльнаго человѣка. Допустимъ

недосмотръ въ одномъ, въ двухъ, въ трехъ, четвертый исправить этотъ недосмотръ. Они не оставили бы за собою ничего; ибо ихъ число дало бы имъ возможность унести *все* сразу. Тутъ не было бы надобности *возвращаться*.

„Разсмотрите теперь то обстоятельство, что въ верхней одеждѣ, покрывавшей тѣло, когда оно было найдено, „была оторвана вверху отъ nejней оборки до талии полоса, около фута ширины, она была три раза обвита вокругъ талии, и закрѣплена на спинѣ нѣкотораго рода заѣпкой“. Это было сдѣлано съ очевиднымъ намѣреніемъ образовать какъ бы *ручку*, за которую можно было бы нести трупъ. Но развѣ *нѣсколько* человѣкъ стали бы думать о такихъ ухищреніяхъ? Для трехъ-четырехъ человѣкъ, руки и ноги жертвы доставили бы не только достаточную, но и наилучшую возможность ухватиться. Этотъ замыселъ есть замыселъ отдѣльнаго человѣка; и это приводитъ насъ къ тому факту, что „между чащею и рѣкой изгороди были найдены пригнутыми внизъ, и почва хранила явные слѣды того, что здѣсь тащили какую-то значительную тяжесть“! Но развѣ стали бы *нѣсколько* человѣкъ предпринимать бесполезныя хлопоты, чтобы пригнуть изгороди и проташить черезъ нихъ тѣло, когда они могли бы въ любую минуту *приподнять* его надъ какой угодно изгородью, и развѣ стали бы *нѣсколько* человѣкъ, вообще, такъ *тащить* тѣло, чтобы оставить *явные* слѣды?

„И здѣсь мы опять должны возвратиться къ замѣчанію „Le Commercial“я“, которое отчасти я уже объяснялъ. „Отрывокъ одной изъ юбокъ несчастной дѣвушки“, говорить эта газета, „былъ вырванъ и завязанъ подъ ея подбородкомъ, и закрѣпленъ на затылкѣ, вѣроятно, чтобы помѣшать крикамъ. Это было сдѣлано молодцами, у которыхъ не было носового платка“.

„Я уже раньше высказывался, что у настоящаго негодяя всегда *есть* носовой платокъ, но не на этотъ фактъ

я хочу обратить теперь ваше особенное вниманіе. Что такая перевязь была примѣнена для цѣли, выдуманной „Le Commercial’емъ“, не по недостатку въ носовомъ платкѣ, это дѣлается совершенно явнымъ, благодаря присутствію платка, оставленнаго въ чашцѣ; и что это было не для того, чтобы „помѣшать крикамъ“, явствуетъ также изъ того, что данная перевязь была примѣнена предпочтительно передъ тѣмъ, что могло бы гораздо лучше послужить для данной цѣли. Но въ свидѣтельскихъ показаніяхъ сказано, что данная полоса „была найдена вокругъ шеи, прилаженною свободно и закрѣпленной тугимъ узломъ“. Слова эти достаточно смутны, но существенно отличаются отъ словъ „Le Commercial’я“. Полоса была въ восемнадцать дюймовъ ширины, и поэтому, хотя бы изъ батиста, она должна была образовать крѣпкую бичевку, если ее сложить, или закрутить вдоль. И именно такимъ образомъ она и была закручена. Догадка моя такова. Одинокій убійца, пронеся тѣло на нѣкоторое разстояніе (изъ чащи ли, или изъ другого какого мѣста, съ помощью перевязи, закрѣпленной вокругъ талии), нашель, что тяжесть, если ее такъ нести, превышаетъ его силы. Онъ рѣшилъ тащить ее — и очевидность показываетъ, что ее *тащили*. Для этой цѣли сдѣлалось необходимымъ привязать къ одному изъ ея концовъ что-нибудь въ родѣ веревки. Лучше всего было закрѣпить перевязь вокругъ шеи, гдѣ голова помѣшала бы ей соскользнуть. И тутъ убійца подумалъ, безъ сомнѣнія, о перевязи, находившейся вокругъ бедеръ. Онъ воспользовался бы ею, если бы не то обстоятельство, что она была обмотана вокругъ тѣла, если бы, кромѣ того, не мѣшала зацѣпка, и то соображеніе, что она не была „оторвана“ отъ платья. Было легче оторвать новую полосу отъ юбки. Онъ оторвалъ ее, закрѣпилъ ее вокругъ шеи, и, такимъ образомъ, „оттащилъ“ свою жертву къ берегу рѣки. То обстоятельство, что эта „перевязь“, которую можно было получить

лишь съ хлопотами и промедленіемъ, и которая лишь не совершенно отвѣчала своей цѣли—то обстоятельство, что эта перевязь *вообще* была примѣнена, доказываетъ, что необходимость ея примѣненія возникла, изъ соотвѣствующихъ обстоятельствъ, въ то время, когда носового платка уже нельзя было достать, то-есть, согласно съ нашимъ представленіемъ, послѣ того какъ чаша была покинута (если то была чаша), и это случилось на дорогѣ между чашей и рѣкой.

„Но, скажете вы, показаніе Madame Делюкъ (!) указываетъ въ точности на присутствіе *шайки*, по сосѣдству съ чашей, во время совершенія убійства, или около того. Согласенъ. Я сомнѣваюсь лишь, не было ли цѣлыхъ *двѣнадцати* шаекъ вродѣ той, которую описала Madame Делюкъ, около Заставы Руль, или по сосѣдству съ ней, во время свершенія этой трагедіи, или *около* того. Но эта шайка, которая привлекла на себя столь непріязненное вниманіе Madame Делюкъ, и подала поводъ къ ея, нѣсколько запоздалому и очень подозрительному, показанію, есть *единственная* шайка, которая согласно съ изображеніемъ этой честной и добросовѣстной старой дамы, поѣла ея пирожныя и поглотила ея спиртныя напитки, не потрудившись ей заплатить. *Et hinc illae irae* *)?

„Но каково *есть* точное свидѣтельство Madame Делюкъ? Шайка мошенниковъ пожаловала къ ней въ кабачокъ, всѣ они шумѣли и кричали, ѣли и пили не заплативъ, пошли по той же дорогѣ, что и молодой человекъ съ дѣвушкой, возвратились въ кабачокъ *около сумерекъ*, и пересѣкли рѣку какъ бы въ большой поспѣшности.

„Но эта „большая поспѣшность“, весьма возможно, оказалась большой поспѣшностью глазамъ Madame Делюкъ, въ то время какъ она медлительно скорбѣла о своихъ, претерпѣвшихъ такое посягнуеніе, пирожныхъ и пивѣ—

---

*) И отсюда эти гнѣвы?

пирожныхъ и пивѣ, относительно которыхъ она могла еще питать слабую надежду на вознагражденіе. Почему, иначе, разъ было *около сумерекъ*, нужно было бы ей особенно указывать на поспѣшность? По-истинѣ, нѣтъ причины удивляться, что даже и шайка негодяевъ *будетъ торопиться* вернуться домой, когда нужно переѣхать широкую рѣку въ маленькихъ лодкахъ, и надвигается гроза, и *приближается* ночь.

„Я говорю *приближается*; ибо ночь еще не наступила. Было еще только *около сумерекъ*, когда неприличная поспѣшность этихъ „мошенниковъ“ оскорбила честные глаза Madame Делюкъ. Но намъ говорятъ, что въ этотъ самый вечеръ Madame Делюкъ, такъ же какъ старшій ея сынъ, слышала „пронзительные женскіе крики неподалеку отъ кабачка“. Въ какихъ же словахъ Madame Делюкъ описываетъ ту пору вечера, когда были слышимы эти крики? Это было „*вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло*“, говоритъ она. Но, „если *вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло*“, то ужь, конечно же, было *темно*; а „*около сумерекъ*“, это, конечно, еще дневной свѣтъ. Такимъ образомъ, съ избыткомъ явствуетъ, что шайка покинула Заставу Руль, *прежде*, чѣмъ раздались крики, услышанные (?) Madame Делюкъ. И хотя, во всѣхъ многочисленныхъ слѣдственныхъ отчетахъ упомянутыя выраженія въ точности и неизмѣнно воспроизводятся, какъ я привелъ ихъ во время этой бесѣды съ вами, никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на грубое противорѣчіе, его не замѣтила ни одна изъ газетъ, ни кто либо изъ приспѣшниковъ полиціи.

„Я прибавлю лишь одинъ еще аргументъ противъ *шайки*; но этотъ *одинъ* такого свойства, что, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, вѣскость его совершенно неустранима. Разъ объявлено большое вознагражденіе и полное прощеніе кому-либо изъ свидѣтелей, кто дастъ показанія, нельзя представить даже и на минуту, чтобы какой-нибудь сочленъ *шайки* низкихъ негодяевъ, или другого какого-либо со-

общества людей, не предавъ, уже давно, своихъ соучастниковъ. Каждый изъ шайки, находясь въ такомъ положеніи, не столько подвигнуть жаднымъ желаніемъ получить вознагражденіе, и не столько заботится о томъ, чтобы ускользнуть отъ возмездія, сколько *боится предательства*. Онъ предасть ревностно и быстро, чтобы *самому не быть преданнымъ*. То обстоятельство, что тайна не была разоблачена, есть наилучшее изъ доказательствъ, что это въ дѣйствительности—тайна. Ужасы этого темнаго дѣла извѣстны лишь *одному*, или двумъ живущимъ человѣческимъ существамъ, и Богу.

„Сведемъ въ цѣлое, скудные, но, однако жъ, достовѣрные плоды нашего долгого анализа. Мы пришли къ мысли, что или роковое событіе произошло подъ кровлей Madame Делюкъ, или убійство было совершено въ чашѣ у Заставы Руль, возлюбленнымъ, или, по крайней мѣрѣ, близкимъ и тайнымъ другомъ умершей. У этого человѣка смуглый цвѣтъ лица. Этотъ цвѣтъ лица, „зацѣпка“ въ перевязи, и „матросскій“ узелъ, которымъ были завязаны ленты отъ шляпы, указываютъ на моряка. Его близкія отношенія съ умершей, веселой, но не отверженной, молодой дѣвушкой, свидѣлствуютъ, что онъ стоитъ ступеню выше, чѣмъ простой матросъ. Въ данномъ случаѣ, хорошо написанныя спѣшныя сообщенія въ газеты являются важнымъ подкрѣпляющимъ обстоятельствомъ. Обстоятельства перваго побѣга, упоминаемая газетою „Le Mercure“, побуждаютъ слить представленія объ этомъ „морякѣ“ съ представленіемъ о „морскомъ офицерѣ“, который, какъ извѣстно, впервые вовлекъ несчастную въ прегрѣшеніе.

„И здѣсь, вполне подходящимъ образомъ, возникаетъ вопросъ о продолжающемся отсутствіи этого человѣка съ темнымъ цвѣтомъ лица. Остановимся на этомъ пунктѣ, чтобы замѣтить, что цвѣтъ лица у этого человѣка темный и смуглый; именно эта необычная смуглость составляетъ

единственный пункт воспоминанія, общій въ памяти Валянса и Madame Делюкъ. Но почему же этотъ человекъ отсутствуетъ? Чтб онъ, былъ убить шайкой? Если это такъ, почему остались лишь *слѣды* умерщвленной *дѣвушки*? Мѣсто обоихъ преступленій, какъ естественно предположить, одно и то же. Гдѣ жь его тѣло? Убийцы, по всей вѣроятности, распорядились бы обоими одинаковымъ образомъ. Но можно утверждать, что этотъ человекъ живъ, и что ему мѣшаетъ показаться страхъ быть обвиненнымъ въ убійствѣ. Это соображеніе, какъ мы можемъ предположить, могло бы руководить имъ теперь—въ это послѣднее время—послѣ того какъ свидѣтельскими показаніями было установлено, что его видѣли съ Мари—но оно не могло бы имѣть силы въ то время, когда это дѣло было совершено. Первымъ побужденіемъ невиннаго человека было бы сообщить о посягновеніи и помочь розыскать негодяевъ. Простая *осмотрительность* внушила бы ему такой поступокъ. Его видѣли съ дѣвушкой. Онъ перѣхалъ съ нею черезъ рѣку на открытомъ паромѣ. Донесеніе на убійцъ даже идиоту показалось бы самымъ вѣрнымъ и прямымъ средствомъ устранить отъ себя подозрѣніе. Мы не можемъ допустить, чтобъ въ эту роковую ночь, въ Воскресенье, онъ сразу былъ невиновенъ и неосвѣдомленъ о совершенномъ преступленіи. А лишь при такихъ обстоятельствахъ возможно вообразить, что онъ, будучи въ живыхъ, не донесъ на убійцъ.

„И какія средства есть у насъ достигъ истины? Мы увидимъ, что эти средства умножаются и дѣлаются явственными, по мѣрѣ того какъ мы идемъ впередъ. Просѣдемъ до дна эту исторію перваго побѣга. Раземотримъ цѣликомъ все, что касается „офицера“, въ связи съ настоящими обстоятельствами и его времяпрепровожденіемъ въ точный періодъ совершенія преступленія. Тщательно сравнимъ одно съ другимъ различныя сообщенія, посланныя въ вечернія газеты и задававшіяся цѣлью обвинить *шайку*.

Сдѣлавши это, сравнимъ эти сообщенія, какъ по стилю, такъ и по почерку, съ сообщеніями, посланными въ утреннія газеты, въ болѣе раннее время, и настаивающими съ такой горячностью на виновности Меннэ. И сдѣлавши все это, сравнимъ опять различныя эти сообщенія съ извѣстными рукописями офицера. Попытаемся повторными разспросами Madame Делюкъ (и ея мальчиковъ, а равно omnibusнаго кондуктора Валянса, разузнать что-нибудь большее о внѣшнемъ видѣ и манерахъ человѣка съ темнымъ цвѣтомъ лица. Разспросы, искусно направленные, не преминуть извлечь изъ какого-либо даннаго свидѣтеля указаніе на этотъ особый пунктъ (или на другіе)—указаніе, которымъ свидѣтели, быть можетъ, обладаютъ, даже сами того не зная. И прослѣдимъ потомъ лодку, подобранную лодочникомъ, утромъ, въ Понедѣльникъ, 23 Іюня—лодку, которая была взята изъ судовой конторы безъ вѣдома кого-нибудь изъ чиновниковъ, и безъ руля, нѣсколько раньше передъ тѣмъ, какъ было найдено тѣло. Съ надлежащей осмотрительностью и упорствомъ мы безошибочно выслѣдимъ эту лодку; ибо не только лодочникъ, который подобралъ ее, можетъ ее признать, но и *руль налицо*. Руль парусной лодки не былъ бы съ легкимъ сердцемъ оставленъ кѣмъ бы то ни было безъ какихъ-либо разспросовъ. И здѣсь, позвольте мнѣ, внушить нѣкоторый вопросъ. О томъ, что была подобрана эта лодка, не было никакого *объявленія*. Она была безмолвно взята изъ судовой конторы и также безмолвно была удалена. Но какъ это *случилось*, что ея собственникъ, или тотъ, кто ее нанималъ, безъ какого-либо *объявленія* зналъ о мѣстонахожденіи лодки, подобранной въ Понедѣльникъ, въ такое раннее время, какъ утро Вторника, если мы только не предположимъ, что тутъ есть какая-нибудь связь съ флотомъ -- какія-нибудь личныя постоянныя отношенія, дающія возможность проникать въ малѣйшіе его интересы — знать малѣйшія мѣстныя новости?

„Говоря объ одинокомъ убійцѣ, влекущемъ свою ношу къ берегу, я уже указывалъ на возможность того, что онъ воспользовался *лодкой*. Мы можемъ понять теперь, что Мари Рожэ *была* брошена въ воду съ лодки, это должно было случиться совершенно естественно. Тѣло не могло быть довѣрено прибрежному мелководью. Особенности отмѣтины на спинѣ и плечахъ жертвы говорятъ о выступахъ на дни лодки. То обстоятельство, что тѣло было найдено безъ подвязанной къ нему тяжести, также подкрѣпляетъ данную мысль. Если бы оно было брошено съ берега, тяжесть была бы привязана. Мы можемъ объяснить отсутствіе ея только тѣмъ предположеніемъ, что убійца не позаботился захватить такую передъ тѣмъ, какъ онъ отчалилъ отъ берега. Когда онъ готовился бросить тѣло въ воду, онъ, конечно, замѣтилъ свой промахъ, но тогда уже ничего не было подъ рукой, чтобы его исправить. Всякій рискъ былъ предпочтительнѣе, нежели возвращеніе къ этому проклятому берегу. Отдѣлавшись отъ своей страшной ноши, убійца долженъ былъ поспѣшить въ городъ. Тамъ, на какой-нибудь темной пристани, онъ долженъ былъ выскочить на берегъ. Но лодка—закрѣпилъ ли онъ ее у пристани? Онъ былъ въ слишкомъ большой торопливости, чтобы еще заботиться о томъ, какъ закрѣпить лодку. Кромѣ того, закрѣпляя ее у пристани, онъ чувствовалъ бы, что онъ какъ будто закрѣпляетъ свидѣтельство противъ самого себя. Его естественной мыслью было бы отбросить отъ себя такъ далеко, какъ только это было возможно, все что имѣло какую-либо связь съ его преступленіемъ. Онъ не только бѣжалъ отъ пристани, но онъ не долженъ былъ позволить *лодку* тамъ оставаться. Конечно, онъ пустилъ ее по теченію.

„Будемъ продолжать наши предположенія.—Утромъ, злощастный пораженъ неописуемымъ ужасомъ, узнавъ, что лодка была подобрана, и что она находится въ извѣстномъ мѣстѣ, которое онъ каждодневно посѣщаетъ—въ мѣстѣ,

которое, быть можетъ, онъ долженъ часто посѣщать по обязанности. На слѣдующую ночь, *не смѣя спросить руля*, онъ убираетъ лодку. *Гдѣ же* теперь находится эта лодка безъ руля? Да будетъ это первымъ пунктомъ, подлежащимъ нашему разслѣдованію. Съ первымъ точнымъ указаніемъ на нее, мы увидимъ проблескъ, указывающій на зарю успѣха. Эта лодка поведетъ насъ съ быстротою, которая удивитъ даже насъ самихъ, къ тому, кто пользовался ею въ полночь рокового Воскресенья. Одно подкрѣпляющее обстоятельство возникнетъ за другимъ, и убійца будетъ выслѣженъ“.

(По причинамъ, на которыя мы не указываемъ, но которыя покажутся вполне понятными многимъ читателямъ, мы позволили себѣ выпустить изъ рукописей, находящихся у насъ въ рукахъ, описаніе подробностей, *возникшихъ какъ слѣдствіе*, повидимому, ничтожнаго указанія, сдѣланнаго Дюпеномъ. Мы считаемъ надлежащимъ лишь подтвердить вкратцѣ, что желательный результатъ былъ полученъ, и что Префектъ выполнилъ въ точности, хотя и съ неохотой, условія своего договора съ Дюпеномъ. Очеркъ Мистера По заканчивается слѣдующими словами.

— *Издатели.*—(*Примѣчаніе къ Англійскому тексту, когда онъ былъ первоначально напечатанъ въ журналѣ*).

Всѣ поймутъ, что я говорю о совпаденіяхъ, и *ни о чемъ больше*. Того, что я сказалъ о данномъ предметѣ, вполне достаточно. Въ собственномъ моемъ сердцѣ не гнѣздится никакой вѣры въ сверхъестественное. Что природа и ея Богъ суть два, ни одинъ человѣкъ, который думаетъ, не будетъ отрицать. Что послѣдній, создавая первую, можетъ по волѣ провѣрять или видоизмѣнять ее, это также безспорно. Я говорю „по волѣ“; ибо вопросъ есть вопросъ воли, а не могущества, какъ допустила вздорность разсужденія. Не то, что Божество *не можетъ* видоизмѣнять свои законы, нѣтъ, но мы оскорбляемъ его, воображая, возможную необходимость видоизмѣненія. При своемъ воз-

никновеніи, эти законы были созданы обнимающими всё случайности, которыя могли бы находиться въ Будущемъ. Для Бога все есть — *Теперь*

Итакъ, я повторяю, что я говорю обо всемъ этомъ лишь какъ о совпаденіяхъ. И далѣе: въ томъ, что я рассказываю, увидятъ, что между судьбою несчастной Мэри Сесили Роджерсъ, насколько она извѣстна, и судьбою нѣкоей Мари Рожэ, въ извѣстную пору ея жизни, существовала извѣстная параллель, удивительная точность которой смущаетъ разумъ. Я говорю, все это будетъ увидѣно. Но да не будетъ ни на мгновеніе предположено, что, продолжая печальную повѣсть Мари, отъ времени уже указаннаго, и прослѣживая, до ея развязки, тайну ея окутывающую, скрытымъ моимъ намѣреніемъ было указать на расширеніе параллели, или хотя бы даже внушить, что мѣры, принятыя въ Парижѣ для открытія убійцы гризетки, или мѣры, основанныя на какомъ-либо подобномъ умозаключеніи, привели бы къ какимъ-нибудь подобнымъ результатамъ.

Ибо, что касается послѣдняго развѣтвленія предположенія, нужно принять въ соображеніе, что самое незначительное видоизмѣненіе въ фактахъ двухъ этихъ случаевъ могло бы обусловить возникновеніе самыхъ важныхъ невѣрныхъ расчетовъ, совершенно разъединивъ два теченія событій; совершенно такъ же, какъ въ ариметикѣ, одна ошибка, которая, будучи взята сама по себѣ, можетъ быть еле уловимой, создаетъ въ концѣ концовъ, повторностью умноженія во всѣхъ пунктахъ процесса, результатъ чудовищно расходящійся съ истинной. И, что касается перваго развѣтвленія, мы не должны никакъ образомъ забывать, что именно то самое Исчисленіе Вѣроятностей, на которое я указалъ, возбраняетъ всякую мысль о расширеніи параллели:—возбраняетъ, съ строгой и рѣшительной положительностью, какъ разъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, поскольку эта параллель уже была продолжена и точна. Это одно изъ аномальныхъ пред-

положеній, которое, взывая, повидимому, къ мысли, находящейся совершенно въ сторонѣ отъ математическаго созерцанія, есть, однако же, такого рода, что лишь математикъ можетъ вполне оцѣнить его. Итъ, напримѣръ, ничего труднѣе, какъ убѣдить обыкновеннаго читателя, что, если въ игрѣ въ кости шесть вышло два раза подрядъ, это достаточное основаніе, чтобы биться на широкую сумму объ закладъ, что шесть не выйдетъ въ третій разъ. Разумъ обыкновенно отбрасываетъ такое внушеніе сразу. Не явствуешь въ данномъ случаѣ, что два хода, которые уже окончились, и которые теперь, безусловно, принадлежатъ Прошедшему, могутъ вліять на ходъ, который существуетъ только въ Будущемъ. Вѣроятіе, что выйдетъ шесть, по видимости, есть въ точности таковое, какимъ оно было въ любое давнее время—то-есть, оно подвержено только вліянію различныхъ другихъ ходовъ, какіе могутъ быть сдѣланы при игрѣ въ кости. И это есть разсужденіе, которое кажется столь чрезмѣрно очевиднымъ, что попытки опровергать его встрѣчаются болѣе часто съ насмѣшливой улыбкой, нежели съ чѣмъ-нибудь вродѣ почтительнаго вниманія. Ошибку, отсюда происходящую—грубую ошибку, чреватую злыми послѣдствіями—я не могу изобразить здѣсь, въ предѣлахъ, мнѣ означенныхъ; философически же нѣтъ надобности ее изъяснять. Достаточно будетъ сказать здѣсь, что она образуетъ одно изъ безконечнаго ряда заблужденій, которыя возникаютъ на пути Разума, благодаря его наклонности искать истину въ *детали*.

УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО.

Nil sapientiae odiosius acumine
nimio *).

Seneca.

Въ Парижѣ, какъ разъ послѣ темнаго и бурнаго осенняго вечера 18— года, я услаждался двойнымъ удовольствіемъ размышленія и пѣнковой трубки, въ обществѣ моего друга Ш. Огюста Дюпена, въ его небольшой библиотекѣ, *au troisième, No 33 Rue Dunot Faubourg Saint-Germain*. Добрый часъ мы соблюдали глубокое молчаніе; и каждый изъ насъ, какъ могло бы показаться какому-нибудь случайному наблюдателю, былъ напряженно и исключительно занять курчавыми круговоротами дыма, обременявшаго атмосферу комнаты. Что касается, однако, меня, я мысленно обсуждалъ извѣстныя темы, составлявшія предметъ нашего разговора въ началѣ вечера; я разумѣю дѣло улицы Моргъ, и тайну, связанную съ убійствомъ Маріи Рожэ. Я видѣлъ въ этомъ что-то вродѣ совпаденія, какъ вдругъ дверь нашей комнаты раскрылась, и пропустила стараго нашего знакомаго Monsieur Ж.—, Префекта Парижской Полиціи.

Мы сердечно его привѣтствовали; ибо въ немъ было столько же занимательнаго, сколько и достойнаго презрѣнія, и мы не видѣлись съ нимъ нѣсколько лѣтъ. Мы сидѣли въ темнотѣ, и Дюпенъ всталъ, чтобы зажечь лам-

---

*) Ничто такъ не враждебно мудрости какъ чрезмѣрная острота.

цу, но снова съль, не сдѣлавъ этого, когда Ж — сказалъ, что онъ зашелъ посовѣтоваться съ нами, или точнѣе, спросить мнѣніе моего друга, касательно одного официального дѣла, причинившаго много безпокойствъ.

„Если это что-нибудь, требующее размышленія“, замѣтилъ Дюпенъ, не зажигая свѣтильню, „мы лучше разсмотримъ это въ темнотѣ“.

„Вотъ еще одно изъ вашихъ странныхъ мнѣній“, сказалъ Префектъ, который имѣлъ привычку называть „страннымъ“ все, что было за предѣломъ его пониманія, и, такимъ образомъ, жилъ среди безмѣрнаго легіона „странностей“.

„Совершенно вѣрно“, сказалъ Дюпенъ, подавая своему гостю трубку и подкатывая къ нему удобное кресло.

„Въ чемъ же теперь затрудненіе“, спросилъ я, „не что-нибудь опять въ стилѣ убійства, надѣюсь?“

„О, нѣтъ; ничего подобнаго. Все въ томъ, что дѣло, по истинѣ, *очень* просто, и я не сомнѣваюсь, что мы сумѣемъ отлично справиться съ нимъ сами; но потомъ я подумалъ, что Дюпену пріятно будетъ узнать его детали, ибо оно такъ необычайно *странно*“.

„Просто и странно“, сказалъ Дюпенъ.

„Почему бы нѣтъ; и это не точно, что оно и то, и другое. Фактъ тотъ, что мы всѣ весьма были имъ озадачены, потому что дѣло *такъ* просто, и однако же, посмѣвается надъ нами“.

„Быть можетъ, это именно большая простота данной вещи ставитъ васъ въ тупикъ“, сказалъ мой другъ.

„Что за нонсенсъ вы *говорите!*“ отвѣтилъ Префектъ, весело смѣясь.

„Быть можетъ, тайна немного *слишкомъ* ясна“, сказалъ Дюпенъ.

„О, Боже Милосердный, кто слышалъ когда-нибудь что-либо подобное?“

„Немного *слишкомъ* очевидна“.

„Ха! ха! ха!—Ха! ха! ха!—Хо! хо! хо!“ ревъль нашъ гость, чрезвычайно позабавленный. „О, Дюпень, вы меня еще уморите!“

„А въ чемъ же, наконецъ, дѣло?“ спросилъ я.

„Что жь, я вамъ расскажу“, отвѣтилъ Префектъ, выпустивъ длинный, солидный, и созерцательный клубъ дыма, и плотно усаживаясь въ своемъ креслѣ. „Я скажу вамъ въ немногихъ словахъ; но, прежде чѣмъ начать, я долженъ предупредить васъ, что это—дѣло, требующее величайшаго соблюденія тайны, и что я, по всей вѣроятности, потерялъ бы свой постъ, если бы стало извѣстно, что я кому-нибудь сообщилъ о немъ“.

„Продолжайте“, сказалъ я.

„Или нѣтъ“, сказалъ Дюпень.

„Хорошо; я получилъ личное освѣдомленіе изъ сферъ весьма высокыхъ, что извѣстный документъ чрезвычайной важности былъ выкраденъ изъ королевскихъ апартаментовъ. Особа, его укравшая, извѣстна; это вѣ сомнѣніи; видѣли, какъ это лицо взяло его. Извѣстно также, что документъ все еще находится въ его обладаніи“.

„Какимъ образомъ это извѣстно?“ спросилъ Дюпень.

„Это ясно выведено“, отвѣтилъ Префектъ, „изъ природы самого документа, и изъ неоявленія извѣстныхъ результатовъ, которые сразу возникли бы, если бы онъ вышелъ изъ рукъ вора;—т.е. если бы онъ имъ воспользовался, какъ онъ, въ концѣ концовъ, конечно, собирается имъ воспользоваться“.

„Будьте немножко пояснѣе“, сказалъ я.

„Хорошо, я рискну настолько, чтобы сказать, что данная бумага даетъ ея обладателю извѣстную власть въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ такая власть имѣетъ огромную цѣнность“.

Префектъ обожалъ дипломатическое лицемѣріе.

„Я продолжаю ничего не понимать“, сказалъ Дюпень.

„Нѣтъ? Хорошо; разоблаченіе этого документа третьей

особѣ, которую я не назову, затронуло бы вопросъ о чести нѣкоторой особы, занимающей самое высокое положеніе; и этотъ фактъ даетъ обладателю документа возможность оказывать вліяніе на высокопоставленную особу, честь которой и спокойствіе, такимъ образомъ, подвергнуты опасности“.

„Но эта возможность оказывать вліяніе“, вмѣшался я, „зависѣла бы отъ того, что воръ знаетъ, что пострадавшій знаетъ вора. Кто посмѣлъ бы!“

„Воръ“, сказалъ Ж.—„это Министръ Д., — который посмѣетъ сдѣлать что угодно, то, что недостойно человѣка, и что его достойно. Способъ кражи былъ не менѣе находчивъ, чѣмъ смѣлъ. Упомянутый документъ—письмо, чтобы быть откровеннымъ—былъ полученъ высокой особой, обворованной, когда она находилась одна въ королевскомъ *будуарѣ*. Въ то время какъ она читала, ее внезапно прервалъ приходъ другой высокой особы, отъ которой она особенно желала скрыть это письмо. Послѣ послѣдней и напрасной попытки бросить письмо въ выдвижной ящикъ, она была вынуждена положить его вскрытымъ, какъ оно было, на столѣ. Адресъ, однако, былъ наверху, и содержаніе письма было такимъ образомъ скрыто, письмо не возбудило вниманія. Въ это самое время входитъ Министръ Д.—. Его рысьи глаза немедленно замѣчаютъ бумагу, онъ узнаетъ по адресу почеркъ, замѣчаетъ смущеніе высокой особы, и догадывается о ея секретѣ. Послѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ разговоровъ, осуществленныхъ на спѣхъ, по его обычной манерѣ, онъ вынимаетъ письмо, нѣсколько похожее на упомянутое, раскрываетъ его, дѣлаетъ видъ, что читаетъ, и затѣмъ кладетъ совсѣмъ рядомъ съ другимъ. Снова онъ разговариваетъ четверть часа объ общественныхъ дѣлахъ. Наконецъ, прощаясь, онъ беретъ со стола письмо, на которое онъ не имѣлъ никакихъ правъ. Законный собственникъ письма видѣлъ это, но, конечно, не посмѣлъ привлечь вниманія на по-

ступокъ въ присутствіи третьяго лица, стоявшаго рядомъ. И министръ скрылся во свояси, оставивъ на столѣ свое собственное письмо, совершенно незначительное“.

„Вотъ здѣсь“, сказалъ Дюпенъ, обращаясь ко мнѣ, „вы имѣете все, что требуется, чтобы имѣть цѣликомъ вліяніе—воръ знаетъ, что пострадавшій знаетъ вора“.

„Да“, отвѣчалъ Префектъ, „и власть, такимъ образомъ достигнутая, въ теченіи нѣсколькихъ истекшихъ мѣсяцевъ, была использована для политическихъ цѣлей до размѣровъ очень опасныхъ. Обокраденная особа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости получить назадъ свое письмо. Но это, конечно, не можетъ быть сдѣлано открыто. Словомъ, доведенная до отчаянія, эта особа довѣрила все дѣло мнѣ“.

„Лучше какового“, сказалъ Дюпенъ среди цѣлаго водворота дыма, „полагаю, нельзя и желать, или даже вообразить, проникательнаго агента“.

„Вы мнѣ льстите“, отвѣтилъ Префектъ; „но вполне возможно, что кое-кто составилъ обо мнѣ такое мнѣніе“.

„Ясно“, сказалъ я, „какъ вы замѣтили, что письмо еще находится въ рукахъ министра, разъ обладаніе письмомъ, а не какое-либо пользованіе имъ, даетъ власть. Съ использованіемъ письма власть исчезаетъ“.

„Это вѣрно“, сказалъ Ж. „и согласно съ такимъ убѣжденіемъ я и дѣйствовалъ. Первой моей заботой было тщательно обыскать квартиру министра; и тутъ, моимъ главнымъ затрудненіемъ была необходимость дѣлать обыскъ безъ его вѣдѣнія. Кромѣ всего, меня предостерегли касательно опасности, которая возникла бы, если бы я далъ ему основаніе подозрѣвать нашъ замыселъ“.

„Но“, сказалъ я, „вы совершенно какъ у себя дома въ такихъ разслѣдованіяхъ. Парижская полиція дѣлала это нерѣдко и раньше“.

„О, да; и потому-то я не отчаивался. Привычки министра, кромѣ того, давали мнѣ большое преимущество.“

Онъ часто уходитъ изъ дому на цѣлую ночь. Слуги его отнюдь не многочисленны. Они спятъ въ извѣстномъ отдаленіи отъ квартиры своего хозяина, и такъ какъ это, главнымъ образомъ, Неаполитанцы, ихъ легко напоить. У меня, какъ вы знаете, есть ключи, которыми я могу отпереть каждую комнату и каждый кабинетъ въ Парижѣ. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ ни одной ночи не прошло безъ того, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, я лично не былъ занятъ обшариваніемъ помѣщенія Д—. Моя честь здѣсь заинтересована, и, скажу вамъ большой секретъ, вознагражденіе огромное. Такимъ образомъ, я не оставлялъ своихъ поисковъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился вполне, что воръ—человѣкъ еще болѣе хитрый, чѣмъ я. Какъ я думаю, я осматрѣлъ каждый уголь и каждый уголокъ въ квартирѣ, гдѣ возможно было бы спрятать бумагу“.

„Но развѣ невозможно“, сказалъ я, „что, хотя письмо можетъ быть въ рукахъ министра, какъ это безспорно и есть, онъ могъ спрятать его гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, а не у себя?“

„Это только возможно“, сказалъ Дюпень. „Настоящее особое положеніе дѣлъ при дворѣ, и, въ особенности, характеръ тѣхъ интригъ, въ которыя, какъ извѣстно, запутанъ Д—, дѣлаютъ мгновенное примѣненіе документа—возможность тотчасъ же, какъ только будетъ нужно, его извлечь—пунктомъ, почти такой же важности, какъ самый фактъ обладанія имъ“.

„Возможность его извлечь?“ сказалъ я.

„То-есть возможность его *уничтожить*“, сказалъ Дюпень.

„Это такъ“, замѣтилъ я; „ясно тогда, что бумага находится въ квартирѣ. Что касается того, чтобы письмо было на самой особѣ министра, мы можемъ считать это внѣ разговора“.

„Безусловно“, сказалъ Префектъ. „Его дважды

подстерегли какъ бы бродяги, и его особа была тщательно обыскана подъ моимъ наблюдениемъ“.

„Вы могли на этотъ счетъ не беспокоиться“, сказалъ Дюпень. „Д.—, какъ я полагаю, не совершенно лишень разсудка, и потому, конечно, долженъ былъ предвидѣть, что его въ этомъ родѣ подстерегутъ“.

„Не *совсѣмъ* лишень разсудка“, сказалъ Ж.—, „но все-таки онъ поэтъ, такъ что разница тутъ на мой взглядъ не велика“.

„Это такъ“, сказалъ Дюпень, выпустивъ клубъ дыма изъ своей пѣнковой трубки, послѣ долгой и глубокомысленной затыжки, „хотя я самъ былъ повиненъ въ нѣкоторыхъ виршахъ“.

„А не расскажете ли вы подробности своихъ розысковъ?“ сказала я.

„Почему нѣтъ; мы вполне использовали наше время и обыскали *всюду*. У меня въ этихъ дѣлахъ былъ большой опытъ. Я рассмотрѣлъ все зданіе, комнату за комнатой, посвящая каждой комнатѣ ночь цѣлой недѣли. Мы изслѣдовали сперва обстановку каждой комнаты. Мы открыли всевозможные выдвижные ящики; а вы, какъ я полагаю, знаете, что для надлежаще тренированного полицейскаго агента, такая вещь, какъ *секретный* выдвижной ящикъ, есть невозможность. Каждый, кто дѣлалъ обыскъ такого рода, позволить какому-то „секретному“ ящику ускользнуть отъ себя, есть совершеннѣйшая тупица. Это же *такъ* ясно. Въ каждомъ кабинетѣ есть извѣстное количество объемностей пространства, въ чемъ можно дать себѣ отчетъ. Затѣмъ, вѣдь, у насъ есть точныя правила. Отъ насъ не ускользнетъ пятидесятая часть линіи. Послѣ кабинетовъ мы взяли за стулья. Сидѣнья кресель мы испробовали тонкими, длинными иглами, которыми, какъ вы видѣли, я пользуюсь. Со столовъ мы сняли верхушки“.

„А это зачѣмъ?“

„Иногда лицо, желающее что-нибудь скрыть, снимает верхушку стола, или другую, аналогично устроенную, составную часть мебели; затѣмъ ножка выдалбливается, вещь кладется въ углубленіе, и верхушка помещается на прежнее мѣсто. Такимъ же образомъ пользуются низомъ, или верхомъ постельныхъ подпорокъ“.

„Но развѣ углубленіе не могло быть отыскиваемо выстукиваніемъ?“ спросилъ я.

„Отнюдь нѣтъ, если, положивъ вещь, достаточнымъ образомъ обернуть ее ватой. Притомъ, въ данномъ случаѣ, мы должны были дѣйствовать безъ шума“.

„Но вы не могли содвинуть—вы не могли разобрать на части *все* предметы обстановки, въ которыхъ было бы возможно запрятать вещь, описываемымъ вами образомъ. Письмо можетъ быть закручено въ тонкій спиральный свертокъ, не очень отличающійся, по формѣ и по объему, отъ большой вязальной иглы, и въ такомъ видѣ быть введено, напримѣръ, въ деревянный перехват кресла. Вѣдь вы же не разобрали по частямъ *все* кресла?“

„Конечно, нѣтъ; но мы сдѣлали лучше — мы разсмотрѣли деревянные части каждаго кресла въ кварцгирѣ, и даже всякаго рода смычки въ мебели, съ помощью очень сильнаго микроскопа. Если бы тутъ были какіе-нибудь слѣды недавняго беспорядка, мы бы не преминули открыть ихъ немедленно. Малое зернышко пыли отъ буравчика было бы, напримѣръ, явнымъ, какъ яблоко. Какой-нибудь непорядокъ въ клейкѣ—какая-нибудь необычная расщелинка въ смычкахъ — немедленно бы навели сыскъ на вѣрный слѣдъ“.

„Я полагаю, вы осмотрѣли зеркала, между стеклами и рамами, и вы освидѣтельствовали постели и одѣяла, такъ же какъ занавѣси и ковры?“

„Это конечно; и когда мы освидѣтельствовали, такимъ образомъ, безусловно каждую частицу обстановки, тогда мы стали обыскивать самый домъ. Мы раздѣлили всю его

поверхность на отдѣлы, которые мы перенумеровали такъ, что ни одинъ не могъ быть опущенъ; затѣмъ мы тщательно освидѣтельствовали каждый квадратный дюймъ помѣщенія, включивъ сюда два дома, непосредственно примыкающіе, и какъ прежде примѣнили микроскопъ“.

„Два смежныхъ дома?“ воскликнулъ я. „Достаточно же, должно быть, у васъ было хлопотъ“.

— „Достаточно; но предложенное вознагражденіе огромно“.

„Въ понятіе домовъ вы включаете самыя основанія?“

„Всѣ основанія вымощены кирпичемъ, въ этомъ у насъ было, сравнительно, мало затрудненій. Мы изслѣдовали мохъ между кирпичами, и нашли, что онъ не потревоженъ“.

„Вы осмотрѣли, конечно, бумаги Д.— и книги въ его библиотекѣ?“

„Конечно; мы развернули каждую связку, освидѣтельствовали каждый листокъ; мы не только раскрыли каждую книгу, но мы повернули каждый листокъ въ каждой книгѣ, не довольствуясь простымъ встряхиваніемъ книги, какъ это дѣлаютъ обыкновенно полицейскіе офицеры. Мы измѣрили также толщину каждого переплета, самымъ тщательнымъ смѣриваніемъ, и неукоснительно примѣняя къ каждому ревнивое око микроскопа. Если бы какимъ-нибудь переплетомъ недавно воспользовались, было бы совершенной невозможностью, чтобы этотъ фактъ ускользнулъ отъ нашего наблюденія. Томовъ пять или шесть, только что вышедшихъ изъ мастерской переплетчика, мы тщательно испробовали вдоль иглама“.

„Вы изслѣдовали полы подъ коврами?“

„Безъ сомнѣнія. Мы содвинули каждый коверъ, и разслѣдовали доски подъ микроскопомъ“.

„А стѣнные обои?“

„Да“.

„Вы заглянули въ подвалы?“

„Заглянули“.

„Тогда вашъ расчетъ невѣренъ“, сказалъ я, „и письмо не въ квартирѣ, какъ вы предполагаете“.

„Боюсь, что вы въ этомъ правы“, сказалъ Префектъ.

„А теперь, Дюпенъ, что бы вы мнѣ совѣтовали сдѣлать?“

„Сдѣлать новый полный обыскъ въ квартирѣ“.

„Это абсолютно бесполезно“, отвѣчалъ Ж.—„Я не болѣе убѣжденъ въ томъ, что я дышу, чѣмъ въ томъ, что письма въ квартирѣ нѣтъ“.

„Я не могу дать вамъ никакого лучшаго совѣта“, сказалъ Дюпенъ. „Вы, конечно, имѣете точное описаніе письма?“

„О, да!“

И тутъ Префектъ, вынувъ записную книжку, громкимъ голосомъ сталъ читать подробное описаніе внутренняго, и въ особенности внѣшняго, вида пропавшаго документа. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ окончилъ чтеніе этого описанія, онъ простился съ нами, и никогда еще раньше я не видѣлъ этого добраго джентльмена въ такомъ подавленномъ состояніи.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ этого, онъ снова зашелъ къ намъ, и нашелъ насъ въ точности за тѣмъ же занятіемъ, какъ и раньше. Онъ взялъ трубку, сѣлъ въ кресло и затѣялъ какой-то незначительный разговоръ. Наконецъ я сказалъ:

„Прекрасно, а что же господинъ Ж.—, какъ украденное письмо? Я думаю, вы, наконецъ, примирились съ тѣмъ, что невозможно перещегоолять Министра?“

„Чтобъ чортъ его побралъ,—скажу я,—да; я, однако, сдѣлалъ вторичный обыскъ, какъ совѣтовалъ Дюпенъ, но все оказалось напраснымъ, какъ я и думалъ“.

„Какъ велико вознагражденіе, сказали вы?“ спросилъ Дюпенъ.

„Да очень большое, знаете ли—*весьма* щедрое вознагражденіе—не хочу сказать, сколько именно въ точности; но *скажу* одно, что я не поколебался бы дать отъ себя чекъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ каждому, кто могъ бы доставить мнѣ это письмо. Дѣло въ томъ, что, день ото дня, оно все возрастаетъ въ важности; и вознагражденіе недавно было удвоено. Но, если бы оно даже было утроено, я не могъ бы сдѣлать больше того, что я сдѣлалъ“.

„Что же, да“, сказала Дюпенъ, цѣдя слоги между затяжками изъ своей пѣнковой трубки, „я, по правдѣ сказать, думаю, Ж.—, что вы не постарались до конца. Вы могли бы сдѣлать немножко больше, такъ я думаю, гмъ“.

„Что? Какимъ образомъ?“

„Ну почему-жь—пуфъ, пуфъ—вы могли бы, пуфъ, пуфъ—прибѣгнуть къ совѣту въ этомъ дѣлѣ, гм!—пуфъ, пуфъ, пуфъ. Вы помните исторію, которую рассказываютъ объ Обернети *):“

„Нѣтъ; чортъ бы побралъ Обернети“.

„Ну, конечно! Чортъ бы побралъ его и прошу пожаловать. Но было какъ-то разъ, одинъ богатый скряга замыслилъ попользоваться у этого Обернети медицинскимъ мнѣніемъ. Затѣявъ съ нимъ, съ этою цѣлью, самый обыкновенный разговоръ въ частномъ обществѣ, онъ изобразилъ этотъ случай передъ врачомъ, какъ случай съ воображаемымъ больнымъ. Предположите, сказалъ скупецъ, что симптомы такіе-то и такіе-то; ну, докторъ, что бы вы предложили ему сдѣлать? Что сдѣлать, сказалъ Обернети, да что-жь, *посоветоваться съ врачомъ, конечно*“.

„Но“, сказалъ Префектъ, пѣсколько смущенный, „я *совершенно* готовъ посоветоваться и заплатить. Я *дѣйствительно* готовъ былъ бы дать пятьдесятъ тысячъ франковъ любому, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ“.

---

*) Обернети—знаменитый врачъ. К. Б.

„Въ такомъ случаѣ“, отвѣтилъ Дюпенъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола и вынимая чековую книжку, „вотъ, вы можете заполнить чекъ означеніемъ данной суммы. Когда вы его подпишете, я вручу вамъ письмо“.

Я былъ изумленъ. Префектъ былъ какъ пораженный громомъ. Въ теченіи нѣкотораго времени онъ оставался безгласнымъ и недвижнымъ, недвижимо смотря на моего друга, съ открытымъ ртомъ, и съ глазами, которые какъ будто хотѣли выскочить изъ орбитъ; потомъ, повидимому, нѣсколько придя въ себя, онъ схватилъ перо, и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и напряженныхъ отсутствующихъ взглядовъ, онъ написалъ и подписалъ чекъ на пятьдесятъ тысячъ франковъ, и подалъ его черезъ столъ Дюпену. Послѣдній тщательно разсмотрѣлъ его и положилъ въ свою памятную книжку; потомъ, отперевъ конторку, онъ вынулъ оттуда письмо, и подалъ его Префекту. Этотъ чиновникъ судорожно уцѣпился за него, въ совершенной агоніи радости, раскрылъ его дрожащей рукой, бросилъ быстрый взглядъ на его содержаніе, и потомъ, невѣрно дѣйствуя руками и ногами, добрался наконецъ до двери, и безъ церемоній ринулся черезъ нее изъ комнаты, не произнеся ни одного слова съ тѣхъ поръ какъ Дюпенъ попросилъ его написать чекъ.

Когда онъ ушелъ, мой другъ сдѣлалъ нѣсколько изъясненій.

„Парижская полиція“, сказалъ онъ, „чрезвычайно искусна по своему. Она настойчива, находчива, хитра, и вполне освѣдомлена во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя, повидимому, требуются, главнымъ образомъ, для исполненія ея обязанностей. Такимъ образомъ, когда Ж.— подробно описалъ намъ свой способъ обыскиванія комнатъ въ квартирѣ Д.—, я чувствовалъ полное довѣріе къ тому, что онъ сдѣлалъ удовлетворительный обыскъ—поскольку это касалось его усилій“.

„Поскольку это касалось его усилій?“ сказалъ я.

„Да“, отвѣчалъ Дюпенъ. „Мѣры, принятыя имъ, были не только лучшими въ своемъ родѣ, но и выполнены были съ безусловнымъ совершенствомъ. Если бы письмо было спрятано въ предѣлахъ ихъ сыска, эти молодчики, безъ сомнѣнія, нашли бы его“.

Я лишь разсмѣялся, но онъ, повидимому, говорилъ совершенно серьезно.

„Мѣры, такимъ образомъ“, продолжалъ онъ, „были хороши въ своемъ родѣ и были хорошо выполнены, недостатокъ же ихъ заключался въ томъ, что они были непримѣнимы къ данному случаю и къ данному человѣку. Извѣстный рядъ высоконаходчивыхъ приѣмовъ является у Префекта нѣкотораго рода Прокрустовымъ ложемъ, къ которому онъ насильственно приспособляетъ свои замыслы. Но онъ безпрестанно заблуждается оттого, что онъ слишкомъ глубокъ или слишкомъ мелокъ въ такомъ-то дѣлѣ, и не одинъ школьникъ лучше разсуждаетъ, чѣмъ онъ. Я зналъ одного мальчика восьми лѣтъ, успѣшное угаданіе котораго при игрѣ въ четъ и нечетъ возбуждало всеобщее восхищеніе. Это игра простая и играютъ въ нее шариками. Игрокъ держитъ въ своей рукѣ извѣстное число этихъ пустячковъ и спрашиваетъ другого, четное это число или нечетное. Если догадка вѣрна, догадавшійся выигрываетъ, если невѣрна — теряетъ. Мальчикъ, о которомъ я говорю, выигралъ всѣ шарики, имѣвшіеся въ школѣ. Конечно, онъ имѣлъ какой нибудь принципъ угаданія, и принципъ этотъ заключался въ простомъ наблюденіи и смѣриваніи хитрости его состязателей. Напримѣръ, его противникъ совершенный простакъ, и, держа шарики и зажавъ ихъ въ рукѣ, спрашиваетъ, четъ или нечетъ? Напѣ школьникъ отвѣчаетъ нечетъ, и проигрываетъ. Но при вторичной игрѣ онъ выигрываетъ, ибо онъ тогда говоритъ себѣ — „Въ первомъ случаѣ у простака былъ четъ, и весь запасъ его хитрости заключается лишь въ томъ, чтобы во второмъ случаѣ сдѣлать нечетъ, я скажу по-

этому нечестъ“, онъ говоритъ нечетъ и выигрываетъ. Съ простакомъ, который на степень выше, чѣмъ первый, онъ разсуждаетъ такъ: „Этотъ молодчикъ видитъ, что въ первомъ случаѣ я сказалъ нечетъ, во второмъ случаѣ онъ, по первому побужденію, предложить себѣ перемѣнить четъ на нечетъ, какъ сдѣлалъ первый простакъ, но затѣмъ второй его мыслью будетъ внушеніе, что это слишкомъ простая перемѣна, и наконецъ, онъ рѣшится оставить какъ прежде. Я скажу поэтому, четъ“, онъ говоритъ четъ и выигрываетъ. Итакъ, весь способъ размышленія у этого школьника, котораго его товарищи называютъ счастливымъ, — что онъ, въ концѣ концовъ, изъ себя представляетъ?

„Онъ просто представляетъ изъ себя“, сказалъ я, „отождествленіе ума того, кто разсуждаетъ, съ умомъ его противника“.

„Именно такъ“, сказалъ Дюпенъ. „И когда я спросилъ мальчика, какимъ образомъ онъ достигаетъ *полнаго* отождествленія, въ которомъ состоялъ его успѣхъ, онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Когда я хочу узнать, насколько уменъ или насколько глупъ кто-нибудь, насколько онъ добръ или насколько золъ, или какія у него мысли въ данную минуту, я придаю выраженію моего лица, по возможности, тотъ самый въ сущности оттѣнокъ, который есть въ выраженіи его лица, и затѣмъ жду, какія мысли и какія чувства возникнутъ въ моемъ умѣ или сердцѣ, какъ бы для согласованія съ этимъ выраженіемъ“. Этотъ отвѣтъ школьника лежитъ въ основаніи всей ложной глубины, которая была найдена у Ларошфука, Лабрюйера, Макіавелли, и Кампанеллы.

„И отождествленіе ума того, кто разсуждаетъ“, сказалъ я, „зависитъ, если я понимаю васъ правильно, отъ точности, съ которою оцѣнивается умъ противника“.

„Практическая оцѣнка зависитъ отъ этого“, отвѣчалъ Дюпенъ, „и Префектъ, вмѣстѣ съ своей когортой, оши-

бастся такъ часто, во-первыхъ, благодаря недостатку такого отождествленія, и, во-вторыхъ, благодаря дурной оцѣнкѣ, или благодаря отсутствію оцѣнки того ума, съ которымъ они имѣютъ дѣло. Они разсматриваютъ лишь свои *собственные* замыслы находчивости, и, отыскивая что-нибудь скрытое, они соображаютъ лишь тѣ способы скрыть, которые примѣнили бы *они*. Въ этомъ они правы весьма—поскольку ихъ собственная находчивость есть вѣрное отображеніе находчивости *толпы*; но, когда хитрость какого-нибудь отдѣльнаго мошенника отлична по характеру отъ ихъ собственной, мошенникъ, конечно, сражаетъ ихъ. Это случается всегда, когда такая хитрость выше ихъ собственной, и очень часто, когда она ниже. Они не разнообразяютъ принципа при своихъ разслѣдованіяхъ; въ лучшемъ случаѣ, когда ихъ побуждаетъ какая-нибудь необычная крайность, какое-нибудь чрезвычайное вознагражденіе, они расширяютъ, или преувеличиваютъ, свои старые способы *практики*, не касаясь своихъ принциповъ. Что, на примѣръ, было сдѣлано въ этомъ домѣ Д.— для видоизмѣненія принципа дѣйствія? Что означаютъ всѣ эти пробуравливанія, пробованія, зондированія, и разсматриванія черезъ мекроскопъ, всѣ эти раздѣленія плоскостей зданія на зарегистрированные квадратные дюймы— какъ не простое преувеличеніе въ *примѣненіи* одного принципа, или нѣсколькихъ принциповъ разслѣдованія, которые основаны на извѣстномъ рядѣ представленій, касающихся человѣческой находчивости—представленій, къ которымъ Префектъ, за долгую свою служебную рутину, привыкъ? Развѣ вы не видите, что онъ считаетъ за признанное, что *все* люди, пряча письмо, прибѣгаютъ—ну, не въ точности къ отверстию, пробуравленному въ ножкѣ кресла—но, по крайней мѣрѣ, къ *какой-нибудь* необычной дыркѣ, или къ уголку, указанному тою же самою системой мыслей, которая побудила бы человѣка прятать письмо въ пробуравленной ножкѣ кресла? И не видите

ли вы также, что такіе изысканные уголки для прятанія вещей примѣняются лишь въ заурядныхъ случаяхъ, и къ нимъ прибѣгаютъ лишь заурядные умы, ибо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ спрячуть вещь, этотъ способъ ее спрятать, способъ укрыть ее въ нарочно отысканномъ уголкѣ, съ самаго начала возможно предположить, и съ самаго начала на него наталкиваются, и, такимъ образомъ, открытіе этого уголка зависитъ вовсе не отъ остроты разумія, а цѣликомъ отъ простой тщательности, терпѣнія, и рѣшимости ищущихъ, и тамъ, гдѣ возникаетъ важный случай, или, что сводится къ тому же въ полицейскихъ глазахъ, тамъ, гдѣ вознагражденіе основательное, упомянутыя качества *никогда* не избѣгали случая быть примѣненными? Вы поймете теперь, чтѣ я разумѣлъ, говоря, что, если бы украденное письмо было спрятано гдѣ-нибудь въ предѣлахъ розысковъ Префекта — другими словами, если бы принципъ, примѣненный при укрытіи его, естественно былъ включенъ въ принципы Префекта — письмо было бы, конечно, найдено, это вѣд сомнѣнія. Однако же, сей чиновникъ подвергся полной мистификаціи, и отдаленнымъ источникомъ его пораженія является предположеніе, что Министръ полоумный, потому что онъ спискалъ репутацію поэта. Всѣ полоумные — поэты, Префектъ это *чувствуетъ*, и онъ лишь повиненъ въ *non distributio medii*, въ невѣрномъ логическомъ расчлененіи, выведя отсюда умозаключеніе, что всѣ поэты полоумные“.

„Но развѣ онъ дѣйствительно поэтъ?“ спросилъ я, „Я знаю, что ихъ два брата, и оба были отмѣчены въ литературѣ. Министръ, сколько помню, написалъ весьма ученое сочиненіе о Дифференціальномъ Исчисленіи. Онъ математикъ, а не поэтъ“.

„Вы ошибаетесь; я знаю его хорошо; онъ и то, и другое. Какъ поэтъ и математикъ, онъ долженъ рассуждать хорошо; какъ просто математикъ, онъ не могъ бы

разсуждать вовсе, и, такимъ образомъ, былъ бы въ полномъ распоряженіи у Префекта“.

„Вы удивляете меня этими мнѣніями“, сказалъ я, „весь міръ, въ данномъ случаѣ, противъ васъ. Вы же не хотите свести къ нулю правильно выношенную мысль столѣтій. Математическій разумъ давно разсматривался, какъ разумъ *par excellence*“.

„Il y a à parier“ отвѣчалъ Дюпенъ, цитируя Шамфора,— „que toute idée publique, toute convention reçue, est une sottise, car elle a convenu au plus grand nombre“. („Можно биться объ закладъ, что всякая общественная мысль, всякая принятая условность есть глупость, ибо она подошла къ наибольшему числу“). „Математики, я съ вами согласенъ, сдѣлали все, что могли, чтобы распространить общепринятую ошибку, на которую вы указываете, и которая оттого, что она распространена какъ истина, не перестала быть ошибкой. Съ искусствомъ, достойнымъ лучшей участи, они, напримѣръ, захотѣли употреблять терминъ „анализъ“ въ примѣненіи къ алгебрѣ. Первые виновники въ этомъ особенномъ обманѣ суть Французы; но, если извѣстный терминъ представляетъ важность, если слова заимствуютъ свою цѣнность изъ примѣненія ихъ, тогда „анализъ“ можно переводить— „алгебра“, приблизительно такъ же, какъ въ латинскомъ языкѣ *ambitus* означаетъ амбиція, *religio*—религія, или *homines honesti*—честные люди.

„Я тутъ вижу возможность ссоры“, сказалъ я, „съ нѣкоторыми алгебраистами города Парижа — но продолжайте“.

„Я оспариваю примѣнимость и, такимъ образомъ, цѣнность того разума, который культивированъ какимъ-либо инымъ особеннымъ образомъ, кромѣ чистой отвлеченной логики. Я оспариваю, въ особенности, разумъ, воспитанный на изученіи математики. Математика есть знаніе формы и количества, математическое разсужденіе есть

лишь просто логика въ примѣненіи къ наблюденію надъ формой и количествомъ. Большая ошибка заключается въ предположеніи, что даже истины того, что именуется *чистой* алгеброй, суть истины отвлеченныя, или общія. И эта ошибка столь огромна, что я пораженъ той всеобщностью, съ которою ее принимаютъ. Математическія аксіомы *не* суть аксіомы общей истины. Что вѣрно въ *отношеніи* - формы и количества—часто грубо невѣрно въ примѣненіи къ морали, напримѣръ. Въ этой послѣдней области знанія весьма обычно является невѣрнымъ, что сумма частей равна цѣлому. Въ химіи также аксіома терпитъ фіаско. При разсмотрѣніи мотива она терпитъ фіаско потому, что два мотива, каждый съ определенной цѣнностью, будучи соединенными, не имѣютъ, необходимо, цѣнности, равной суммѣ ихъ отдѣльныхъ цѣнностей. Есть многочисленныя другія математическія истины, которыя суть лишь истины въ предѣлахъ *соотношенія*. Но математикъ, по привычкѣ, обращается съ *конечными истинами* такъ, какъ если бы они имѣли абсолютно общую примѣнимость—какъ весь міръ, на самомъ дѣлѣ, относительно ихъ и воображаетъ. Брайэнтъ, въ своей весьма ученой „Миеологіи“, упоминаетъ объ аналогичномъ источникѣ ошибки, когда онъ говоритъ, что „хотя въ языческіе вымыслы болѣе не вѣрятъ, все-таки мы постоянно забываемся и дѣлаемъ изъ нихъ выводы, какъ изъ существующихъ реальностей“. Съ алгебраистами, однако, коп сами суть Язычички, дѣло обстоитъ такъ, что въ „Языческіе вымыслы“ *вѣрятъ*, и изъ нихъ дѣлаютъ выводы, не столько благодаря измѣнѣ памяти, сколько въ силу необъяснимаго затмѣнія умовъ. Словомъ, я никогда не встрѣчалъ простаго математика, которому можно было бы довѣрять за предѣлами корней и уравненій, или такого, который втайнѣ не держался бы какъ за Символь Вѣры за то, что $X^2 + PX$ абсолютно и безусловно равны Q . Скажите одному изъ этихъ джентльменовъ, если вамъ угодно, въ видѣ опыта,

что на вашъ взглядъ могутъ существовать случаи, когда $X^2 + PX$ не цѣликомъ равны Q , и, втолковавъ ему то, что вы разумѣете, возможно скорѣе спасайтесь изъ предѣловъ его досягаемости, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ попытается васъ поколотить“.

„Я хочу сказать“, продолжалъ Дюпенъ, между тѣмъ, какъ я только разсмѣялся на его послѣднее замѣчаніе, „что, если бы Министръ былъ не болѣе какъ математикомъ, Префекту не понадобилось бы давать мнѣ этотъ чекъ. Я зналъ его, однако, за математика и поэта, и я принялъ мѣры, соотвѣтственныя съ его способностями, и съ обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Я зналъ, что онъ человѣкъ придворный, кромѣ того, и что онъ смѣлый *интриганъ*. Такой человѣкъ, разсудилъ я, не могъ не знать обычныхъ полицейскихъ способовъ дѣйствовать. Онъ не могъ не предвидѣть—и событія доказали, что онъ предвидѣлъ—подстерганій, которымъ онъ подвергся. Онъ долженъ былъ предусмотрѣть, размышлялъ я, тайный обыскъ своей квартиры. Его частые уходы изъ дому по ночамъ, которые Префектъ привѣтствовалъ, какъ вспомогательныя средства успѣха, я считалъ лишь *хитростью* съ цѣлью доставить полиціи возможность произвести полный обыскъ, и такимъ образомъ возможно скорѣе внушить убѣжденіе—къ которому Ж.—, дѣйствительно, и пришелъ—что письма въ квартирѣ нѣтъ. Я чувствовалъ также, что вся цѣпь мысли, которую я съ нѣкоторымъ затрудненіемъ только что передъ вами развернулъ, касательно неизмѣннаго принципа полицейскихъ мѣропріятій при отыскиваніи скрываемыхъ предметовъ — я чувствовалъ, что вся эта цѣпь мысли неизбѣжно должна была пройти въ умѣ Министра. Она должна была побѣдительно внушить ему пренебреженіе ко всѣмъ обычнымъ *уголкамъ*, въ которые прячутъ. Онъ не могъ быть, размышлялъ я, столь слабымъ, чтобы не увидать, что самые запутанные и отдаленные уголки его квартиры были бы такъ же открыты,

какъ самые обыкновенные его шкафы, для глазъ, пробъ, буравчиковъ, и микроскоповъ Префекта. Я видѣлъ, словомъ, что онъ будетъ приведенъ самымъ предметомъ къ *простотѣ*, если онъ не прибѣгнетъ къ ней умышленно, по добровольному выбору. Вы вспомните, быть можетъ, какъ отчаянно хототалъ Префектъ, когда во время перваго нашего разговора я высказалъ предположеніе, что быть можетъ эта тайна смущаетъ его какъ разъ потому, что она *такъ* очевидна“.

„Да“, отвѣтилъ я, „я хорошо помню, какъ онъ веселился. Я по-истинѣ думалъ, что онъ помереть въ судорогахъ“.

„Міръ вещественный“, продолжалъ Дюпенъ, „изобилуетъ самыми строгими аналогіями съ міромъ невещественнымъ; и такимъ образомъ, нѣкоторый оттѣнокъ истины былъ данъ той риторической догмѣ, что метафора, или уподобленіе, можетъ усиливать доводъ такъ же, какъ украшать описаніе. Принципъ *силы инерціи*, напримѣръ, кажется тождественнымъ въ физикѣ и метафизикѣ. Какъ въ первой вѣрно то, что большее тѣло приводится въ движеніе съ большею трудностью, чѣмъ меньшее, и что послѣдующая *скорость движенія* соизмѣрима съ этой трудностью, такъ во второй вѣрно то, что разумы большихъ способностей, будучи болѣе сильными, болѣе постоянными, и болѣе подверженными случайностямъ въ своемъ движеніи, чѣмъ разумы низшей степеней, менѣе легко приводятся въ движеніе, болѣе затруднены, и болѣе полны колебанія при самыхъ первыхъ шагахъ своего поступательнаго хода. Затѣмъ; замѣчали ли вы когда-нибудь, какія изъ магазинныхъ вывѣсокъ привлекаютъ наиболѣе вниманіе?“

„Я никогда объ этомъ не размышлялъ“, сказалъ я.

„Есть игра угаданій“, продолжалъ онъ, „въ нее играютъ по географической картѣ. Одинъ игрокъ проситъ другаго угадать задуманное слово — имя города, рѣки, провинціи, или имперіи — словомъ, какое-нибудь названіе, имѣющееся на пестрой и спутанной поверхности карты.“

Новичекъ въ этой игрѣ обыкновенно старается затруднить своихъ противниковъ, выбирая наиболѣе мелко напечатанные имена, а искусившійся выбираетъ такія слова, которыя крупнымъ шрифтомъ проходятъ отъ одного конца карты къ другому. Такія слова такъ же, какъ вывѣски и уличныя объявленія, сдѣланныя слишкомъ широкими буквами, ускользаютъ отъ наблюденія, благодаря именно тому, что они слишкомъ очевидны; и здѣсь, физическій недосмотръ въ точности схожъ съ недосмотромъ моральнымъ, благодаря которому разумъ пропускаетъ такія соображенія, которыя слишкомъ назойливо и слишкомъ осязательно очевидны. Но это пунктъ, который, повидимому, нѣсколько выше или ниже пониманія Префекта. Онъ никогда не считалъ вѣроятнымъ или возможнымъ, чтобы Министръ выложилъ письмо какъ разъ подъ носомъ у цѣлаго міра, съ цѣлью наилучшимъ образомъ возбранить нѣкоторой части этого міра усмотрѣть его.

„Но чѣмъ болѣе я размышлялъ о смѣлой, дерзкой, и четко-разбирающей находчивости Д.—, чѣмъ болѣе я размышлялъ о томъ фактѣ, что данный документъ всегда долженъ былъ быть *подъ рукою*, чтобы имъ можно было воспользоваться при первомъ же случаѣ,—и о той рѣшительной очевидности, полученной Префектомъ, что онъ не былъ спрятанъ въ предѣлахъ обычныхъ поисковъ этой достойной особы—тѣмъ болѣе я убѣждался, что Министръ прибѣгъ къ широкому и мудрому средству не скрывать его вовсе.

„Преисполненный такими мыслями, я запасся зелеными очками, и въ одно прекрасное утро совершенно неожиданно зашелъ на министерскую квартиру. Я засталъ Д.— дома, зѣвающимъ, бездѣльничавшимъ, и преданнымъ всякимъ пустякамъ, какъ обыкновенно, и притязавшимъ на послѣднюю степень скуки. Онъ, быть можетъ, самый энергичный человѣкъ, какой только нынѣ живеть, но это только тогда, когда никто его не видитъ.

„Чтобы поквитаться съ нимъ, я сталъ жаловаться на мои слабые глаза и скорбѣть о необходимости носить очки, подъ прикрытіемъ коихъ я осторожно и тщательно осматрѣлъ все апартаменты, дѣлая видъ въ то же время, что я лишь слѣжу за бесѣдою моего хозяина.

„Я удѣлилъ особое вниманіе большому письменному столу, около котораго онъ сидѣлъ, и на которомъ въ безпорядкѣ лежали разныя письма и другія бумаги, одинъ, или два музыкальныхъ инструмента, и нѣсколько книгъ. Здѣсь, однако, послѣ долгаго и весьма тщательнаго разслѣдованія, я не увидѣлъ ничего, что могло бы вызывать какое-нибудь особенное подозрѣніе.

„Наконецъ, глаза мои, осматривая всю комнату кругомъ, упали на дрянную филигранную рѣшоточку для визитныхъ карточекъ, которая свѣшивалась на грязной синей лентѣ съ небольшого выступа, какъ разъ посреди верхушки камина. Въ этой рѣшеткѣ, въ которой было три или четыре отдѣленія, было пять-шесть визитныхъ карточекъ и одно единственное письмо. Это послѣднее было очень засалено и скомкано. Оно было почти разорвано на-двое посрединѣ—какъ будто въ первую минуту у собственника было намѣреніе разорвать его совершенно, какъ ненужное, но намѣреніе тотчасъ же измѣнилось, или задержалось. На письмѣ была широкая, черная печать, съ шифромъ Д.—, весьма явственнымъ, и оно было адресовано мелкимъ женскимъ почеркомъ самому Министру Д. — . Письмо было брошено небрежно и даже, какъ казалось, съ пренебреженіемъ, въ одно изъ верхнихъ отдѣленій рѣшетки.

„Едва только я замѣтилъ это письмо, какъ составилъ заключеніе, что это именно то самое, чего я ищу. Конечно, по виду оно рѣзко отличалось отъ того, подробное описаніе котораго Префектъ намъ читалъ. Здѣсь печать была большая и черная, съ шифромъ Д. ; тамъ она была маленькая и красная, и съ герцогскимъ гербомъ фамиліи С. — . Здѣсь адресъ, Министру, былъ написанъ мелкимъ жен-

скимъ почеркомъ; тамъ адресъ, нѣкоторой Царственной Особѣ, былъ написанъ почеркомъ очень смѣлымъ и рѣшительнымъ; одинъ лишь размѣръ составлялъ пунктъ сходства. Но *рѣзкій характеръ* этихъ различій, столь чрезвычайный,—то, что письмо было загрязнено, засалено, и надорвано,—столь несогласный съ настоящими методическими привычками Д.—, и столь указывающій на намѣреніе обмануть наблюдателя, внушить ему мысль о ничтожности документа,—все это, вмѣстѣ съ самымъ назойливымъ положеніемъ даннаго документа, находившагося прямо передъ глазами каждаго проходящаго, и бывшаго такимъ образомъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что я уже раньше установилъ,—все это, говорю я, весьма сильно подкрѣпляло подозрѣніе того, кто пришелъ съ намѣреніемъ подозрѣвать.

„Я продлилъ мой визитъ какъ только было возможно, и въ то время какъ я поддерживалъ самый оживленный разговоръ съ Министромъ о предметѣ, который, какъ я зналъ, всегда вызывалъ въ немъ самый оживленный интересъ, вниманіе мое было, въ дѣйствительности, приковано къ этому письму. При этомъ разсматриваніи я запомнилъ его внѣшній видъ и его положеніе въ рѣшеткѣ; и, наконецъ, сдѣлалъ открытіе, окончательно устранившее какія-либо самонамѣнныя сомнѣнія, которыя я еще могъ имѣть. Разсматривая края бумаги, я замѣтилъ, что они болѣе стертые, чѣмъ это казалось необходимымъ. Они имѣли видъ *сломанннй*, который получается, когда твердую бумагу, послѣ того какъ ее сложили и разгладили, сложили вновь въ обратномъ направленіи такими же складками, и образуя такія же края, какъ это было первоначально. Это открытіе было завершительнымъ. Для меня было ясно, что письмо было вывернуто, какъ перчатка, внутренней стороною наружу, вновь положено въ конвертъ, и снова запечатано. Я распростился съ Министромъ и немедленно удалился, оставивъ у него на столѣ мою золотую табакерку.

„На слѣдующее утро я зашелъ за табакеркой, и мы, съ оживленіемъ продолжали нашъ разговоръ предыдущаго дня. Въ то время какъ мы такъ разговаривали, подъ самыми окнами квартиры Министра раздался громкій выстрѣлъ, какъ-бы изъ пистолета, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ страшныхъ криковъ и воплей испуганной толпы. Д.— бросился къ окну, раскрылъ его и сталъ смотрѣть на улицу. Я въ это время подошелъ къ рѣшеткѣ для карточекъ, взялъ письмо, положилъ его къ себѣ въ карманъ, и положилъ на его мѣсто *факсимиле* (поскольку дѣло касалось внѣшняго вида), которое я заботливо приготовилъ у себя дома—изобразивъ шифръ Д.— весьма искусно, съ помощью печати, сдѣланной изъ хлѣбнаго мякиша.

„Суматоха на улицѣ была вызвана полоумнымъ поведеніемъ нѣкоего человѣка съ мушкетомъ. Онъ выстрѣлилъ изъ него, находясь въ толпѣ, среди женщинъ и дѣтей. Оказалось, однако, что въ ружьѣ не было пули, и чудачку предоставили идти своей дорогой, сочтя его за сумасшедшаго, или пьянаго. Когда онъ ушелъ, Д.— отошелъ отъ окна, куда я за нимъ послѣдовалъ тотчасъ-же, послѣ того какъ завладѣлъ надлежащимъ предметомъ. Вскорѣ послѣ этого, я распростился съ нимъ. Мнимый сумасшедшій былъ мной подкупленъ“.

„Но какая у васъ была цѣль“, спросилъ я, „когда вы на мѣсто письма положили его *факсимиле*? Не лучше ли бы было во время перваго же визита напрямки захватить его и отбить?“

„Д.—“, отвѣчала Дюпенъ, „человѣкъ отчаянный и человѣкъ сильный. Въ квартирѣ его, кромѣ того, нѣтъ недостатка въ слугахъ, преданныхъ его интересамъ. Если бы я сдѣлалъ безумную попытку, о которой вы говорите, я могъ не выйти отъ него живымъ. Добрые Парижане могли бы вовсе ничего не услышать обо мнѣ. Но, кромѣ того, я имѣлъ здѣсь свое особое соображеніе. Вы знаете

мои политическія предрасположенія. Въ данномъ случаѣ, я дѣйствую какъ сторонникъ заинтересованной дамы. Въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ она была игрушкой въ рукахъ Министра. Теперь онъ игрушка въ ея рукахъ, ибо, не зная, что письмо болѣе не находится въ его обладаніи, онъ будетъ дѣлать свои вымогательства такъ, какъ если бы письмо еще было у него. Такимъ образомъ, онъ неизбѣжно совершитъ самъ, и немедленно, свое политическое крушеніе. Его паденіе будетъ, кромѣ того, столь же стремительно, какъ неуклюже. Весьма удобно говорить о *facilis descensus Avernus* *), но во всѣхъ разрядахъ вскарбыванія, какъ Каталани говоритъ о пѣнии, гораздо легче взобраться, нежели спуститься. Въ данномъ случаѣ, я не питаю сочувствія — во всякомъ случаѣ не испытываю состраданія — къ тому, кто нисходитъ. Этотъ господинъ есть *monstrum horrendum*, чудовище, достойное отвращенія, безпринципный человѣкъ, отмѣченный гениемъ. Признаюсь, однако, что я очень хотѣлъ-бы знать точный характеръ его мыслей, когда, будучи на это вызванъ тою, кого Префектъ именуешь „нѣкоторая пзвѣстная особа“, онъ вынужденъ будетъ вскрыть письмо, которое я ему оставилъ въ его рѣшеткѣ для карточекъ“.

„Какъ, развѣ вы туда помѣстили что-нибудь особенное?“

„Почему нѣтъ! Это имѣло бы не вполне благоприличный видъ, если бы внутри была лишь бѣлая бумага — это было бы оскорбительно. Д. — однажды сыгралъ съ мною въ Вѣнѣ скверную шутку, и въ наилучшемъ расположеніи духа я ему сказалъ, что я это припомню. Такимъ образомъ, зная, что онъ будетъ испытывать нѣкоторое любопытство касательно того, кто перехитрилъ его, я подумалъ, что было бы жаль не дать ему ключа. Онъ хорошо знакомъ съ

---

*) О легкомъ нисшествіи въ Преподвюю.

моимъ почеркомъ, и какъ разъ посреди бѣлой страницы,
я переписалъ слѣдующія слова—

„ — — Un dessin si funeste

S' il n'est digne d'Atrée, est digne de Thyeste“ *).

Вы найдете это въ „*Atrée*“ Кребиллона“.

---

*) Замыселъ столь пагубный, если онъ недостоинъ Атрея,
достоинъ Тieste.

ЗОЛОТОЙ ЖУКЪ.

Хо! хо! -Онъ пляшетъ какъ безумный!
Его Тарантуль укусилъ.

Все навыворотъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сблизился съ нѣкимъ Мистеромъ Вилльямомъ Леграндомъ. Онъ происходилъ изъ старой Гугенотской семьи, и нѣкогда былъ богатъ; но рядъ злключеній привелъ его къ нищетѣ. Дабы избѣгнуть униженій, слѣдствующихъ за разореніемъ, онъ покинулъ Новый Орлеанъ, городъ своихъ предковъ, и поселился на островѣ Сюлливана, близъ Чарльстона, въ Южной Каролинѣ.

Островъ этотъ весьма особенный. Почти весь онъ состоитъ изъ морского песку и имѣетъ приблизительно около трехъ миль въ длину, ширина его нигдѣ не достигаетъ болѣе четверти мили. Отъ материка онъ отдѣленъ еле замѣтной бухточкой, которая пролагаетъ себѣ путь, просачиваясь сквозь иль и глухія заросли камыша, обычное мѣстопробываніе болотныхъ курочекъ. Растительность здѣсь, какъ и можно было бы предполагать, скудная, или во всякомъ случаѣ карликовая. Нѣтъ тамъ деревьевъ сколько нибудь значительной величины. На западной окраинѣ, тамъ, гдѣ находится крѣпость Моольтри и нѣсколько жалкихъ деревянныхъ строеній, обитаемыхъ въ теченіи лѣта бѣглецами изъ Чарльстона, укрывшихся отъ пыли и лихорадокъ, можно встрѣтить колючую пальмочку; но весь островъ, за исключеніемъ этого западнаго пункта и

линіи суроваго бѣлаго побережья, покрыть густыми зарослями душистою мирты, столь цѣнимою Англійскими садоводами. Кустарникъ часто достигаетъ здѣсь вышины пятнадцати-двадцати футовъ, и образуетъ поросль, почти непроницаемую, и наполняющую воздухъ прянымъ своимъ ароматомъ.

Въ самой глубинѣ этой чащи, недалеко отъ восточной окраинѣ острова, т. е. самой отдаленной, Леграндъ собственноручно построилъ себѣ маленькую хижину, въ которой онъ жилъ, когда впервые, совершенно случайно, я познакомился съ нимъ. Это знакомство вскорѣ выросло въ дружбу — такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ отшельникѣ было что-то, что могло возбудить интересъ и уваженіе. Я увидѣлъ, что онъ былъ хорошо воспитанъ, обладалъ необычными силами ума, но зараженъ былъ чловѣконенавистничествомъ и подверженъ болѣзненнымъ смѣнамъ восторга и меланхоліи. У него было съ собою много книгъ, но онъ рѣдко пользовался ими. Его главнымъ развлеченіемъ было охотиться и ловить рыбу, или бродить вдоль бухты и среди миртъ, въ поискахъ за раковинами и энтомологическими образцами; — его коллекціи этихъ послѣднихъ могъ бы позавидовать всякій Сваммердамъ. Въ этихъ экскурсіяхъ его обыкновенно сопровождалъ старый негръ, называвшійся Юпитеромъ, который былъ отпущенъ на свободу раньше злополучнаго переворота въ семьѣ, но ни угрозы, ни обѣщанія не могли заставить его отказаться отъ того, что онъ почиталъ своимъ правомъ — по пятамъ слѣдовать всюду за своимъ юнымъ „массой Виллемъ“ *). Вполнѣ вѣроятно, что родственники Легранда, считавшіе его немного тронутымъ, согласились примириться съ упрямствомъ Юпитера, имѣя въ виду,

---

*) „Massa Will“, т. е. „Master William“, Хозяинъ Вилльямъ, или Господи́нъ Вилльямъ. *К. В.*

оставить его какъ бы стражемъ и надсмотрщикомъ за бѣглецомъ. На той широтѣ, гдѣ лежитъ островъ Сюлливана, зимы рѣдко бываютъ суровыми, и даже на исходѣ года это — рѣдкое событіе, что возникаетъ необходимость топтать. Однако, около половины Октября 18 — выдался день необычайно холодный. Передъ самымъ закатомъ солнца я пробирался сквозь вѣчнозеленую чащу къ хижинѣ моего друга, котораго не видалъ уже нѣсколько недѣль. Я обиталъ въ то время въ Чарльстонѣ, въ девяти миляхъ отъ острова, и путь туда и обратно былъ сопряженъ съ меньшими удобствами, чѣмъ въ настоящее время. Подойди къ хижинѣ, я постучался, какъ обыкновенно, и, не получая отвѣта, сталъ искать ключъ тамъ, гдѣ, какъ я зналъ, онъ былъ спрятанъ, отперъ дверь и вошелъ. Яркій огонь пылалъ въ очагѣ. Это было неожиданностью и отнюдь не непріятной. Я сбросилъ пальто, придвинулъ кресло къ потрескивающимъ дровамъ, и сталъ терпѣливо дожидаться прибытія моихъ хозяевъ.

Они пришли вскорѣ послѣ наступленія сумерекъ, и встрѣтили меня самымъ радушнымъ образомъ. Юпитеръ, смѣясь и раскрывая ротъ до ушей, хлопоталъ надъ изготовленіемъ болотныхъ курочекъ къ ужину. Леграндъ находился въ одномъ изъ своихъ припадковъ, — какъ иначе могу я назвать это? — восторга. Онъ нашелъ невѣдомую двусторчатую раковину, образующую новый родъ, и, еще лучше того, съ помощью Юпитера онъ ловилъ и изловилъ жука, *скарабея*, который, какъ онъ утверждалъ, былъ совсѣмъ новымъ, и о которомъ ему хотѣлось узнать мое мнѣніе на завтра.

„А почему же не сегодня вечеромъ?“ спросилъ я, потирая руки передъ огнемъ и мысленно посылая къ чорту всю породу жуковъ.

„Ахъ, если бы я только зналъ, что вы здѣсь!“ сказалъ Леграндъ, „но такъ давно уже, что я не видалъ

вась; и какъ могъ я предвидѣть, что изъ всѣхъ ночей вы выберете именно сегодняшнюю, чтобы посѣтить меня. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ лейтенанта Г.—, изъ крѣпости, и поступилъ легкомысленно, одолживъ ему жука; потому-то вамъ и не придется увидеть его ранѣе завтрашняго утра. Оставайтесь здѣсь эту ночь, а я пошлю за нимъ Юпитера на восходѣ солнца. Это самое чудесное, что есть въ мірозданіи!“

„Что!—восходѣ солнца?“

„Да нѣтъ же!—нонсенсъ!—жукъ! Онъ блестящаго золотого цвѣта, величины приблизительно съ большой орѣхъ, съ двумя черными, какъ смоль, пятнышками на одномъ концѣ спины, и съ пятномъ еще побольше на другомъ концѣ. *Усики* у него“...

„Что тамъ *усики*, Масса Вилль, не въ усикахъ, доложу вамъ, дѣло“, прервалъ его тутъ Юпитеръ; „этотъ жукъ—золотой жукъ, изъ чистаго золота, весь цѣликомъ и внутри, и всюду, только не крылья.—Я въ жизни своей не видѣлъ жука даже и на половину такой тяжести“.

„Хорошо, положимъ, что ты правъ, Юпи“, сказала Леграндъ, нѣсколько болѣе серьезно, какъ миѣ показалось, чѣмъ того требовалъ случай, „но все же это не причина, чтобы ты сжегъ дичь? Достаточно цвѣта его“—тутъ онъ обратился ко миѣ—„для того, чтобы подтвердить миѣніе Юпитера. Вы никогда не видали металлическаго блеска болѣе ослѣпительнаго, чѣмъ блескъ его надкрыльевъ.—Но объ этомъ вы не можете судить до завтра. А пока я постараюсь дать вамъ нѣкоторое понятіе о его формѣ“. Говоря это, онъ усѣлся за небольшимъ столомъ, на которомъ было перо и чернила, но бумаги не было. Онъ поискалъ ее въ ящикѣ, но не нашелъ.

„Не беспокойтесь“, сказалъ онъ наконецъ, „этого будетъ достаточно“; и онъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана клочекъ чего-то, что показалось миѣ кускомъ очень грязнаго пергамента, и сдѣлалъ на немъ очень грубый набросъ

сокъ перомъ. Пока онъ былъ занятъ этимъ, я продолжалъ сидѣть у огня, такъ какъ мнѣ все еще было очень холодно. Когда рисунокъ былъ оконченъ, онъ протянулъ мнѣ его, не вставая. Въ то время какъ я бралъ его, слышалось громкое рычаніе, сопровождавшееся царпаньемъ въ дверь. Юпитеръ открылъ ее, и огромная Ньюфаундлендская собака, принадлежащая Легранду, ворвалась въ комнату, бросилась мнѣ на плечи и стала осыпать меня своими ласками, такъ какъ въ предыдущія свои посѣщенія я выказалъ ей много вниманія. Когда ея прыжки кончились, я посмотрѣлъ на бумагу и, сказать правду, былъ немало озадаченъ тѣмъ, что нарисовалъ мой другъ.

„Хорошо!“ сказалъ я, послѣ того какъ смотрѣлъ на рисунокъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, „долженъ признаться: *это* престранный *скарабей*, для меня онъ совсѣмъ новый. Я не видалъ ничего даже подобнаго ему — развѣ только черепъ, или мертвую голову — на которыя онъ походить болѣе, чѣмъ на что другое, что *мнѣ* случилось наблюдать.

„На мертвую голову!“ повторилъ Леграндъ, какъ эхо. — „О, да, конечно, есть что-то на это похожее, несомнѣнно. Два верхнія черныя пятна смотрятъ какъ глаза, да? а болѣе продолговатое, ниже, какъ ротъ, правда, — и затѣмъ форма всего — овальна“.

„Можетъ быть это такъ“, сказалъ я; „но я боюсь, Леграндъ, что вы не художникъ. Я долженъ подождать, пока не увижу самого жука, если мнѣ нужно составить какое-нибудь представленіе о его внѣшнемъ видѣ“.

„Хорошо“, сказалъ онъ, нѣсколько задѣтый, „я не знаю, я рисую порядочно — по крайней мѣрѣ долженъ былъ бы хорошо рисовать, такъ какъ у меня были хорошіе учителя, и я льщу себя надеждой, что ужь не совсѣмъ я тупоголовый“.

„Но, мой милый другъ“, сказалъ я, „вы шутите тогда; это довольно удачный *черепъ*, могу сказать даже — *прево-*

сходный черепъ, согласующійся съ общими представленіями о такихъ физиологическихъ образцахъ—и вашъ жукъ былъ бы самымъ удивительнымъ изъ всѣхъ жуковъ въ мірѣ, если бы онъ походилъ на это. Что же, мы могли бы извлечь изъ такого намека весьма сердцевинательное сужевіе. Я предполагаю, что вы назовете ваше насѣкомое *scarabaeus caput hominis*, жукъ человѣческая голова, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ книгахъ по Естественной Исторіи много подобныхъ названій. Но гдѣ *усики*, о которыхъ вы говорили?”

„Усики!“ сказалъ Леррандъ, который, какъ казалось, безъ причины горячился по поводу данного предмета; я увѣренъ, вы должны видѣть *усики*. Я сдѣлалъ ихъ такими же явственными, какъ у настоящаго жука, и я думаю этого вполне достаточно“.

„Хорошо, хорошо“, сказалъ я, „быть можетъ вы сдѣлали ихъ—но все же я ихъ не вижу“. И я протянулъ ему бумагу, не прибавивъ ничего больше, ибо не желалъ окончательно вывести его изъ себя; все же я былъ очень озадаченъ оборотомъ дѣла; я былъ ошеломленъ его дурнымъ настроеніемъ - что же касается жука, то, положительно, на немъ не было видно *усиковъ*, и общій видъ имѣлъ очень большое сходство съ мертвой головой.

Онъ взялъ обратно свою бумагу съ очень недовольнымъ видомъ, и готовъ былъ скомкать ее, очевидно, чтобы бросить въ огонь, когда случайный взглядъ, брошенный имъ на рисунокъ, какъ казалось, внезапно приковалъ его вниманіе. Въ одинъ мигъ лицо его сильно покраснѣло—потомъ страшно поблѣднѣло. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ онъ продолжалъ подробно изучать рисунокъ. Наконецъ онъ всталъ, взялъ со стола свѣчу, и отправился въ самый отдаленный конецъ комнаты, гдѣ усѣлся на корабельномъ сундукѣ. Здѣсь онъ снова началъ съ взволнованнымъ любопытствомъ разсматривать бумагу, поворачивая ее во всѣ стороны. Онъ ничего не говорилъ, однако,

и его поведение весьма изумляло меня; но я считалъ бла-
го разумнымъ не обострять возростающей его капризности
какимъ-либо замѣчаніемъ. Вдругъ онъ вынулъ изъ боко-
вого кармана портфель, бережно положилъ туда бумагу,
и, спрятавъ все въ письменный столъ, заперъ его на
ключъ. Теперь онъ сдѣлался спокойнѣе въ своихъ мане-
рахъ, но прежній видъ восторга совершенно его покинулъ.
Однако, онъ казался не столько сердитымъ, сколько со-
средоточеннымъ. Чѣмъ болѣе надвигался вечеръ, тѣмъ
болѣе и болѣе погружался онъ въ мечтательность, изъ
которой никакая моя жпвость, ни шутка не могла его вы-
вести. У меня было намѣреніе провести ночь въ хижинѣ,
какъ это часто случалось раньше, но, видя настроеніе, въ
въ которомъ находился мой хозяинъ, я счелъ за лучшее
распрощаться съ нимъ. Онъ не сдѣлалъ никакого движенія,
чтобы удержать меня, но, когда я уходилъ, пожалъ мнѣ
руку даже болѣе сердечно, чѣмъ обыкновенно.

Прошло около мѣсяца послѣ этого (и за это время я
ничего не слышалъ о Леграндѣ), какъ вдругъ въ Чарль-
стонѣ меня посѣтилъ его слуга, Юпитеръ. Я никогда не
видалъ стараго добраго негра такимъ разстроеннымъ, и
испугался, не случилось ли съ моимъ другомъ какого-либо
серьезнаго несчастія.

„Ну какъ, Юпи?“ сказала я, „что новаго?—Какъ пожи-
ваетъ вашъ господинъ?“

„Сказать правду, Масса, ему совсѣмъ не такъ хорошо,
какъ могло бы быть“.

„Нехорошо! Мнѣ очень прискорбно слышать это. На
что же онъ жалуется?“

„Вотъ то-то и оно!—онъ никогда не жалуется ни на
что, а все же онъ очень боленъ“.

„Очень боленъ, Юпи!—что же вы не сказали мнѣ этого
сразу? Онъ въ постели?“

„Нѣтъ, не то, что онъ тамъ!—его нигдѣ не найти“.

вотъ тутъ-то ногѣ и больно. Сильно мое сердце беспокоитъ бѣдный Масса Вилль“.

„Юпитеръ, я хотѣлъ бы понять хоть сколько-нибудь то, о чемъ вы говорите. Вы сказали, что хозяинъ вашъ боленъ. Развѣ онъ не сказалъ вамъ, что у него болитъ?“

„Ахъ, Масса, совсѣмъ напрасно ломать себѣ голову надъ этимъ—Масса Вилль говоритъ ничего съ нимъ—почему же онъ бродитъ тогда взадъ и впередъ задумавшись, смотря себѣ подъ ноги, повѣсивъ голову, и поднявъ плечи, и бѣлый, какъ гусь? И потомъ, онъ все дѣлаетъ цифры“.

„Что онъ дѣлаетъ, Юпитеръ?“

„Дѣлаетъ цифры съ фигурами на грифельной доскѣ—самыми смѣшными фигурами, какія я только видѣлъ. Скажу вамъ, это начинаетъ меня пугать. За нимъ ну-женъ глазъ да глазъ. Тутъ вотъ на-дняхъ онъ сбѣжалъ отъ меня до зари и пропадалъ весь Божій день. Я нарочно вырѣзалъ хорошую палку, чтобы проучить его хорошенько, когда онъ вернется—только я дуракъ—не могъ рѣшиться—такой онъ былъ жалкій на видъ“.

„Ну—и что же?—Да, послѣ всего я думаю, вамъ лучше не быть слишкомъ строгимъ съ бѣднягой.—Ужь не бейте его, Юпитеръ,—пожалуй, онъ бы и не вынесъ этого—но не можете ли вы установить, чтó вызвало его недугъ, или эту перемѣну съ нимъ? Съ нимъ случилась какая-нибудь неприятность съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ васъ?“

„Нѣтъ, Масса, съ того дня ничего страшнаго не случилось—боюсь это случилось *раньше*—какъ разъ въ тотъ день, когда вы были тамъ“.

„Какъ? Что вы хотите сказать?“

„Да вотъ, Масса, хочу сказать про жука—вотъ и все“.

„Про что?“

„Про жука—увѣренъ я, твердо увѣренъ, что Масса Вилль былъ укушенъ куда-нибудь въ голову этимъ золотымъ жукомъ“.

„Какое же основаніе у васъ, Юпитеръ, для этого предположенія?“

„Клешней довольно, Масса, и рта еще въ прибавку. Никогда я не видывалъ такого чертовскаго жука—онъ толкается ногами и кусаетъ все, что ни подойдетъ къ нему. Масса Вилль поймалъ его скоро, да тотчасъ же и выпустилъ. Скажу вамъ—тогда-то онъ и былъ укушенъ. Ротъ у этого жука—вотъ что мнѣ не нравится ужь очень. Самъ я потому пальцами взять его не захотѣлъ, а въ кусочекъ бумажки поймалъ, которую нашель. Завернулъ его въ бумагу и кусочекъ засунулъ ему въ ротъ—вотъ какъ было дѣло“.

„И вы думаете, что дѣйствительно вашъ господинъ былъ укушенъ жукомъ, и что онъ захворалъ отъ укуса?“

„Я ничего не думаю объ этомъ—я знаю это. Что же его тогда заставляетъ все видѣть во снѣ золото, ежели это не золотой жукъ его укусилъ? Я ужь и раньше слыхалъ объ этихъ золотыхъ жукахъ“.

„Но откуда вы знаете, что ему снится золото?“

„Откуда я знаю? Потому что онъ говоритъ объ этомъ во снѣ—вотъ откуда я это знаю“.

„Хорошо, Юпи, можетъ быть вы и правы, но какой счастливой случайности я обязанъ чести вашего сегодняшняго посѣщенія?“

„Въ чемъ дѣло, Масса?“

„У васъ какое нибудь порученіе ко мнѣ отъ Мистера Легранда?“

„Нѣтъ, Масса, у меня нѣтъ какого-нибудь порученія, а вотъ есть это письмо“, и Юпитеръ вручилъ мнѣ записку, въ которой было слѣдующее:

„Мой дорогой!

„Отчего я не видалъ васъ такъ долго? Надѣюсь, вы не были настолько безразсудны, чтобы обидѣться на нѣкоторую мою рѣзкость; но нѣтъ, это невѣроятно.

„За то время, что я не видалъ васъ, у меня было много причинъ для безпокойства. Мнѣ нужно сообщить вамъ нѣчто, но не знаю, какъ вамъ это сказать, и даже нужно ли вообще говорить.

„Въ теченія нѣсколькихъ дней я былъ не совсѣмъ здоровъ, и мой бѣдный старикъ Юпи надоѣдаетъ мнѣ, почти до нестерпимости, своими добрыми заботами. Повѣрите ли?— на дняхъ онъ принесъ огромную палку, дабы наказать меня за то, что я улизнулъ отъ него, и провелъ день *solus*, въ полномъ одиночествѣ, среди холмовъ на материкѣ. И по-истинѣ я думаю, что только мой больной видъ спасъ меня отъ палочныхъ ударовъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ мы не видѣлись, я не прибавилъ ничего новаго къ своей коллекціи.

„Если вы можете, устройтесь какимъ-нибудь образомъ, приходите сюда съ Юпитеромъ. *Приходите*. Я хочу видѣть васъ *сегодня же вечеромъ*, по очень важному дѣлу. Увѣрю васъ, что дѣло это *величайшей* важности.— Всегда вашъ,

Вилльямъ Леграндъ“.

Въ тонѣ этой записки было что-то, что заставило меня очень обезпокоиться. Весь ея стиль совершенно отличался отъ обычной манеры Легранда. О чемъ могъ онъ мечтать? Какая новая причуда овладѣла его легко возбуждающимся мозгомъ? Какое такое „дѣло величайшей важности“ могло у него быть? Разсказъ Юпитера не предвѣщаль ничего добраго. Я боялся, что постоянное давленіе несчастій въ концѣ концовъ разстроило разумъ моего бѣднаго друга. Потому, не колеблясь ни минуты, я сталъ собираться, чтобы сопровождать негра.

Придя къ берегу, я замѣтилъ косу и три лопаты, по-видимому совершенно новыя, лежавшія на днѣ лодки, въ которой мы должны были отплыть.

„Что все это значитъ, Юпи?“ спросилъ я.

„Это коса для него, Масса, и лопаты“.

„Совершенно вѣрно; но зачѣмъ они тутъ?“

„Косу и лопаты Масса Вилль велѣлъ купить мнѣ для него въ городѣ. И чортъ знаетъ сколько за нихъ денегъ я долженъ былъ дать“.

„Но во имя всего таинственнаго, что же вашъ „Масса Вилль“ хочетъ дѣлать съ этими косами и лопатами?“

„А ужъ *этого-то* я не знаю, и чортъ меня побери, если онъ самъ это знаетъ. Но это все пришло отъ жука“.

Видя, что мнѣ ничего не добиться отъ Юпитера, вся мысль котораго, казалось, поглощена была „жукомъ“, я шагнулъ въ лодку и развернулъ парусъ. Съ попутнымъ сильнымъ вѣтромъ мы быстро вошли въ небольшой заливъ къ сѣверу отъ крѣпости Моольтри, и, сдѣлавъ переходъ мили въ двѣ, пришли къ хижинѣ.

Было около трехъ часовъ пополудни, когда мы прибыли. Леграндъ ждалъ насъ въ сильномъ нетерпѣннн. Онъ сжалъ мнѣ руку съ нервной стремительностью, которая встревожила меня и подтвердила мои уже возникшія опасенія. Лицо его было блѣдно даже до прозрачности, и его глубоководящіе глаза сверкали неестественнымъ блескомъ. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ касательно его здоровья, я спросилъ его, не зная, о чемъ лучше заговорить, получилъ ли онъ жука отъ лейтенанта Г.—

„О, да“, отвѣтилъ онъ сильно покраснѣвъ, „я взялъ его обратно на слѣдующее же утро. Ни за что теперь не разстанусь я съ этимъ *скарабеемъ*. Знаете, Юпитеръ совершенно правъ относительно него!“

„Какимъ образомъ?“ спросилъ я съ дурнымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.

„Предполагая, что это жукъ изъ *настоящаго золота*“.

Онъ сказалъ это съ видомъ такой глубокой серьезности, что я почувствовалъ себя невыразимо угнетеннымъ.

„Этотъ жукъ составитъ мою fortuna“, продолжалъ онъ

съ торжествующей улыбкой, „ему предназначено возстановить меня въ моихъ фамильныхъ владѣнiяхъ. Удивительно ли поэтому, что я такъ дорожу имъ? Если судьба сочла за нужное даровать мнѣ его, мнѣ нужно только надлежащимъ образомъ имъ воспользоваться, и я достигну золота, указателемъ котораго онъ является. Юпитеръ, принеси мнѣ этого *скарабея*“!

„Что! Жука, Масса? Не очень-то мнѣ хочется трогать его—возьмите-ка ужь его себѣ сами“. Тогда Леграндъ всталъ съ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ, и принесъ мнѣ насѣкомое изъ-подъ стекляннаго колпака, подъ которымъ оно находилось. Это былъ красивый *скарабей*, въ то время совершенно еще неизвѣстный естествоиспытателямъ—съ научной точки зрѣнiя, конечно, большая цѣнность. У него было два круглыя черныя пятна на одномъ концѣ спины, и другое, болѣе продолговатое, ближе къ другому краю. Надкрылья были особенно тверды и глянцевиты, и были очень похожи на блестящее золото. Вѣсь насѣкомаго былъ весьма примѣчательный, и, принимая все это въ соображенiе, я не могъ слишкомъ осуждать Юпитера за его мнѣнiе касательно жука; но что касается того, что Леграндъ былъ согласенъ съ этимъ мнѣнiемъ, почему онъ это дѣлалъ, я никоимъ образомъ не могъ бы этого сказать.

„Я послалъ за вами“, сказалъ онъ какимъ-то высоко-торжественнымъ тономъ, когда я кончилъ разсматривать жука. „Я послалъ за вами, чтобы спросить вашего совѣта и помощи для исполненiя предначертанiй Провидѣнiя и жука“.

„Мой дорогой Леграндъ“, воскликнулъ я, прерывая его, „вы навѣрное нездоровы, и вамъ нужно было бы принять какiя-нибудь мѣры. Ложитесь въ постель, а я останусь съ вами нѣсколько дней, пока вы не поправитесь. У васъ жаръ и—“.

„Пощупайте мой пульсъ“, сказалъ онъ.

Я пощупалъ его пульсъ и, по правдѣ сказать, не нашелъ никакого признака жара.

„Но вы можете быть больны и безъ жара. Позвольте мнѣ хоть разъ подать вамъ настоятельный совѣтъ. Прежде всего лягте въ постель. Затѣмъ—“.

„Вы ошибаетесь“, прервалъ онъ, „мнѣ хорошо, насколько это можетъ быть при томъ возбужденіи, въ какомъ я нахожусь. Если вы дѣйствительно желаете мнѣ блага, то вы захотите облегчить это возбужденіе“.

„А какъ это сдѣлать?“

„Очень просто. Юпитеръ и я, мы отправляемся въ нѣкоторую экспедицію въ холмы, на материкъ, и въ этой экспедиціи намъ понадобится помощь такого лица, на которое мы можемъ вполне положиться. Вы единственный, кому мы доверяемъ. Удастся ли намъ это, нѣтъ ли, но то возбужденіе, которое вы видите во мнѣ, во всякомъ случаѣ утихнетъ“.

„Я очень хочу служить вамъ во всемъ“,—отвѣтилъ я;— „но можете ли вы сказать, имѣетъ ли этотъ дьявольскій жукъ какое-либо отношеніе къ вашей экспедиціи въ холмы?“

„Да, имѣетъ“.

„Въ такомъ случаѣ, Леграндъ, я не могу принять участія въ столь нелѣпномъ предпріятіи“.

„Мнѣ жаль—очень жаль—такъ какъ намъ придется предпринять это однимъ“.

„Попытаться предпринять это однимъ! Человѣкъ этотъ поистинѣ безуменъ!—но постойте!—сколько времени вы думаете отсутствовать?“

„Вѣроятно, всю ночь. Мы выйдемъ сейчасъ же, и возвратимся во всякомъ случаѣ съ восходомъ солнца“.

„А можете ли вы обѣщать мнѣ вашею честію, что, когда пройдетъ вашъ капризь, и дѣло съ жукомъ (Господи Боже мой!) будетъ улажено къ вашему удоволь-

ствію, вы вернетесь домой и будете въ точности слѣдовать моимъ совѣтамъ, какъ если бы я былъ вашимъ врачомъ?”

„Да, я общаю; а теперь идемъ, ибо намъ нельзя терять времени“.

Съ тяжелымъ сердцемъ я послѣдовалъ за моимъ другомъ. Мы вышли около четырехъ часовъ — Леграндъ, Юпитеръ, собака, и я. Юпитеръ взялъ съ собой косу и лопаты, которыя онъ захотѣлъ непременно нести самъ, какъ мнѣ показалось, больше изъ боязни отдать одинъ изъ этихъ инструментовъ своему господину, чѣмъ отъ избытка усердія или услужливости. Онъ былъ золъ и упрямъ до крайности, и единственныя слова, которыя вырвались у него во время всей этой прогулки, были: „Этотъ проклятый жукъ!“ Что касается меня, мнѣ были поручены два потайные фонаря, между тѣмъ какъ Леграндъ удовольствовался *скарabeeмъ*, который былъ привязанъ на бичевкѣ; онъ крутилъ ее, размахивая ей назадъ и впередъ, пока шелъ, съ видомъ заклинателя. Когда я замѣтилъ этотъ послѣдній признакъ безумія моего друга, я съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ. Я думалъ, что во всякомъ случаѣ лучше потакать его капризу, по крайней мѣрѣ теперь, или до тѣхъ поръ, пока я не смогу принять какія-либо болѣе энергичныя мѣры съ надеждой на успѣхъ. Между тѣмъ я старался, но совершенно напрасно, выпытать у него, что за цѣль нашей экскурсіи. Послѣ того какъ ему удалось убѣдить меня сопровождать его, онъ, казалось, не хотѣлъ поддерживать разговора о чемъ-нибудь менѣе важномъ, и на всѣ мои вопросы не удостоивалъ меня другимъ отвѣтомъ, кромѣ какъ „Мы увидимъ!“

Мы пересѣкли на яликѣ бухту у крайняго выступа острова, и, взбираясь на высоту противоположнаго берега материка, направились къ сѣверо-западу черезъ мѣстность страшно дикую и пустынную, гдѣ не видно было слѣдовъ человѣческой ноги. Леграндъ шелъ очень рѣшительно,

останавливался пзрѣдка то тутъ, то тамъ для того, чтобы сообразоваться съ нѣкоторыми, какъ казалось, его собственными вѣхами, поставленными имъ здѣсь раньше.

Мы шли такъ приблизительно около двухъ часовъ, и солнце какъ разъ заходило, когда мы вошли въ область еще болѣе мрачную, чѣмъ та, какую мы когда-либо доселѣ видѣли. Это было что-то въ родѣ плоскогорья, вблизи вершины почти недоступнаго холма, покрытаго густымъ лѣсомъ сверху до низу, тамъ и сямъ въ безпорядкѣ были разсѣяны огромныя глыбы, они лежали, повидному, непрочю на землѣ, и нерѣдко должны были бы упасть внизъ въ долину, если бы ихъ не задерживали деревья, въ которыя они упирались. Глубокіе овраги вились во всѣхъ направленіяхъ и придавали этой картинѣ характеръ еще болѣе мрачной торжественности.

Природная площадка, до которой мы вскарабкались, густо заросла кустами терновника, черезъ нихъ (мы увидѣли это тотчасъ) намъ было бы невозможно пробраться безъ косы; и Юпитерь, подъ руководствомъ своего господина, сталъ прочищать для насъ дорожку къ подножію исполински высокаго тюльпаннаго дерева, которое возвышалось среди восьми или десяти дубовъ, находившихся на одномъ съ нимъ уровнѣ, и превосходило ихъ всѣ на много, а также и всѣ другія деревья, которыя я до того времени видѣлъ, красотою листвы и формы, широкимъ распространеніемъ своихъ вѣтвей, и общимъ величественнымъ видомъ. Когда мы приблизились къ дереву, Леграндъ обернулся къ Юпитеру, и спросилъ его, думаетъ ли онъ, что онъ можетъ на него взобраться. Бѣдный старикъ, казалось, былъ слегка ошеломленъ этимъ вопросомъ, и нѣсколько мгновеній ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, онъ приблизился къ огромному стволу, медленно обошелъ его кругомъ, и осмотрѣлъ съ тщательнымъ вниманіемъ. Когда онъ окончилъ свое изслѣдованіе, онъ сказалъ просто:

„Да, Масса, Юпи взберется на любое дерево, какое онъ когда либо въ жизни видѣлъ“.

„Такъ взбирайся и скорѣе, а то скоро совсѣмъ стемнѣетъ, и намъ ничего не будетъ видно“.

„Какъ высоко нужно мнѣ влѣзть, Масса?“ спросилъ Юпитеръ.

„Взбирайся по главному стволу сначала, а потомъ я скажу тебѣ, куда направиться—послушай—стой! Возьми этого жука съ собою“.

„Жука, Масса Вилль! — Золотого жука!“—воскликнулъ негръ, пятясь назадъ въ страхѣ, „для чего мнѣ нужно брать жука на дерево? Да будь я проклятъ, если я это сдѣлаю!“

„Если ты боишься, Юпи, большой пребольшой негръ, какъ ты, взять въ руку безвреднаго маленькаго мертваго жука—что жъ, ты можешь держать его на бичевкѣ—но, если ты не возьмешь его съ собою такъ или иначе, я буду принужденъ размозжить тебѣ голову вотъ этой лопатой“.

„Что-же тутъ разговаривать, Масса?“ сказалъ Юпи, очевидно пристыженный до согласія; „всегда вамъ нужно поднять шумъ, когда вы говорите со старымъ негромъ. Пошутить вѣдь я только. Мнѣ бояться жука! Буду я думать о жукѣ!“ Тутъ онъ осторожно взялся за самый крайній конецъ бичевки, и, держа насѣкомое такъ далеко отъ своей особы, какъ только это позволяли обстоятельства, приготовился влѣзть на дерево.

Въ молодости, тюльпанное дерево, *Liliodendron Tulipiferum*, самое великолѣпное изъ Американскихъ лѣсныхъ деревьевъ, имѣетъ стволъ необычайно гладкій, и нерѣдко поднимается на большую высоту безъ боковыхъ вѣтвей; но въ зрѣломъ его возрастѣ, кора его дѣлается неровной и сучковатой, ибо на стволѣ появляется множество короткихъ вѣтвей. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, взобраться на него казалось болѣе труднымъ, нежели

это было на самомъ дѣлѣ. Обхватывая огромный цилиндръ насколько возможно плотнѣе руками и колѣнями, придерживаясь руками за одни выступы и становясь босыми ногами на другіе, Юпитеръ послѣ одной или двухъ неудачныхъ попытокъ, едва-едва не свалпвшись, вскарабкался, наконецъ, на первое большое развѣтвленіе, и, казалось, считалъ, что все дѣло по существу уже закончено. Рискъ этого свершенія дѣйствительно теперь миновалъ, хотя все же влѣзавшій находился на высотѣ шестидесяти или семидесяти футовъ отъ земли.

„Въ какую мнѣ теперь сторону идти, Масса Вилль?“ спросилъ онъ.

„Слѣдуй по самой толстой вѣтви—по той, что съ этой стороны“, сказалъ Леграндъ. Негръ повиновался ему сразу, и, повидимости, лишь съ малыми затрудненіями, поднимаясь все выше и выше, пока наконецъ совсѣмъ нельзя было различать его мелькавшую скорчившуюся фигуру среди густой листвы, закрывавшей его. Теперь его голосъ былъ слышенъ какъ нѣкоторое ауканье.

„Сколько еще мнѣ нужно дальше?“

„Какъ высоко ты находишься?“ спросилъ Леграндъ.

„Такъ высоко“, отвѣчалъ негръ, „что могу вдѣтъ небо сквозь вершину дерева“.

„Не занимайся небомъ, а слушай внимательно, что я тебѣ скажу. Посмотри внизъ на стволъ и сосчитай сучья которыя подъ тобой съ этой стороны. Сколько сучьевъ ты миновалъ?“

„Разъ, два, три, четыре, пять—я влѣзъ выше пяти толстыхъ сучьевъ съ этой стороны“?

„Тогда подпнись еще на одинъ сукъ выше“.

Черезъ нѣсколько мнута снова послышался голосъ, возвѣщавшій, что седьмой сукъ былъ достигнутъ.

„Теперь, Юпи“, вскричалъ Леграндъ видимо сильно взволнованный „я бы хотѣлъ, чтобы ты продвинулся по

этому суку впередь, насколько только ты сможешь. Если ты увидишь что-нибудь необыкновенное, дай мнѣ знать“.

За это время то маленькое сомнѣніе, которое я еще старался сохранить относительно сумасшествія моего бѣднаго друга, оставило меня окончательно. Я не могъ не сдѣлать заключенія, что онъ пораженъ безуміемъ, и началъ серьезно беспокоиться о томъ, какъ бы увести его домой. Въ то время какъ я раздумывалъ, что лучше предпринять, голосъ Юпитера послышался снова.

„Очень страшно идти дальше по этому суку—этотъ сукъ сухой весь до конца“.

„Ты говоришь, что это *сухой* сукъ, Юпитеръ?“ вскричалъ Леграндъ дрожащимъ голосомъ.

„Да, Масса, онъ сухъ, какъ дверной гвоздь—пропащес дѣло—тутъ ужъ жизни нѣтъ никакой“.

„Боже мой, Боже мой, что же мнѣ дѣлать?“ спросилъ Леграндъ, повидимому, въ большой тревогѣ.

„Что дѣлать?“ сказалъ я обрадованный случаемъ вставить слово, „вернуться домой и лечь спать. Пойдемъ теперь—будьте добрымъ товарищемъ. Становится поздно, и притомъ вспомните ваше обѣщаніе“.

„Юпитеръ“, закричалъ онъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, „ты слышишь меня?“

„Да, Масса Вилль, я слышу васъ все такъ же ясно“.

„Тогда попробуй дерево твоимъ ножомъ, и посмотри, думаешь ли ты, что сукъ *очень* гнилой“.

„Гнилой, Масса, препорядочно гнилой“, отвѣтилъ черезъ нѣсколько мгновеній негръ, „но не настолько ужъ гнилой, какъ могъ бы быть. Могу попытаться пройти немножко дальше по суку одинъ—это вѣрнѣе“.

„Одинъ!—Что ты хочешь сказать?“

„Да что же—я говорю о жукѣ. *Ужасно* тяжелый этотъ жукъ. Если бы я его бросилъ, тогда сукъ выдержалъ бы, не ломаясь, какъ разъ вѣсъ одного негра“.

„Вотъ чортовъ плуть“, воскликнулъ Леграндъ, повиди-

тому, весьма облегченный, „что ты хочешь сказать этимъ вздоромъ? Если ты только бросишь жука, я сверну тебѣ шею. Смотри же, Юпитеръ, ты слышишь меня?“

„Дя, Масса, никакой нѣтъ надобности кричать такимъ манеромъ на бѣднаго негра“.

„Хорошо! теперь слушай!—если ты рѣшишься пойти по суку впередъ, не рискуя, такъ далеко, какъ только ты сможешь, и не бросишь жука—я подарю тебѣ серебряный долларъ тотчасъ же, какъ ты слѣзешь“.

„Иду, иду, масса Вилль—вотъ я ужъ тутъ“, отвѣтилъ весьма поспѣшно негръ, „—я почти что на самомъ концѣ теперь“.

„*На самомъ концѣ!*“ пронзительно прокричалъ Леграндъ. „Ты хочешь сказать, что ты на самомъ концѣ этого сука?“

„Скоро буду на концѣ, Масса,—о-о-о-о-охъ! Господи Боже мой! Что *это* тутъ на деревѣ!“

„Ну“, закричалъ Леграндъ съ великой радостью, „что такое?“

„Да ничего—только тутъ черепъ—кто-то оставилъ свою голову здѣсь на деревѣ, и вороны склевали все мясо до кусочка“.

„Черепъ, ты говоришь!—хорошо—какъ онъ прикрѣпленъ на суку?—какъ онъ на немъ держится?“

„Хорошо держится, Масса; нужно посмотреть. Очень это удивительно, честное слово—тутъ большой толстый гвоздь въ черепѣ, онъ-то его и держитъ на деревѣ“.

„Хорошо, Юпитеръ, сдѣлай все такъ, какъ я скажу—ты слышишь?“

„Да, Масса“.

„Теперь будь внимателенъ!—найди лѣвый глазъ у черепа“.

„Гмъ! Гу! вотъ хорошо! тутъ совсѣмъ нѣтъ лѣваго глаза“.

„Будь проклята твоя глупость. Можешь ты отличить свою правую руку отъ лѣвой?“

„Да, знаю—все это я знаю—моя лѣвая рука та, которой я надрѣзалъ дерево“.

„Навѣрное! ты лѣвша; и лѣвый твой глазъ съ той же стороны, какъ твоя лѣвая рука. Теперь, я думаю, ты можешь найти лѣвый глазъ на черепѣ, или то мѣсто, гдѣ находился лѣвый глазъ. Нашелъ ты его?“

Здѣсь послѣдовала продолжительная пауза. Наконецъ, негръ спросилъ:

„Лѣвый глазъ черепа съ той же стороны, какъ и лѣвая рука его?—потому что у черепа совсѣмъ нѣтъ руки, ни чуточки—да это ничего! Я нашелъ теперь лѣвый глазъ—тутъ вотъ лѣвый глазъ! что мнѣ съ нимъ дѣлать?“

„Пропусти черезъ него жука настолько, насколько достанетъ веревка.—Но будь остороженъ, не выпусти ея конца“.

„Все это сдѣлано, Масса Вилль; очень простая вещь пропустить жука черезъ дырку—посмотрите на него снизу, какъ онъ тамъ!“

Въ продолженіи этой бесѣды Юпитера совсѣмъ не было видно; но жукъ, котораго онъ опускалъ, былъ теперь виденъ на концѣ бичевки, и блестя, какъ шарикъ полированного золота, въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, изъ коихъ нѣкоторые еще слабо освѣщали возвышенность, на которой мы стояли. *Скарабей* свисалъ совершенно четко съ нѣкоторыхъ вѣтвей, и, если бы ему было предоставлено упасть, онъ упалъ бы къ нашимъ ногамъ. Лограндъ немедленно же взялъ косу, и расчистилъ кругообразное пространство въ три или четыре ярда въ діаметръ, какъ разъ подъ насѣкомымъ, и, окончивъ это, приказалъ Юпитеру отпустить бичевку и спуститься съ дерева.

Воткнувъ съ большой точностью деревянный клинъ въ землю въ то самое мѣсто, куда упалъ жукъ, мой другъ вынулъ изъ своего кармана землемѣрную ленту. Прикрѣпивъ одинъ конецъ ея къ тому краю ствола, который былъ

ближе къ деревянному клину, онъ развертывалъ ее, пока она не достигла клина, и продолжалъ дальше развертывать ее въ направленіи, уже опредѣленномъ двумя точками—дерева и клина, на протяженіи пятидесяти футовъ—межъ тѣмъ какъ Юпитеръ косою расчищалъ терновникъ. Въ точкѣ, которую онъ нашелъ такимъ образомъ, былъ вбитъ второй клинъ, и кругомъ него, какъ центра, былъ начертанъ грубый кругъ, около четырехъ футовъ въ діаметрѣ. Взявъ теперь самъ лопату, и давъ одну лопату Юпитеру, и другую мнѣ, Леграндъ попросилъ насъ приняться за копаніе возможно скорѣе.

Сказать правду, у меня никогда не было особеннаго вкуса къ подобному удовольствію, а въ этомъ частномъ случаѣ я бы весьма желалъ избѣгнуть его совсѣмъ, ибо ночь уже надвигалась, и я чувствовалъ большую усталость отъ всѣхъ усилій, которыя уже были сдѣланы; но я не видѣлъ никакого способа избѣжать этого, и боялся своимъ отказомъ разстроить душевное равновѣсіе моего бѣднаго друга. Если бы я могъ, на самомъ дѣлѣ, разсчитывать на помощь Юпитера, у меня не было бы колебанія, и я попытался бы увести сумасшедшаго домой силой; но я слишкомъ хорошо зналъ характеръ стараго негра, чтобы надѣяться на его помощь при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ въ случаѣ личнаго столкновенія съ его господиномъ. У меня не было сомнѣнія, что этотъ послѣдній былъ зараженъ однимъ изъ неисчислимыхъ суевѣрій Юга касательно зарытыхъ кладовъ, и что его выдумка была подкрѣплена этой находкой *скарабея*, или, быть можетъ, даже упрямымъ утвержденіемъ Юпитера, что это „жукъ изъ настоящаго золота“.

Умъ, склонный къ безумію, вполне могъ поддаться подобнымъ вліяніямъ—особенно, если они согласовались съ его излюбленными предвзятыми мыслями—и потомъ я вспомнилъ рѣчь бѣдняги относительно того, что этотъ жукъ есть „указатель его фортуны“. Въ цѣломъ, я былъ

спяльно огорченъ и обезпокоенъ, но подь конецъ рѣшилъ примириться съ необходимостью—копать съ доброй волей и такимъ образомъ поскорѣе убѣдить мечтателя, съ полной наглядностью, въ обманности его мечтаній.

Фонари были зажжены, и мы принялись за работу съ усердіемъ, достойнымъ болѣе разумной цѣли; и когда свѣтъ упалъ на наши фигуры и орудія, я не могъ не подумать о томъ, какую живописную группу мы представляли, и какой странной и подозрительной показалась бы наша работа кому-нибудь, кто случайно наткнулся бы на насъ.

Мы рыли очень стойко часовъ около двухъ. Мало было говорено, и главнымъ нашимъ затрудненіемъ былъ лай собаки, которая относилась съ непомѣрнымъ интересомъ къ тому, что мы дѣлали. Подь конецъ лай этотъ сдѣлался настолько громкимъ, что мы стали бояться, что онъ можетъ привлечь сюда какихъ-нибудь бродягъ, находящихся по близости; или скорѣе это было большимъ опасеніемъ Легранда; что касается меня, я былъ бы обрадованъ всякимъ вмѣшательствомъ, которое дало бы мнѣ возможность увести безпокойнаго странника домой. Наконецъ, лай былъ успѣшно заглушенъ Юпитеромъ, который, выскочивъ изъ ямы, съ самымъ рѣшительнымъ видомъ связалъ морду собаки одной изъ своихъ подтяжекъ и затѣмъ вернулся, торжествующе посмѣиваясь, къ своей работѣ.

Когда истекло положенное время, мы достигли глубины пяти футовъ, но и теперь не было никакого признака клада. Послѣдовала большая пауза, и я началъ надѣяться, что фарсъ конченъ. Межь тѣмъ Леграндъ, хотя, повидимому, очень обезкураженный, отеръ лобъ, задумчиво взялъ свою лопату и началъ снова. Мы изрыли весь кругъ въ четыре фута въ діаметръ, и теперь слегка расширили границу, и пошли еще далѣе на два фута въ глубину.

Тѣмъ не менѣе ничего не появлялось. Искатель золота, котораго я искренно жалѣлъ, выкарабкался, наконецъ,

изъ ямы, и съ горькой безнадежностью, запечатлѣнной въ каждой чертѣ его лица, сталъ медленно и неохотно надѣвать свою куртку, которую онъ снялъ передъ началомъ работы. Я между тѣмъ не дѣлалъ никакого замѣчанія. Юпитеръ, по знаку своего господина, началъ собирать орудія. Окончивъ это, и развязавъ собаку, мы направились къ дому въ глубокомъ молчаніи.

Мы сдѣлали, можетъ быть, около двѣнадцати шаговъ въ этомъ направленіи, какъ вдругъ Леграндъ, съ громкими проклятіями, бросился на Юпитера, и схватилъ его за шиворотъ. Негръ, пораженный, открылъ глаза и ротъ во всю ихъ ширину, уронилъ лопаты, и упалъ на колѣни.

„Ты негодяй“, сказалъ Леграндъ, шипя и выталкивая каждый слогъ сквозь стиснутые зубы, „ты адскій черный мерзавецъ!—говори, приказываю я тебѣ!—отвѣчай мнѣ тотчасъ же безъ уловокъ!—который—который твой лѣвый глазъ?“

„Ахъ, Боже мой, Масса Вилль! развѣ не этотъ, навѣрно, мой лѣвый глазъ?“ возопилъ испуганный Юпитеръ, прижимая руку къ *правому* своему зрительному органу, и придерживая его съ отчаяннымъ упрямствомъ, какъ будто въ неминуемой опасности, что господинъ его попытается выбить ему глазъ.

„Я такъ и думалъ!—я зналъ это! ура!“ выкрикала Леграндъ, выпустивъ негра и продѣлывая разные прыжки и курбеты къ великому изумленію своего слуги, который, вставъ съ колѣнъ, молча переводилъ взглядъ съ своего господина на меня и потомъ съ меня на своего господина.

„Пойдемъ! мы должны вернуться“, сказалъ послѣдній, „игра еще не проиграна“; и онъ опять направился по дороге къ тюльпанному дереву.

„Юпитеръ“, сказалъ онъ, когда мы достигли подножія его, „пойди сюда! былъ черепъ пригвожденъ на сукъ лицомъ вверхъ или же лицомъ къ вѣтви?“

„Лицо было кверху, Масса, такъ что вороны могли выклевать глаза безъ всякой помѣхи“.

„Хорошо, а черезъ этотъ или черезъ тотъ глазъ ты пропустилъ жука?“—Здѣсь Лсграндъ потрогалъ одинъ, потомъ другой глазъ Юпитера.

„Это былъ вотъ этотъ глазъ, Масса,—лѣвый глазъ— какъ вы мнѣ сказали“, и тутъ негръ указалъ на свой правый глазъ.

„Хорошо, —мы должны, значить, начать снова“.

Здѣсь мой другъ, въ безуміи котораго я увидалъ, или думалъ, что вижу, нѣкоторыя указанія на методъ, переставилъ деревянный клинъ, отмѣчавшій точку, куда упалъ жукъ, въ другое мѣсто на три дюйма къ западу отъ перваго его положенія. Разложивъ теперь землемѣрную ленту отъ ближайшей точки ствола къ клину, какъ и раньше, и продолжая разстилать ее по прямой линіи на протяженіи пятидесяти футовъ, онъ нашелъ нѣкоторую точку на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ того мѣста, гдѣ мы копали.

Вокругъ новой точки былъ теперь очерченъ кругъ немного шире, чѣмъ раньше, и мы вновь принялись работать лопатами. Я былъ ужасно истомленъ, но, едва отдавая себѣ отчетъ, что произвело перемѣну въ моихъ мысляхъ, я не чувствовалъ больше такого отвращенія къ навязанной мнѣ работѣ. Я былъ необъяснимо заинтересованъ—болѣе того, даже возбужденъ. Можетъ быть было что-то во всемъ экстравагантномъ поведеніи Лсгранда—родъ какого-то провидѣнія или обдуманности, что производило на меня впечатлѣніе. Я копалъ съ жаромъ, и время отъ времени дѣйствительно ловилъ себя на томъ, что смотрѣлъ съ чѣмъ-то похожимъ на ожиданіе воображаемаго клада, призракъ котораго свелъ съ ума несчастнаго моего товарища. Въ то время какъ фантастическія мысли вполне охватили меня, и когда мы работали, быть можетъ, уже около полутора часовъ, мы вновь были прерваны

громкимъ воемъ собаки. Ея безпокойство, въ первомъ случаѣ, очевидно, бывшее проявленіемъ шаловливости или каприза, приобрѣло болѣе рѣзкій и серьезный характеръ. На вторичную попытку Юпитера завязать ей морду, она выказала яростное сопротивленіе и, прыгнувъ въ яму, стала бѣшено копать землю своими когтями. Черезъ нѣсколько секундъ она раскопала массу человѣческихъ костей, которые образовали два полные скелета, перемѣшанные съ нѣсколькими металлическими пуговицами, и съ чѣмъ-то, что казалось сгнившей, обратившейся въ пыль, шерстяной матеріей. Одинъ или два взмаха лопаты подняли на поверхность лезвіе большого Испанскаго ножа, и, когда мы стали копать дальше, показались три или четыре разбросанныя золотыя и серебряныя монеты.

При видѣ этого Юпитеръ съ трудомъ могъ сдержать свою радость, но лицо его господина выражало величайшее разочарованіе. Все же онъ попросилъ насъ продолжать наши старанія, и, едва онъ произнесъ эти слова, какъ я споткнулся и упалъ впередъ, попавъ носкомъ сапога въ большое желѣзное кольцо, которое было наполовину въ разрытой землѣ.

Мы снова ревностно принялись за работу, и никогда не проводилъ я десяти минутъ въ такомъ напряженномъ возбужденіи. Въ продолженіи этого промежутка времени мы цѣликомъ откопали продолговатый деревянный сундукъ, который, судя по его полной сохранности и удивительной твердости, былъ, вѣроятно, подвергнутъ какому-нибудь минерализирующему процессу, быть можетъ примѣненію Двухлористаго Меркурія. Сундукъ этотъ былъ трехъ съ половиной футовъ длины, трехъ ширины, и двухъ съ половиной глубины. Онъ былъ плотно скрѣпленъ полосами изъ кованаго желѣза, заклепанными и являвшими кругомъ всего родъ рѣшетки. Съ каждой стороны сундука ближе къ крышкѣ было по три желѣзныхъ кольца—всего на всего шесть—ухватившись за которыя, его могли бы крѣпко

держатъ шесть человѣкъ. Наши крайнія соединенныя усилія лишь дали намъ возможность сдвинуть его въ его ложѣ. Мы тотчасъ увидѣли невозможность поднять такой большой грузъ. По счастью, единственно чѣмъ придерживалась крышка, были два выдвижные засова. Мы вытащили ихъ, дрожа и задыхаясь отъ напряженнаго безпокойства. Въ одно мгновеніе кладъ неисчислимой цѣнности, сверкая, лежалъ передъ нами. Когда свѣтъ фонаря упалъ въ яму, изъ нея отъ беспорядочной кучи золота и драгоценностей брызнулъ яркій блескъ, который совершенно ослѣпилъ наши глаза.

Я не буду пытаться описывать чувства, съ которыми я смотрѣлъ. Величайшее удивленіе было, конечно, господствующимъ. Леграндъ казался истощеннымъ отъ возбужденія, и проговорилъ только нѣсколько словъ. Лицо Юпитера въ теченіи нѣсколькихъ минутъ было смертельно блѣднымъ, насколько только это возможно по природѣ вещей, то-есть, насколько лицо негра можетъ поблѣднѣть. Онъ казался ошеломленнымъ—онъ былъ какъ пораженный громомъ. Наконецъ, онъ упалъ на колѣни въ ямѣ, и, сунувъ голыя руки по локоть въ золото, оставался такъ, какъ бы наслаждаясь роскошествомъ ванны. Наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ онъ воскликнулъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ.

„И все это пришло отъ золотого жука! отъ красиваго золотого жука! отъ бѣднаго маленькаго жука, а я-то его бранилъ самымъ поноснымъ образомъ! И тебѣ не стыдно за себя, негръ?—отвѣчай-ка мнѣ!“

Наконецъ, сдѣлалось необходимымъ, чтобы я разбудилъ и хозяина и слугу, и указалъ имъ, что нужно унести кладъ. Становилось уже поздно, и намъ надлежало приложить усилія, дабы мы могли отнести все домой до разсвѣта. Было трудно сказать, что нужно было сдѣлать, и много времени было потеряно на обсужденія—такъ спутаны были мысли у всѣхъ. Наконецъ, мы разгрузили сундукъ,

вынувъ двѣ трети содержимаго, и тогда намъ удалось, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ, вытащить его изъ ямы. Вынутыя вещи мы положили въ кусты, и сторожить ихъ была оставлена собака, которой Юпитеръ приказалъ ни подъ какимъ предлогомъ не трогаться съ мѣста, и не открывать рта, пока мы не вернемся. Затѣмъ мы съ сундукомъ поспѣшно направились къ дому; благополучно, но страшно усталые, мы достигли хижины въ часъ ночи. Мы были такъ утомлены, что было бы не въ человѣческихъ силахъ сейчасъ же продолжать работу. Мы пробыли дома до двухъ, и поужинали; послѣ чего вновь отправились къ холмамъ, взявъ съ собою три крѣпкихъ мѣшка, которые, по счастью, нашлись подъ рукой. Немного раньше четырехъ мы прибыли къ ямѣ, раздѣлили между собой по возможности поровну остальную добычу, и, оставивъ яму незасыпанной, снова отправились къ дому, гдѣ вторично сложили нашу золотую ношу, какъ разъ тогда, когда первые слабые лучи зари засвѣтились на Востокѣ надъ вершинами деревьевъ.

Мы были теперь совершенно разбиты; но напряженное возбужденіе, овладѣвшее нами, не давало намъ отдохнуть. Послѣ безпокойнаго сна въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ мы поднялись, какъ-будто бы сговорившись, чтобы осмотрѣть сокровища.

Сундукъ былъ полонъ до краевъ, и весь день, и большую часть слѣдующей ночи, мы внимательно изучали его содержимое. Тамъ не было ничего похожаго на порядокъ или распределеніе. Все было навалено какъ попало. Тщательно разобравъ все, мы увидали себя обладателями богатства большаго даже, чѣмъ мы предполагали это сначала. Монетами было гораздо болѣе, чѣмъ четыреста пятьдесятъ тысячъ долларовъ—оцѣнивая ихъ насколько возможно точно по курсу того времени. Серебра во всемъ этомъ не было вовсе. Все было золото стараго времени и очень разнообразное—Французскія, Испанскія, и Нѣмецкія монеты, съ нѣсколькими Англійскими гинейми, и нѣсколькими

монетамъ, какихъ раньше намъ никогда ни приходилось видѣть. Тамъ было нѣсколько большихъ тяжелыхъ монетъ такихъ стертыхъ, что мы совсѣмъ не могли разобрать на нихъ надписей. Американскихъ денегъ тамъ не было. Оцѣнить стоимость драгоценностей намъ было гораздо труднѣе. Тутъ были брилліанты—нѣкоторые, изъ нихъ необыкновенно большіе и красивые—сто десять въ общемъ, и маленькаго ни одного; восемнадцать рубиновъ, замѣчательнаго блеска; триста десять изумрудовъ, всѣ очень красивые; и двадцать одинъ сапфиръ, съ однимъ опаломъ. Эти камни были всѣ выломаны изъ своей оправы, и брошены въ беспорядкѣ въ сундукъ. Сами же оправы, которыя мы отдѣлили отъ другого золота, казалось, были избиты молотками, какъ-будто для того, чтобы не быть признанными. Кромѣ всего этого, тамъ было большое количество украшеній изъ цѣльнаго золота: около двухъ сотъ массивныхъ колецъ и серегъ; великолѣпныхъ цѣпочекъ — числомъ тридцать, насколько я припомню; восемьдесятъ три очень тяжелыя и большія распятія; пять золотыхъ кадилъницъ, большой цѣны; огромная золотая чаша для пунша, разукрашенная богато вычеканенными виноградными листьями и Вакхическими фигурами; двѣ рукоятки мечей превосходной рельефной работы, и много другихъ болѣе мелкихъ вещей, которыхъ я припомнить не могу. Всѣхъ этихъ цѣнностей превышалъ триста пятьдесятъ Англійскихъ фунтовъ; и въ эту смѣту я не включилъ еще сто девяносто семь чудесныхъ золотыхъ часовъ, изъ коихъ трое стоили каждыя по пяти сотъ долларовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были очень стары и негодны, какъ счетчики времени, ибо ихъ ходъ пострадалъ болѣе или менѣе отъ ржавчины—но всѣ они были богато разукрашены камнями и находились въ оправѣ большой цѣнности. Въ эту ночь мы оцѣнили все содержимое сундука въ полтора милліона долларовъ; а послѣ вторичнаго пересмотра драгоценностей и украшеній (нѣкоторыя мы оста-

вили для себя лично) мы нашли, что еще очень низко оцѣнили кладъ.

Когда, наконецъ, мы окончили нашъ осмотръ, и напряженное возбужденіе нѣсколько улеглось, Леграндъ, видя, что я горю нетерпѣніемъ разрѣшить эту необыкновеннѣйшую загадку, подробнымъ образомъ разсказалъ мнѣ всѣ обстоятельства, связанныя съ ней.

„Вы помните“, сказалъ онъ, „ту ночь, когда я показалъ вамъ грубый набросокъ *скарабея*, который я сдѣлалъ. Вы помните также, что я былъ очень обиженъ на васъ за то, что вы утверждали, будто мой рисунокъ походить на мертвую голову. Когда вы въ первый разъ сдѣлали это замѣчаніе, я подумалъ, что вы шутите; но потомъ я вспомнилъ странныя пятнышки на спинѣ жука, и допустилъ, что ваше замѣчаніе дѣйствительно имѣло нѣкоторое основаніе. Все же насмѣшка надъ моими рисовальными способностями раздражила меня—такъ какъ я считаюсь порядочнымъ художникомъ—и потому, когда вы протянули мнѣ кусокъ пергамента, я былъ готовъ скомкать его и съ гнѣвомъ бросить въ огонь“.

„Кусокъ бумаги, хотите вы сказать“, сказалъ я.

„Нѣтъ; тутъ большое было сходство съ бумагой, и сначала я такъ и думалъ, но, когда я началъ рисовать на этомъ кускѣ, я увидѣлъ сейчасъ же, что это кусокъ очень тонкаго пергамента. Какъ вы помните, онъ былъ совершенно грязенъ. Хорошо. Когда я готовъ былъ уже скомкать его, мой взглядъ упалъ на рисунокъ, который вы разсматривали, и вы можете себѣ представить мое удивленіе, когда я дѣйствительно увидалъ изображеніе мертвой головы какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ мнѣ показалось, я нарисовалъ жука. Первое мгновеніе я былъ слишкомъ изумленъ, чтобы думать правильно. Я зналъ, что мой рисунокъ въ мелочахъ очень отличался отъ этого—однако, тутъ было нѣкоторое сходство въ общихъ очертаніяхъ. Тогда я взялъ свѣчу, и, усѣвшись

въ другомъ концѣ комнаты, стала разсматривать пергаментъ болѣе тщательно. Перевернувъ его, я увидѣлъ мой собственный рисунокъ на обратной сторонѣ точно такимъ, какъ я его сдѣлалъ. Первымъ моимъ чувствомъ было теперь простое удивленіе на это дѣйствительно замѣчательное сходство общихъ очертаній - на странное совпаденіе, заключавшееся въ томъ неизвѣстномъ для меня фактѣ, что тутъ былъ черепъ на обратной сторонѣ пергамента, какъ разъ подъ моимъ изображеніемъ *скарабея*, и что черепъ этотъ, не только очертаніемъ, но и размѣромъ, могъ такъ точно походить на мой рисунокъ. Я говорю, что странность этого совпаденія на мгновеніе совершенно ошеломила меня. Это обычное дѣйствіе такихъ совпаденій. Умъ старается установить соотношеніе — послѣдовательность причины и слѣдствія—и, будучи безсиленъ сдѣлать это, подвергается извѣстнаго рода временному параличу. Но когда я опомнился отъ этого оцѣпленія, во мнѣ постепенно зародилось убѣжденіе, которое поразило меня даже гораздо болѣе, чѣмъ самое совпаденіе. Я точно и ясно началъ припоминать, что рисунка *не было* на пергаментѣ, когда я дѣлалъ мой набросокъ *скарабея*. Я совершенно увѣрился въ этомъ, ибо припомнилъ, что сначала я повернулъ его на одну, потомъ на другую сторону, ища болѣе чистаго мѣста. Если бы черепъ былъ тамъ, конечно, я не преминулъ бы замѣтить это. Тутъ дѣйствительно была какая-то тайна, и я чувствовалъ, что ее невозможно изъяснить; но даже въ этотъ самый мигъ мнѣ показалось, что въ самыхъ отдаленныхъ и тайныхъ уголкахъ моего ума слабо засвѣтилось подобное мерцанію свѣтляка представленіе объ истинѣ, которое приключеніемъ прошедшей ночи было приведено къ такому блестящему разрѣшенію. Я немедленно всталъ, и, осторожно убравъ пергаментъ, отложилъ всѣ дальнѣйшія размышленія, до тѣхъ поръ пока не буду одинъ.

„Когда вы ушли, и Юпитеръ крѣпко заснулъ, я пре-

дался болѣе методичному изслѣдованію этого дѣла. Прежде всего я сталъ соображать, какимъ образомъ пергаментъ попалъ въ мои руки. То мѣсто, гдѣ мы нашли *скарабея*, было на берегу материка, около мили на востокъ отъ острова, и лишь въ небольшомъ отстояніи надъ уровнемъ прилива. Когда я поймалъ его, онъ жестоко меня укусылъ, что заставило меня выпустить его. Юпитеръ, съ обычной ему осторожностью, прежде чѣмъ схватить насѣкомое, которое полетѣло по направленію къ нему, посмотрѣлъ вокругъ себя, пща листа, или чего-либо въ этомъ родѣ, чѣмъ бы взять его. Въ это самое время взглядъ его, такъ же какъ и мой, упалъ на кусокъ пергамента, который я принялъ за бумагу. Онъ лежалъ наполовину зарытый въ песокъ, одинъ уголокъ торчалъ наружу. Около того мѣста, гдѣ мы нашли его, я замѣтилъ обломки судна, которые, повидимости, были длинной корабельной лодкой. Какъ казалось, обломки лежали тутъ съ очень давняго времени, ибо въ нихъ съ трудомъ можно было усмотрѣть сходство съ лодочными ребрами.

„Хорошо. Юпитеръ поднялъ пергаментъ, завернулъ въ него жука, и отдалъ его мнѣ. Вскорѣ мы направились обратно къ дому, и по дорогѣ встрѣтили лейтенанта Г.— Я показалъ ему насѣкомое, и онъ попросилъ у меня позволенія взять его къ себѣ въ крѣпость. Я согласился; онъ сунулъ его въ свой жилетный карманъ, безъ пергамента, въ которомъ тотъ былъ завернутъ и который я продолжалъ держать въ рукѣ моей, пока онъ разсматривалъ жука. Можетъ быть, онъ опасался, что я передумаю, и счелъ, прежде всего, за наилучшее увѣриться въ добычѣ—вы знаете, какъ восторженно онъ относится ко всему, что касается Естественной Исторіи. Въ то же самое время, совсѣмъ безсознательно, я должно быть положилъ пергаментъ въ мой собственный карманъ.

„Вы помните, что, когда я подошелъ къ столу, намѣреваясь сдѣлать рисунокъ жука, я не нашелъ бумаги тамъ,

гдѣ она обыкновенно лежала. Я заглянулъ въ ящикъ, и тамъ не нашелъ ничего. Я пошарилъ у себя въ карманахъ, въ надеждѣ найти какое-нибудь старое письмо, когда рука моя наткнулась на пергаментъ. Я такъ точно и такъ подробно описываю способъ, которымъ онъ попалъ въ мое обладаніе; ибо всѣ эти обстоятельства произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе.

„Безъ сомнѣнія, вы сочтете меня за мечтателя — но я уже установилъ родъ *соотношенія*. Я соединилъ два звена большой цѣпи. Лодка, лежащая на берегу, и не далеко отъ нея пергаментъ — *не бумага* — съ черепомъ, нарисованнымъ на немъ. Вы, конечно, спросите „Гдѣ тутъ соотношеніе?“ Я отвѣчу, что черепъ, или мертвая голова, это — хорошо извѣстная эмблема пиратовъ. Флагъ съ мертвой головой поднять во всѣхъ морскихъ схваткахъ.

„Я сказалъ вамъ, что лоскутокъ былъ пергаментъ, а не бумага. Пергаментъ вещь прочная — почти не гибнущая. Дѣла маловажныя рѣдко препоручаютъ на храненіе пергаменту; ибо для простого обыкновеннаго рисунка или писанія онъ далеко не такъ удобенъ, какъ бумага. Эта мысль внушила мнѣ нѣкоторыя предположенія — доводы для составленія заключеній о мертвой головѣ. Я также не преминулъ замѣтить *форму* пергамента. Несмотря на то, что одинъ изъ его угловъ былъ уничтоженъ какой-либо случайностью, можно было видѣть, что первоначальная его форма была продолговатая. Это былъ одинъ изъ такихъ свитковъ, который могъ быть выбранъ для мемурандума — для записи чего-нибудь такого, что не должно было быть забыто, и что надлежало тщательно сохранить“.

„Но“, прервалъ я, „вы говорите, что черепа *не* было на пергаментѣ, когда вы дѣлали набросокъ жука. Какъ же вы устанавливаете какое-либо соотношеніе между лодкой и черепомъ — если этотъ послѣдній, по вашему собственному увѣренію, былъ нарисованъ (Богъ вѣсть какъ и

кѣмъ), послѣ того какъ вы сдѣлали вашу набросокъ *скарабея*?"

„А! вокругъ этого-то и вертится вся тайна; хотя въ данномъ пунктѣ мнѣ сравнительно нетрудно было получить разъясненіе. Путь мой былъ вѣренъ, и могъ привести лишь къ одному отдѣльному результату. Я рассуждалъ, напримѣръ, такъ: когда я рисовалъ *скарабея*, черепа не было видно на пергаментѣ. Когда я кончилъ рисунокъ, и передалъ его вамъ я внимательно наблюдалъ за вами, пока вы переворачивали его. *Вы*, поэтому, не нарисовали черепа, а другого никого не было, чтобы сдѣлать это. Значитъ, это не было сдѣлано съ человѣческой помощью, и тѣмъ не менѣе это было сдѣлано.

„Но, дойдя до этого пункта моихъ размышленій, я постарался припомнить, и *вспомнилъ*, съ полной ясностью, всѣ малѣйшія обстоятельства, которыя имѣли мѣсто въ упомянутое время. Погода была холодная (о, рѣдкое и счастливое событіе!), и огонь горѣлъ въ очагѣ. Я былъ разгоряченъ прогулкой, и сѣлъ около стола. Вы же придвинули стулъ совсѣмъ вплотъ къ камину. Какъ разъ, когда я вложилъ пергаментъ въ вашу руку, и когда вы собрался разсматривать его, вбѣжалъ Вольфъ, — Ньюфаундлендская собака, — и прыгнулъ вамъ на плечи. Лѣвой рукой вы ласкали его, и отстраняли, между тѣмъ какъ вашу правую руку, держащую пергаментъ, вы уронили небрежно между вашихъ колѣвъ, и въ непосредственной близости отъ огня. Одно мгновеніе я думалъ, что пламя охватило его, и хотѣлъ уже предостеречь васъ, но, прежде чѣмъ я успѣлъ заговорить, вы отодвинули его, и начали разсматривать. Когда я обсудилъ всѣ эти подробности, я ни минуты не колебался, что *тепло* вызвало на свѣтъ Божій тотъ черепъ на пергаментѣ, который я видѣлъ нарисованнымъ на немъ. Вы хорошо освѣдомлены, что существуютъ химическіе препараты, и существовали въ незапамятныя времена, которыми возможно писать на бу-

магъ или пергаментъ такъ, что буквы дѣлаются видимыми только тогда, когда ихъ подвергнуть дѣйствию огня. Иногда употребляются саффра, растворенная въ *aqua regia*, и разбавленная въ четырехкратномъ количествѣ воды сравнительно съ своимъ вѣсомъ; въ результатѣ получается зеленый цвѣтъ. Королекъ кобальта, растворенный въ селитряномъ спирту, даетъ красный цвѣтъ. Эти цвѣта пропадаютъ болѣе или менѣе скоро, послѣ того какъ матеріалъ, на которомъ пишутъ, остынетъ, но опять дѣлаются видимыми при нагреваніи.

„Я снова сталъ разсматривать мертвую голову съ большимъ тщаніемъ. Внѣшнія ея очертанія—очертанія рисунка наиболѣе близкія къ краямъ пергамента—были гораздо болѣе *явственны*, чѣмъ другія. Было очевидно, что дѣйствіе теплорода было несовершенно или неровно. Я тотчасъ зажегъ огонь и подвергъ каждую часть пергамента дѣйствию сильнаго жара. Сначала единственнымъ результатомъ было усиленіе блѣдныхъ линій черепа. При продолженіи опыта на углу узкой полосы, противоположной, по діагонали, отъ того мѣста, гдѣ была начерчена мертвая голова, появилось изображеніе чего-то, что я сначала принялъ за козу. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи я убѣдился, однако, что тутъ было намѣреніе изобразить козленка“.

„Ха, ха!“ сказалъ я, „конечно я не имѣю права смѣяться надъ вами—полтора милліона монетъ слишкомъ серьезная вещь, чтобы шутить—но вы не сможете установить третье звено въ вашей цѣпи—вы не найдете никакого особеннаго соотношенія между вашими пиратами и козами—пираты, какъ вы знаете, не имѣютъ ничего общаго съ козами; это больше касается фермеров“.

„Но я вамъ сказалъ, что это была фигура *не* козы“.

„Ну, хорошо, козленокъ—но это почти что то же самое“.

„Почти что, но не совсѣмъ“, сказалъ Леграндъ. „Вы,

быть можетъ, слышали о нѣкоемъ капитанѣ Киддѣ. Я тотчасъ же сталъ смотрѣть на изображеніе животнаго, какъ на родъ игры словъ или гіероглифической подписи *). Я говорю—подпись; потому что положеніе животнаго на пергаментѣ внушало эту мысль. Мертвая голова въ углу, противоположномъ по діагонали, имѣла также видъ клейма или печати. Но я былъ огорченъ отсутствіемъ всего остального—самаго тѣла моего воображаемаго инструмента—текста для моего контекста“.

„Я полагаю, вы надѣялись найти письмо между штемпелемъ и подписью?“

„Что-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣло въ томъ, что я почувствовалъ себя подъ неудержимымъ впечатлѣніемъ предчувствія какой-то огромной удачи, которая вотъ уже тутъ. Мнѣ трудно сказать, почему. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, это было скорѣе желаніемъ, нежели дѣйствительной вѣрой; но, знаете ли, глупыя слова Юпитера, о томъ, что жукъ—изъ чистаго золота, имѣли удивительное дѣйствіе на мое воображеніе. И потомъ этотъ рядъ совпаденій—они были *такія* необыкновенныя. Замѣтили ли вы, что все это случилось въ тотъ самый *единственный* изъ всего года день, въ который было, или могло быть, настолько холодно, что нужно было затопить, и что безъ огня, или безъ содѣйствія собаки, въ тотъ самый мигъ, въ который она появилась, я никогда не узналъ бы о мертвой головѣ, и никогда не сдѣлался бы обладателемъ клада.“

„Но продолжайте—я весь горю нетерпѣніемъ.“

„Хорошо. Вы слышали, конечно, множество разныхъ рассказовъ—тысячу смутныхъ слуховъ относительно кладовъ, зарытыхъ гдѣ-то на берегу Атлантики, Киддомъ и его сообщниками. Эти слухи должны были имѣть какое-либо основаніе въ самой дѣйствительности. И то, что эти слухи существовали такъ долго, и были такими постоян-

*) Kid - козленокъ. К. Б.

ными, могло простекать, какъ мнѣ казалось, лишь изъ того обстоятельства, что кладъ *оставался* схороненнымъ. Если бы Киддъ на время только спряталъ свою добычу, и потомъ взялъ ее обратно, эти слухи врядъ ли дошли бы до насъ въ настоящей ихъ неизмѣнной формѣ. Забудьте, что всѣ рассказы говорятъ объ искателяхъ золота, а не о нашедшихъ золото. Если бы пиратъ взялъ обратно свои деньги, этимъ все дѣло было бы исчерпано. Мнѣ кажется, что какой-нибудь случай—скажемъ потеря записи указывающей мѣстонахождение клада—лишилъ его возможности отыскать кладъ, и что это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ его товарищамъ, которые иначе не могли бы ничего знать о спрятанномъ кладѣ, и которые старались совершенно напрасно его найти, ибо не имѣли руководства, и это все распространило данные слухи, которые стали теперь такими извѣстными. Слыхали ли вы когда-нибудь о какомъ-либо значительномъ кладѣ, открытомъ на берегу?“

„Никогда“.

„Но Киддомъ было скоплено чрезвычайно много, это хорошо извѣстно. Я былъ потому увѣренъ, что земля донынѣ хранитъ эти сокровища; и врядъ ли вы будете удивлены, если я скажу вамъ, что я испытывалъ надежду, которая граничила съ увѣренностью, что пергаментъ, столь странно найденный, заключалъ въ себѣ утраченную записъ мѣстонахожденія клада“.

„Но какъ же вы поступили дальше?“

„Я снова поднесъ пергаментъ къ огню, послѣ того какъ увеличилъ жаръ; но ничего не появлялось. Возможно, подумалъ я, что слой грязи на немъ былъ причиной неудачи; итакъ, я осторожно сполоснулъ пергаментъ теплой водой, и, сдѣлавъ это, положилъ его въ жестяную кастрюлю, черепомъ внизъ, и поставилъ ее въ печь съ раскаленными угольями. Черезъ нѣсколько минутъ, когда кастрюля была основательно нагрѣта, я вынулъ свитокъ,

п, къ моей несказанной радости, нашелъ, что онъ былъ накрапленъ въ различныхъ мѣстахъ тѣмъ, что, какъ казалось, было цифрами, расположенными по строкамъ. Опять я положилъ его въ кастрюлю, и оставилъ его такъ еще на нѣкоторое время. Когда я вынулъ его, весь онъ былъ такой, какимъ вы видите его теперь“.

Здѣсь Леграндъ, вновь нагрѣвъ пергаментъ, представилъ мнѣ его для осмотра. Слѣдующіе знаки были грубо начерчены, красными чернилами между мертвой головой и козленкомъ:

53 †† + 305) 6* ; 4826) 4†) 4†); 806* ; 48 + 8
 π 60) 85 ; 1† (; † * 8 + 83 (88) 5 * + ; 46 (; 88*96*? ;
 8) * † (; 485) ; 5* + 2 : *† (; 4956 * 2 (5*—4) 8 π 8 * ;
 4069285) ;)6 + 8) 4 †† ; 1 († 9 ; 4808 I ; 8 : 8 † I ; 48 +
 85 ; 4) 485 + 528806* 81 († 9 ; 48 ; (88 ; 4 († ? 34 ;
 48) †† ; 16 I ; : I 88 ; † ? ;

„Но“, сказалъ я, возвращая ему свитокъ, „я въ такихъ же потемкахъ, какъ и раньше. Если бы всѣ сокровища Гольюнды *) ожидали меня за разрѣшеніе этой загадки, я вполне увѣренъ, что не былъ бы способенъ получить ихъ“.

„И однако же“, сказалъ Леграндъ, „разгадка отнюдь не такъ трудна, какъ это можетъ вамъ представиться при первомъ бѣгломъ взглядѣ на письма. Эти знаки, какъ каждый легко можетъ догадаться, составляютъ шифръ,—т.-е. въ нихъ скрыто извѣстное значеніе: но по тому, что извѣстно о Киддѣ, я не могу считать его способнымъ построить болѣе или менѣе сложную тайнопись. Я съ самаго начала подумалъ, что эта записка—изъ простѣйшихъ образцовъ—все же такая, что она должна была казаться грубому уму матроса совершенно неразрѣшимой безъ ключа“.

„И вы дѣйствительно разрѣшили ее?“

*) Городъ въ Индіи, богатый брилліантами. К. Б.

„Легко; я разрѣшалъ другія, въ тысячу разъ болѣе отвлеченныя. Обстоятельства и извѣстныя склонности ума заставили меня интересоваться такими загадками, и весьма можно сомнѣваться, способна ли человѣческая изобрѣтательность построить такого рода загадку, которую человѣческая находчивость, при правильномъ примѣненіи, не могла бы разрѣшить. Дѣйствительно, установивъ сначала связь и удобочитаемость знаковъ, я едва ли даже и думалъ о трудности разоблаченія ихъ смысла.

„Въ данномъ случаѣ—такъ же впрочемъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ тайнописи—первый вопросъ касается *языка* шифра; ибо принципы разрѣшенія, разъ дѣло идетъ лишь о простыхъ шифрахъ, зависятъ здѣсь особенно отъ своеобразнаго характера каждаго языка, и имъ они видоизмѣняются. Вообще, здѣсь нѣтъ иного выбора, какъ опытъ (направляемый вѣроятностями), данный каждымъ языкомъ, вѣдомымъ тому, кто пытается найти разрѣшеніе, пока не будетъ найденъ надлежащій языкъ. Но въ шифрѣ, насъ интересующемъ, всякая трудность была устранена подписью. Игра словъ на словѣ „Киддъ“ не могла быть ни въ какомъ другомъ языкѣ, кромѣ Англійскаго. Безъ этого соображенія я началъ бы свою пробу съ Испанскаго и Французскаго, какъ съ языковъ, на которыхъ скорѣе всего могла быть записана тайна такого рода пиратомъ Испанскаго происхожденія. Въ данномъ случаѣ, я предположилъ, что тайнопись была Англійской.

„Какъ вы можете замѣтить, здѣсь нѣтъ раздѣленій между словами. Если бы они были раздѣлены, задача сравнительно была бы легкой. Въ этомъ случаѣ я бы началъ съ сопоставленія и анализа самыхъ короткихъ словъ, и если бы попалось слово изъ одной буквы, какъ это часто бываетъ („а“ или „I“, на примѣръ), я считалъ бы загадку разрѣшенной. Но такъ какъ тамъ не было раздѣленій, моимъ первымъ шагомъ было опредѣлить господствующія буквы, такъ же какъ и тѣ, которыя встрѣчаются наиболѣе

рѣдко. Сосчитавъ всѣ, я построилъ слѣдующую таблицу:

знакъ S повторяется 33 раза.

;	”	26.
4	”	19.
+	”	16.
*)	”	13.
*	”	13.
5	”	12.
6	”	11.
+I	”	8.
0	”	6.
92	”	5.
:3	”	4.
?	”	3.
π	”	2.
—	”	1.

„Въ Англійскомъ языкѣ, буква, которая встрѣчается чаще всего, есть *e*. Потому они идутъ въ такой послѣдовательности: *a o i d h n r s t u y c f g l m w b k p q x z*. *E* такъ особенно главенствуетъ, что рѣдко можно встрѣтить отдѣльную, сколько-нибудь длинную, фразу, въ которой оно не было бы господствующей буквой.

„Хорошо. Теперь мы имѣемъ въ самомъ началѣ основаніе для чего-то большаго, чѣмъ простая догадка. Общее пользованіе таблицей можетъ быть примѣнено вполне ясно—но въ этомъ особенномъ шифрѣ мы только отчасти будемъ прибѣгать къ ея помощи. Такъ какъ нашъ господствующій знакъ S, мы начнемъ съ того, что возьмемъ его—какъ *e* обыкновенной азбуки. Чтобы провѣрить это предположеніе, посмотримъ, часто ли S встрѣчается вдвойнѣ такъ какъ *e* дублируется очень часто въ Англійскомъ—напримѣръ, въ такихъ словахъ, какъ *meet, fleet, speed, seen, been, agree* и т. д. Въ данномъ случаѣ мы видимъ это повтореніе не менѣе пяти разъ, несмотря на то, что криптограмма очень короткая.

„Возьмемъ же *s*, какъ *e*. Изъ всѣхъ *словъ* въ рѣчи „the“ самое употребительное; посмотримъ, слѣдовательно, не найдемъ ли мы повторенія какихъ-нибудь трехъ знаковъ въ тождественномъ порядкѣ сочетанія, чтобы послѣднй изъ нихъ былъ *s*. Если мы найдемъ повторенія такихъ буквъ, такъ расположенныхъ, они, по всей вѣроятности, составятъ слово „the“. По разсмотрѣннй, мы находимъ не менѣе, чѣмъ семь такихъ сочетаній, знаки эти ; 48. Мы можемъ поэтому предположить что ; означаетъ *t*, 4 означаетъ *h*, и *S* означаетъ *e*—послѣднее вполнѣ подтверждено. Это большой шагъ впередъ.

„По, установивъ одно отдѣльное слово, мы можемъ установить еще болѣе важный пунктъ, т.-е. различныя начала и окончанія другихъ словъ. Возьмемъ, на примѣръ, послѣднй случай—тотъ, въ которомъ сочетание ; 48 встрѣчается недалеко отъ конца шифра. Мы знаемъ, что ; непосредственно слѣдующее есть начало какого-нибудь слова, и изъ шести знаковъ, слѣдующихъ за этимъ „the“, мы знаемъ не менѣе пяти. Замѣнимъ эти знаки изображающими ихъ буквами, которыя мы уже знаемъ, оставивъ мѣсто для неизвѣстныхъ

t eeth.

„Тутъ мы должны будемъ сразу отдѣлить „th“, которое не можетъ составлять части слова, начинающагося первымъ *t*; ибо, пробуя по порядку буквы всей азбуки въ примѣненнй къ пробѣлу, мы видимъ, что никакое слово не можетъ быть образовано, у котораго это *th* было бы частицей. Такимъ образомъ, мы сосредоточиваемся на

t ee,

и, вновь какъ раньше перебирая, если это нужно, азбуку, мы доходимъ до слова „tree“ (дерево), какъ единственнаго подходящаго. Такимъ образомъ, мы получаемъ другую букву, *r*, изображаемую знакомъ (, въ ближайшемъ соприкосновеннй со словами „the tree“.

„Встрѣчая немного дальше эти же слова, мы вновь видимъ сочетаніе знаковъ ; 48 и беремъ его какъ *окончаніе* того, что непосредственно предшествуетъ ему. Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующее расположеніе:

the tree ; 4 († ? 34 the,

или, замѣнивъ обыкновенными буквами знаки, которые намъ уже извѣстны, читаемъ это такъ:

the tree thr † ? 3h the.

„Теперь, если мы на мѣстѣ неизвѣстныхъ намъ буквъ оставимъ пробѣлы, или замѣнимъ ихъ точками, мы читаемъ слѣдующее:

the tree thr...the,

и слово through дѣлается очевиднымъ тотчасъ же. Но это открытіе даетъ намъ три новыя буквы *o*, *u* и *g* изображенныя † ? и 3.

„Внимательно отыскивая теперь въ шифрѣ сочетаніе извѣстныхъ намъ знаковъ, мы находимъ недалеко отъ начала слѣдующее сочетаніе:

83 (88, или egree,

которое, конечно, есть окончаніе слова „degree“ (степень; градусъ) и которое даетъ намъ другую букву „d“, изображаемую черезъ †.

„Четырьмя буквами далѣе за словомъ „degree“ мы видимъ сочетаніе:

; 48 (; 88.

„Переводя извѣстные знаки, а неизвѣстные изображая точками, какъ раньше, мы читаемъ слѣдующее:

th rtee,

сочетаніе, которое тотчасъ внушаетъ слово „thirteen“ (тринадцать), и опять даетъ намъ двѣ новыя буквы *i* и *n*, обозначаемаыя какъ 6 и *.

„Обратившись теперь къ началу тайнописи, мы находимъ сочетаніе:

53 †† †

„Переводя какъ раньше знаки, мы получаемъ:

good,

которыя удостовѣряютъ насъ, что первая буква есть А и что первыя два слова суть „А good“ (хорошій).

„Теперь пора намъ расположить нашъ ключъ, поскольку онъ открытъ, въ порядкѣ таблицы, чтобы избѣжать путаницы. Это будетъ такъ:

5	означаетъ	a
+	„	d
8	„	e
3	„	g
4	„	h
6	„	i
*	„	n
+	„	o
(	„	r
;	„	t

„Такимъ образомъ, мы имѣемъ не менѣе десяти наиболѣе употребительныхъ буквъ, и бесполезно было бы продолжать дальнѣйшее изображеніе подробностей разгадки. Я достаточно сказалъ, чтобы убѣдить васъ, что шифръ такого рода можетъ быть легко разрѣшенъ, и чтобы дать вамъ нѣкоторое пониманіе *способа* его развитія. Но будьте увѣрены, что образчикъ, находящійся передъ нами, принадлежитъ къ простѣйшимъ образцамъ тайнописи. Теперь остается только дать вамъ полный переводъ знаковъ на пергаментъ въ томъ видѣ, какъ они разгаданы. Вотъ они:

„A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat forty-one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's-head a bee line from the tree through the shot fifty feet out“.

„Хорошее стекло въ домѣ епископа на чортовомъ стулѣ сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ къ сѣверо-востоку и на сѣверъ главная вѣтвь седьмой сукъ восточная сторона бросить сквозь лѣвый глазъ мертвой головы по пчелиной линіи съ дерева на вылетъ пятьдесятъ футовъ“.

„Но“, сказалъ я, „загадка, повидимому, въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и до сихъ поръ. Какъ возможно исторгнуть какой-нибудь смыслъ изъ всего этого жаргона о „чортовыхъ стульяхъ“, „мертвыхъ головахъ“, и „домахъ епископа“?

„Согласенъ“, отвѣтилъ Леграндъ, „что дѣло это все еще кажется серьезнымъ, если на него смотреть бѣглымъ взглядомъ. Моей первой заботой было угадать естественное раздѣленіе фразы, которое разумѣлъ тайнописецъ“.

„Вы говорите, поставитъ знаки препинанія?“

„Что-нибудь въ этомъ родѣ“.

„Но какъ было возможно сдѣлать это?“

„Я подумалъ, что это былъ намѣренный умыселъ пишущаго — поставить слова эти вмѣстѣ безъ раздѣленій, дабы такимъ образомъ увеличить трудность разгадки. Но не слишкомъ острый человекъ въ преслѣдованіи такой цѣли почти навѣрное перейдетъ мѣру. Когда въ ходѣ его работы онъ подходитъ къ перерыву въ содержаніи, который, конечно, будетъ требовать паузы или точки, онъ будетъ имѣть чрезмѣрную склонность въ этомъ самомъ мѣстѣ ставить буквы ближе другъ къ другу, чѣмъ обыкновенно. Если вы станете разсматривать манускриптъ, то здѣсь вы легко найдете пять случаевъ такого рода необыкновенно тѣснаго писанія. Опираясь на такое указаніе, я сдѣлалъ раздѣленіе слѣдующимъ образомъ:

„A good glass in the Bishop's hostel in the Devil's seat—forty-one degrees and thirteen minutes—northeast and by north—main branch seventh limb east side—shoot from the left eye of the death's head—a bee line from the tree throug the shot fiftet feet out“.

„Хорошее стекло въ домѣ епископа на Чортовомъ стулѣ—сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ—къ сѣверо-востоку и на сѣверъ—главная вѣтвь седьмой сукъ восточная сторона—бросить сквозь лѣвый глазъ мертвой головы—по пчелиной линіи съ дерева на вылетъ пятьдесятъ футовъ“.

„Все же и при такомъ раздѣленіи“, сказалъ я, „я остаюсь въ потемкахъ“.

„Я также былъ нѣсколько дней въ потемкахъ“, сказала Лерграндъ. „Въ продолженіи этого времени я усердно разспрашивалъ въ окрестностяхъ острова Сюлливана о какомъ-либо зданіи подъ названіемъ Bishop's' Hotel (домъ епископа), ибо я, конечно, не заботился о вышедшемъ изъ употребленія словѣ „hostel“ (hotel—домъ)*). Не получивъ никакого свѣдѣнія по этому поводу, я почти уже готовъ былъ расширить сферу поисковъ и дѣлать ихъ болѣе систематично, какъ однажды утромъ, совсѣмъ внезапно меня осѣнила мысль, что этотъ „Bishops Hotel“ могъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ какой-либо старинной фамиліи по имени Bessor, которая съ незапамятныхъ временъ владѣла старымъ замкомъ около четырехъ миль къ сѣверу отъ острова. Я отправился поэтому на ту сторону къ плантаціямъ, и возобновилъ мои разспросы среди старыхъ негровъ той мѣстности. Наконецъ, одна изъ самыхъ старыхъ женщинъ сказала, что она слыхала о такомъ мѣстѣ, которое называлось *Замокъ Биссона*, и что можетъ проводить меня туда, но что это не былъ замокъ или гостиница, а высокая скала.

„Я предложилъ хорошо заплатить ей за ея хлопоты, и, послѣ нѣкотораго колебанія, она согласилась сопровождать меня къ этому мѣсту. Мы нашли его безъ большого труда, и, отпустивъ ее, я началъ изслѣдовать это мѣсто. „Замокъ“ состоялъ изъ безпорядочнаго собра-

---

Въ примѣненіи къ обитанищу челоѣка зажиточнаго.

нія скаль и утесовъ, одинъ изъ которыхъ особенно выдѣлялся своей вышиной, такъ же какъ и отъединеннымъ искусственнымъ видомъ. Я взобрался на его вершину и тутъ почувствовалъ нѣкоторое недоумѣніе, что теперь предпринять.

„Межь тѣмъ какъ я былъ погруженъ въ размышленія, мой взглядъ упалъ на узкій выступъ на восточной сторонѣ утеса, можетъ быть однимъ ярдомъ ниже вершины, на которой я стоялъ. Этотъ выступъ выдавался на восемнадцать дюймовъ, и былъ не болѣе одного фута ширины. Углубленіе въ утесѣ, какъ разъ надъ нимъ, придавало ему грубое сходство съ однимъ изъ тѣхъ стульевъ съ вогнутой спинкой, которые были у нашихъ предковъ. Я не усумнился въ томъ, что это и былъ «чортовъ стулъ», на который намекалъ манускриптъ, и теперь мнѣ казалось что я овладѣлъ всей тайной загадки.

„«Хорошее стекло», я зналъ, не могло относиться ни къ чему иному, какъ только къ телескопу; ибо слово «стекло» рѣдко употребляется моряками въ какомъ-либо иномъ смыслѣ. Теперь я былъ увѣренъ, что нужно было пользоваться подзорной трубой, и съ опредѣленной точки, *недопускавшей* никакого *измѣненія*. Я не сомнѣвался также, что выраженіе «сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ» и «сѣверо-востокъ и къ сѣверу» означали направленіе для наведенія стекла. Очень взволнованный всѣми этими открытіями, я поспѣшилъ домой, раздобылъ подзорную трубу, и возвратился къ утесу.

„Я спустился внизъ къ выступу, и замѣтилъ, что держаться на немъ было возможно лишь сидя въ одномъ опредѣленномъ положеніи. Этотъ фактъ подтвердилъ возникшее во мнѣ предположеніе. Я сталъ смотрѣть въ подзорную трубу. Конечно, «сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ» не могли относиться ни къ чему иному, кромѣ высоты надъ видимымъ горизонтомъ, ибо горизонтальное направленіе было ясно указано словами, «сѣверо-восточный и къ

сѣверу». Это послѣднее направленіе я сразу установилъ съ помощью карманнаго компаса; потомъ, наставивъ стекло приблизительно подъ угломъ въ сорокъ одинъ градусъ высоты, насколько я могъ сдѣлать это догадкой, я сталъ осторожно передвигать его вверхъ и внизъ, пока вниманіе мое не было остановлено круглымъ просвѣтомъ, или отверстіемъ, въ листвѣ большого дерева, превышавшаго своихъ сотоварищей на всемъ этомъ пространствѣ. Въ средоточіи этого просвѣта я замѣтилъ бѣлую точку, но сначала не могъ разобрать, что это было. Наведя фокусъ подзорной трубы, я опять сталъ смотрѣть, и теперь убѣдился, что это былъ человѣческій черепъ.

„При этомъ открытіи я такъ возликовалъ, что считалъ загадку разрѣшенной; ибо слова «главная вѣтвь, седьмой сукъ, восточная сторона» могли относиться только къ положенію черепа на деревѣ, между тѣмъ какъ «на вылетъ изъ лѣваго глаза мертвой головы» допускало также только одно объясненіе по отношенію къ отыскиванію зарытаго клада. Я понялъ, что указаніе повелѣвало пропустить пулю черезъ лѣвый глазъ черепа, и что пчелиная линія, или, другими словами, прямая линія, протянутая отъ ближайшей точки ствола «на вылетъ» (или устремленная къ мѣсту, куда упадетъ пуля), и отсюда протянутая на разстояніе пятидесяти футовъ, указала бы нѣкоторое опредѣленное мѣсто—и около этого-то мѣста, какъ я по крайней мѣрѣ полагалъ, *возможно*, что сложены спрятанныя сокровища“.

„Все это“, сказалъ я, „чрезвычайно ясно, и, хотя замысловато, все же просто и понятно. Когда вы оставили Домъ Епископа, что было дальше?“

„Когда я тщательно замѣтилъ мѣстоположеніе дерева, я вернулся домой. Въ тотъ самый мигъ, однако-же, какъ я оставилъ «чортовъ стулъ», круглое отверстіе исчезло, и послѣ я не могъ увидѣть ни признака его, какъ бы я ни повертывался. Что мнѣ показалось верхомъ изобрѣтательности во всемъ этомъ дѣлѣ, такъ это тотъ фактъ (повто-

ряя опытъ, я убѣдился, что это было такъ), что круглое отверстіе, о которомъ мы говорили, видно было лишь съ одной достижимой точки, именно даваемой этимъ узкимъ выступомъ на лицевой сторонѣ утеса.

„Въ этой экспедиціи къ „Дому Епископа“ меня сопровождалъ Юпитеръ, который безъ сомнѣнія замѣтилъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль мой отсутствующій видъ, и особенно заботился о томъ, чтобы не оставлять меня одного. Но на слѣдующій день, вставъ очень рано, я ухитрился улізнуть отъ него, и отправился въ холмы отыскивать дерево. Послѣ большихъ хлопотъ, я нашелъ его. Когда къ ночи я вернулся домой, мой слуга собирался меня побить. Со всѣмъ остальнымъ въ этомъ происшествіи, я думаю, вы освѣдомлены такъ же хорошо, какъ и я“.

„Я полагаю“, сказалъ я, „вы ошиблись точкой при первой попыткѣ сдѣлать раскопку, благодаря глупости Юпитера, который пропустилъ жука черезъ правый глазъ черепа вмѣсто лѣваго“.

„Конечно. Эта ошибка сдѣлала разницу приблизительно въ два дюйма съ половиной относительно «на вылетъ» — то-есть положенія клина, ближайшаго къ дереву; и если бы кладъ находился *подъ* мѣстомъ паденія «на вылетъ» — ошибка была бы маловажная; но «вылетъ», вмѣстѣ съ ближайшей точкой дерева, былъ нуженъ какъ точки для того, чтобы установить линію направленія; конечно, ошибка, хотя и малая вначалѣ, увеличилась по мѣрѣ того, какъ мы продолжали линію, и по истеченіи времени мы отошли на пятьдесятъ футовъ, что совершенно заставляло насъ потерять слѣдъ. Но безъ моего глубоко заставшаго убѣжденія, что сокровища были зарыты гдѣ-то здѣсь, вся наша работа оказалась бы напрасной“.

„По всѣ ваши пышные фразы и ваше размахиваніе жукомъ—какъ это было необыкновенно странно! Я былъ увѣренъ, что вы сошли съ ума. И почему вы настаивали

на томъ, чтобы пропустить черезъ черепъ жука вмѣсто пули?«

„Ну, говоря откровенно, я чувствовалъ себя нѣсколько раздосадованнымъ вашими явными подозрѣніями относительно здраваго состоянія моего ума, и рѣшилъ хорошенько наказать васъ, по-своему, небольшою дозою умѣренной мистификаціи. Поэтому я размахивалъ жукомъ, поэтому я велѣлъ спустить его съ дерева. Ваше замѣчаніе относительно его вѣса внушило мнѣ эту мысль.“

„Да, я понимаю; а теперь остается одинъ пунктъ, который интригуетъ меня. Что намъ думать о скелетахъ, найденныхъ въ ямѣ?“

„Это вопросъ, на который я такъ же мало могу отвѣтить, какъ и вы. Все же, мнѣ кажется, есть только одно правдоподобное объясненіе этого — и, однако, ужасно подумать о такой жестокости, которая возникаетъ въ моемъ воображеніи. Ясно, что Кидду — если это дѣйствительно Киддъ схоронилъ этотъ кладъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь — ясно, что ему должны были помогать въ его работѣ. Но, когда работа была окончена, онъ, должно быть, счелъ нужнымъ удалить всѣхъ участниковъ своей тайны. Двухъ ударовъ киркой было, можетъ быть, достаточно, въ то время какъ его помощники работали въ ямѣ; а можетъ быть тутъ понадобилась и цѣлая дюжина — кто скажетъ?“

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ СЪ МУМІЕЙ.

Пиръ предъидущаго вечера былъ нѣсколько слишкомъ силенъ для моихъ нервовъ. У меня была преподлая головная боль, и на меня напала отчаянная сонливость. Поэтому, вмѣсто того, чтобы выйти и провести вечеръ внѣ дома, какъ я предполагалъ, ничего мнѣ не оставалось болѣе разумнаго сдѣлать, какъ перехватить кусочекъ на ужинъ, да и отправляться немедленно въ постель.

Легкій ужинъ, конечно. Валлійскій кроликъ мнѣ весьма любезенъ. Болѣе одного фунта заразъ, однако, не всегда можно рекомендовать. Все же существеннаго возраженія противъ двухъ не можетъ быть. И въ дѣйствительности между двумя и тремя—въ наличности лишь одна единица разницы. Я отважился, быть можетъ, на четыре. Моя жена настаиваетъ на пяти;—но, ясно, она смѣшала два совершенно различныя обстоятельства. Абстрактное число, пять, я охотно допускаю; но, конкретно, это имѣетъ отношеніе къ бутылкамъ темнаго стаута, безъ котораго, какъ приправъ, Валлійскаго кролика должно избѣгать.

Завершивъ такимъ образомъ скромную трапезу, и надѣвъ мой ночной колпакъ, съ безмятежной надеждой пользоваться имъ до полдня слѣдующаго дня, я помѣстилъ мою голову на подушку, и съ помощью спокойной совѣсти немедленно впалъ въ глубокую дремоту.

Но когда надежды человечества исполнялись? Наврядъ ли я всхрапнулъ и въ третій разъ, какъ у наружной двери

бѣшено зазвонилъ звонокъ, и затѣмъ нетерпѣливо заколотило стукольце, которое разбудило меня сразу. Минуту спустя, и въ то время какъ я еще протиралъ свои глаза, жена моя бросила мнѣ прямо въ лицо записку стараго моего друга, Доктора Поннонэра. Она гласила:

„Милый, добрый другъ, приходите ко мнѣ во что бы то ни стало, какъ вы только получите это. Приходите и посодѣйствуйте нашей радости. Наконецъ, благодаря упорной дипломатіи, я получилъ согласіе Директоровъ Городскаго Музея на мое изслѣдованіе муміи — вы знаете, какую я разумѣю. Я получилъ разрѣшеніе развернуть ея покровы, и вскрыть ее, если это окажется желательнымъ. При этомъ будетъ лишь нѣсколько друзей — вы конечно. Мумія въ данное время въ моемъ домѣ, и мы начнемъ развертывать ее сегодня въ одиннадцать часовъ ночи.

Всегда вашъ

Поннонэръ“.

Въ то время какъ я достигъ „Поннонэра“, меня поразила мысль, что я настолько пробудился, насколько это можетъ быть нужно человѣку. Я выскочилъ изъ постели въ экстатическомъ порывѣ, опрокидывая все по дорогѣ, одѣлся съ быстротой, поистинѣ волшебной, и со всѣхъ ногъ поспѣшилъ къ Доктору.

Тамъ я нашелъ весьма оживленное общество, которое уже собралось. Всѣ ждали меня съ большимъ нетерпѣніемъ; мумія была положена во всю длину на обѣденномъ столѣ, и, въ тотъ мигъ какъ я вошелъ, изслѣдованіе началось.

Это была одна изъ мумій, привезенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Капитаномъ Артуромъ Сабреташемъ, двоюроднымъ братомъ Поннонэра, изъ гробницы близъ Элейтіаса, въ Либійскихъ горахъ, что на значительномъ разстояніи выше Оивъ на Нилѣ. Гроты въ этомъ мѣстѣ, хотя менѣе пышны, чѣмъ Оивскія гробницы, представляютъ болѣе высокій интересъ по причинѣ того, что они даютъ

болѣе разъясненіи частной жизни Египтянъ. Покой, изъ котораго былъ взятъ нашъ образчикъ, какъ говорили, былъ весьма богатъ такими разъясненіями, стѣны его были цѣликомъ покрыты фресками и барельефами, между тѣмъ какъ статуи, вазы, и мозаика съ богатыми узорами, указывали на великій достатокъ покойника.

Сокровище было сложено въ музей какъ разъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Капитанъ Сабреташъ нашелъ его;—то-есть гробъ не былъ потревоженъ. Восемь лѣтъ онъ такъ стоялъ, подверженный лишь виѣнне публичному раземотрѣнію. Такимъ образомъ, мы имѣли теперь цѣлую мумію въ нашемъ распоряженіи, и для тѣхъ, кто знаетъ, какъ рѣдко—насколько рѣдко сокровища древности достигаютъ нашихъ береговъ неграбленными, сразу будетъ очевидно, что мы имѣли достаточное основаніе поздравить себя съ благою нашей удачей.

Приблизившись къ столу, я увидѣлъ на немъ просторный ларь, пли ящикъ, футовъ семь въ длину и, пожалуй, три фута въ ширину, при двухъ съ половиной футахъ глубины. Онъ былъ продолговатый, не гробообразный. Относительно матеріала сперва было предположено, что это дерево сикоморы (*platanus*), но, сдѣлавъ надрѣзъ, мы убѣдились, что это былъ картонъ, пли, точнѣе говоря, *пале-маше*, сдѣланное изъ папируса. Все было густо орнаментировано картинами, изображавшими похоронныя сцены и другіе траурныя замыслы, а между ними въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ были разсѣяны въкоторыя ряды гіероглифическихъ знаковъ, обозначающихъ, безъ сомнѣнія, имя покойнаго. По счастливой случайности, Мистеръ Глидонъ былъ въ числѣ собравшихся, и для него не было никакой трудности перевести надписанія, которыя были чисто фонетическими, и составляли слово *Allamistakeo*.

Намъ лишь съ нѣкоторымъ трудомъ удалось вскрыть этотъ ящикъ безъ поврежденій, но когда, наконецъ, намъ

это удалось, мы увидѣли второй ящикъ, гробообразный и значительно меньшій въ размѣрахъ, чѣмъ внѣшній, но въ точности походящій на него во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Премежутокъ между обоими былъ наполненъ камедью, которая до извѣстной степени исказила краски внутренняго ларя.

Открывъ этотъ послѣдній (что мы сдѣлали совершенно легко), мы достигли третьяго ящика; онъ былъ тоже гробообразный, и ничѣмъ не отличался отъ второго, кромѣ матеріала, каковой былъ кедромъ, и еще испускалъ сильный и чрезвычайно ароматическій духъ, свойственный этому дереву. Между вторымъ и третьимъ ящикомъ не было промежутка, одинъ вполне подходилъ къ другому.

Сдвинувъ третій ящикъ, мы нашли и вынули самое тѣло. Мы думали, что увидимъ его, какъ обычно, закутаннымъ въ многочисленныя льняныя свертки или перевязи, но вмѣсто этого мы увидѣли нѣкотораго рода футляръ, сдѣланный изъ папируса и облицованный слоемъ гипса, густо раззолоченнаго и расписаннаго красками. Живопись представляла замыслы, связанные съ различными предполагаемыми обязанностями души, и ея представленіе различнымъ божествамъ съ многочисленными тождественными человеческими фигурами, которыя, весьма вѣроятно, разумѣлись, какъ портретъ тѣхъ, кто былъ забальзамированъ. Отъ головы до ногъ простиралась подобная колоннѣ или перпендикулярная надпись въ фонетическихъ гіероглифахъ, давая опять имя покойнаго и его титулы и имена, и имена и титулы его родныхъ.

Вокругъ шеи, такимъ образомъ освобожденной отъ покрышки, было ожерелье изъ цилиндрическихъ стеклянныхъ бусъ, различныхъ по цвѣту и такъ расположенныхъ, что они образовывали лики божествъ, скарабея, и пр., съ крылатымъ дискомъ. Вокругъ талии, въ наиболѣе узкомъ ея мѣстѣ, было подобное же ожерелье или поясъ.

Снявши папирусъ, мы нашли, что тѣло въ превосходной сохранности, безъ малѣйшаго запаха. Цвѣтъ красноватый. Кожа твердая, гладкая, и глянцевитая. Зубы и волосы были въ добромъ состояніи. Глаза (какъ казалось) были вынуты и на мѣсто ихъ вставлены стеклянные, которые были очень красивы и удивительно жизнеподобны, исключая лишь нѣсколько слишкомъ неподвижный взглядъ. Пальцы и ногти были блистательно позолочены.

Благодаря краснотѣ верхней кожицы, Мистеръ Глиддонъ высказалъ мнѣніе, что бальзамированіе было осуществлено всецѣло съ помощью горной смолы; но, поцарапавъ поверхность стальнымъ инструментомъ и бросивъ въ огонь такимъ образомъ получившійся порошокъ, мы убѣдились, что запахъ камфоры и другихъ благовонныхъ смолъ сдѣлался совершенно явственнымъ.

Мы очень тщательно осмотрѣли тѣло, ища обычныхъ отверстій, черезъ которыя извлекались внутренности, но къ нашему удивленію мы не могли найти ни одного. Ни одинъ изъ сочленовъ этого общества не зналъ еще въ то время, что цѣльные муміи безъ отверстій встрѣчаются нерѣдко. Мозгъ обычно извлекали черезъ носъ; внутренности черезъ надрѣзъ въ боку; тѣло послѣ этого брили, мыли, и солили; засимъ оставляли его на нѣсколько недѣль, и тогда начиналась, собственно говоря, операція бальзамированія.

Такъ какъ ни слѣда никакого отверстія не было найдено, Докторъ Поннонвэръ сталъ готовить инструменты для диссекціи, когда я замѣтилъ, что было уже два часа слишкомъ. Тогда всѣ условились отложить внутреннее изслѣдованіе до ближайшаго вечера, и мы уже готовы были разойтись, какъ кто-то высказалъ мысль объ опытѣ съ Вольтовымъ столбомъ.

Примѣненіе электричества къ муміи, историческій возрастъ которой былъ три или четыре тысячи лѣтъ, было мыслью, по крайней мѣрѣ, если не очень мудрой, все же

достаточно оригинальной, и мы всё сразу за нее ухватились. На одну десятую въ серезъ и на девять десятыхъ въ шутку, мы приготовили батарею въ кабинетъ Доктора, и отнесли туда Египтянина.

Лишь послѣ значительныхъ хлопотъ намъ удалось обнажить нѣкоторыя части височнаго мускула, которыя, какъ казалось, отличались менѣе каменной затвердѣлостью, нежели другія части тѣла, но которыя, какъ мы предполагали, конечно, не дали никакихъ указаній на гальваническую воспріемлемость, будучи приведены въ соотношеніе съ электрической проволокой. Этотъ первый опытъ казался на самомъ дѣлѣ рѣшительнымъ, и, весело хохоча на собственную нашу вздорность, мы прощались, желая другъ другу спокойной ночи, какъ вдругъ мои глаза, устремившись на глаза муміи, были къ нимъ немедленно прикованы въ изумленіи. Дѣйствительно, одного быстрога взгляда мнѣ было достаточно, чтобы убѣдиться, что глазныя яблоки, бывшія, какъ всё предположили, изъ стекла, и ранѣе отличавшіяся извѣстнымъ дикимъ неподвижнымъ взглядомъ, были теперь настолько прикрыты вѣками, что лишь небольшая часть *tunica albuginea* оставалась видимой.

Вскрикнувъ, я обратилъ вниманіе на этотъ фактъ, и онъ сталъ очевиднымъ для всѣхъ.

Я не могу сказать, что я былъ *встревоженъ* даннымъ феноменомъ, потому что „встревоженъ“ въ данномъ случаѣ неточное слово. Возможно, однако, что безъ темнаго стаута я могъ бы оказаться нѣсколько нервнымъ. Что касается остальныхъ членовъ компаніи, они поистинѣ не приложили никакихъ усилій скрыть свой прямой испугъ, овладѣвшій ими. Докторъ Понноннэръ явился человѣкомъ, достойнымъ состраданія. Мистеръ Глиддонъ какимъ-то особеннымъ способомъ сдѣлался невидимымъ. Мистеръ Силькъ Бѣкингамъ, я полагаю, врядъ ли дерзнетъ отрицать, что онъ на четверенькахъ отправился подъ столъ.

Послѣ перваго толчка изумленія, мы, однако, рѣшили, какъ само собою разумѣется, продолжать дальнѣйшее изслѣдованіе. Наше вниманіе было направлено теперь на большой палецъ правой ноги. Мы сдѣлали надрѣзь надъ виѣшней областью *os sesamoideum pollicis pedis*, и такимъ образомъ достигли основанія *abductor* мускула. Приспособивъ батарею, мы примѣнили электрическій токъ къ разсѣченнымъ нервамъ — какъ вдругъ, движеніемъ чрезвычайно жизнеподобнымъ, мумія сперва выпрямила правое колено настолько, что почти привела его въ соприкосновеніе съ животомъ, и потомъ, выпрямивъ ногу, съ неистижимой силой дала пинокъ Доктору Поннонпэру, который имѣлъ такое дѣйствіе, что устремилъ этого джентльмена, какъ стрѣлу изъ катапульты, черезъ окно внизъ на улицу.

Мы ринулись наружу *en masse*, чтобы принести изуродованныя останки жертвы, но имѣли счастье встрѣтить его на лѣстницѣ, поспѣшающимъ вверхъ съ неизъяснимою рьяностью, до краевъ наполненнымъ самою пламенной философійю, и болѣе чѣмъ когда-нибудь запечатлѣвшимся въ умъ своемъ необходимость продолжать наши опыты со всею строгостью и рвеніемъ.

Это по его совѣту, согласно съ симъ, мы сдѣлали тотчасъ же глубокій надрѣзь на кончикѣ носа пациента. Между тѣмъ какъ Докторъ самъ, наложивъ на него насильственныя руки, притянулъ его въ самое пылкое соприкосновеніе съ электрической проволокой.

Морально и физически—образно и буквально—эффектъ былъ электрическій. Во-первыхъ, тѣло открыло свои глаза и замигало очень быстро, продолжая это дѣлать въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, какъ это дѣлаетъ Мистеръ Барнесъ въ пантомимѣ; во вторыхъ, оно чихнуло; въ-третьихъ, оно усѣлось выпрямившись; въ-четвертыхъ, оно потрясло своимъ кулакомъ передъ лицомъ доктора Поннонпэра; въ-пятыхъ, обращаясь къ *Messieurs* Глиддону и

Бёкингаму, оно заговорило съ ними на превосходнѣйшемъ Египетскомъ, такимъ образомъ:—

„Я долженъ сказать, джентльмены, что я столько же удивленъ, сколько оскорбленъ вашимъ поведеніемъ. Отъ Доктора Поннонэра ничего лучшаго ждать было нельзя. Это—злосчастный жирный дурачекъ, который ничего лучшаго не *знаетъ*. Я жалѣю его и прощаю ему. Но вы, Мистэръ Глидонъ—и вы, Силькъ—вы, который путешествовали и жили въ Египтѣ, такъ что можно было бы подумать, что вы тамъ родились въ хорошей семьѣ—вы, говорю я, бывшій среди насъ столько, что вы говорите по-Египетски такъ же хорошо, какъ, думаю я, вы пишете на вашемъ родномъ языкѣ—вы, кого я всегда былъ расположенъ считать самымъ прочнымъ другомъ мумій—пойстинѣ, я ожидалъ болѣе джентльманскаго поведенія отъ *васъ*. Что долженъ я думать о томъ, что вы спокойно стоите и смотрите на меня, когда со мной такъ некрасиво обходятся? что долженъ я предполагать, разъ вы позволяете всякому Тому, Дику, и Харри разоблачать меня отъ моихъ гробовъ и отъ моихъ одѣяній, въ этомъ злосчастно-холодномъ климатѣ? Въ какомъ свѣтѣ (говоря по существу) долженъ я разсматривать вашу помощь и вашу поддержку, оказанную вами этому жалкому негодяйчику, Доктору Поннонэру, потянувшему меня за носъ?“

Подумаютъ, конечно, что, услышавъ такой спичъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, мы или всѣ направилась къ дверямъ, или попадали въ истерикѣ, или всѣмъ обществомъ упали въ обморокъ. Чего-нибудь одного ихъ этихъ трехъ можно было, говорю я, ожидать. На самомъ дѣлѣ, любое изъ всѣхъ этихъ различій поведенія, или всѣ они вмѣстѣ, вполне приѣмлемымъ образомъ могли осуществиться. И, клянусь, я совершенно не знаю, какъ или почему не осуществили мы ни одного, ни другого, ни третьяго. Но, быть-можетъ, истинной причины нужно искать въ духѣ вѣрка, который прямо поступаетъ по правилу противополож-

ностей, и въ томъ, что нынѣ признается, какъ разрѣшеніе всего, путь парадокса и невозможности. Или, быть-можетъ, послѣ всего, это только чрезвычайно естественный и какъ бы само собой разумѣющийся видъ Муміи лишилъ всѣ ея слова страшности. Какъ бы тамъ ни было, факты ясны, и ни одинъ изъ сочленовъ нашего общества не явилъ какой-либо особенной дрожи, и не выказалъ, что ему кажется, чтобы что-нибудь было тутъ особенно внѣ порядка.

Что касается меня, я былъ убѣжденъ, что все было all right, какъ слѣдуетъ, и я лишь отошелъ въ сторону, за предѣлы достиженія Египетскаго кулака. Докторъ Понниеръ засунулъ свои руки въ карманы брюкъ, жестко посмотрѣлъ на Мумію, и сдѣлался необыкновенно красенъ въ лицѣ. Мистеръ Глиддонъ погладилъ бакенбарды и поправилъ воротникъ своей рубашки. Мистеръ Бѣкингамъ повѣсилъ голову, и положилъ большой палецъ своей правой руки въ лѣвый уголъ своего рта.

Египтянинъ смотрѣлъ на него нѣкоторое время съ суровымъ лицомъ, и, наконецъ, съ презрительной усмѣшкой сказалъ:

„Почему же вы ничего не говорите, Мистеръ Бѣкингамъ? Слышали вы, что я васъ спросилъ или нѣтъ? *Выньте* вашъ палецъ изъ вашего рта!“

Тутъ Мистеръ Бѣкингамъ слегка вздрогнулъ, вынулъ большой палецъ своей правой руки изъ лѣваго угла своего рта, и, въ видѣ компенсаціи, ввелъ большой палецъ лѣвой своей руки въ правый уголъ вышеупомянутаго отверстия.

Не будучи въ состояніи получить какой-нибудь отвѣтъ отъ Мистера Бѣкингама, сія фигура повернулась въ сердцахъ къ Мистеру Глиддону, и тономъ, не допускающимъ возраженія, потребовала отъ насъ въ общихъ выраженіяхъ сказать, чего мы всѣ хотимъ.

Мистеръ Глиддонъ отвѣтилъ подробно, фонетически; и, если бы въ Американскихъ типографіяхъ имѣлся гіэро-

глифическій шрифтъ, мнѣ бы доставило истинное удовольствіе запечатлѣть здѣсь въ оригиналъ всю эту превосходную рѣчь цѣликомъ.

Я воспользуюсь также даннымъ случаемъ, чтобы замѣтить, что вся послѣдующая бесѣда, въ которой Мумія принимала участіе, велась на первобытномъ Египетскомъ языкѣ черезъ посредство (поскольку это касалось меня и другихъ не путешествовавшихъ членовъ общества)—черезъ посредство, говорю я, Messieurs Глиддона и Бѣкингама, какъ переводчиковъ. Эти джентльмены говорили на родномъ языкѣ Муміи съ неподражаемой бѣглостью и изяществомъ; но я не могъ не замѣтить, что два путешественника (безъ сомнѣнія, благодаря введенію образовъ вполне современныхъ, и, конечно, совершенно новыхъ для чужеземца) вынуждены были иногда пользоваться чувственными образами съ цѣлью выяснитъ какой-либо особый смыслъ говоримаго. Мистеръ Глиддонъ, напримѣръ, не могъ въ одну минуту заставить Египтянина понять терминъ „политика“ до тѣхъ поръ, пока кускомъ угля онъ не нарисовалъ маленькаго господничка съ нарывнымъ носомъ, съ продранными локтями, стоящимъ на чурбанѣ, съ лѣвою ногою, отодвинутою назадъ, съ правой рукой, устремленною впередъ, со сжатымъ кулакомъ, съ глазами вытаращенными и обращенными къ небу, и со ртомъ открытымъ подъ угломъ въ девяносто градусовъ. Точно такимъ же образомъ Мистеръ Бѣкингамъ не могъ изъяснить безусловно современную идею „вигъ“ *), пока (по совѣту доктора Поннонэра) онъ не сдѣлался очень блѣденъ въ лицѣ, и не согласился снять свое собственное головное украшеніе.

Легко поймутъ, что рѣчь Мистера Глиддона была посвящена, главнымъ образомъ, обширнымъ благодареніямъ для знанія, проистекающимъ изъ развертыванія и распотрошенія мумій; извиненіямъ въ этомъ смыслѣ за какія-

*) „Whig“, — буквально „парикъ“. Прозвище представителей партіи либераловъ. К. Б.

либо безпокойства, которыя могли быть причинены ему въ частности, отдѣльной Муміи, называемой Алламистакео; и заключенію, въ видѣ простаго намека (ибо врядь ли это могло быть разсматриваемо какъ что-нибудь большее), что, послѣ того какъ эти мелочи нынѣ изъяснены, было бы вполне, пожалуй, подходящимъ продолжать начатое изслѣдованіе. Тутъ Докторъ Поннониэръ приготовилъ свои инструменты.

Касательно послѣднихъ внушеній оратора, у Алламистакео, повидимости, имѣлись извѣстныя сомнѣнія, 'связанныя съ указаніями совѣсти, сущность которыхъ я не вполне отчетливо понималъ;' но онъ заявилъ о полномъ своемъ удовлетвореніи представленными оправданіями, и, сойдя со стола, пожалъ всѣмъ руки по очереди.

Когда эта церемонія окончилась, мы немедленно занялись возмѣщеніемъ ущербовъ, которые нашъ паціентъ потерялъ отъ скальпеля. Мы зашили ему рану на вискѣ, положили биндажъ на ногу, и примѣнили квадратный дюймъ чернаго пластыря къ кончику его носа.

Было замѣчено тогда, что у Графа (таковъ, повидимому, былъ титулъ Алламистакео), легкій приступъ озноба—безъ сомнѣнія отъ холода. Докторъ немедленно направился къ своему гардеробу, и вскорѣ вернулся, неся черный парадный фракъ, сшитый по лучшему покрою Дженнингса, небесно-голубые тартановые панталоны со штрипками, розовую рубашку изъ Индійской бумажной матеріи, бархатный жилетъ съ отворотами, бѣлое пальто-сакъ, трость съ загнутою ручкой, шляпу безъ полей, патентованные кожаные сапоги, лайковыя перчатки соломеннаго цвѣта, лорнетъ, пару бакенбардъ, и галстухъ каскадомъ. Благодаря различію въ ростѣ между Графомъ и Докторомъ (пропорція двухъ къ единицѣ), возникло нѣкоторое затрудненіе при надѣваніи этихъ одеждъ и обуви на особу Египтянина; но, когда все было приведено въ порядокъ, можно было сказать, что онъ хорошо одѣтъ. Мистеръ Гледдонъ

протянулъ ему поэтому свою руку, и подвелъ его къ удобному креслу около камина, между тѣмъ какъ Докторъ позвонилъ и приказалъ подать сигары и вино.

Разговоръ вскорѣ сталъ оживленнымъ. Было выражено, конечно, большое любопытство, касательно нѣскольکو примѣчательнаго факта, что Алламестакео все еще былъ въ живыхъ.

„Я бы подумалъ“, замѣтилъ Мистеръ Бёкингамъ, „что вамъ давно уже пора было умереть“.

„Какъ“, отвѣчалъ Графъ, весьма удивленный, „мнѣ всего лишь немного болѣе семисотъ лѣтъ! Отецъ мой жилъ тысячу лѣтъ, и, когда онъ умиралъ, онъ вовсе не былъ впавшимъ въ дѣтство“.

Послѣдовалъ быстрый обмѣнъ вопросовъ и вычислений, съ помощью которыхъ стало очевидно, что при оцѣнкѣ древности Муміи были допущены грубыя ошибки. Прошло пять тысячъ пятьдесятъ лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ довѣренъ катакомбамъ Элейтіаса.

„Но мое замѣчаніе“, возразилъ Мистеръ Бёкингамъ, „не относилось къ вашему возрасту во время погребенія (я охотно соглашусь, на самомъ дѣлѣ, что вы еще человекъ молодой), я намекалъ лишь на безмѣрность времени, въ теченіи котораго, согласно собственнымъ вашимъ показаніямъ, вы должны были быть задѣланы въ асфальтъ“.

„Во что?“ спросилъ Графъ.

„Въ асфальтъ“, настаивалъ Мистеръ Бёкингамъ.

„Ахъ, да; я имѣю нѣкоторое слабое представленіе о томъ, что вы разумѣете; это могло бы, безъ сомнѣнія, вполне отвѣчать надлежащей цѣли, но, въ мое время, мы врядъ ли употребляли что-нибудь другое, кромѣ двухлористаго ртутія“.

„Но что мы въ особенности лишены возможности понять“, сказалъ Докторъ Понноннэръ, „это,—какъ могло слу-

читься, что, будучи мертвы и схоронены въ Египтѣ пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, вы нынѣ здѣсь совсѣмъ живы, и у васъ такой здоровый превосходный видъ“.

„Если бы я былъ, какъ говорите вы, *мертвъ*“, отвѣчалъ Графъ, „болѣе чѣмъ вѣроятно, что мертвымъ бы я и продолжалъ быть доселѣ; ибо я вижу, что вы еще находитесь въ младенществѣ гальванизма, и не можете съ его помощью совершать того, что было заурядною вещью среди насъ, въ старые дни. Но дѣло въ томъ, что я впалъ въ катаlepsio, и лучшіе мои друзья рѣшили, что я мертвъ, или долженъ быть мертвъ; соотвѣтственно съ этимъ они забальзамировали меня тотчасъ же — я полагаю, вы освѣдомлены касательно главныхъ приѣмовъ бальзамированія?“

„Какимъ образомъ? Вовсе нѣтъ“.

„А, понимаю,—прискорбное состояніе невѣжества! Хорошо, но дѣло въ томъ, что я не могу именно сейчасъ входить въ подробности; необходимо, однако, изъяснить, что бальзамировать (точно говоря) означало въ Египтѣ—задержать на неопредѣленное время *всѣ* животныя отравленія, подверженныя данному процессу. Я употребляю слово „животныя“ въ самомъ широкомъ его смыслѣ, включая въ это понятіе не только тѣлесное, но и духовное и *жизненное* бытіе. Я повторяю, что руководящая основа бальзамированія состояла у насъ въ немедленной задержкѣ,—и въ сохраненіи этой задержки на длительное время, — *всѣхъ* животныхъ отравленій того, кто подвергался данному процессу. Чтобъ быть краткимъ,—въ какомъ бы состояніи данный человекъ ни былъ во время бальзамированія, въ этомъ состояніи онъ и оставался. Теперь, такъ какъ доброй моей судьбѣ было угодно, чтобы во мнѣ текла кровь Скарабея, я былъ забальзамированъ *живыми*, какъ вы меня сейчасъ видите“.

„Кровь Скарабея!“ воскликнулъ Докторъ Понноннэръ.

„Да. Скарабей былъ *эмблемой* или „гербомъ“ весьма

знатнаго и очень рѣдкаго патриціанскаго рода. Имѣть въ жилахъ „кровь Скарабея“—это, просто значить быть однимъ изъ представителей рода, коего Скарабей есть эмблема. Я говорю образно“.

„Но что все это имѣетъ общаго съ тѣмъ, что вы сейчасъ живы?“

„Дѣло въ томъ, что въ Египтѣ было всеобщимъ обычаемъ вынимать изъ тѣла внутренности и мозгъ, прежде чѣмъ его бальзамировать; одна раса Скарабеевъ не согласовалась съ этимъ обычаемъ. Если бы, поэтому, я не былъ Скарабеемъ, я былъ бы безъ внутренностей и безъ мозга; а безъ этихъ двухъ жить неудобно“.

„Я понимаю“, сказалъ Мистеръ Бѣкингамъ, „и предполагаю, что всѣ муміи, которыя попадаютъ намъ въ руки *цѣльными*, принадлежатъ къ расѣ Скарабеевъ“.

„Безъ сомнѣнія“.

„Я думалъ“, сказалъ Мистеръ Глиддонъ очень мягко, „что Скарабей былъ однимъ изъ Египетскихъ боговъ“.

„Одинъ изъ Египетскихъ *чего?*“ воскликнула Мумія, вскакивая съ мѣста.

„Боговъ“, повторилъ путешественникъ.

„Мистеръ Глиддонъ, я поистинѣ удивленъ, слыша, что вы говорите въ такомъ стилѣ“, сказалъ Графъ, снова садясь. „Никакой народъ на землѣ никогда не признавалъ болѣе, чѣмъ *одного бога*. Скарабей, Ибисъ, и пр., были у насъ (какъ подобныя созданія были у другихъ) символами или *посредниками*, черезъ которыхъ мы возносили почитаніе Творцу, слишкомъ величественному, чтобы можно было къ нему подойти болѣе непосредственно“.

Тутъ возникла пауза. Наконецъ, собесѣдованіе было возобновлено Докторомъ Понноннэромъ.

„Такимъ образомъ, не невѣроятно, судя по тому, что вы изъяснили“, сказалъ онъ, „что въ катакомбахъ близъ Нила есть еще другія муміи изъ племени Скарабея въ состояніи жизненности“.

„Объ этомъ не можетъ быть вопроса“, отвѣчалъ Графъ; всѣ Скарабей, случайно забальзамированные заживо, суть живы. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ, что *умышленно* были такъ забальзамированы, могли быть забыты своими душеприказчиками, и еще пребываютъ въ гробницахъ“.

„Не будете ли вы добры объяснить“, сказалъ я, „что вы разумѣете подъ словами «были умышленно такъ забальзамированы»?“

„Съ большимъ удовольствіемъ“, сказала Мумія, неторопливо осмотрѣвъ меня въ свой лорнетъ—ибо это былъ первый разъ, что я дерзнулъ обратиться къ Графу съ непосредственнымъ вопросомъ. „Съ большимъ удовольствіемъ. Обычная длительность жизни человѣка въ мое время была около восьмисотъ лѣтъ. Немногіе умирали до завершения возраста въ шестьсотъ лѣтъ, развѣ какой-нибудь самый чрезвычайный случай; немногіе жили долѣе, чѣмъ десятокъ столѣтій; но восемь столѣтій считались естественнымъ предѣломъ. Послѣ открытія основы бальзамированія, какъ я уже описалъ ее вамъ, нашимъ философамъ пришло въ голову, что похвальная любознательность можетъ быть удовлетворена, и въ то же время интересы науки весьма подвинуты, если жить до этого естественнаго предѣла частями. Относительно исторіи опыта, дѣйствительно, показалъ, что нѣчто въ этомъ родѣ было необходимо. Напримѣръ, историкъ, достигши возраста въ пятьсотъ лѣтъ, могъ написать книгу съ большимъ тщаніемъ, и затѣмъ предоставить себя забальзамировать неукоснительнымъ образомъ, оставивъ точныя инструкціи своимъ душеприказчикамъ *pro tempore*, что они должны позаботиться объ оживленіи его по истеченіи извѣстнаго періода—скажемъ пятисотъ или шестисотъ лѣтъ. Возобновляя существованіе по истеченіи такого срока времени, онъ неизмѣнно находилъ свое великое произведеніе обратившимся въ нѣкотораго рода записную книжку, гдѣ замѣтки нагромождены наудачу, то-есть, превратившимся

въ извѣстнаго рода литературную арену для противорѣчивыхъ догадокъ, загадокъ, и личныхъ дракъ цѣлой орды ожесточенныхъ комментаторовъ. Эти догадки, и прочее, существовавшія подъ именемъ примѣчаній или исправлений, такъ всецѣло облекали, искажали, и заплотняли текстъ, что авторъ долженъ былъ съ фонаремъ глядѣть туда-сюда, чтобы отыскать собственную свою книгу. Когда же она находилась, она никогда не была достойной заботы поисковъ. Послѣ того какъ она сплошь бывала написана заново, историкъ считалъ безусловной своей обязанностью немедленно исправить ее съ точки зрѣнія личнаго своего знанія и освѣдомленности, касающихся временныхъ преданій той эпохи, въ которой онъ первоначально жилъ. Этотъ процессъ писанія заново и личнаго исправленія, время отъ времени осуществлявшійся отдѣльными мулрецами, имѣлъ то дѣйствіе, что помѣшалъ нашей исторіи выродиться въ полный вымыселъ“.

„Прошу прощенія“, сказалъ Докторъ Понноннэръ въ эту минуту, мягко кладя свою ладонь на руку Египтянина — „прошу прощенія, сэръ, могу ли я притязать прервать васъ на одно мгновение?“

„Всеконечно, сэръ“, отвѣчалъ Графъ, пріосаниваясь.

„Я хотѣлъ только предложить вамъ одинъ вопросъ. Вы упомянули о личныхъ поправкахъ историка, вносимыхъ въ *преданія*, касающіяся собственной его эпохи. Прошу сказать, сэръ, среднимъ счетомъ, какая пропорція изъ всей этой Каббалы оказывалась обыкновенно справедливой?“

„Каббала, какъ вы хорошо опредѣлили это, сэръ, обыкновенно была наравнѣ съ рассказываемыми фактами въ самой исторіи незаписанной; — то-есть, можно сказать, что при какомъ бы то ни было обстоятельстве не было ни въ той, ни въ другой, ни одной отдѣльной іоты, которая не была бы цѣликомъ и радикально ложной“.

„Но, такъ какъ совершенно ясно“, продолжалъ Док-

торъ, „что, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ лѣтъ прошло со времени вашего погребенія, я считаю достовѣрнымъ, что въ вашей исторіи этого періода, если не въ вашихъ преданіяхъ, съ достаточной точностью говорилось объ одномъ предметѣ всемірнаго интереса, о сотвореніи Міра, которое имѣло мѣсто, какъ, я полагаю, вы знаете, лишь около десяти столѣтій передъ тѣмъ“.

„Сэръ!“ сказалъ Графъ Алламистакео.

Докторъ повторилъ свое замѣчаніе, но лишь послѣ значительныхъ добавочныхъ истолкованій можно было заставить чужеземца понять его. Наконецъ, съ колебаніемъ, Алламистакео сказалъ:

„Идеи, вами развиваемыя передо мной, признаюсь, крайне новы для меня. Въ мое время я никогда не зналъ никого, кто поддерживалъ бы столь особливую фантазію, что вселенная (или этотъ міръ, если вамъ угодно) когда-либо имѣла какое-либо начало. Я помню, что однажды, и только однажды, я слышалъ какой-то отдаленный намекъ, сдѣланный человѣкомъ большихъ умозрительныхъ способностей, касательно происхожденія *человѣческаго рода*; и этотъ человѣкъ употребилъ то самое слово *Адамъ* (или Красная Земля), которымъ вы пользуетесь. Онъ употреблялъ его, однако, въ родовомъ смыслѣ, примѣняя его къ самопроизвольному зарожденію изъ плодородной почвы (совершенно такъ же, какъ зарождаются тысячи низшихъ *родовъ* созданій)—къ самопроизвольному зарожденію, говорю я, пяти огромныхъ ордъ *человѣковъ*, одновременно возникшихъ въ пяти различныхъ и почти равныхъ дѣленіяхъ земного шара“.

Здѣсь, вся компанія, вообще, пожала плечами, а человѣка два коснулись своего лба съ весьма значительнымъ видомъ. Мистеръ Силькъ Бекингамъ, сперва быстро глянувъ на затылокъ, а потомъ на темя Алламистакео, сказалъ слѣдующее:—

„Большая длительность *человѣческой* жизни въ ваше

время, вмѣстѣ съ примѣнявшейся иногда практикой проводить ее, какъ вы изъяснили, долями, должна была, дѣйствительно, поощрять сильную склонность къ всеобщему развитію и накопленію знанія. Я полагаю, поэтому, что отличительно - низшими достиженіями древнихъ Египтянъ во всѣхъ особыхъ отдѣлахъ знанія сравнительно съ современнымъ человѣчествомъ, особливо же съ Янки, мы всецѣло обязаны болѣе значительной толщинѣ Египетскаго черепа“.

„Я снова признаюсь“, отвѣчалъ Графъ, съ большою мягкостью, „что я нѣсколько не понимаю васъ: прошу— какіе особые отдѣлы знанія вы разумѣте?“

Тутъ все наше общество, соединенными голосами, исчислило подробно выводы френологіи и чудеса животнаго магнетизма.

Выслушавъ насъ до конца, Графъ началъ рассказывать намъ разные анекдоты, сдѣлавшіе очевиднымъ, что прообразы Галля и Шпурцгейма процвѣтали и отцвѣли въ Египтѣ такъ давно, что были почти забыты, и что манёвры Месмера были на самомъ дѣлѣ лишь презрѣнными продѣлками въ сравненіи съ положительными чудесами Египетскихъ ученыхъ, которые создавали блохъ и много другихъ подобныхъ вещей.

Я спросилъ Графа, способны ли были представители его народа вычислять затменія. Онъ улыбнулся нѣсколько презрительно, и сказалъ, что да.

Это нѣсколько обезкуражило меня, но я началъ предлагать другіе вопросы касательно его астрономическихъ познаній, какъ вдругъ одинъ изъ членовъ общества, не открывавшій до этого своего рта, шепнулъ мнѣ на ухо, что за свѣдѣніями по этому предмету я лучше могу обратиться къ нѣкому Птоломею, такъ же, какъ къ нѣкому Плутарху, *De facie lunae*.

Я спросилъ тогда Мумію о зажигательныхъ стеклахъ, и сферическихъ, и, вообще, о выдѣлкѣ стекла; но я еще

не окончилъ вопросовъ, какъ молчаливый членъ общества опять тихонько тронулъ меня за локоть, и попросилъ меня ради Бога заглянуть въ Діодора Сицилійскаго. Что касается Графа, онъ просто спросилъ меня въ видѣ отвѣта, имѣются ли у насъ, современныхъ, такіе микроскопы, которые сдѣлали бы насъ способными вырѣзать каменъ въ стилѣ Египтянъ. Пока я думалъ о томъ, какъ я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ, маленькій докторъ Поннионьеръ скомпрометировалъ себя весьма необыкновеннымъ образомъ.

„Посмотрите на нашу архитектуру!“ воскликнулъ онъ къ великому негодованію обоихъ путешественниковъ, которые щипали его до синяковъ и кровоподтековъ безъ всякихъ результатовъ.

„Посмотрите“, воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ, „на Зеленую Лужайку Фонтана въ Нью-Йоркѣ, гдѣ играютъ въ шары! Или, если это слишкомъ обширно для созерцанія, поглядите на Капитолій въ Вашингтонѣ, въ округѣ Колумбін!“—И добрый медицинскій человѣчекъ началъ подробно перечислять, ничего не пропуская, пропорціи упомянутаго зданія. Онъ объяснилъ, что одинъ портикъ былъ украшенъ не менѣе чѣмъ двадцатью четырьмя колоннами, пять футовъ въ діаметрѣ, и десять футовъ отстоянія.

Графъ сказалъ, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ вспомнить въ данную минуту точныхъ размѣровъ какого-либо изъ главныхъ зданій города Азнака, коего основанія заложены въ ночи время, но развалины котораго еще стояли въ эпоху его погребенія на обширной песчаной равнинѣ, къ западу отъ Фивъ. Онъ вспомнилъ, однако, (говоря о портикахъ), что одинъ, присоединенный къ второстепенному дворцу въ предмѣстїи, именуемомъ Карнакъ, состоялъ изъ ста сорока четырехъ колоннъ, каждая тридцать семь футовъ окружности, въ двадцати пяти футахъ отстоянія. Приближались къ этому портику отъ Нила черезъ аллею въ двѣ мили длины, состоявшую изъ сфинк-

совъ, статуй, и обелисковъ въ двадцать, въ шестьдесятъ, и въ сто футовъ вышины. Самый дворецъ (насколько онъ могъ припомнить) въ одномъ направленіи имѣлъ двѣ мили длины, а цѣликомъ могъ имѣть около семи миль въ окружности. Стѣны его были богато разрисованы сплошь, изнутри и извнѣ, гіероглифами. Онъ не притязалъ бы *утверждать*, что даже пятьдесятъ или шестьдесятъ капитоліевъ Доктора могли быть выстроены въ предѣлахъ этихъ стѣнъ, но онъ отнюдь не увѣренъ, что двѣсти или триста ихъ не могли бы быть туда втиснуты съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Этотъ дворецъ въ Карнакѣ былъ незначительнымъ небольшимъ зданіемъ, въ концѣ концовъ. Онъ (Графъ), однако, не могъ бы по совѣсти отказать въ непосредственной интересности, великолѣпіи, и превосходствѣ Фонтана Зеленой Лужайки, какъ его описываетъ Докторъ. Ничего подобнаго, онъ долженъ сознаться, не было видано ни въ Египтѣ, ни гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ.

Тутъ я спросилъ Графа, что онъ можетъ сказать о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

„Ничего особеннаго“, отвѣтилъ онъ. „Они скорѣе слабоваты, скорѣе дурно задуманы, и неуклюже выполнены. Они, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ обширными, ровными, прямыми, снабженными сѣтью желѣзныхъ желобковъ, шоссейными дорогами, по которымъ Египтяне доставляли цѣлые храмы и большіе обелиски въ полтора фута вышины“.

Я заговорилъ о нашихъ гигантскихъ механическихъ силахъ.

Онъ согласился, что мы кое-что знаемъ въ этомъ, но спросилъ, что бы я сдѣлалъ, чтобы приладить лопатки подъ пятою свода на притолкахъ хотя бы малаго дворца въ Карнакѣ.

Этотъ вопросъ я рѣшилъ за лучшее не слышать, и спросилъ его, имѣетъ ли онъ представленіе объ Артезіанскихъ колодцахъ; но онъ только поднялъ свои брови,

между тѣмъ какъ мистеръ Глиддонъ весьма сурово мнѣ мигнулъ, и сказалъ, понизивъ голосъ, что недавно инженеры, которымъ было поручено пробуровать почву для добытія воды въ Великомъ Оазисѣ, нашли таковой.

Я тогда упомянулъ о нашей стали, но чужеземецъ поднялъ носъ, и спросилъ меня, могла ли бы наша сталь выполнить четкія рѣзныя работы, которыя видимы на Обелескахъ, и которыя были сдѣланы цѣликомъ острыми инструментами изъ мѣди.

Это смутило насъ такъ сильно, что мы сочли за лучшее измѣнить атаку, направившись въ область метафизики. Мы послали за экземпляромъ книги, именуемой „Dial“ (Циферблатъ), и прочли оттуда главы двѣ о чемъ-то, что не очень ясно, но что Бостонскіе ученые именуютъ великимъ движеніемъ или прогрессомъ.

Графъ лишь сказалъ, что великія движенія были чудовищно заурядною вещью въ его дни; что же касается прогресса, онъ одно время былъ положительнымъ ущербомъ, но онъ никогда не прогрессировалъ.

Мы заговорили тогда о великой красотѣ и значительности демократіи, и весьма хлопотали о томъ, какъ бы внушить Графу должное впечатлѣніе выгодъ, которыми мы пользуемся, живя въ странѣ, гдѣ есть подача голосовъ *ad libitum*, и нѣтъ короля.

Онъ слушалъ съ замѣтнымъ интересомъ, и казался немало позабавленнымъ. Когда мы кончили, онъ сказалъ, что давно тому назадъ было что-то подобное. Тринадцать Египетскихъ провинцій всѣ сразу рѣшили быть свободными, и явить, такимъ образомъ, великолѣпный примѣръ остальному человѣчеству. Они собрали своихъ мудрецовъ, и состряпали самую остроумную конституцію, какую только можно вообразить. Нѣкоторое время они управлялись великолѣпно, только ихъ обычай хвастаться былъ чрезмѣренъ. Все кончилось, однако, тѣмъ, что тринадцать этихъ государствъ, съ присоединеніемъ пятнадцати или

двадцати другихъ, выродились въ самый ненавистный и невыносимый деспотизмъ, о какомъ когда-либо было слышно на землѣ.

Я спросилъ, какъ было имя этого тирана-узурпатора.

Насколько Графъ могъ припомнить, оно было *Чернь*.

Не зная, что сказать на это, я возвысилъ голосъ, и возскорбѣлъ о Египетскомъ незнаніи пара.

Графъ посмотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, но ничего не отвѣтилъ. Молчаливый джентльмэнъ, однако, сильно ударилъ меня своими локтями въ ребра — сказавъ мнѣ, что я достаточно явилъ себя для одного раза — и спросилъ, неужели я такой дурачекъ, чтобы не знать, что современная паровая машина произошла изъ открытія Герона, черезъ посредничество Соломона де Кауса.

Мы были теперь въ неминуемой опасности полного пораженія; но, какъ того хотѣла добрая наша звѣзда, Докторъ Понноннэръ, собравшись съ силами, вернулся къ намъ на помощь, и спросилъ, неужели жители Египта могли бы серьезно соперничать съ людьми современными въ имѣющихъ всеобщую важность подробностяхъ туалета.

Графъ при этомъ глянулъ внизъ на штрипки своихъ панталонъ, и затѣмъ, взявъ конецъ полы своего фрака, онъ въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній держалъ его близко у своихъ глазъ. Наконецъ, онъ выпустилъ его изъ рукъ, и ротъ его постепенно расширился отъ уха до уха; но я не припомню, чтобы онъ сказалъ что-нибудь въ видѣ отвѣта.

Тутъ къ намъ вернулась бодрость духа, Докторъ же, приблизившись къ Муміи съ большимъ достоинствомъ, пожелалъ сказать чистосердечно, ссылаясь на честь джентльмена, что, Египтяне, въ *какое-либо* время, вѣдали производство пастилокъ Понноннэра или пилюль Брандрэта?

Мы ждали отвѣта съ глубокой тревогой, но напрасно. Онъ не возникъ. Египтянинъ покраснѣлъ и повѣсилъ свою

голову. Никогда торжество не было болѣе законченнымъ, никогда пораженіе не было принято съ меньшимъ достоинствомъ. Поистинѣ, я не могъ вынести зрѣлища униженія бѣдной Муми. Я дотянулся до моей шляпы, поклонился чопорно, и отбылъ.

Придя домой, я увидѣлъ, что уже было четыре часа слишкомъ, и тотчасъ же отправился въ постель. Сейчасъ десять часовъ утра. Я всталъ въ семь, и заносу эти замѣтки для блага моей семьи и человѣчества. Сію первую я болѣе не увижу. Моя жена сварливица. Правду сказать, я сердечно усталъ отъ этой жизни и отъ десят надцатаго столѣтія вообще. Я убѣжденъ, что все въ немъ неладно. Кромѣ того, я весьма любопытствую узнать, кто будетъ Президентомъ въ 2045-мъ году. Какъ только, поэтому, я побрѣюсь и проглочу чашку кофе, я тотчасъ же направлюсь къ Поннониэру и велю себя забальзамировать столѣтія на два.

ТЫСЯЧА ВТОРАЯ СКАЗКА ШЕХЕРАЗАДЫ.

Правда страннѣе вымысла.
Старинная поговорка.

Случай заставилъ меня, недавно, во время нѣкоторыхъ Восточныхъ изысканій, прибѣгнуть къ *Tellmenow Isitsoörnnot*, произведеніе, которое (такъ же какъ „Zohar“ Симеона Йохайда) почти совсѣмъ неизвѣстно, даже въ Европѣ, и которое, сколько мнѣ извѣстно, не цитировалъ никакой Американецъ — развѣ, быть можетъ, авторъ „Достопримѣчательностей Американской Литературы“ — случай заставилъ меня, говорю я, перелистовать нѣсколько страницъ въ упомянутомъ, весьма примѣчательномъ, сочиненіи, и, къ немалому моему удивленію, я открылъ, что литературный міръ былъ до сихъ поръ въ странномъ заблужденіи относительно судьбы дочери визиря, Шехеразады, какъ эта судьба изображена въ „Арабскихъ Сказкахъ“, и что данная тамъ развязка, если не вполне неточна, по крайней мѣрѣ достойна осужденія, ибо нить повѣствованія не была поведена гораздо дальше.

Для полученія полной освѣдомленности объ этомъ интересномъ предметѣ, я долженъ отослать любопытствующаго читателя къ самому „Isitsoörnnot“; а между тѣмъ мнѣ извинять, если я приведу здѣсь, въ общихъ чертахъ, то, что я открылъ.

Читатель будетъ помнить, что, по обычной версіи сказокъ, нѣкоторый монархъ, имѣвшій добрыя основанія ревновать свою царицу, не только лишаетъ ее жизни, но клянется своей бородой и пророкомъ, что каждую ночь онъ будетъ вступать въ супружество съ красивѣйшею дѣвушкой, какая только есть въ его владѣніяхъ, а на слѣдующее утро будетъ отдавать ее палачу.

Послѣ того какъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ исполнялъ эту клятву буквально, и съ религіозною пунктуальностью и методичностью, которыя снискали ему славу человѣка очень набожнаго и весьма здравомыслящаго, однажды пополудни онъ былъ прерванъ (безъ сомнѣнія въ своихъ молитвахъ) посѣщеніемъ своего великаго визиря, дочери коего, какъ видится, пришла въ голову нѣкоторая мысль.

Имя ея было Шехеразада, а мысль ея заключалась въ томъ, что или она спасетъ страну отъ опустошительной пошщины на ея красоту, или, согласно съ одобреннѣмъ способомъ всѣхъ героинь, погибнетъ въ попыткѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и хотя мы не находимъ, чтобы этотъ годъ былъ високосный (что дѣлаетъ жертву большей заслугой), она отрядила своего отца, великаго визиря, посломъ, чтобы предложить царю свою руку. Эту руку царь съ большою готовностью принимаетъ — (онъ намѣревался взять ее во всякомъ случаѣ, и лишь откладывалъ сіе со дня на день, изъ страха передъ визиремъ) — но, принимая ее теперь, онъ даетъ всѣмъ заинтересованнымъ совершенно явственно понять, что, великій визирь или не великій визирь, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія отступить ни на іоту въ своей клятвѣ или въ своихъ привилегіяхъ. Когда, поэтому, красивая Шехеразада настаивала на вступленіи въ супружество съ царемъ, и дѣйствительно вступила съ нимъ въ супружество, несмотря на превосходные совѣты отца не дѣлать ничего въ этомъ родѣ — когда она захотѣла выйти за него замужъ, и

вышла, говорю я, во чтобы то ни стало, прекрасные черные ее глаза были настолько широко раскрыты, насколько только позволяла природа случая.

Какъ кажется, однако, эта политичная дѣвица (которая несомнѣнно читала Макиавелли) имѣла въ своемъ умѣ нѣкоторый, весьма находчивый, малый замыселъ. Въ ночь свадьбы, не помню подъ какимъ особеннымъ предлогомъ, она устроила такъ, что сестра ея находилась въ своей постели достаточно близко отъ царственной четы, чтобы имѣть возможность безъ затрудненія переговариваться отъ постели къ постели. И незадолго передъ тѣмъ какъ заплѣтъ пѣтухъ, она позаботилась о томъ, чтобы разбудить добраго монарха, своего супруга (который не вмѣнилъ ей этого въ особо большую вину, ибо онъ намѣревался свернуть ей голову въ ближайшее утро). Она ухитрилась его разбудить, говорю я (хотя по причинѣ спокойной совѣсти и легкаго пищеваренія онъ спалъ хорошо), чрезвычайной интересностью разсказа (какъ мнѣ кажется, о крысѣ и черной кошкѣ), который она разсказывала (вполголоса, конечно) своей сестрѣ. Когда день занялся, случилось такъ, что разсказъ этотъ не былъ досказанъ, и что Шехеразада, по природѣ вещей, не могла его докончить именно тогда, ибо давно уже пора было для нея встать, и быть удавленной—нѣчто очень на немного болѣе пріятное, чѣмъ повѣшеніе, только на пустячекъ болѣе благородное!

Любопытство царя, однако, превозмогло, говорю съ прискорбіемъ, даже надъ его благомысленными религіозными принципами, и побудило его на этотъ разъ отложить исполненіе его клятвы до слѣдующаго утра, съ намѣреніемъ, и въ надеждѣ, услышать въ ближайшую ночь, какъ въ концѣ-концовъ было дѣло съ черной кошкой (это была, какъ мнѣ кажется, черная кошка) и съ крысой.

Когда, однако, ночь пришла, госпожа Шехеразада не только дала завершительный ударъ кисти черной кошкѣ

и крысъ (крыса была голубая), но, прежде чѣмъ она хорошенько опомнилась, уже была въ глубокихъ запутанностяхъ повѣствованія, имѣвшаго отношеніе (если я не вполне заблуждаюсь) къ гвоздичнаго цвѣта лошади (съ зелеными крыльями), которая приводилась въ усиленное движеніе часовымъ механизмомъ, и заводилась ключомъ цвѣта индиго. Этой исторіей царь былъ даже еще болѣе глубоко заинтересованъ, чѣмъ первой; и такъ какъ день прервалъ ее, прежде ея заключенія (несмотря на всѣ старанія царицы окончить во время, для того чтобы послѣть къ удавленію), опять ничѣмъ нельзя было тутъ помочь, кромѣ отсрочки этой церемоніи, какъ прежде, на двадцать четыре часа. На слѣдующую ночь произошелъ подобный же случай, съ подобнымъ же результатомъ; и потомъ на слѣдующую—и на слѣдующую—такъ что, въ концѣ-концовъ, добрый монархъ, будучи неизбежно лишаемъ всякаго удобнаго случая сдержать свой обѣтъ въ теченіи промежутка времени не меньшаго, чѣмъ тысяча и одна ночь, или забываетъ о немъ по истеченіи этого времени, или получаетъ отпущеніе отъ него обычнымъ образомъ, или (что болѣе правдоподобно) нарушаетъ его—что сломано, то сломано—а за одно ломаетъ голову своему отцу неповѣднику. Во всякомъ случаѣ Шехеразада, которая, проихождая по прямой линіи отъ Евы, унаслѣдовала, быть можетъ, всѣ семь говорильныхъ корзинокъ, каковыя, какъ мы всѣ знаемъ, сія послѣдняя дама подобрала взъ-подъ деревьевъ сада въ Эдемѣ, Шехеразада, говорю я, въ концѣ-концовъ восторжествовала, и налогъ на красоту былъ уничтоженъ.

Такое заключеніе (усвоенное повѣствованіемъ, какъ оно намъ передается) безъ сомнѣнія есть заключеніе чрезвычайно подходящее и пріятное—но, увы, какъ весьма многія пріятныя вещи, оно болѣе пріятно, чѣмъ правдиво; и я обязанъ всецѣло „Исптсообрноту“ возможностью исправить ошибку. „*Le ticul*“, говоритъ Французская пого-

ворка, „*est l'ennemi du bien*“, лучшее есть враг хорошаго, и говоря, что Шехеразада унаслѣдовала семь говорильныхъ корзинокъ, я долженъ былъ бы прибавить, что она пустила ихъ въ ростъ, пока они не выросли до семидесяти семи.

„Милая сестра моя“, сказала она, на тысячу вторую ночь (въ этомъ мѣстѣ я привожу слова „Иситсообрнота“ дословно), „милая сестра моя“, сказала она, „теперь, когда все это небольшое затрудненіе касательно удавливанія развѣялось, и когда эта ненавистная пошлина такъ счастливо отмѣнена, я чувствую, что я была виновна въ великомъ нарушеніи довѣрія, утаивъ отъ тебя и отъ царя (который, говорю это съ прискорбіемъ, храпѣть—чего джентльмену не полагается дѣлать) полное заключеніе исторіи моряка Синбада. Этотъ человекъ прошелъ черезъ многочисленныя другія и болѣе интересныя приключенія, нежели то, что я рассказывала; но, сказать по правдѣ, мнѣ очень хотѣлось спать въ ту ночь какъ я о нихъ рассказывала, и такимъ образомъ у меня возникъ соблазнъ сократить ихъ—прискорбный примѣръ дурнаго поведенія, за который Аллахъ, какъ я уповаю, простить меня. Но даже и теперь еще не поздно исправить великое мое небреженіе. И, какъ только я раза два ущипну царя, дабы пробудить его настолько, чтобы онъ не дѣлалъ такого ужаснаго шума, я тотчасъ же развлеку тебя, (и его, если ему угодно) продолженіемъ этой весьма примѣчательной исторіи“.

На это сестра Шехерезады, какъ о томъ говорить „Иситсообрнотъ“, не выразила никакой чрезвычайной благодарности; а царь, будучи достаточно ущипнутъ, наконецъ пересталъ храпѣть, и скоро сказалъ „Гмъ!“, и потомъ „Гу!“, послѣ чего царица, понявъ эти слова (которыя безъ сомнѣнія суть Арабскія) какъ указаніе на то, что онъ весь вниманіе, и что онъ приложитъ наилучшія старанія къ тому, чтобы больше не храпѣть—царица, говорю

я, устроивъ все это къ полному своему удовольствію, такимъ образомъ вошла немедленно въ повѣствованіе о морякѣ Синбадѣ: --

„Наконецъ, въ преклонномъ моемъ возрастѣ“ (это суть слова самого Синбада, въ передачѣ Шехеразады) — „наконецъ, въ преклонномъ моемъ возрастѣ, и послѣ того какъ въ теченіи многихъ лѣтъ я наслаждался спокойствіемъ дома, еще разъ овладѣло мной желаніе посѣтить чужеземныя страны; и, однажды, не освѣдомляя никого изъ моей семьи о моемъ намѣреніи, я уложилъ нѣсколько узловъ такихъ товаровъ, которые были наиболѣе драгоценны и наименѣе объемисты, и, нанявъ носильщика, дабы нести ихъ, спустился съ нимъ къ морскому берегу, чтобы ждать прибытія какого-нибудь случайнаго судна, которое могло бы доставить меня, изъ предѣловъ родного царства, въ какую-нибудь область, которую я еще не посѣдовалъ.

„Сложивъ узлы на песокъ, мы сѣли подъ деревьями, и смотрѣли на океанъ, въ надеждѣ увидѣть какой-нибудь корабль, но въ теченіи нѣсколькихъ часовъ никакого корабля мы не видали. Наконецъ, мнѣ почудилось, что я слышу особый жужжащій или гудящій звукъ, и носильщикъ, нѣсколько времени послушавъ, заявилъ, что и онъ тоже можетъ различить его. Онъ сдѣлался громче и еще громче, такъ что мы не могли уже сомнѣваться, что предметъ, вызывавшій его, приближался къ намъ. Наконецъ, мы увидѣли на краю горизонта черное пятно, которое быстро увеличивалось въ размѣрахъ, пока намъ не стало ясно, что это было обширное чудовище, плывшее такъ, что значительная часть его тѣла была надъ поверхностью моря. Оно приближалось съ невѣроятной быстротой, взбрасывая огромныя волны пѣны вокругъ своей груди, и освѣщая всю ту часть моря, черезъ которую оно проходило, длинной полосой огня, устремлявшейся далеко въ пространство.

По мѣрѣ того какъ это существо приближалось, мы могли видѣть его очень отчетливо. Длина его равнялась длинѣ трехъ наиболѣе высокихъ деревьевъ, а ширина равнялась ширинѣ большого пріемнаго зала въ твоємъ дворцѣ, о, возвышеннѣйшій, и самый щедрый изъ калифовъ! Его тѣло, непохожее на тѣло обыкновенныхъ рыбъ, было твердо, какъ скала, и черного, какъ агатъ, цвѣта, на протяженіи всей той части его, которая плыла надъ водой, за исключеніемъ узкой кроваво-красной полосы, которая цѣликомъ его опоясывала. Животъ, который плылъ подъ водой, и который лишь на мгновеніе мы могли усмотрѣть время отъ времени, по мѣрѣ того какъ чудовище поднималось и падало вмѣстѣ съ волнами, былъ весь покрытъ металлическою чешуей, цвѣта мѣсяца въ туманную погоду. Спина была плоская и почти бѣлая, и отъ нея простиралось вверхъ шесть спинныхъ хребтовъ, почти въ половину длины всего тѣла.

Это ужасающее созданіе не имѣло рта, насколько мы могли это замѣтить; но, какъ бы въ видѣ вознагражденія за такой недостатокъ, оно было снабжено, по крайней мѣрѣ, восемью десятками глазъ, которые выпячивались изъ своихъ впадинъ, подобно глазамъ зеленой стрекозы, и были расположены вокругъ всего тѣла въ два ряда, одинъ рядъ надъ другимъ, и параллельно кроваво-красной полосѣ, повидимому, исполнявшей назначеніе брови. Два или три изъ этихъ страшныхъ глазъ были гораздо шире, чѣмъ другіе, и, казалось, были сдѣланы изъ чистаго золота.

Хотя этотъ звѣрь приближался къ намъ, какъ я уже сказалъ, съ величайшей быстротой, онъ долженъ былъ приводиться въ движеніе, всецѣло, чарой колдовства— ибо у него не было ни плавниковъ, какъ у рыбы, ни перепончатыхъ ногъ, какъ у утки, ни крыльевъ, какъ у морской раковины, что носится по водѣ наподобіе судна; не подвигалось оно также впередъ извиваясь, какъ это

дѣлають угри. Его голова и хвостъ по очертаніямъ были совершенно подобны, только недалеко отъ послѣдняго были два круглыя отверстія, которыя служили какъ ноздри, и черезъ которыя чудовище выдыхало свое густое дыханіе съ удивительною силою и съ крпчащимъ непріятнымъ шумомъ.

„Нашъ страхъ при видѣ этого отвратительнаго существа былъ очень великъ; но онъ былъ все же превзойденъ нашимъ удивленіемъ, когда, получивъ возможность взглянуть ближе, мы замѣтили на спинѣ этого созданія обширное число животныхъ, по размѣру и виду, приблизительно такихъ же, какъ люди, и въ цѣломъ весьма похожихъ на нихъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что они не носили никакихъ одѣяній (какъ это дѣлають люди), будучи снабжены (природою, конечно), прекрасной и неудобной покрывкой, чрезвычайно похожей на холстъ, но такъ плотно примыкающей къ кожѣ, что бѣдныя злополучныя существа были неуклюжими до смѣшнаго, и, очевидно, испытывали суровыя пытки. На самыхъ кончикахъ ихъ головъ были нѣкоторыя, на видъ четырехугольныя, коробки, которыя, какъ я подумалъ при первомъ взглядѣ, служили какъ турбаны, но, которыя, какъ я вскорѣ открылъ, были необыкновенно тяжелы и плотны, и я изъ этого заключилъ, что были это особыя изобрѣтенія, предназначенныя, большимъ своимъ вѣсомъ, держать головы этихъ животныхъ твердыми и цѣльными на ихъ плечахъ. Вокругъ шеи этихъ существъ были прикрѣплены черныя ошейники (безъ сомнѣнія отмѣтны рабства), такіе, какъ мы надѣваемъ на нашихъ собакъ, только гораздо шире и бесконечно болѣе тугіе, — такъ что этимъ бѣднымъ жертвамъ было совершенно невозможно двигать головами въ какомъ-либо направленіи, не двигая, въ то же самое время, всѣмъ тѣломъ, и, такимъ образомъ, они были осуждены на непрерывное созерцаніе своихъ носовъ — видъ обезьяній и унижительный въ удивительной, если не положительно страшной, степени.

„Когда чудовище почти достигло берега, гдѣ мы стояли, оно внезапно вытолкнуло одинъ изъ своихъ глазъ на большое протяженіе, и испустило изъ него страшную огненную вспышку, сопровождавшуюся густымъ облакомъ дыма, и шумомъ, который я не могу сравнить ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ громомъ. Когда дымъ разошелся, мы увидѣли, что одно изъ этихъ странныхъ человѣко-животныхъ, стоявшее около головы великаго звѣря, съ трубою въ рукѣ (прикладывая эту трубу къ своему рту), обращалось къ намъ съ громкими, рѣзкими, и непріятными звуками, которые, быть можетъ, мы могли бы по ошибкѣ принять за нѣкоторую рѣчь, если бы они не приходили всецѣло черезъ носъ.

„Послѣ того какъ съ нами, очевидно, такъ заговорили, я совершенно не зналъ, какъ отвѣчать, ибо я никоимъ образомъ не могъ понять, что было сказано; я обратился въ этомъ затрудненіи къ носильщику, который отъ страха былъ близокъ къ обмороку, и спросилъ у него, какъ онъ думаетъ, къ какому разряду относится это чудовище, что ему нужно, и что это такое за существа такъ кишать у него на спинѣ. На это носильщикъ отвѣтилъ, насколько онъ могъ отвѣчать при своемъ трепетаніи, что онъ уже слышалъ однажды объ этомъ морскомъ звѣрѣ; что это жестокий демонъ, съ внутренностями изъ сѣры и съ кровью изъ огня, созданный силою злыхъ геніевъ, дабы причинять злополучія человѣчеству; что существа на его спинѣ были гадкими насѣкомыми, родъ тѣхъ, что иногда, являясь на кошкахъ и собакахъ, только немного больше по размѣрамъ и болѣе свирѣпыя; и что у этихъ гадкихъ насѣкомыхъ есть свои обычаи, хотя и злые—ибо, причиняя укусами и уколами пытки этому звѣрю, они доводятъ его, какъ остріемъ, до той степени бѣшенства, которая потребна для того, чтобы заставить его ревѣть и совершать злое, и, такимъ образомъ, выполнять мстительные и злокозненные замыслы этихъ недобрыхъ геніевъ.

„Разсказъ этотъ побудилъ меня немедленно дать тягу, и, ни разу даже не оглянувшись назадъ, я побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ холмы, между тѣмъ какъ носильщикъ бѣжалъ съ равной быстротою, хотя почти въ противоположномъ направленіи, такъ что въ концѣ-концовъ, онъ этимъ способомъ ускользнулъ съ моими узлами, о коихъ, нисколько не сомнѣваясь, онъ великолѣпнѣйшимъ образомъ позаботился, хотя этого въ точности я установить не могу, ибо я не помню, чтобы когда-нибудь я видѣлъ его еще.

„Что до меня, по горячимъ слѣдамъ за мной гналась стая человѣковъ-насъкомыхъ (достигшихъ берега въ лодкахъ), и я былъ преслѣдуемъ такъ поспѣшно, что вскорѣ былъ захваченъ, мнѣ связали руки и ноги, доставили меня на звѣря, и онъ немедленно отплылъ опять въ море.

„Я горько теперь раскаивался въ томъ, что такъ безумно покинулъ покойный и удобный домъ, чтобы подвергать опасностямъ самую мою жизнь среди приключеній, подобныхъ этому; но, такъ какъ раскаяніе было бесполезно, я сдѣлалъ лучшее, что могъ въ моемъ положеніи, и постарался удостовѣрить благоволеніе человѣкоживотнаго, обладавшаго трубою, и, повидимому, пользовавшагося властью надъ своими сотоварищами. Я такъ преуспѣлъ въ этой попыткѣ, что черезъ нѣсколько дней существо это даровало мнѣ различные знаки своего благоволенія, и дошло даже, наконецъ, до того, что потрудилося преподавать мнѣ начатки того, что довольно напрасно называть его языкомъ; такъ что въ концѣ-концовъ я могъ вполне легко разговаривать съ нимъ, и смогъ дать ему понять, какое пламенное у меня было желаніе увидѣть міръ.

„*Washish squashish squeak, Sinbad, hey-diddle diddle, grunt unt grumble, hiss, fiss, whiss*», — сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ обѣда — но тысячу разъ прошу извиненія, я забыла, что ты, великій государь, не говоришь на на-

рѣчи Ротозѣвъ *) (такъ назывались человѣкоживотныя). Съ твоего позволенія, я переведу. „*Washish squashish*“, и такъ далѣе:—то-есть, «я счастливъ, видя, мой дорогой Синбадъ, что ты дѣйствительно превосходный малый, мы готовы свершить теперь то, что называется кругосвѣтнымъ плаваньемъ, и, такъ какъ ты желалъ видѣть мѣръ, я расширю свои полномочія, и дамъ тебѣ свободный проѣздъ на спицѣ звѣря»“.

Когда госпожа Шехерезада дошла до этого, рассказываетъ „Иситсоорнотъ“, царь повернулся съ лѣваго своего бока на правый, и сказалъ:

„Дѣйствительно, это *весьма* удивительно, милая моя царица, что ты доселѣ обошла молчаніемъ послѣднія эти приключенія Синбада. Знаешь ли ты, что я нахожу ихъ чрезвычайно занимательными и странными?“

Послѣ того какъ царь такъ заявилъ о себѣ, прекрасная Шехерезада, какъ намъ говорятъ, продолжала свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

„Синбадъ такъ продолжалъ свое повѣствованіе—„Я поблагодарилъ человѣкоживотное за его доброту, и вскорѣ почувствовалъ себя совсѣмъ какъ дома на звѣрѣ, который плылъ съ поразительной быстротою черезъ океанъ, хотя поверхность этого послѣдняго въ этой части міра отнюдь не плоская, но круглая, какъ гранатъ, такъ что мы все время шли, такъ сказать, или въ гору или подъ гору“.

„Это, кажется мнѣ, было чрезвычайно примѣчательно“, прервалъ царь.

---

*) Въ подлинникѣ „*Cock-neighs*“ (cock-пѣтухъ, neigh-ржать)— кличка особаго разряда людей, имѣющагося во всѣхъ городахъ. Эдгаръ По дѣлаетъ, въ скобкахъ, юмористическое изъясненіе этой клички, говоря: „Я полагаю, они назывались такъ потому, что языкъ ихъ является связующимъ звеномъ между языкомъ лошади и языкомъ пѣтуха“.

„Тѣмъ не менѣе, это совершенно вѣрно“, отвѣчала Шехерезада.

„Имѣю свои сомнѣнія“, возразилъ царь, „но, прошу покорно, продолжай рассказъ“.

„Хорошо“, отвѣчала царица. „Звѣрь, продолжалъ Синбадь, плыль какъ я сказалъ, то съ горы, то подъ гору, пока, наконецъ, мы не достигли острова, въ нѣсколько сотъ миль въ окружности, который былъ построенъ посреди моря, колоніей маленькихъ существъ, ростомъ съ червяка“*).

„Гмъ“, сказалъ царь.

„Оставивъ этотъ островъ, сказалъ Синбадь—(ибо Шехерезада, само собой разумѣется, не обратила вниманія на неблаговоспитанное междометіе своего супруга)— „оставивъ этотъ островъ, мы прибыли къ другому, гдѣ лѣса были изъ плотнаго камня, и столь тверды, что они раздробляли въ куски топоры наилучшаго закала, которыми мы пытались рубить ихъ“ **).

---

*) Коралловые полипы.

**) „Одной изъ самыхъ достопримѣчательныхъ природныхъ любопытностей въ Техасѣ является окаменѣлый лѣсъ, около истоковъ рѣки Пазиньо. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ деревьевъ, въ вертикальномъ положеніи, обратившихся въ камень. Нѣкоторыя деревья, еще растущія, частью окаменѣли. Это поразительный фактъ для естествоиспытателей, и онъ долженъ заставить ихъ въдопзмѣнить существующую теорію окаменѣнія“.—Kennedy.

Это сообщеніе, сначала встрѣченное недовѣрчиво, было, съ тѣхъ поръ, подтверждено открытіемъ совершенно окаменѣлаго лѣса, что близъ истоковъ рѣки Шайеннъ, или Шіеннъ, которая имѣетъ свое начало въ горной цѣпи Черныхъ Холмовъ.

Врядъ ли, быть можетъ, найдется на земномъ шарѣ зрѣлище болѣе достопримѣчательное, съ геологической ли или чисто живописной точки зрѣнія, чѣмъ то, что представляетъ окаменѣлый лѣсъ близъ Каира. Путникъ, миновавъ могилы Калифовъ, какъ разъ за городскими воротами, продолжаетъ свою дорогу къ югу, почти подъ прямымъ угломъ къ дорогѣ, ведущей че-

„Гмъ!“ сказалъ опять царь; но Шехерезада, не обращая на него никакого вниманія, продолжала отъ лица Сябада.

„Миновавъ этотъ послѣдній островъ, мы достигли страны, гдѣ была пещера, которая шла на разстояніи тридцати или сорока миль во внутренности земли, и содержала въ себѣ больше дворцовъ, чѣмъ можно найти во всемъ Дамаскѣ и Багдадѣ, и были они гораздо болѣе обширныя и пышныя. Съ кровель этихъ дворцовъ свѣшивались мѣрыя драгоцѣнныхъ камней, подобныхъ брилліантамъ, но больше по размѣрамъ, чѣмъ ростъ человѣка; и среди

резъ пустыню къ Суэцу, и, пройдя миль десять по низкой обнаженной долинѣ, покрытой пескомъ, гравіемъ, и морскими раковинами, имѣющими такой свѣжій видъ, какъ будто приливъ отошелъ лишь вчера, пересѣкаетъ низкую цѣпь песчаныхъ холмовъ, которая на нѣкоторомъ разстояніи отъ его пути идетъ параллельно. Картина, возникающая здѣсь передъ нимъ, невообразимо особенна и пустынна. Множество древесныхъ обломковъ, — всѣ превратившіяся въ камень и звенящія, какъ чугунъ, когда о нихъ ударить лошадиное копыто, — простираются на мили и мили вокругъ него, въ видѣ умершаго и поверженнаго лѣса. Цвѣтъ дерева — темно-коричневый, форма же его сохранилась въ совершенствѣ, длина кусковъ отъ одного до пятнадцати футовъ, толщина — отъ полуфута до трехъ футовъ, разсѣяны они такъ близко другъ отъ друга, — насколько хватаетъ глазъ, что Египетскій осликъ едва можетъ пробираться среди нихъ, и видъ ихъ такъ естествененъ, что, если бъ это было въ Шотландіи или Ирландіи, мѣсто это, безъ какого-либо замѣчанія, могло бы сойти за какое-нибудь огромное высушенное болото, на которомъ лежатъ выкорчеванныя деревья и гниютъ себѣ на солнцѣ. Корни и обломки вѣтвей весьма нерѣдко сохранились совершенно, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ червоточины подъ корою вполне четко видны. Тончайшія прожилки и всѣ нѣжнѣйшія части въ средоточіи дерева безупречно сохранились, и могутъ быть изслѣдуемы черезъ сильнѣйшія увеличительныя стекла. Все, въ цѣломъ, такъ окремилось, что царапаетъ стекло и можетъ быть въ совершенствѣ полировано. — *Asiatic Magazine.*

улицъ, между башнями, и пирамидами, и храмами, текла огромная рѣка, черная, какъ эбеновое дерево, и кишащая рыбой, у которой не было глазъ *).

„Гмъ!“ сказалъ царь.

„Мы приплыли затѣмъ въ такую область моря, гдѣ мы нашли возвышенную гору, сверху внизъ по ея склонамъ текли потоки расплавленнаго металла, нѣкоторые изъ нихъ простирались на двѣнадцать миль въ ширину и шестьдесятъ миль въ длину **); между тѣмъ какъ изъ бездны, находившейся на вершинѣ, исходило такое огромное количество пепла, что солнце было совершенно закрыто на небесахъ, и кругомъ сдѣлалось темнѣе, чѣмъ въ самую темную полночь, такъ что, когда мы были даже на разстояніи полутораста миль отъ горы, было невозможно увидѣть самый бѣлый предметъ, хотя бы его держали совсѣмъ около глазъ ***).

„Гмъ!“ сказалъ царь.

„Покинувъ этотъ берегъ, звѣрь продолжалъ свое путешествіе, покуда мы не встрѣтили страну, гдѣ природа вещей казалась перевернутой—потому что мы увидѣли большое озеро, на днѣ котораго, болѣе, чѣмъ въ полу-

---

*) Мамонтова пещера Кентукки.

**) Въ Исландіи, 1783.

***) Во время изверженія Геклы, въ 1766 году, подобныя облака создали такую степень темноты, что въ Глаумбѣ, отстоящей болѣе чѣмъ на пятьдесятъ лигъ отъ горы, жители могли находить свою дорогу лишь ощупью. Во время изверженія Везувія, въ 1794 году, въ Казертѣ, въ четырехъ лигахъ разстоянія, жители могли ходить только при свѣтѣ факеловъ. Перваго мая, 1812 года, облако вулканическаго пепла и песку, выйдя изъ вулкана, на островѣ Св. Винсента, покрыло цѣликомъ Барбадось, распространяя надъ нимъ такую глубокую тьму, что среди полдня, на открытомъ воздухѣ, нельзя было различить деревьевъ, или другихъ предметовъ, находящихся совсѣмъ рядомъ, или даже блага платка, помѣщеннаго на разстояніи шести дюймовъ отъ глаза.—*Murray*, стр. 215. *Phil. edit.*

тораста футахъ подъ поверхностью воды, процвѣталъ въ полной листвѣ своей, цѣлый лѣсъ высокихъ и пышныхъ деревьевъ“ *).

„Гу!“ сказалъ царь.

„На нѣсколько сотъ миль дальше, мы прибыли въ такой климатъ, гдѣ воздухъ былъ настолько густой, что поддерживалъ на себѣ желѣзо и сталь, какъ нашъ поддерживаетъ перья“ **).

„Экій вздоръ!“ сказалъ царь.

„Продолжая нашъ путь дальше въ томъ же самомъ направленіи, мы прибыли въ великолѣпную страну, какая только есть на свѣтѣ. Излучинами по ней проходила блистательная рѣка, въ нѣсколько тысячъ миль. Рѣка эта была несказанной глубины и прозрачности, болѣе богатой, чѣмъ прозрачность янтаря. Ширина ея была отъ трехъ до шести миль, а берега ея, возвышавшіеся съ той и съ другой стороны на тысячу двѣсти футовъ перпендикулярной высоты, были увѣнчаны вѣчно цвѣтущими деревьями и цвѣтами съ непрерывнымъ сладкимъ духомъ, которые превращали всю область въ одинъ роскошный садъ, но имя этой пышной страны было царство Ужаба, и войти въ нее означало неизбѣжную смерть“ ***).

„Гмъ! Гмъ!“ сказалъ царь.

„Мы оставили это царство съ большою послѣдностью и черезъ нѣсколько дней прибыли къ другому, гдѣ мы съ

---

*) Въ 1790 году, въ Караккасъ, во время землетрясенія, часть гранитной почвы опустилась и оставила на своемъ мѣстѣ озеро въ восемьсотъ ярдовъ въ діаметрѣ, и отъ восьмидесяти до ста футовъ глубины. Провалилась часть лѣса Арипао, и деревья оставались зелеными подъ водою въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.—*Murray*, стр. 221.

**) Самая твердая сталь, какая, когда-либо, была выдѣлана, можетъ быть, съ помощью паяльной трубки, сведена къ неосязаемому порошку, который легко будетъ плавать въ атмосферическомъ воздухѣ.

***) Область Нигера. См. *Simmond's „Colonial Magazine“*.

пзумленіемъ увидали мірады чудовищныхъ животныхъ съ рогами похожими на косы на головахъ. Эти отвратительные звѣри копали для себя обширныя пещеры въ землѣ, въ видѣ воронокъ, и выстилали бока ихъ скалами, такъ расположенными одна на другой, что они мгновенно падали на другихъ животныхъ, которыя на нихъ наступали, и, такимъ образомъ, повергали ихъ въ логовища чудовищъ, гдѣ изъ нихъ немедленно высасывалась кровь, трупы же ихъ затѣмъ вышвыривались презрительно на огромное разстояніе изъ «пещеръ смерти» *).

„Пфъ!“ сказалъ царь.

„Продолжая наше путешествіе, мы замѣтили область, изобилующую растеніями, которыя произрастали не на почвѣ, а въ воздухѣ **). Иныя были тамъ, которыя возникали изъ сущности другихъ растеній ***); иныя заимствовали свое питаніе изъ тѣлъ живущихъ животныхъ ****);

---

*) *Myrmeleon*—Муравьиный левъ. Терминъ „чудовище“ равно примѣнимъ къ малымъ существамъ, внѣ нормы, и къ большимъ, а такіе эпитеты, какъ огромный, чисто сравнительны. Пещера львиного муравья *огромна*, въ сравненіи съ норою обыкновеннаго рыжаго муравья. Зернышко кремня также есть „скала“.

**) *Epidendron, Flos Acriis*, изъ семьи *Orchideae*, растетъ съ корнями, находящимися лишь на поверхности и прикрѣпленными къ дереву или какому-либо другому предмету, изъ котораго не извлекаетъ никакой пищи—питаясь лишь воздухомъ.

***) *Parasites*, такіе, какъ удивительная *Rafflesia Arnaldii*.

****) *Schow* защищаетъ классъ растеній, которыя растутъ на живыхъ животныхъ—*Plantae Epizoa*. Къ этому классу относятся нѣкоторые *Fungi* и *Algae*.

Museum J. B. Williams of Salem, Mass., подарилъ „Национальному Институту“ насѣкомое изъ Новой Зеландіи, съ слѣдующимъ описаніемъ:—„*Notte*, настоящая гусеница, или червь, находится на корнѣ дерева *Rata*, съ растеніемъ, вырастающимъ изъ ея головы. Это достопримѣчательнѣйшее и необыкновеннѣйшее насѣкомое восходитъ на деревья *Rata* и *Perriri*, и, вступая въ вершину, выѣдаетъ свой путь, прободаетъ стволъ дерева, пока не достигаетъ корня, затѣмъ выходитъ изъ корня и

и опять, были такія, что всё пылали яркимъ огнемъ *); иныя, по произволу, передвигались съ мѣста на мѣсто **); и, что еще удивительнѣе, мы увидали цвѣты, которые жили и дышали и двигали своими членами, какъ имъ было благоугодно, и, кромѣ того, имѣли отвратительную чело-вѣческую страсть поработать другія существа, и замы-кать ихъ въ ужасныя одиночныя тюрьмы до выполненія назначенной работы“ ***).

умираетъ, или пребываетъ спящимъ, а растение произрастаетъ изъ его головы; тѣло остается совершенно цѣльнымъ, болѣе твердымъ, чѣмъ тогда, когда оно было живое. Изъ этого насѣ комаго туземцы дѣлаютъ краску для татуировки“.

*) Въ копяхъ и въ природныхъ пещерахъ мы находимъ извѣстный родъ тайнобрачнаго Fungus, который испускаетъ на-пряженный фосфорическій свѣтъ.

***) Орхидея, скабіоза, и валлиснерія.

***)) Вѣнчикъ этого цвѣтка (*Aristolochia Clematitis*) трубчатый, но кончается вверху коймистымъ отгибомъ, въ основаніи раз-дуть въ шаровидную фигуру. Трубчатая часть внутри усажена жесткими волосками, направляющимися внизъ. Шаровидная часть содержитъ пестикъ, который состоитъ лишь изъ завязи и рыльца вмѣстѣ съ окружающими тычинками, но, такъ какъ тычинки короче даже, чѣмъ завязь, они не могутъ высвободить пыльцу настолько, чтобы бросать ее на рыльце, такъ какъ цвѣтокъ стоитъ всегда прямо до оплодотворенія. И поэтому, безъ какой-либо добавочной и особой помощи, пыльца, неиз-бѣжно, должна упадать внизъ на дно цвѣтка. Такой природной помощью, доставляемой въ данномъ случаѣ, является помощь маленькаго насѣкомаго, *Tiputa Reppicornis*, которое, входя въ трубочку вѣнчика за поисками меда, сходитъ до дна, и шевелится тамъ, пока совершенно не покроется пылью, но, не будучи способно протѣсниться опять наружу, благодаря положенію волосковъ, устремленныхъ кончиками внизъ, и сходящихся въ одной точкѣ, какъ проволоки мышеловки, и нетерпѣливаясь на свое заключеніе, оно устремляется взадъ и впередъ, пробуя каждый уголокъ, пока, наконецъ, нѣсколько разъ пройдя рыльце, оно не покрываетъ его пылью, достаточной для оплодотворенія, вслѣдствіе котораго цвѣтокъ вскорѣ начинаетъ пови-кать, а волосики съеживаются къ сторонѣ трубочки, давая со-вершенно свободный проходъ насѣкомому.“—*Rev. P. Keith—, Sy- stem of Physiological Botany*“.

„Тьфу!“ сказалъ царь.

„Поклонувъ эту страну, мы скоро прибыли къ другой, гдѣ пчелы и птицы суть математики, такой геніальности и эрудиціи, что они, каждый день, поучаютъ мудрецовъ царства, наукѣ геометріи. Царь предложилъ награду за разрѣшеніе двухъ очень трудныхъ задачъ, и они тотчасъ были разрѣшены—одна пчелами, другая птицами, но царь удержалъ эти разрѣшенія задачъ въ тайнѣ, и лишь послѣ самыхъ глубокихъ изслѣдованій и изысканій, и послѣ написанія безконечнаго количества толстыхъ книгъ, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, люди-математики пришли къ тождественнымъ разрѣшеніямъ, которыя немедленно же были найдены пчелами и птицами“ *).

„Ахъ, чертовщина!“ сказалъ царь.

„Едва мы потеряли изъ виду это царство, какъ очутились совсѣмъ вполоть около другого, съ береговъ котораго

---

*) Пчелы—всегда, съ тѣхъ поръ какъ пчелы были—строятъ свои соты какъ разъ съ такими сторонами, въ такомъ числѣ, и подъ такими углами, что они, какъ это было доказано (въ проблемѣ, включающей глубочайшіе математическіе принципы), суть тѣ же самыя стороны, въ томъ же самомъ числѣ, и подъ тѣми же самыми углами, которые доставляютъ существамъ наибольшее пространство, совмѣстимое съ наибольшою устойчивостью построенія.

Въ концѣ прошлаго столѣтія возникъ среди математиковъ вопросъ о томъ—„какъ опредѣлить наилучшую форму, каковая можетъ быть дана крыльямъ вѣтрявой мельницы, въ соотвѣтствіи съ различнымъ ихъ отстояніемъ отъ вращающихся вѣтряниковъ, и равнымъ образомъ отъ средоточій вращенія“. Это чрезвычайно сложная проблема, ибо, въ другихъ словахъ, это означаетъ найти наилучшее возможное положеніе, при безконечности различныхъ разстояній и при безконечности точекъ рычага. Было цѣлое множество бесполезныхъ попытокъ, со стороны наиболѣе прославленныхъ математиковъ, отвѣтить на данный вопросъ; и когда, наконецъ, неотрицаемое разрѣшеніе было получено, люди нашли, что крылья птицы дали это разрѣшеніе съ безусловной точностью съ тѣхъ самыхъ поръ, когда первая птица пересѣкла воздухъ.

летѣла надъ нами стая птицъ въ милю ширины и въ двѣсти сорокъ миль длины; такъ что, хотя они пролетали милю въ теченіи каждой минуты, потребовалось не менѣе чегырехъ часовъ для того, чтобы вся стая пролетѣла надъ нами—я было тамъ нѣсколько милліоновъ милліоновъ птицъ“ *).

„Фу-ты!“ сказалъ царь.

„Едва мы освободились отъ этихъ птицъ, причинявшихъ намъ большое безпокойство, какъ мы были утрашены видомъ нѣкоторой птицы другого разряда, и бесконечно большихъ размѣровъ, чѣмъ даже грифы, которыхъ я встрѣчалъ въ прежнія мои путешествія; потому что она была больше, чѣмъ самый большой куполь надъ твоимъ сералемъ, о, самый щедрый изъ калифовъ. У этой ужасающей птицы не было головы, каковую мы могли бы замѣтить, но вся она состояла изъ живота, который былъ удивительно жирный и круглый, на видъ былъ изъ мягкаго вещества, гладкій, сіяющій, и покрытый разноцвѣтными полосами. Въ когтяхъ своихъ чудовище несло къ своему небесному гнѣзду домъ, съ котораго оно сбило крышу и внутри котораго мы ясно видѣли человѣческія существа, бывшія безъ сомнѣнія въ состояніи страшнаго отчаянія въ виду ожидавшей ихъ ужасной судьбы. Мы закричали изо всей мочи въ надеждѣ испугать птицу и заставить ее выпустить изъ когтей добычу, но она только всхрипнула или пуфнула, какъ бы въ бѣшенствѣ, и послѣ этого уронила намъ на головы тяжелый мѣшокъ, который, какъ оказалось, былъ наполненъ пескомъ!“

---

*) Онъ видѣлъ стаю голубей, летѣвшихъ между Франкфуртомъ и Областью Индіаны, по крайней мѣрѣ, въ милю ширины; она употребила четыре часа на перелетъ, что, при долѣ въ одну милю на минуту, даетъ длину въ 240 миль; и, предполагая по три голубя на каждый квадратный ярдъ, мы получаемъ сумму въ 2,230,272,000 голубя.—„*Travels in Canada and the United States*“, by *Lieut. F. Hall*.

„Вздорь!“ сказалъ царь.

„Какъ разъ послѣ этого приключенія, мы встрѣтили материкъ огромной протяженности и удивительной твердости, но, тѣмъ не менѣе, поддерживаемый цѣликомъ на спинѣ небесно-голубой коровы, у которой было не менѣе, чѣмъ четыреста роговъ“ *).

„Въ это я вѣрю“, сказалъ царь, „ибо что-то въ этомъ родѣ я читалъ раньше въ одной книгѣ“.

„Мы немедленно прослѣдовали подъ этимъ материкомъ (плывя между ногъ коровы), и послѣ нѣсколькихъ часовъ очутились, на самомъ дѣлѣ, въ изумительной странѣ, которая, какъ мнѣ сообщилъ человѣкъ-животное, была его родною страной, обитаемою тварями его собственнаго разряда. Это весьма возвысило человѣка-животное въ моемъ уваженіи, и поистинѣ я началъ чувствовать себя пристыженнымъ той презрительной фамиллярностью, съ которой я обходился съ нимъ; ибо я нашелъ, что человѣкоживотныя вообще были народомъ самыхъ могущественныхъ волшебниковъ, жившихъ, съ червями въ своихъ мозгахъ**), которые, безъ сомнѣнія, возбуждали ихъ своими мучительными искривленіями и искаженіями, къ самымъ чудеснымъ усиленіямъ воображенія“.

„Безмыслца!“ сказалъ царь.

„Среди волшебниковъ были нѣкоторые одомашненныя животныя, весьма своеобразнаго разряда; напрямѣръ, тамъ была нѣкая огромная лошадь, кости которой были желѣзо, и кровь которой была кипящая вода. Въмѣсто зерна обычной ея пищи были черные камни; и однако же, несмотря на такую суровую діету, она была настолько сильна и быстра, что могла тащить грузъ, болѣе тяжелый,

---

*) „Земля поддерживается коровою голубого цвѣта, имѣющей рога четыреста числомъ“.— *Sale's Koran*.

**) Entozoa или кишечные черви повторно наблюдались въ мускулахъ и въ мозговомъ веществѣ людей.—См. *Wyatt's Physiology*, стр. 143.

чѣмъ величайшій храмъ въ этомъ городѣ, со скоростью, превышающей скорость полета большей части птицъ *).

„Болтовня!“ сказалъ царь.

„Я увидѣлъ также, среди этихъ людей, курицу безъ перьевъ, но болѣе огромную, чѣмъ верблюдъ; вмѣсто мяса и костей у нея были желѣзо и кирпичи; кровь ея, какъ у этой лошади (съ которой дѣйствительно она находилась въ близкомъ родствѣ), была кипящая вода, и подобно ей, она не ѣла ничего, кромѣ дерева и черныхъ камней. Эта курица выводила очень часто сотню цыплятъ на дню, и послѣ рожденія они нѣсколько недѣль пребывали въ желудкѣ своей матери **).

„Ля-ля!“ сказалъ царь.

„Одинъ изъ этого народа могучихъ заклинателей создалъ человѣка изъ мѣди, дерева и кожи, и одарилъ его такой находчивостью, что онъ побилъ бы въ игрѣ въ шахматы весь человѣческій родъ, кромѣ великаго Калифа Гаруна Альрашида ***). Другой изъ этихъ волшебниковъ построилъ (изъ такого же матеріала) существо, которое превосходило даже геній того, кто его сдѣлалъ, ибо такъ были велики его разсуждающія способности, что въ одну секунду оно выполняло вычисленія столь обширныхъ размѣровъ, что они потребовали бы соединенныхъ усилій пятидесяти тысячъ тѣлесныхъ людей въ теченіи цѣлаго года****). Но еще болѣе удивительный заклинатель сдѣлалъ для себя могущественное существо, которое было ни человѣкомъ, ни звѣремъ, но у котораго мозгъ былъ изъ свинца, перемѣшаннаго съ веществомъ чернымъ, какъ смола, и были

---

*) На Большой Западной желѣзной дорогѣ, между Лондономъ и Экзетеромъ, была достигнута скорость 71-й мили въ часъ. Поѣздъ, вѣсящій 90 тоннъ, былъ вихреобразно устремленъ изъ Паддингтона въ Дидкотъ (53 мили), въ 51 минуту.

***) Ессолabeion.

****) Автоматическій Шахматный игрокъ Мальзеля.

*****) Счетная машина Вэббеджа.

пальцы, которыми оно пользовалось съ такой быстротой и ловкостью, что безъ труда могло бы переписать двадцать тысячъ образцовъ Корана въ одинъ часъ; и это съ такой изысканной точностью, что среди всѣхъ образцовъ не нашлось бы ни одного разнящагося отъ другого хоть бы на ширину тончайшаго волоса. Существо это обладаетъ чудесною силой, такъ что оно воздвигло и низвергло могущественнѣйшія царства, единымъ духомъ; но силы его примѣняются одинаково и къ злу и къ добру“.

„Смѣшно!“ сказалъ царь.

„Среди этого народа чернокожниковъ былъ также одинъ, у котораго въ жилахъ текла кровь саламандръ, потому что безъ малѣйшаго безпокойства онъ курилъ свою трубку въ раскаленной до-красна печи, пока обѣдъ его не прожаривался достаточно на горнѣ. *) Другой обладалъ способностью превращать обыкновенные металлы въ золото, даже несмотря на нихъ, въ то время какъ это дѣлалось **). Еще другой обладалъ такой деликатностью осязанія, что онъ дѣлалъ проволоку настолько тонкую, что она была невидима ***). Еще другой обладалъ такою быстротой воспріятія, что исчислялъ всѣ отдѣльныя движенія эластическаго тѣла, въ то время какъ оно прыгало назадъ и впередъ со скоростью девяти-сотъ милліоновъ разъ въ секунду ****).

„Вздоръ!“ сказалъ царь.

„Еще другой изъ этихъ волшебниковъ, черезъ посредство жидкости, которой никто никогда не видалъ, могъ заставлятъ тѣла своихъ друзей размахивать оружіемъ, дрыгать ногами,

---

*) Chabert, и послѣ него сотня другихъ.

***) Электротипъ.

****) Wollaston сдѣлалъ изъ платины для поля зрѣнія въ телескопъ проволоку въ одну восемнадцатитысячную долю дюйма въ толщину. Она могла быть видима лишь черезъ микроскопъ.

*****) Ньютонъ доказалъ, что сѣтчатка, подъ влияніемъ фіолетоваго луча спектра, вибрируетъ 900,000,000 разъ въ секунду.

драгаться, или даже вставать и танцевать по его волѣ *). Еще другой выработалъ свой голосъ до такого размѣра, что онъ могъ заставить себя слышать отъ одного конца земли до другого **). Еще другой имѣлъ такую длинную руку, что онъ могъ сидѣть въ Дамаскѣ и писать письмо въ Багдадѣ, или на какомъ-либо другомъ разстояніи ***). Еще другой приказывалъ молніи снизойти для него съ небесъ, и она приходила по его зову и, приходя, служила ему игрушкой. Еще другой бралъ два громкіе звука и дѣлалъ изъ нихъ молчаніе. Еще другой построилъ глубокою тьму изъ двухъ блестящихъ свѣтовъ ****). Еще другой дѣлалъ ледъ въ раскаленной до-красна печи*****).

---

*) Вольтовъ столбъ.

***) Электрическій Телеграфъ передаетъ вѣсти мгновенно—по крайней мѣрѣ поскольку это касается какого-либо разстоянія на землѣ.

****) Электрическій Телеграфный Печатный Аппаратъ.

*****) Обычные опыты въ области физики. Если два красные луча изъ двухъ свѣтлыхъ точекъ допустить въ темную комнату такъ, чтобы они упали на бѣлую поверхность, и отличались въ длину на 0,0000258 дюйма, ихъ напряженность удваивается. Такимъ же образомъ, если различіе въ длинѣ будетъ какимъ-либо цѣлымъ числомъ, помноженнымъ на эту дробь. Помноженіе на $2\frac{1}{4}$, $3\frac{1}{4}$, и такъ далѣе, даетъ напряженность равную одному только лучу. Но помноженіе на $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, и такъ далѣе, даетъ въ результатъ полную тьму. Въ фіолетовыхъ лучахъ подобные эффекты возникаютъ, когда различіе въ длинѣ составляетъ 0,0000167 дюйма: и со всѣми другими лучами результаты тѣ же самые—различіе мѣняется съ однообразнымъ возростаніемъ отъ фіолетоваго къ красному.

Подобные опыты въ отношеніи звука создаютъ подобные результаты.

*****) Помѣстите платиновый плавильникъ надъ спиртовой лампой и держите его, пока онъ не раскалится до-красна; влейте туда нѣсколько сѣрной кислоты, которая, хотя и принадлежитъ къ числу легко испаряющихся тѣлъ при обычной температурѣ, въ горячемъ плавильникѣ сдѣлается совершенно застывшей, и ни одна ея капля не испарится—будучи окружена

Еще другой указывалъ солнцу рисовать его портретъ, и солнце рисовало *). Еще другой бралъ это свѣтило съ луною и планетами и, сперва взвѣсивъ ихъ съ тщательною точностью, испытывалъ ихъ глубины и изслѣдовалъ твердость вещества, изъ котораго они сдѣланы. Но весь этотъ народъ отличается на самомъ дѣлѣ такую чернокнижную ловкостью, что даже ихъ дѣти, и даже самыя обыкновенныя ихъ кошки и собаки, видятъ предметы, которые вовсе не существуютъ, или же за двадцать милліоновъ лѣтъ до рожденія этого народа были стерты съ лица мірозданія“ **).

„Целѣпо!“ сказалъ царь.

своей собственной атмосферой, — на самомъ дѣлѣ она не касается краевъ. Введите нѣсколько капель воды, и кислота немедленно, прійдя въ соприкосновеніе съ раскаленными сторонами плавильника, вылетаетъ какъ сѣрно-кислое испареніе, и столь быстро его движеніе, что теплородъ воды выходитъ вмѣстѣ съ нимъ, вода же падаетъ на дно какъ кусокъ льда; если воспользоваться мгновеніемъ, до того какъ онъ растопится, обломокъ льда можетъ быть вынуть изъ раскаленнаго до-красна сосуда.

*) Дагерротипъ.

**) Хотя свѣтъ проходитъ 167,000 миль въ секунду, разстояніе 61-й звѣзды созвездія Лебеда (единственная звѣзда, разстояніе которой удостовѣрено) такъ непостижно велико, что ея лучи требуютъ болѣе, чѣмъ десять лѣтъ, чтобы достигнуть земли. Для звѣздъ за предѣлами этой, 20—или даже 1000 лѣтъ—было бы скромной оцѣнкой. Такимъ образомъ, если бы они были уничтожены 20 или 1000 лѣтъ тому назадъ, мы могли бы еще ихъ видѣть и сегодня, благодаря свѣту, который *устремился* отъ ихъ поверхностей 20 или 1000 лѣтъ тому назадъ. Что многія звѣзды, которыя мы видимъ ежедневно, въ дѣйствительности погасли, не невозможно, и даже вѣроятно.

Старшій Гершель утверждаетъ, что свѣтъ слабѣйшаго туманнаго пятна, видимаго черезъ его большой телескопъ, долженъ былъ употребить 3,000,000 лѣтъ, чтобы достичь земли. Нѣкоторыя туманности, сдѣлавшіяся зримыми, благодаря инструменту Лорда Росса, должны были такимъ образомъ потребовать по крайней мѣрѣ 20,000,000 лѣтъ.

„Жены и дочери этихъ несравненно великихъ и мудрыхъ волшебниковъ“, продолжала Шехерезада, нисколько не смущаясь этими частыми и совершенно не джентльменскими перерывами со стороны ея супруга—„жены и дочери этихъ высокихъ заклинателей являютъ всяческую законченность и утонченность, и были бы воплощеніемъ всего интереснаго и красиваго, если бы не злосчастная фатальность, которая съ ними скована, и отъ которой даже чудесныя силы ихъ супруговъ и отцовъ донинѣ не были правоспособными спасти ихъ. Иныя фатальности приходятъ въ извѣстныхъ формахъ, иныя въ другихъ, но та, о которой я говорю, пришла въ формѣ накладной скобки“.

„Чего?“ сказалъ царь.

„Скобки“, сказала Шехерезада. „Одинъ изъ злыхъ геніевъ, безпрестанно блюдущихъ за тѣмъ, чтобы причинять зло, вбилъ въ головы этимъ достигшимъ совершенства благороднымъ дамамъ, что-то, что мы описываемъ, какъ личную красоту, состоятъ, всецѣло въ выступѣ той области, которая находится немного ниже низа спины. Совершенство очарованія, говорятъ онѣ, находится въ прямомъ соотношеніи съ объемомъ этого горба. Въ виду того, что эта мысль владѣеть ими издавна, и въ виду того, что подушки дешевы въ этой странѣ, много уже прошло дней съ тѣхъ поръ, какъ было возможно отличить женщину отъ дромадера“.

„Стопъ!“ сказалъ царь—„этого я не могу вынести, да и не хочу. Ты уже причинила мнѣ ужаснѣйшую головную боль своими лжами. День, кромѣ того, какъ замѣчаю, уже забрезжилъ. Сколько времени мы были въ супружествѣ?—Совѣсть моя опять приходитъ въ смущеніе. И потому этотъ дромадеръ—ты меня, кажется, считаешь за дурака? Въ концѣ-концовъ ты можешь превосходнымъ образомъ встать и быть удавленной“.

Эти слова, какъ я узнаю изъ „Иситсоорнота“, и огор-

чли и удивили Шехерезаду; но, такъ какъ она знала, что царь человѣкъ щепетильной честности, и совершенно неправдоподобно, чтобы онъ измѣнилъ свое слово, она подчинилась своей участи, съ милой покорностью. Она нашла, однако, великое утѣшеніе (во время затягиванія шнурка) въ размысленіи, что многое изъ повѣствованія еще осталось неразказаннымъ, и что рьяная поспѣшность звѣрскаго ея супруга была вознаграждена наисправедливѣйшимъ образомъ—тѣмъ, что онъ не услышалъ о многихъ непостижимыхъ приключеніяхъ

ЧЕТЫРЕ ЗВѢРЯ ВЪ ОДНОМЪ.

Номо-Камелеонардъ.
(Человѣкъ-Жирафъ).

Chacun a ses vertus *).
Crebillon-Xerxes.

Антиоха Эпифана общепринято разсматривать, какъ Гога пророка Іезекііля. Эта честь, однако, скорѣе надлежитъ, собственно, Камбизу, сыну Кира. II, на самомъ дѣлѣ, обликъ Сирійскаго Монарха отнюдь не имѣетъ надобности въ какой-либо добавочной прикрасѣ. Его восшествіе на престолъ, или, точнѣе, захватъ имъ верховной власти въ сто семьдесятъ первомъ году до пришествія Христа; его попытка разграбить храмъ Діаны Эфесской; его неумолимая ненависть къ Евреямъ; его оскверненіе Святая Свя-тыхъ; и его жалкая смерть въ Табѣ послѣ одиннадцатилѣтняго мятежнаго царствованія, суть обстоятельства рода выдающагося, и поэтому примѣчаемыя историками его времени болѣе часто, чѣмъ беззаконія, трусость, вѣроломство, нелѣпыя, и сумасбродные подвиги, что пополняютъ общую сумму частной его жизни и его славы.

* * *

Предположимъ, любезный читатель, что теперь годъ отъ сотворенія міра три тысячи восемьсотъ тридцатый и вообразимъ себя на нѣсколько минутъ въ самомъ гротескномъ обиталищѣ человѣка, въ достопримѣчательномъ

---

*) У каждого свои добродѣтели.

городъ Антиохіи. Достоверно, что въ Сиріи и другихъ странахъ было шестнадцать городовъ съ такимъ наименованіемъ, кромѣ того, на который я въ особенности указываю. Но *наши* Антиохія слыла подь именемъ Антиохіи Эпидафны, благодаря ея сосѣдству съ маленькимъ селеніемъ Дафна, гдѣ находился храмъ, посвященный этому божеству. Этотъ городъ былъ выстроенъ (хотя это и оспаривается) Селевкомъ Пиканоромъ, первымъ царемъ страны послѣ Александра Великаго, въ память его отца Антиоха, и сдѣлался немедленно столицею Сирійской монархіи. Въ цвѣтушія времена Римской имперіи здѣсь было обычное мѣстопробываніе префекта восточныхъ провинцій, и многіе изъ императоровъ Царственного Города (среди нихъ могутъ быть особенно упомянуты Веръ и Валенсій) провели здѣсь значительную часть своего времени. Но я замѣчаю, что мы уже прибыли въ самый городъ. Взойдемъ на эту крѣпостную стѣну, и бросимъ нашъ взглядъ на городъ и на окружающую его страну.

„Что это за широкая и быстрая рѣка, что пробиваетъ свой путь безчисленными водопадами черезъ запутанность горъ, и, въ концѣ концовъ, черезъ запутанность зданій?“

Это — Оронте, и это — единственная вода, видная глазу, кромѣ Средиземнаго моря, которое простирается какъ широкое зеркало миляхъ въ двѣнадцать къ югу. Каждый видѣлъ Средиземное море, но позвольте мнѣ сказать вамъ, что немногимъ пришлось заглянуть въ Антиохію.

Подъ немногими я разумю тѣхъ немногихъ, которые, какъ вы и я, имѣли въ то же время преимущества современнаго образованія. Перестаньте поэтому смотрѣть на море, и устремите все ваше вниманіе на громаду домовъ, что лежитъ подь нами. Вы будете помнить, что годъ нынѣ отъ сотворенія міра три тысячи восемьсотъ тридцатый. Если бы годъ былъ болѣе поздній — если бы, напримѣръ, это былъ тысяча восемьсотъ сорокъ пятый годъ отъ года нашего Господа, мы были бы лишены этого чрезвычайнаго

зрѣлица. Въ девятнадцатомъ столѣтїи Антиохїя находится— то, есть, Антиохїя *будетъ* находится— въ жалостномъ состоянїи упадка. Къ тому времени она будетъ совершенно разрушена въ три различные періода, тремя послѣдовательными землетрясенїями. Дѣйствительно, правду говоря, то малое, что останется отъ ея первоначальнаго положенїя, будетъ находится въ состоянїи такого распада и развалинь, что патріархъ вынужденъ будетъ перенести свое мѣстопробываніе въ Дамаскъ. Это хорошо. Я вижу, вы слѣдуете моему совѣту, и пользуетесь вашимъ временемъ, чтобы осмотрѣть мѣстность—

— Потѣшить взоръ вашъ
Тѣмъ памятнымъ и славнымъ, что ссужаетъ
Тотъ городъ наибольшею красой.—

Прошу прощенїя, я забылъ, что Шекспиръ будетъ процвѣтать не ранѣе, какъ тысяча семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ спустя. Но не долженъ ли видъ Эпидафны оправдывать мое наименованїе ея *гротескной*?

„Она хорошо укрѣплена; въ этомъ отношенїи она столько же обязана природѣ, сколько искусству“.

Весьма правильно.

„Здѣсь изумительное множество величественныхъ дворцовъ“.

Это такъ.

„И множество храмовъ, пышныхъ и великолѣпныхъ, выдержать сравненїе съ наиболѣе прославленными храмами древности“.

Все это я долженъ признать. Однако, здѣсь—безчисленность глиняныхъ хижинъ и отвратительныхъ лачугъ. Намъ приходится также отмѣтить изобилїе мусора въ каждой конурѣ, и, если бы не одолѣвающій дымъ идолопоклонническихъ куренїй, не сомнѣваюсь, мы ощутили бы самое нестерпимое зловонїе. Приходилось ли вамъ когда видѣть улицы столь невыносимо узкія или дома столь дивно высокіе? Какой мракъ отбрасываютъ ихъ тѣни на

землю! Счастье, что висячія лампочки среди этихъ безчисленныхъ колоннадъ остаются зажженными цѣлый день; въ противномъ случаѣ мы пребывали бы во тьмѣ Египетской время распада Египта.

„Это, по истинѣ, странное мѣсто. Что означаетъ то причудливое зданіе, тамъ? Смотрите! Оно высится надъ всѣми другими, и тянется къ востоку отъ того, въ коемъ я предполагаю видѣть царскій дворецъ“.

Это новый Храмъ Солнца, которое обожаемо въ Сиріи подъ именемъ Эла Габала. Позднѣе, одинъ весьма примѣчательный Римскій Императоръ учредить это поклоненіе въ Римѣ, и отсюда извлечетъ свое прозвище Геліогабалъ. Я осмѣлюсь замѣтить, вамъ доставить удовольствіе взглянуть на божество этого храма. Нѣтъ надобности смотрѣть на небо: Его Величество Солнце болѣе тамъ не находится—по крайней мѣрѣ Его Солнечное Величество, обожаемое Сирійцами. Это божество пребываетъ внутри того зданія. Почитаемо оно въ образѣ нѣкоей широкой каменной глыбы, завершающейся конусомъ, или пирамидой, каковая знаменуетъ собой Огонь.

„Слушайте!—смотрите! Кто могутъ быть тѣ забавныя существа, полуголыя, съ ихъ разрисованными ликами, размахивающія руками и вопящія къ черни?“

Нѣкоторые немногіе суть площадные фокусники. Другіе, болѣе отличительные, принадлежать къ расѣ философовъ. Наибольшая часть, все же—тѣ въ особенности, что побиваютъ народъ дубинками—суть главнѣйшіе придворные во дворцѣ, исполняющіе, поелику это ихъ обязанность, какую-нибудь достославную потѣху царя.

„Но что такое здѣсь? Небеса! Городъ кишитъ дикими звѣрями! Что за чудовищное зрѣлище!—сколь опасное въ особенности!“

Чудовищное, если вамъ угодно, но ни мало не опасное. Каждое животное, если вы потрудитесь замѣтить, слѣдуетъ очень спокойно по стопамъ своего хозяина. Нѣкоторыя,

конечно, ведомы посредствомъ веревки вокругъ шеи, но это, преимущественно, наиболѣе мелкія или робкія породы. Левъ, тигръ, и леопардъ вполнѣ внѣ принужденія. Обучены они были теперешнему ихъ ремеслу безъ малѣйшихъ затрудненій, и слѣдуютъ за своими досточтимыми владѣльцами съ правоспособностью *valets de chambre*. Правда, бываютъ случаи, когда природа притязаетъ на свое по-пранное владычество; но пожранный оруженосецъ, или растерзанный священный быкъ, суть обстоятельства слишкомъ малой значительности, чтобы быть упомянутыми болѣе чѣмъ вскользь въ Эпидифіѣ.

„Но что за чрезвычайное смятеніе слышу я? Достоверно, это уже громкій шумъ даже для Антиохіи! Это свидѣтельство о нѣкомъ возбужденіи—интересности неповседневной“.

Да, несомнѣнно. Царь повелѣлъ какое-нибудь новое зрѣлище—какое-нибудь гладиаторское игрище въ Гипподромѣ, или, быть-можетъ, избіеніе Скѣскихъ плѣнниковъ, или сожженіе своего новаго дворца, или разгромъ какого-нибудь красиваго храма, или, наконецъ, праздничный костеръ изъ нѣсколькихъ Евреевъ. Суматоха растетъ. Взрывы хохота восходятъ къ небу. Воздухъ дѣлается кричащимъ отъ духовыхъ инструментовъ, и чудовищно сотрясается отъ вопля милліона глотокъ. Спустимся внизъ, изъ любви къ забавѣ, и посмотримъ, что произошло! Дорога здѣсь—осторожнѣе! Здѣсь мы находимся на главной улицѣ, что называется улица Тимарха. Море народу приближается въ этомъ направленіи, и намъ затруднительно будетъ пробиться черезъ потокъ. Толпа простирается черезъ всю аллею Гераклида, что проходитъ какъ разъ передъ дворцомъ—такимъ образомъ, царь, весьма возможно, находится среди бѣснующихся. Да—я слышу вскрики вѣстника, возглашающаго его приближеніе, съ пышнымъ словоговореніемъ Востока. Намъ промелькнетъ свѣтъ лика его, когда онъ будетъ проходить у храма

Ашимага. Укроемся въ предверіи святилища; сейчасъ онъ будетъ здѣсь. Тѣмъ временемъ рассмотримъ это изображеніе. Что сіе? О, это богъ Ашимага собственной своей персоной. Замѣчаете вы, однако, что это ни ягненокъ, ни козель, ни сатиръ. Ничего, что имѣло бы сходство съ Паномъ Аркадійцевъ. Хотя всѣ эти облики были придаваемы—прошу прощенія—будутъ придаваемы—учеными грядущихъ вѣковъ—Ашимагу Сирійцевъ. Надѣньте ваши очки и скажите мнѣ, что сіе есть. Что это?

„Помилуй, Богъ! Это обезьяна!“

Точно—павіанъ, но никакъ не меньше и нѣкое божество. Имя его есть производное отъ Греческаго *Simia*—что за отѣнные болваны эти антиквары! Но, смотрите!—смотрите!—тотъ вонъ, перебѣгающій маленькій плутокъ въ лохмотьяхъ. Куда онъ идетъ? Что онъ тамъ горланить? Что говорить онъ? О! онъ говорить, что царь прибылъ съ торжествомъ, что онъ въ своемъ парадномъ облаченіи, что онъ только что положилъ на-смерть собственной своей рукой тысячу окованныхъ Израильянскихъ плѣнниковъ. За этотъ подвигъ оборышь прославляетъ его до небесъ! Слушайте! сюда приближается нѣкая орда молодцовъ, отличіями своими сходственныхъ. Они сочинили Латинскій гимнъ о доблести своего царя, и, идя, поютъ его:—

Mille, mille, mille,
Mille, mille, mille,
Decollavimus, unus homo!
Mille, mille, mille, mille decollavimus!
Mille, mille, mille!
Vivat qui mille, mille occidit!
Tantum vini habet nemo
Quantum sanguinis effudit! *)

---

*) Флавій Вопискъ говорить, что гимнъ, здѣсь приведенный, пѣла чернь въ честь Авреліана, во время Сарматской войны, убившаго собственноручно девятьсотъ пятьдесятъ враговъ.

Гимнъ этотъ можетъ быть перефразированъ такъ:

Тысячу, тысячу, тысячу,
Тысячу, тысячу, тысячу,
Мы однимъ воиномъ сразили!
Тысячу, тысячу, тысячу, тысячу,
Снова споемте тысячу!
Го-го!—пропоемъ
Долголѣтне царю.
Укокопившему тысячу людей.
Го-го!—проревемъ
Кто-жъ богатъ такъ виномъ,
Сколько крови онъ излил!

„Слышите ли вы тѣ трубные звуки?“

Да—это царь подходитъ. Смотрите! народъ захлебывается отъ восхищенія, и простираетъ въ высь свои взоры съ благодареніемъ небесамъ. Онъ идетъ!—онъ пришелъ!—вотъ онъ!

„Кто?—гдѣ?—царь?—Я не замѣчаю его; не могу сказать, чтобы я различалъ его“.

Такъ вы, должно быть, слѣпы.

„Очень возможно. Все же, я не вижу ничего, кромѣ шумливой толпы идиотовъ и полоумныхъ, что спѣшно простираются ницъ передъ гигантскимъ жирафомъ, и селятся удостойтятся поцѣлуя подошвы животного. Смотрите! Звѣрь въ точности ткнулъ сейчасъ одного изъ черни—и другого—и другого—и другого. На самомъ дѣлѣ, я не могу удержаться отъ восторга передъ животнымъ за превосходное примѣненіе, которое онъ дѣлаетъ изъ своихъ ногъ“.

Чернь, дѣйствительно!—хотя, это благородные и свободные граждане Эпидафны! Звѣрь, сказали вы?—остерегайтесь, чтобы васъ не услышали. Развѣ вы не замѣтили, что животное имѣетъ лицо человѣка? Но, милый мой сударь, этотъ камелеопардъ есть не что иное, какъ Антіохъ Эпифанъ—Антіохъ Славнѣйшій, Царь Сиріи, и наиболѣе могущественный изъ всѣхъ самодержцевъ Востока! Правда, его величаютъ

иногда Антиохъ Эпиманъ, Антиохъ Полоумный, но это потому, что не весь народъ обладаетъ способностью оцѣнить его достоинства. Это вѣрно также, что въ настоящее время онъ заключенъ въ шкуру нѣкоего звѣря, и онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы сыграть жирафа; но это предназначается для бѣльшаго поддержанія своего царскаго достоинства. Кромѣ того, монархъ—богатырскаго роста, и одѣяніе вовсе ни не идетъ къ нему, ни слишкомъ велико ему. Мы можемъ, однако, удостовѣрить, что онъ не присвоилъ бы его себѣ, если бы не нѣкоторый случай совершенно особенной торжественности. Таковымъ, благоволите признать, является избіеніе тысячи Евреевъ. Съ какимъ верховнымъ достоинствомъ выступаетъ монархъ на всѣхъ четырехъ! Хвостъ его, вы замѣчаете, несутъ въ воздухѣ двѣ ближайшія его наложницы, Эллине и Аргелайсъ; и вѣшній его видъ былъ бы безконечно плѣнительнымъ, если бы не выпуклости его глазъ, которые, конечно, выскочатъ вонъ изъ его головы, и странный цвѣтъ его лица, что сдѣлался неописуемъ отъ количества вина, имъ поглощеннаго. Послѣдуемъ за нимъ къ Гипподрому, куда онъ направляется, и послушаемъ пѣсню побѣды, которую онъ запѣваетъ:

Кто есть царь, кромѣ Эпифана?

Скажите, вы знаете?

Кто есть царь, кромѣ Эпифана?

Браво!—браво!

Нѣтъ никого, кромѣ Эпифана,

Нѣтъ—никого нѣтъ:

Итакъ, разрушайте же храмы,

И тушите Солнце!

Хорошо и съ жаромъ слѣто! Чернь привѣтствуетъ его называя „Государь Поэтовъ“, и также „Слава Востока“, „Улада Вселенной“, и „напримѣчательнѣйшій изъ Камелеопардовъ“. Они *биссируютъ* его вдохновеніе, и—слышите ли вы?—онъ снова запѣваетъ. Когда онъ прибудетъ къ Гипподрому,

онъ будетъ увѣнчанъ поэтическимъ вѣнкомъ во предвкушеніе его побѣды на ближайшихъ Олимпійскихъ играхъ.

„Но, благой Юпитеръ! что это происходитъ въ толпѣ позади насъ?“

Сзади насъ, сказали вы?—О! ахъ! Я понимаю. Хорошо, другъ мой, что вы сказали во-время. Бѣжимъ, заручимся надежнымъ мѣстомъ, и возможно скорѣе. Здѣсь!—укроемся подъ сводомъ этого водопровода, и я сообщу вамъ теперь объ источникѣ этого смятенія. Дѣло приняло дурной оборотъ, какъ я и предвидѣлъ. Необычайное явленіе камелеопарда съ головою человѣка причинило, надо полагать, оскорбленіе понятіямъ благопристойнаго, вообще усвоеннымъ дикими звѣрями, одомашненными въ городѣ. Слѣдствіемъ былъ мятежъ; и, какъ обычно въ подобныхъ случаяхъ, никакія человѣческія усилія не помогли для усмиренія сволочи. Нѣсколько Сирійцевъ уже пожрано, но общее рѣшеніе всѣхъ четвероногихъ, по видимости, съѣсть камелеопарда. „Государь Поэтовъ“ всталъ потому на свои лапы, рискуя своей жизнью. Приближенные его улизнули отъ него въ затрудненіи, наложницы же его послѣдовали столь блестящему примѣру. „Услада Вселенной“, ты въ печальномъ затрудненіи! „Слава Востока“, ты въ опасности быть разжеванной. Поэтому никогда еще не смотрѣлъ такъ жалостно твой хвостъ; тебя несомнѣнно втащатъ въ пометъ, и этому нельзя помочь. Не оглядывайся же назадъ и на неминуемое свое безчестіе, но мужайся, мощно играй ногами, и ускользай на Гипподромъ! Воспомни, что ты Антіохъ Эпифанъ—Антіохъ Славнѣйшій!—и также „Государь Поэтовъ“, „Слава Востока“, „Услада Вселенной“, и „наипримѣчательнѣйшій изъ Камелеопардовъ!“ Небеса! какую силу быстроты ты являешь! Бѣги, Государь! — Bravo, Эпифанъ! — Превосходно, Камелеопардъ!—Слава, Антіохъ! Онъ мчится!—онъ несется!—онъ летитъ! Какъ стрѣла изъ катапульты, онъ приближается къ Гипподрому. Онъ скачетъ!—онъ кричитъ!—

онъ тамъ! Счастливо; ибо, если бы ты, „Слава Востока“, на полъ-секунды замедлил достигнуть воротъ Амфитеатра, не осталось бы въ Эпидафнѣ ни одного самага малаго медвѣжонка, который не поглоталъ бы твоихъ косточекъ. Уйдемъ — предпримемъ наше отбытіе! — или мы найдемъ наше изнѣженное современное ухо неспособнымъ вынести невѣроятный ревъ, что сейчасъ начнется въ ознаменованіе избавленія царя! Слушайте! онъ уже начался. Смотрите! — весь городъ вверхъ дномъ.

„Достовѣрно, что это самый населенный городъ Востока! Какая кипиющая бездна народу! какое смѣшеніе положеній и возрастовъ! какая множественность сектъ и народностей! какое разнообразіе оцѣнъ! Что за Вавилонъ языковъ! какой гулъ инструментовъ! какая кипа философовъ!“

Идемте, бѣжимъ.

„Подождите одно мгновенье! Я вижу захватывающую суматоху на Гипподромѣ, что за причина ея, скажите, умоляю васъ?“

Вонъ тамъ? О, ровно ничего! Благородные и свободные граждане Эпидафны, будучи, какъ они заявляютъ, весьма удовлетворены правовѣрностью, мужествомъ, и божественностью своего царя, и, кромѣ того, будучи очевидцами его недавняго сверхчеловѣческаго проворства, полагаютъ, что они исполняютъ лишь свой долгъ, возлагая на его чело (въ добавленіе къ поэтическому вѣнцу) вѣнокъ побѣды въ бѣгѣ — вѣнокъ, который, очевидно, онъ *долженъ* получить на празднествѣ ближайшей Олимпіады, и который, поэтому, они выдаютъ ему впередъ.

КОРОЛЬ ЧУМА.

Разсказъ, содержащій аллегорію.

Что въ короляхъ вполнѣ потерпятъ боги,
Того для черни вовсе не хотятъ.

„Трагедія Феррекса и Поррекса“ Бёкхёрста.

Около двѣнадцати часовъ ночи въ мѣсяцѣ Октябрѣ, въ рыцарское царствованіе третьяго Эдуарда, два моряка, принадлежащіе къ экипажу „Легковольнаго“, торговой шхуны, крейсирующей между Слюисомъ и Темзой, и тогда стоявшей на якорѣ въ этой рѣкѣ, были весьма изумлены, увидѣвъ себя засѣдающими въ кабачкѣ, уставленномъ пивными бочками, въ приходѣ св. Андрея въ Лондонѣ—каковой кабачокъ въ видѣ вывѣски былъ украшенъ портретомъ „Веселаго Моряка“.

Помѣщеніе, хоть и дурно сколоченное, зачерненное дымомъ, съ низкимъ потолкомъ, и во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ согласующееся съ общимъ характеромъ такихъ мѣстъ въ данный періодъ—было, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію причудливыхъ группъ, разсѣянныхъ въ немъ тутъ и тамъ, вполнѣ достаточно приспособлено для своей цѣли.

Изъ этихъ группъ два наши моряка являли, думаю я, самую интересную, если не самую бросающуюся въ глаза.

Одинъ, повидимости старшій, котораго товарищъ въ обращеніи титуловалъ опредѣлительнымъ прозвищемъ „Снасти“ *), былъ въ то же самое время и значительно

---

*) *Legs* означаетъ по-Англійски *Ноги* и *Снасти*, или, точнѣе, *Развѣтвленія Снасти*. К. В.

выше ростомъ. Онъ могъ быть шести футовъ съ половиной, и обычная сутуловатость, казалось, была естественнымъ слѣдствіемъ роста такого огромнаго. Излишества въ ростѣ, однако, были болѣе чѣмъ возмѣщены недостаточей въ другихъ отношеніяхъ. Онъ былъ до чрезвычайности тонокъ; и могъ бы, какъ утверждали его товарищи, замѣнять въ пьяномъ видѣ вымпелъ на топѣ у мачты, въ трезвомъ же состояніи служить какъ утлегарь. Но эти шутки, и другія подобныя, явно не оказывали ни въ какое время какого-либо дѣйствія на хохочущіе мускулы испытаннаго моряка. Съ выдающимися скулами, съ длиннымъ ястребинымъ носомъ, съ убѣгающимъ подбородкомъ, съ отпавшею нижнею челюстью и огромными выпуклыми бѣлыми глазами, выраженіе его лица, хотя и всегда окрашенное извѣстнаго рода упорнымъ равнодушіемъ ко всему и всѣмъ вообще, было тѣмъ не менѣе крайне торжественно и серьезно превыше какихъ-либо попытокъ подражанія или описанія.

Младшій морякъ былъ, во всемъ своемъ внѣшнемъ видѣ, обратной теоремой своего товарища. Ростъ его не могъ бы превысить четырехъ футовъ. Пара коренастыхъ кривыхъ ногъ поддерживала его увѣсистую неуклюжую фигуру, въ то время какъ его необычно короткія и толстыя руки, на своихъ конечностяхъ завершавшіяся кистями далеко не обыкновенными, свисали, болтаясь по его бокамъ, какъ плавники морской черепахи. Маленькіе глаза, цвѣта неопредѣленнаго, мигали гдѣ-то далеко тамъ сзади въ его головѣ. Носъ его пребывалъ схороненнымъ въ массѣ плоти, которая облекала его круглое, полное, и пурпурное лицо; и толстая верхняя его губа покоилась на еще болѣе толстой снизу съ видомъ благосклоннаго самоудовлетворенія, еще болѣе усиливавшегося привычкою собственника время отъ времени ихъ облизывать. Видимо, онъ смотрѣлъ на своего высокаго корабельнаго товарища наполовину дивуясь, наполовину насмѣшливо; и уставлялся

иногда прямо на его лицо, какъ красное заходящее солнце уставляется смотря на утесы Бенъ-Невиса.

Многоразличны и полны событій были, однако, блужданія этой почтенной четы вокругъ и около разныхъ кабачковъ по сосѣдству въ болѣе ранніе часы вечера. Фонды, даже и самые обширные, не исчерпаемы; и съ карманами вовсе пустыми друзья наши рискнули заглянуть въ данную харчевню.

Итакъ, въ тотъ самый періодъ въ точности, когда собственно начинается эта исторія, Снасти и товарищъ его Хьюгъ Брезентъ сидѣли, каждый опершись обоими локтями о широкій дубовый столъ, находившійся посрединѣ комнаты и подпирая ладонями ту и другую щеку. Изъ-за огромной бутылки неоплаченного „шипучаго вещества“ *) они глазѣли на зловѣщія слова „Мѣла Нѣтъ“ **), которыя къ ихъ негодованію и удивленію были начертаны надъ входомъ съ помощью того самаго минерала, присутствіе коего они пытались отрицать. Не то, чтобы даръ расшифрованія письменныхъ знаковъ—считавшійся среди простонародья того времени даромъ нѣсколько менѣе кабалистическимъ, нежели искусство ихъ составленія—могъ быть, по строгой справедливости, поставленъ на счетъ тому и другому воспитаннику моря; но, сказать по правдѣ, былъ нѣкій изгибъ въ начертаніи буквъ—было во всемъ, въ нихъ, нѣкое неопишемое качанье судна въ волненіе хлебающаго воду — которое предвѣщало по мнѣнію обоихъ моряковъ долгій токъ скверной погоды и сразу исполнило ихъ рѣшимостью, по аллегорическимъ словамъ самого знатока, чье имя было Снасти, ринуться „къ помпамъ“, взять паруса на гитвы и убѣгать отъ вѣтра.

Распорядившись, соотвѣтственно, съ тѣмъ, что остава-

---

*) Пѣнистый эль. К. Б.

***) Т.-е., Въ кредитъ не даютъ. К. Б.

лось еще въ бутылки, и застегнувъ хорошенько короткія свои куртки, они стрѣлою вылетѣли на улицу. Правда, Брезентъ дважды вкатился въ очагъ, ошибкою прпявъ его за дверь, все же ускользаніе ихъ, наконецъ, счастливо осуществилось — и въ половину перваго ночи герои наши, вполне созрѣвъ для злодѣянія, бѣжали, спасая свою жизнь, черезъ темный переулокъ по направленію къ Лѣстницѣ св. Андрея, преслѣдуемые по горячимъ слѣдамъ владѣтельницей „Веселаго Моряка“.

Въ эпоху этого, обильнаго событіями, разсказа, и періодически въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ до и послѣ, вся Англія, въ особенности же ея столица, была полна отзвуковъ страшнаго крика „Чума!“ Городъ въ значительной мѣрѣ обезлюдѣлъ — и въ этихъ ужасающихъ областяхъ по сосѣдству съ Темзой, гдѣ среди темныхъ, узкихъ, и грязныхъ улличекъ и закоулковъ, какъ предполагали, имѣлъ свое мѣсторожденіе Демонъ Недуга, разгуливали только Страхъ, Ужасъ, и Суевѣріе.

Повелѣніемъ и властью короля такія мѣстности были объявлены *подъ опалой*, и кому бы то ни было, подѣ страхомъ смерти, было возбранено проникать въ ихъ зловѣщее уединеніе. Но ни повелѣніе монарха, ни огромныя загородки, воздвигнутыя при входѣ въ улицы, ни предвкусеніе той омерзительной смерти, которая, съ почти безусловной достовѣрностью захватывала злосчастнаго, котораго никакая опасность не могла удержать отъ приключенія, не предохраняли разгромленныя и необитаемыя жилища отъ ночнаго грабежа, чья алчная рука тащила изъ нихъ желѣзо, мѣдь, свинець, словомъ все, что только было способно стать предметомъ доходности.

Болѣе всего, при годовомъ зимнемъ открытіи загоронокъ, находили обычно, что замки, засовы, и тайные погреба, оказывали лишь слабую защиту этимъ богатымъ запасамъ винъ и крѣпкихъ напитковъ, которые, въ виду риска и трудности ихъ перевозки, многіе изъ винотор-

говцевъ, весьма численныхъ, имѣя лавки по сосѣдству, соглашались довѣрить на время изгнанія столь недостаточной безопасности.

Но мало кто среди пораженнаго ужасомъ народа приписывалъ эти дѣянія вмѣшательству человѣческихъ рукъ. Духи Чумы, бѣсы повѣтрія, и дьяволы лихорадки, были въ народномъ представленіи демонскими пособниками злого дѣла, и каждый часъ въ народѣ рассказывали такіе замораживающіе кровь въ жилахъ, рассказы, что вся громада запретныхъ зданій была, наконецъ, окутана страхомъ, какъ саваномъ, и самъ грабитель нерѣдко бѣжалъ прочь, отпугнутый ужасами, которые онъ же создалъ собственными грабительствами, предоставляя весь обширный округъ запретной мѣстности мраку, молчанію, заразѣ, и смерти.

Именно одною изъ такихъ устрашающихъ, уже упомянутыхъ, загородокъ, указывающихъ область, находящуюся подъ Чумной опалой, Снасти и достойный Хьюгъ Брезентъ, чуть не на четверенькахъ сбѣгавшіе внизъ по улочкѣ, увидѣли себя внезапно задержанными въ своемъ бѣгѣ. О возвращеніи назадъ не могло быть рѣчи, и нельзя было терять ни минуты, ибо преслѣдователи гнались за ними по пятамъ. Для бывалыхъ моряковъ вскарабкаться на грубо сколоченную загородку изъ досокъ было дѣломъ пустяшнымъ; и обезумѣвъ отъ двойного возбужденія—гимнастическаго упражненія и поглощенныхъ напитковъ—они безъ колебанія прыгнули внизъ по ту сторону загородки, и, продолжая свой пьяный бѣгъ съ криками и воплями, вскорѣ потерялись въ этихъ нездоровыхъ и запутанныхъ уединеніяхъ.

Если бы они, на дѣлѣ, не были опьянены до потери моральнаго чувства, ихъ невѣрные шаги были бы парализованы ужасами ихъ настоящаго положенія. Воздухъ былъ холодный и туманный. Камни мостовой, распатавшіеся на своихъ мѣстахъ, лежали въ дикомъ безпорядкѣ среди высокой густой травы, въ которой ихъ ноги тонули

до щиколокъ. Рушившіеся дома загромождали улицы. Вездѣ господствовали самые зловонные и ядовитые запахи; — и, при помощи того призрачнаго свѣта, который, даже въ полночь, всегда выдѣляется изъ чадной заразной атмосферы, можно было бы различить лежащія въ улличкахъ и закоулкахъ, или гниющія въ безоконыхъ зданіяхъ, трупы не одного ночного грабителя, захваченнаго рукою Чумы въ самый мигъ свершенія грабежа.

Но это было не во власти такихъ образовъ, ощущеній, или препятствій задержать бѣгъ людей, которые, будучи по природѣ храбрыми, а въ это время особливо полные до краевъ смѣлостью и „шипучимъ веществомъ“, покатились бы такъ прямо, какъ только позволило бы ихъ состояніе, съ полной безстрашностью въ самую пасть Смерти. Впередъ—все впередъ шагаль угрюмый Снасти, будя въ торжественной пустынности звуки и переклички эха дикими воплями, подобными устрашающимъ браннымъ вскрикамъ Индійцевъ: и впередъ, все впередъ катился приземистый Брезентъ, держась за куртку своего болѣе дѣятельнаго товарища, и далеко превосходя отважнѣйшія достиженія этого послѣдняго въ области вокальной музыки бычачьимъ басовымъ ревомъ, вылетавшимъ изъ глубины его могучихъ легкихъ.

Видимо, они прибыли до главнаго оплота заразы. Дорога ихъ при каждомъ шагѣ или ныркѣ становилась все болѣе зловонной и ужасной—пути были все болѣе узки и запутаны. Огромные камни и балки, падавшіе поминутно съ разрушающихся кровель надъ ними, свидѣтельствовали, угрюмымъ и тяжелымъ своимъ нисхожденіемъ, объ обширной высотѣ окружающихъ домовъ; и, въ то время какъ самое дѣятельное усиліе становилось необходимымъ, чтобы проложить проходъ сквозь частыя груды мусора, отнюдь нерѣдко рука ихъ падала на скелетъ или покоилась на болѣе мягкомъ мертвомъ тѣлѣ.

Вдругъ, когда моряки споткнулись о порогъ высокаго

зданія, похожаго на громадное привидѣніе, на болѣе чѣмъ обычный пронзительный вопль, вырвавшійся изъ глотки возбужденнаго Снасти, послѣдовалъ отвѣтъ изнутри, въ видѣ быстрой смѣны дикихъ, похожихъ на хохоть, дьявольскихъ криковъ. Нимало не уstraшенные звуками, которые, будучи такого рода, и въ такое время, и въ такомъ мѣстѣ, могли сгустить самую кровь въ сердцахъ не столь безвозвратно преданныхъ пламени, пьяная чета, очертя голову, кинулась къ двери, взломала ее, и ринулась въ средоточіе вещей съ цѣлымъ залпомъ проклятій.

Комната, въ которой они очутились, оказалась лавкой гробовщика - предпринимателя похоронныхъ процессій; но черезъ открытую опускающую дверь на полу, въ углу около входа, виднѣлся длинный рядъ винныхъ погребовъ, глубь коихъ, какъ свидѣтельствовалъ о томъ звукъ случайно разбившихся бутылокъ, была хорошо снабжена соответствующимъ матеріаломъ. Посрединѣ комнаты стоялъ столъ — посрединѣ стола возвышался огромный жбанъ того, что казалось пуншемъ. На столѣ въ изобиліи были разбѣяны бутылки съ различными винами и крѣпкими напитками, а равно кружки, кувшины, и бутылки всяческой формы и разнаго качества. Вокругъ стола, на гробовыхъ станкахъ, сидѣла нѣкая компанія числомъ шесть. Эту компанію я постараюсь очертить, cadaго по очереди.

Противъ входной двери, и нѣсколько возвышаясь надъ своими сотоварищами, возсѣдала фигура, каковая по видимости была предсѣдателемъ праздника. Эта особа была худошава и высока, и Снасти былъ смущенъ, увидя фигуру еще болѣе отошалу, чѣмъ онъ самъ. Лицо предсѣдателя было желто какъ шафранъ — но ничего въ немъ, кромѣ одной черты, не было достаточно примѣчательнаго; чтобы заслужить подробное описаніе. Этой одной чертой являлся лобъ, столь необычно и отвратительной высокій, что имѣлъ онъ видъ колпака или короны изъ плоти, данной въ прибавку къ естественной головѣ.

Ротъ его былъ собранъ въ складки и игралъ ямочками въ выраженіи чудовищной любезности, и глаза его, правда какъ и глаза всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, были стекловидны отъ винныхъ паровъ. Этотъ джентльменъ съ головы до ногъ былъ одѣтъ въ богато вышитую мантию изъ чернаго шелковаго бархата, небрежно наброшенную вокругъ его тѣла наподобіе Испанскаго плаща. Голова его вся была утыкана черными перьями изъ гробового султана, онъ ими покачивалъ изъ стороны въ сторону съ веселымъ и понимающимъ видомъ; а въ правой рукѣ своей онъ держалъ огромную человѣческую берцовую кость, которою, какъ кажется, онъ только что постукалъ кого-то изъ со- членовъ общества, дабы понудить къ пѣснѣ.

Напротивъ него, и спиною къ двери, сидѣла дама, свойства ничуть не менѣе чрезвычайнаго. Хотя совершенно такого же высокаго роста, какъ особа только что описанная, она не имѣла права жаловаться на неестественную худобу. Она была очевидно въ послѣднемъ градусѣ водянки; фигура ея весьма походила на огромный боченокъ Октябрскаго пива, который стоялъ совсѣмъ около нея, съ вдавленнымъ верхомъ, въ углу комнаты. Лицо ея было необыкновенно кругло, красно, и полно; и та же самая особенность или, вѣрнѣе, отсутствіе особенности, сочеталась съ ея наружностью, какъ и въ ранѣ описанномъ случаѣ съ предсѣдателемъ, то-есть, лишь одна черта ея лица была достаточно отличительна, чтобъ нуждаться въ особой характеристикѣ: правду сказать, остро- видящій Брезентъ немедленно наблюлъ, что то же самое замѣчаніе могло бы быть примѣнено къ каждой отдѣльной особѣ, принадлежавшей къ данной компаніи; каждый въ ней, казалось, имѣлъ монополію на какую-нибудь отдѣльную часть фizioноміи. Что касается упомянутой дамы, ея частью былъ ротъ. Начинаясь у праваго уха ужасающей расщелиной, онъ соскользалъ до лѣваго—короткія серьги, которыя она носила въ каждомъ ухѣ, болтались, безпре-

ривно попадали въ отверстіе. Она, однако, дѣлала всяческія усилія держать свой ротъ закрытымъ, и соблюдала достойный видъ, будучи одѣта въ свѣже-накрахмаленный и вытуженный саванъ, подпиравшій ее подъ подбородкомъ, съ гофрированными рукавчиками изъ батистовой кисеи.

По правую ея руку сидѣла маленькая-премаленькая дама, которой она повидимому покровительствовала. Это деликатное созданье, дрожаніемъ своихъ исхудалыхъ пальцевъ, синимъ цвѣтомъ своихъ губъ, и легкимъ лихорадочнымъ румянцемъ, который пятнами окрашивалъ ея, вообще говоря, свинцоваго цвѣта лицо, давало явныя указанія на галопирующую чахотку. Вся ея наружность, однако, была проникнута весьма высокимъ тономъ; съ граціозностью и совершенною непринужденностью она была одѣта въ широкія и красивыя смертныя пелены изъ тончайшаго Индійскаго линобатиста; волосы ея колечками упали на ея шею; мягкая улыбка играла вокругъ ея рта; но ея носъ, чрезвычайно длинный, тонкій, извилистый, гибкій, и угреватый, свисалъ внизъ гораздо ниже ея нижней губы, и, несмотря на деликатную манеру, съ которою она время отъ времени отодвигала его языкомъ то въ одну сторону, то въ другую, придавалъ ея лицу нѣсколько двусмысленное выраженіе.

Насупротивъ нея, и по лѣвую сторону отъ дамы въ водянкѣ, сидѣлъ одутловатый, сопящій, и подагрическій, старый человѣчекъ, щеки коего покоились на плечахъ ихъ обладателя, какъ два огромные мѣха съ портвейномъ. Съ своими сложенными руками, и съ одною ногою, обвязанной бандажами и лежащей на столѣ, онъ, казалось, считалъ себя имѣющимъ права на нѣкоторое къ нему вниманіе. Онъ явно гордился, и превесьма, каждымъ дюймою своей наружности, но совершенно особенно услаждался тѣмъ, что обращалъ вниманіе на свой пестро-цвѣтный сюртукъ. Этотъ послѣдній, правду говоря, дол-

женъ былъ стоять ему немалыхъ денегъ, и сдѣланъ былъ такъ, что долженъ былъ идти къ нему чрезвычайно—матеріаломъ для него послужилъ одинъ изъ тѣхъ любопытно вышитыхъ шелковыхъ чехловъ, что принадлежать славнымъ гербамъ, которые, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, обычно вѣшаютъ гдѣ-нибудь на виду на жилищахъ отбывшей аристократіи.

Рядомъ съ нимъ, и по правую руку отъ предѣдателя, находился джентльмэнъ въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ и въ кальсонахъ изъ бумажной матеріи. Все тѣло его содрогалось смѣшнымъ образомъ отъ приступовъ того, что Брезентъ называлъ „ужасами“ *). Челюсти его, свѣже выбритыя, были туго подвязаны кисейнымъ бандажомъ; и руки его, будучи подобнымъ же образомъ закрѣплены въ кистяхъ, возбраняли ему слишкомъ свободное пользованіе напитками, находившимся на столѣ—предосторожность, сдѣлавшаяся по мнѣнію длинноногаго Снасти необходимой, въ виду глупо-пьянаго оттѣнка лица его, оголтѣлаго лица пропойцы. Два волшебнo-огромныя уха, которыя, безъ сомнѣнія, невозможно было подвергнуть заключенію, возвышались, тѣмъ не менѣе, вздымаясь въ воздухѣ комнаты, и время отъ времени сжимались въ спазмъ при звукѣ откупориваемой бутылки.

Противъ него, шестой и послѣдній, помѣщался нѣкій персонажъ, имѣвшій совсѣмъ особенный окоченѣлый видъ; будучи пораженъ параличомъ, онъ долженъ былъ, говоря серьезно, чувствовать себя очень не по себѣ въ своихъ весьма несговорчивыхъ одѣяніяхъ. Одѣтъ онъ былъ нѣкотораго рода единственно и несравненно, въ новый красивый краснаго дерева гробъ. Верхушка гроба, или шлемъ, жалась къ черепу такъ одѣтаго, и простиралась надъ нимъ наподобіе кlobука, придавая лицу въ его цѣлости видъ неописуемой интересности. Прорѣзы для рукъ были сдѣланы по бокамъ, въ цѣляхъ не столько

---

*) Бѣлая горячка. К. Б.

элегантности, сколько удобства, но одежда, тѣмъ не менѣе, возбраняла ея собственнику сидѣть такъ прямо, какъ его сотовариши; и въ то время какъ онъ лежалъ, откинувшись на своемъ гробовомъ станкѣ подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, пара огромныхъ выпученныхъ глазъ катала и устремляла свои чудовищные бѣлки по направленію къ потолку въ абсолютномъ изумленіи на свою собственную огромность.

Передъ каждымъ изъ компаніи лежала доля черепа, которою онъ пользовался какъ заздравною чарой. Надъ головами висѣлъ человѣческій скелетъ, онъ подвѣшенъ былъ на веревкѣ, обмотанной вокругъ одной изъ его ногъ и прикрѣпленной къ кольцу въ потолкѣ. Другая нога, не ограниченная такою оковой, отступала отъ тѣла подъ прямымъ угломъ, заставляя весь качающійся и потрескивающій остовъ красуясь болтаться и дѣлать пируэты по прихоти каждаго дуновения вѣтра, проникавшаго въ комнату. Въ черепѣ этого отвратительнаго созданія было нѣкоторое количество раскаленнаго древеснаго угля, бросавшаго колеблющійся, но яркій свѣтъ на всю сцену; между тѣмъ какъ гробы и другіе товары, принадлежавшіе къ лавкѣ гробовщика-предпринимателя похоронныхъ процессій, были высоко нагромождены кругомъ въ комнатѣ и противъ оконъ, не позволяя ни одному проблеску ускользнуть на улицу.

При видѣ такой экстраординарной ассамблеи, и уборовъ, еще болѣе чѣмъ экстраординарныхъ, два наши моряка не явили въ своемъ поведеніи той степени декорума, какой можно было бы отъ нихъ ожидать. Длинноногий Снасти, прислонившись къ стѣнѣ, около которой онъ случайно находился, уронилъ свою нижнюю челюсть ниже обыкновеннаго, и расширилъ свои глаза до полного ихъ объема, между тѣмъ какъ Хьюгъ Брезентъ, наклонившись настолько, что носъ его былъ на уровнѣ со столомъ, и распространивши ладони обѣихъ своихъ рукъ на колѣняхъ, разразился долгимъ, громкимъ, и горлающимъ ревомъ весьма несвоевременнаго и неумѣреннаго хохота.

Не принимая, однако же, за оскорбленіе поведеніе столь чрезмѣрно грубое, высокій предсѣдатель улыбнулся непрощеннымъ гостямъ весьма милостиво—съ большимъ достоинствомъ кивнулъ имъ головой, увѣнчанной черными перьями,—и, вставъ съ мѣста, взялъ того и другого за руку и подвелъ каждого къ сидѣнью, каковое тѣмъ временемъ кое-кто другой изъ компаніи приготовилъ для нихъ. Длинноногій Снасти не оказалъ на все это ни малѣйшаго противодѣйствія, но сѣлъ, куда ему было указано; между тѣмъ, галантный Хьюгъ, отодвинувъ свой гробовой станокъ отъ главнаго конца стола поближе къ маленькой чахоточной дамѣ въ саванѣ, шлепнулся около нея въ великомъ веселіи, и, угостивъ себя черепомъ краснаго вина, выхлебнулъ его въ честь ближайшаго знакомства. Но при такомъ притязаніи окоченѣлый господинъ въ гробу явилъ себя чрезвычайно раздосадованнымъ; и серьезныя могли бы произойти послѣдствія, если бы предсѣдатель, постучавъ по столу своимъ жезломъ, не отвлекъ всеобщаго вниманія къ слѣдующей рѣчи:—

„Приличествуетъ долгу нашему при настоящемъ счастливымъ случаѣ...“

„Стопъ“, прервалъ его Снасти съ весьма серьезнымъ видомъ, „стопъ, погоди-ка молъ, немножко, п скажи, что вы тутъ всѣ за дьяволы, и что вы тутъ дѣлаете, разрядившись, какъ бѣсы нечистые, и лакая тутъ безсловесную синюю погибель, сложенную впрокъ на зиму честнымъ моимъ корабельнымъ товарищемъ Уиллемъ Уимбли, гробовщикомъ Коловоротомъ!“

При такомъ непростительномъ образцѣ дурнаго воспитанія вся оригинальная компанія полупривскочила на ноги, и испустила ту самую быструю смѣну дикихъ демонскихъ криковъ, которая раньше привлекла къ себѣ вниманіе моряковъ. Предсѣдатель, однако, первый овладѣлъ своимъ спокойствіемъ, и, наконецъ, обращаясь къ длинноногому Снасти съ большимъ достоинствомъ, снова началъ:

„Вполнѣ охотно мы удовлетворимъ всякое разумное любопытство, выказанное гостями столь высокими, хотя бы и явившимися безъ приглашенія. Знайте же, что въ этихъ владѣнїяхъ я монархъ, и правлю здѣсь нераздѣльною властью, нося титуль „Король Чума Первый“.

„Эти апартаменты, которые вы весьма нечестиво считаете лавкою Коловорота гробовщика,—человѣкъ, коего мы не знаемъ, и чье плебейское имя никогда до этой ночи не оскорбляло нашихъ царственныхъ ушей—эти апартаменты, говорю я, суть Тронный Залъ нашего Дворца, посвященный засѣданїямъ Совѣта нашего королевства, и другимъ священнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ.

„Благородная дама, что сидитъ насупротивъ, есть Королева Чума, наша Свѣтлѣйшая Супруга. Другія высокія особы, коихъ вы видите, суть всѣ изъ нашей фамиліи, и носятъ знаки отличія королевской своей крови, имѣя соотвѣтствующіе титулы—„Его Свѣтлость Эрцгерцогъ Чумоносный“—„Его Свѣтлость Герцогъ Чумо-Заразный“—„Его Свѣтлость Герцогъ Вихре-Чума“—и „Ея Свѣтлѣйшее Высочество Эрцгерцогиня Троескокъ-Чума“.

„Что касается“, продолжалъ онъ, „вашего вопроса, по какому дѣлу мы засѣдаемъ здѣсь въ совѣтѣ, мы могли бы быть извинены, отвѣтивъ, что оно касается, и *лишь* касается, нашего собственнаго частнаго и царственнаго интереса, и никоимъ образомъ не важно для кого-либо другого, кромѣ насъ. Но, во вниманіе къ тѣмъ правамъ, на которыя, какъ гости и чужеземцы, вы можете притязать, мы имѣемъ изъяснить, что мы находимся здѣсь въ эту ночь, подготовленные глубокимъ изслѣдованіемъ и точнымъ разсмотрѣніемъ, для испробованія, подробнаго разбора, и исчерпывающаго опредѣленія неопредѣлимаго духа—непостижимыхъ свойствъ и природы—этихъ неоцѣненныхъ сокровищъ вкусовой области, винъ, пива, и крѣпкихъ напитковъ этой счастливой столицы: дабы, такъ сдѣлавъ, не столько двинуть впередъ наши собственные замыслы,

сколько содѣйствовать истинному благополучію того неземного владыки, косяго царство надъ нами всѣми, чьи владѣнія суть безграничны, и чье имя есть «Смерть»“.

„Чье имя есть Чортъ Дьяволъ!“ возопилъ Брезентъ, наливая дамѣ, бывшей съ нимъ рядомъ, полный черепъ вина, и наполняя другой для себя.

„Низкій плутъ!“ сказалъ предсѣдатель, обращая теперь свое вниманіе на достойнаго Хьюга, „низкій и отвратительный отверженецъ!—мы сказали, что во вниманіе къ тѣмъ правамъ, которыя, даже въ твоей грязной личности мы не чувствуемъ никакой склонности нарушать, мы снизили до отвѣта на твои грубые и несвоевременные разспросы. Мы тѣмъ не менѣе, въ виду непрощеннаго и навязчиваго вторженія въ засѣданіе нашего совѣта, считаемъ нашу обязанностью наложить пеню на тебя и на твоего товарища, на каждаго въ размѣрѣ трехъ штофовъ Черной Браги—каковыя должны вы выпить въ честь нашего королевства—единымъ духомъ—и колѣнопреклоненные—а засимъ вы свободны или продолжать вашу дорогу, или оставаться и быть допущенными къ привилегіямъ нашего стола, согласно съ вашимъ соотвѣтственнымъ и личнымъ благоусмотрѣніемъ“.

„Это было бы вѣщью крайней невозможности“, отвѣтилъ длинноногій Снасти, которому важныя манеры и достоинство Короля Чумы Перваго видимо внушили нѣкоторое чувство уваженія, и который всталъ и оперся о столъ, пока онъ говорилъ—„это было бы, съ позволенія вашего величества, вѣщью крайней невозможности нагрузить въ мой трюмъ даже и четвертую часть той жидкости, которую ваше величество только что упомянуло. Ничего уже не говоря о томъ матеріалѣ, что помѣщенъ былъ на бортъ предъ полднемъ въ качествѣ балласта, и не упоминая о различныхъ видахъ эля и крѣпкихъ напитковъ, нагруженныхъ сегодня вечеромъ въ различныхъ портахъ, я въ настоящее время взялъ полный грузъ „шпучаго

вещества“, принятаго и должнымъ образомъ оплаченнаго подѣ вывѣской „Веселый Морякъ“. Да соизволитъ поэтому ваше величество быть столь добрымъ и принять добрую волю за дѣяніе—ибо никоимъ и никакимъ образомъ не могу я и не хочу проглотить еще хоть одну каплю—менѣе же всего хоть каплю этой мерзкой грязной влаги, наполняющей подводную часть судна и вполне соответствующей зову «Черная Брага»“.

„Закрѣпи-ка глотку“, прервалъ его Брезентъ, не менѣе удивленный длительностью рѣчи своего товарища, нежели самымъ свойствомъ его отказа—„закрѣпи-ка, морякъ прѣсной воды—говорю тебѣ, Снасти, будетъ твоей болтовни. Мой кузовъ еще налегкѣ, хоть у тебя, признаюсь, перевѣсъ на верхней части; а что до твоей доли въ грузѣ, чего жъ тамъ, чѣмъ поднимать шкваль, я лучше найду чуланъ для нагрузки у себя, но только“...

„Такой приѣмъ“, вмѣшался предсѣдатель, „отнюдь не согласуется съ терминомъ пеня, или приговоръ, каковой по природѣ своей непреложенъ, какъ Мидійскій законъ, и не можетъ быть ни измѣненъ, ни отмѣненъ. Условія, нами на васъ наложенныя, должны быть выполнены буквально, и это безъ малѣйшаго промедленія,—въ случаѣ же несвершенія ихъ, мы постановляемъ, что, связанные, шея и пятки вмѣстѣ, вы должнымъ образомъ будете потоплены, какъ бунтовщики, въ той бочкѣ Октябрьскаго пива“.

„Приговоръ! — приговоръ! — справедливый приговоръ, правый—великолѣпное постановленіе—самое достойное, прямое, и святое осужденіе“! завопила вся Чумная фамилія. Король подъялъ свой лобъ, сложивъ его въ безчисленныя складки; подагрическій господинчикъ сопѣлъ, какъ пара мѣховъ; госпожа въ саванѣ повѣвала своимъ носомъ изъ стороны въ сторону; джентльмэнъ въ бумажныхъ кальсонахъ сжималъ свои уши и подергивалъ ими; женщина въ смертныхъ пеленахъ глотала воздухъ, какъ умирающая рыба; а гробовой человѣкъ глядѣлъ оцѣпенѣло на каталъ свои глаза.

„Уфъ! уфъ! уфъ!“ хихикалъ Брезентъ, не обращая вниманія на всеобщее возбужденіе, „уфъ! уфъ! уфъ!—уфъ! уфъ! уфъ! уфъ! уфъ! уфъ!—я говорилъ“, сказалъ онъ, „я говорилъ, когда сей сударь Король Чума поднялъ свой трезвонъ, что три штофа или шесть штофовъ Черной Браги больше или меньше, это сущіе пустяки для неподверженнаго течя морского судна, вродѣ меня, ежели оно не перегружено,—но, разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы пить за здоровье дьявола (съ котораго да сниметь Богъ проклятіе), и чтобы на моихъ костяхъ съ мозгомъ ползать передъ тѣмъ сквернорожимъ величествомъ, который,—что я знаю такъ же хорошо, какъ то, что я грѣшный человѣкъ,—есть не что иное какъ Тимъ Хёрлигёрли, суматошный комедіантъ,—это ужъ, пардонъ, дѣло будетъ совсѣмъ другого рода, и этого ужъ разуму моему никакъ не постичь и не уразумѣть“.

Ему не было даровано окончить свою рѣчь въ спокойствіи. При имени Тимъ Хёрлигёрли Суматошный вся ассамблея повскакала съ своихъ мѣсть.

„Измѣна!“ воскликнуло его Величество Король Чума Первый.

„Измѣна!“ сказалъ человѣчекъ съ подагрой.

„Измѣна!“ завизжала Эрцгерцогиня Троескокъ - Чума.

„Измѣна!“ пробормотала господинъ съ подвязанными челюстями.

„Измѣна!“ прорычалъ гробовой человѣкъ.

„Измѣна! измѣна!“ прокричала ея величество насти; и, схвативъ злополучнаго Брезента за заднюю часть его брюкъ, межъ тѣмъ какъ онъ только что началъ наливать себѣ черепъ вина, она подняла его высоко на воздухъ, и безъ дальнѣйшихъ церемоній предоставила ему упасть въ огромный открытый боченокъ его любимаго эля. Поболтавшись нѣсколько секундъ вверхъ и внизъ, какъ яблоко въ чашѣ съ громомъ, онъ, наконецъ, совершенно исчезъ среди водоворота пѣны, которую, въ уже шипучей жидкости, его усилія высвободиться быстро создали.

Не съ кроткой покорностью, однако, узрѣлъ высоко-рослый морякъ пораженіе своего товарища. Сошвырнувъ толчкомъ Короля Чуму въ открытый трапъ, доблестный Снасти съ божбою захлопнулъ за нимъ опускающую дверь, и шагнулъ къ серединѣ комнаты. Здѣсь, сорвавъ скелеть, висѣвшій надъ столомъ, онъ началъ размахивать имъ вокругъ себя съ такою энергіей и съ такимъ проявленіемъ доброй воли, что, въ то время какъ въ комнатѣ умирали послѣднія вспышки свѣта, ему удалось выбить мозги изъ малаго господина съ подагрой. Ринувшись тогда со всею своею силой на фатальный боченокъ, наполненный Октябрьскимъ пивомъ и Хьюгомъ Брезентомъ, онъ пока-тилъ его во мгновение кувиркомъ. Оттуда вырвался потопъ жидкости такой яростный—такой порывистый—такой захватывающій—что вся комната была залита отъ стѣны до стѣны—загроможденный столъ былъ опрокинутъ—гробовые станки рушились на спинки—жбанъ съ пуншемъ повергся въ очагъ—а дамы въ истерику. Нагроможденія предметовъ, надлежащихъ до похоронъ, бились и барахтались кругомъ. Кружки, кувшины, и сосуды съ ѣдкими жидкостями смѣшались въ безразборной свалкѣ, а бутылки, овитыя ивовымъ пруткомъ, отчаянно сталкивались съ бутылками изъ толстаго стекла. Человѣкъ ужасовъ былъ потопленъ на мѣстѣ, окоченѣлый господинчикъ плавалъ въ своемъ гробѣ—а побѣдоносный Снасти, схвативъ за талію жирную даму въ саванѣ ринулся съ нею на улицу, и направился по кратчайшей линіи къ „Легковольному“, въ сопровожденіи, сзади, шедшаго не на всѣхъ парусахъ, грознаго Хьюга Брезента, который раза три-четыре отчихнувшись, тяжело дышалъ и пыхтѣлъ, влача за собою Эрцгерцогиню Трое-скокъ-Чуму.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ первыхъ трехъ томахъ Русскаго изданія сочиненій Эдгара По, напечатаннаго „Скорпіономъ“, мною переведены всѣ главнѣйшія произведенія геніальнаго ясновидца, кромѣ *Необычайныхъ Приключеній (Шаръ-Выдумка, Безпримѣрное приключеніе нѣкоего Ганса Пфолля, и Повесть о созданіи Артура Гордона Пима изъ Нантукета)*, которыя войдутъ въ 4-й томъ, и космогонической поэмы *Эврика*, которая, вмѣстѣ съ различными біографическими матеріалами, составитъ томъ 5-й и послѣдній. Эти два заключительные тома уже готовятся и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

Хронологическій списокъ произведеній Эдгара По, въ порядкѣ ихъ напечатанія, составленъ мною на основаніи такого же списка, приложеннаго къ двухтомному сочиненію *Life and Letters of Edgar Allan Poe*, By James A. Harrison, New York, 1902, 1903, 2 vols. Я не включилъ въ этотъ списокъ поименованія тѣхъ вещей Эдгара По, которыя, какъ слабыя или неподдающіяся передачѣ на другой языкъ, не будутъ включены въ пять томовъ моихъ переводовъ.

Въ указаніяхъ списка соблюдена возможная полнота, и тамъ, гдѣ Гаррисонъ указываетъ не только годъ, но и мѣсяцъ напечатанія того или иного произведенія Эдгара По, я сохраняю означеніе и года и мѣсяца. Нѣкоторыя неизбежныя неясности устранятся, когда полное собраніе

переводовъ осуществится, и очеркъ жизни поэта сочетается съ его созданіями въ одной картинѣ. Въ указателѣ, на-примѣръ, дважды упомянуто стихотвореніе *Къ Еленѣ*:—это не упоминаніе объ одномъ и томъ же стихотвореніи, у Эдгара По есть два стихотворенія, разные, подъ таковымъ названіемъ, и другое стихотвореніе *Къ Еленѣ*, не вошедшее еще въ 1-й томъ, войдетъ въ него при его переизданіи.

Въ высшей степени интересно видѣть изъ простыхъ библиографическихъ перечисленій, что творчество Эдгара По съ самаго начала его выступленій имѣло уже вполне законченный характеръ, и именно тотъ самый, которымъ отличались его писанія всю его недолгую жизнь. Юношей онъ пишетъ такіа безсмертныя сказки, какъ *Манускриптъ найденный въ бутылкѣ*, *Морелла*, *Тѣнь*, *Метценгерштейнъ*,—и совершенно зачарованнымъ юношей онъ за нѣсколько малыхъ лѣтъ времени до своей смерти пишетъ безсмертно-юную балладу *Аннабель-Ли*, напечатанную два дня спустя послѣ его кончины. Не менѣе сказочно и таинственно, что онъ умеръ въ Октябрѣ, а въ Ноябрѣ появились въ печати его *Колокольчики* и *Колокола*, и такую пѣсней феникса закончилась эта прекрасная жизнь. А въ слѣдующемъ за смертью, 1850-мъ, году, двѣ такіа напѣвности, какъ *Сонъ во снѣ* и *Эльдорадо*, словно бы раздавшіяся изъ-за послѣдней завѣсы, вставшей между ушедшимъ и оставшимися, довершили плѣнительный и вѣщій ликъ того, кто, родившись на этой Землѣ отъ двухъ безразсудно влюбленныхъ, всю жизнь оставался влюбленнымъ въ Мечту, и ушелъ въ Неизвѣстное искателемъ.

К. Бальмонтъ.

Парижъ. 1911. Май.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІИ СПИСОКЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ЭДГАРА ПО.

1827.

Тамерланъ, и Другія поэмы.

1829.

Аль Аараафъ, Тамерланъ, и Малыя поэмы.

1831.

Поэмы. (Аль Аараафъ, Тамерланъ, Фейная Страна, Къ Еленѣ, Израфель, Городъ на морѣ, Спящая, Долна Тревоги).

1833.

Манускриптъ найденный въ бутылкѣ.

1835.

Береника. (Мартъ).

Морэлла. (Апрѣль).

Безпримѣрное приключеніе нѣкоего Ганса Пфолля.
(Іюнь).

Свиданіе. (Іюль).

Къ одной изъ тѣхъ которыя въ Раю. (Іюль).

Колизей. (Августъ).

Тѣнь. (Сентябрь).

Король Чума. (Сентябрь).

1836.

Метценгерштейнъ. (Январь).

Къ Еленѣ. (Мартъ).

Четыре звѣря въ одномъ. (Мартъ).

Городъ Грѣха. (Августъ).—(Въ изданіи 1831-го года —*Осужденный Городъ*. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ—*Городъ на Морь*. Подзаголовокъ—*Пророчество*).

Израфель. (Августъ).

1837.

Повѣствованіе Артура Гордона Пима. (Январь).
Занте. (Январь).

1838.

Лигейя. (Сентябрь).

1839.

Молчаніе (притча). (Январь).
Заколдованный замокъ. (Апрѣль).
Дьяволъ на колокольнѣ. (Май).
Паденіе дома Эшеръ. (Сентябрь).
Вильямъ Вильсонъ. (Октябрь).
Разговоръ между Эйросомъ и Харміоной. (Декабрь).

1840.

Гротески и Арабески. Разказы. Въ двухъ томахъ.
Молчаніе (стихи). (Апрѣль).
Философія обстановки. (Май).
Человѣкъ толпы. (Декабрь).

1841.

Убийство въ улицѣ Моргъ. (Апрѣль).
Нисхожденіе въ Мальстрёмъ. (Май).
Островъ Феи. (Іюнь).
Бесѣда Моноса и Уны. (Августъ).

1842.

Овальный портретъ. (Апрѣль).
Маска Красной Смерти. (Май).
Элеонора. (Октябрь).
Садъ-Ландшафтъ. (Октябрь).
Тайна Мари Рожэ. (Ноябрь-Декабрь).

1843.

Червь-Побѣдитель. (Январь).
Сердце-Изобличитель. (Январь).
Колодець и Маятникъ.
Линоръ. (Февраль).
Разсужденіе о стихѣ. (Мартъ).
Золотой жукъ. (Іюнь).
Черный котъ. (Августъ).

1844.

Сказка извилистыхъ горъ. (Апрѣль).
Шаръ выдумка. (Апрѣль).
Страна сновъ. (Іюнь).
Месмерическое откровеніе. (Августъ).
Преждевременные похороны. (Августъ).
Продолговатый ящикъ. (Сентябрь).
Отрывки, афоризмы. (Ноябрь, Декабрь).

1845.

Воронъ. (Январь).
Воронъ и другія поэмы.
Украденное письмо.
Тысяча вторая сказка Шехеразеды. (Февраль).
Обстановка дома. (Май).
Нѣсколько словъ съ Муміей. (Апрѣль).
Могущество словъ. (Іюнь).
Лелли. (Іюль).
Демонъ извращенности. (Іюль).
Отрывки, афоризмы. (Августъ, Сентябрь).
Факты въ дѣлѣ Мистера Вальдемара. (Декабрь).

1846.

Отрывки, афоризмы. (Мартъ, Апрѣль, Ноябрь, Декабрь).
Философія творчества. (Апрѣль).
Бочка Амонтильядо. (Ноябрь).

1847.

Помѣстье Арнгеймъ. (Переработка очерка *Садъ—Ландшафтъ*. (Мартъ).—Продолженіе—*Коттэдэжъ Лэндора*). (Напечатано послѣ смерти).

Изъ всѣхъ, кому тебя увидѣть—утро... (Мартъ).

Улялюмъ. (Декабрь).

1848.

Отрывки, афоризмы. (Январь, Февраль).

Эврика. (Февраль).

Недавно тотъ, кто пишетъ эти строки... (Мартъ).

Къ Еленѣ. (Ноябрь).

1849.

Гопъ-Фрогъ. (Февраль).

Къ Моей Матери. (Февраль).

Къ Анни. (Мартъ).

Отрывки, афоризмы. (Мартъ—Сентябрь).

Аннабель—Ли. (Октябрь).

Колокола. (Ноябрь).

1850.

Поэтический принципъ. (Октябрь).

Сонъ во снѣ.

Эльдорадо.

ОПЕЧАТКИ:

Стр. 119, строка сверху 22
" 134, " " 12

Напечатано:
профессии
приступление

Слѣдуетъ:
прогрессии
преступление

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ

„Скорпионъ“, „Мусагетъ“ и „Альціона“.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПИОНЪ“

АВГУСТЪ 1911 ГОДА.

І. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ.** Земныя Ступени. Элегія. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- И. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина). М. 1908. Изданіе третье. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Литургія Красоты). Изданіе второе. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VI. (Фейвыя сказки. Злая Чары). Изданіе второе. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томы IV, VIII, IX, готовятся къ печати.
Томъ VII. (Жаръ Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ X. (Хороводъ временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ.** Пути и Перепутья. Стихи 1892-1909 г.г.
Томъ I. Стихи 1892-1901 г.г. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902-1906 г.г. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907-1909 г.г. (Всѣ нагъвы). М. 1909. Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Поль Верлэнъ.** Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. М. 1911. Ц. 2 р.
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
- З. Н. Гиппіусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Гумилевъ.** Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

- Вячеслав Ивановъ.** Cor Ardens. Часть I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ). Обложка К. Сомова (хромолитографія). I часть. М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Вячеслав Ивановъ.** Cor Ardens. Часть II. (Любовь и смерть. Rosarium). (Печатается).
- Иванъ Жилькэнъ.** Ночь. Избранныя стихотворенія въ переводѣ С. Головачевского. М. 1911 г. Ц. 60 к.
- М. Кузминъ.** С ѣ ти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портр. автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Николай Морозовъ.** Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к. (Наложень арестъ).
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Вальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольтъ Уитманъ.** Побѣги травы. Пер. К. Вальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к. (Наложень арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. Четвертая симфонія. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Серебряный голубь. Повѣсть въ семи главахъ. Обложка П. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Валерій Брюсовъ.** Земная ось. Разказы и драматическія сцены, 2-е дополненное изд. Иллюстраціи Альберто Мартини. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ.** Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- Жагадись.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.
- М. Кузминъ.** Первая книга разказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Соня. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга рассказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиплѣ. Нѣжный Юсифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Эдгаръ По. Собрание сочиненій въ пер. К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. (Печатается второе изданіе). Томъ II. Рассказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к. Томъ III. Страшные рассказы, гротески. М. 1911. Ц. Томъ IV. Необычайныя приключенія. (Печатается). Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. (Готовится).

Ст. Шибышевскій. Собрание сочиненій,

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Ст. Шибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти (Шесть рассказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Зигмундъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почували. М-Не Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почували. М-Не Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. М. 1908. Ц. 40 к.

- Морисъ Мэтерлинкъ.** Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Оскаръ Уайльдъ.** Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликардопуло и А. Курсинскаго. М. 1907. Ц. 80 к.
- Артуръ Шницлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія (Парацельсъ Подруга. Зеленый попугай). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

- К. Д. Бальмонтъ.** Змѣиные Цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р.
- Обри Бердслей.** Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія.—Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія.—Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Застольная болтовня. Избранныя мѣста изъ писемъ.—Подробная иконографія и библіографія.—Примѣчанія.—Портреты, автопортреты, каррикатуры.—Воспроизведенія рисунковъ (ок. 30) Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликардопуло. (Выидеть осенью 1911 г.).
- Н. Брюсова.** Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911 г. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Испечеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** Аугеа Рома. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

У. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты** на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты** на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковского, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе** на 1904-5 г.г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта“ драма К. Бальмонта, „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Кривицкаго. Ю. Череды и др. Обложка и всё украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты.** Сборникъ пятый. Стихи, рассказы, статьи. М. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к

VI. АЛЬБОМЫ.

- Н. Ѳеофилактовъ.** 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, черной и трехцвѣтной автотипіей). М. 1908 г., Ц. 3 р.
- К. Юонъ.** Сотвореніе міра. 7 автотипій. М. 1909 г. Ц. 1 р.

VII. МУЗЫКА.

- Куранты любви.** Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста, 70 стр. нотъ. Съ 8 рисунками С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ“.

- Ежемесячникъ искусствъ и литературы.** Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ“ напечатаны не-

изданные стихи, повѣсти, рассказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, Е. Варатынскаго, О. Вердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Вѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппиусъ, Ренэ Гиля, Ж. де-Гурмова, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Автона-Крайняго, В. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликтардоуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Мннскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишниковъ, Б. Садовскаго, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Этингера и мн. др.

Въ „Вѣсахъ“ воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ) картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенрейса, О. Гилля, К. Вальзера, А. де-Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларионова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Редона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуца, К. Юона, Г. Якулова, Н. Теофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ“, больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія—40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки; 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—27 руб. безъ пересылки. **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе книги непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежемъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“: Москва, Театральная пл., д. „Метрополь“, кв. 23. (Телеф. 50-89). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 6 ч. вечера. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая, 18, Книжный складъ „Комиссіонеръ“.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„МУСАГЕТЪ“

(1910 — 1911).

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910.
Цѣна 3 р.
- Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911.
Цѣна 2 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).
- Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р.
- Эллисъ. Русскіе символисты. М. 1910. Цѣна 2 р.
- Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится).
- Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается).
- Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится).
- Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ Ѳ. А. Степцуна. (Готовится).
- Жозефъ Орсье. Агриппа Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ ред. Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).
- Павлинъ изъ Пелы. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ Валерія Брюсова. (Готовится).
- Бодлэръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Цѣна 1 р.

- Александръ Блокъ.** Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.
Книга первая. Стихи о прекрасной дамъ (1898—1904). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 руб.
Книга вторая. Нечаянная радость. (1904—1906). Изданіе 2-е. (Готовится).
Книга третья. Свѣжная ночь (1906—1911). Изд. 2-е. (Готовится).
- Александръ Блокъ.** Ночные часы. Новый сборникъ стихотвореній. (Готовится).
- З. Н. Гиппіусъ.** Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Цѣна 1 р.
- Сергій Соловьевъ.** Апрельъ. Книга стиховъ. М. 1910. Цѣна 2 р.
- Элисъ. Stigmata.** Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- Антологія.** Собраніе стиховъ. М. 1911. Ц. 2 руб.
- „Логось“. Русское изданіе международного ежегодника по философіи культуры. Книга первая. М. 1910. Цѣна 2 р.
- „Логось“. Книга вторая. М. 1910. Цѣна 2 р.
- „Логось“ 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 р.

Изданія „Орфей“.

- Яковъ Беме.** Аигога или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится).
- Рихардъ Вагнеръ.** Парсифаль. Переводъ Элиса. (Готовится).
- Гимны Орфея.** Переводъ Владиміра Нилендера. (Готовится).
- Гераклѣтъ Ефесскій.** Фрагменты. Переводъ Владиміра Нилендера. М. 1910. Цѣна 1 р.
- Райсбрунъ Удивительный.** Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Метерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Цѣна 2 р.
- Лири. Новалиса** въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).
- Мейстеръ Экартъ.** Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. (Готовится).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„АЛЬЦИОНА“.

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- „Альциона“. Альманахъ на 1911 годъ. (Готовится).
- Андрей Бѣлый.** Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый. — Символизмъ. — Символизмъ и современное русское искусство. — Настоящее и будущее русской литературы. — Гоголь. — Чеховъ. — Мережковский. — Сологубъ. — Брюсовъ. — Вальмонтъ. — Апокалипсисъ въ русской поэзiи). М. 1910. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппиусъ.** Разсказы. (Лунные муравьи. — Онъ бѣлый. — Женское. — Быль и такой. — Увѣренная. — Дверь. — Застѣнный. — Нѣтъ возврата. — Земля и Богъ. — Приказчикъ. — Подслушанныя слова). (Печатается).
- Сергѣй Клычковъ.** Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1910. Ц. 75.
- М. Кузминъ.** Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).
- Борисъ Садовской.** Узоръ чугуныи. Разсказы. (Черты изъ жизни моей. — Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ. — Петербургская ворожея. — Праздничный день поручика Матрадурова. — Погибшій пловецъ. — Сынъ бѣлокаменной Москвы. — Изъ бумагъ князя Г.). М. 1910. Ц. 1 р.
- Юрій Сидоровъ.** Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, В. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.
- Листни изъ утраченного альбома** Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное издавіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иващича-Писарева, кн. П. П. Шаликова.

А. Башилова, безъ подписи сочинителя; карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемирной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барба Д'Оревильи. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. (Печатается).

Поль Верленъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлена работы Н. Говчаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлена, Казальса, Коля и др. М. 1910. Цѣна 1 р.

Іоаннъ Сенундъ. Шоцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).
